

ПОЕЗД ЖИЗНИ НА КОЛЕЕ СУДЬБЫ

Жизненная история

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Шельфский

Александр Шельфский

Поезд жизни на колее судьбы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63438736

SelfPub; 2020

Аннотация

Может ли девушка быстро влюбиться в иностранца, и чем это может обернуться? Рабочая поездка из Москвы в Париж кардинально меняет жизнь девушки и всей её семьи. Что скрывает личная жизнь каждого человека, и как могут переплестись судьбы ещё "вчера" незнакомых друг с другом людей. Санкт-Петербург, Москва, Париж, Лион – вот города, где пребывают герои. Содержит нецензурную брань.

Александр Шельфский

Поезд жизни на колее судьбы

Часть первая

Париж

«И все же стоило лететь самолетом».

Так думала Екатерина, меняя в туалете поезда, следовавшего по пути Москва – Париж, принадлежности женской гигиены. Именно этой ночью, когда поезд шёл уже вторые сутки, у нее начались ежемесячные проблемы.

«Вот захотела поезд – теперь расплачиваюсь за это. На самолете было бы быстрее намного и я была бы уже в гостинице. Давно была бы в гостинице... И в более комфортных условиях переживать все вот это».

Поезд должен был подойти к одному из множества вокзалов Парижа около двадцати часов.

Екатерина сейчас смотрела в зеркало. Она уже закончила, осталось лишь умыться и почистить зубы. В зеркале она видела отражение своего лица, ровной, без изъянов кожи, зеленых крупных глаз и светлых длинных волос. На подбородке у нее был шрам, который она получила еще в детстве. Ей было чуть больше тридцати лет, обладательница длинных и стройных ног, великолепной фигуры и третьего размера гру-

ди. В поезде она выкупила оба места в купе спального вагона. Самолеты она недолюбливала, а поезда, напротив, очень любила. Однако сейчас она с удовольствием пересела бы с поезда на самолет.

Из Москвы поезд отправился ранним утром. Она добиралась до Белорусского вокзала столицы на такси. В Париж она ехала по работе: она должна была обсудить детали поставок туалетной воды и духов из Франции.

Завтракала, обедала, ужинала она в вагоне—ресторане. В купе спального вагона она большую часть вчерашнего дня изучала документы, а после ужина, вечером, читала, дабы отвлечься и отдохнуть. Оба места в купе она выкупала всегда, кроме случаев, когда ехала с коллегой, подругой, потому что не очень любила делить купе с малознакомыми людьми.

Она привела себя в порядок и вышла из туалета. Около двери ждали два человека, мужчина и женщина лет пятидесяти, судя по всему, супружеская пара, с полотенцами и зубными щетками. Как только она вышла, они вместе зашли внутрь, буркнув себе под нос что—то на французском. Она вернулась в свое купе, оставив принадлежности для умывания на столе, и, взяв деньги, пошла завтракать. На пути к вагону—ресторану она встретила несколько мужчин, куривших у открытых окошек и смотревших на пробегающие ландшафты. Кто—то в своем купе, не закрыв дверь, копался в сумке и искал нужные вещи.

– Доброе утро, – сказал Екатерине пожилой мужчина, ко-

торый шел навстречу.

– Доброе, – ответила она и улыбнулась проходящему. А после они пересеклись и каждый направился дальше по своим делам.

Так для нее и проходили поездки в поездах: случайные знакомства, никчемные разговоры, ничего не значащие для нее истории других людей.

На время пути весь поезд с сотнями не знакомых друг с другом людей превращается в отдельный, отличный от обычного, мир. Каждое купе – своеобразная квартира, каждый вагон плацкарт – общежитие, со своими порядками, взаимоотношениями. И пока поезд мчится к пункту назначения, в нем идет «своя» жизнь, отдельная от внешнего мира и совсем на него не похожая. Только на остановках эти два мира пересекаются. Кто—то входит в мир поезда, становясь составной частью его жизни, а кто—то возвращается в привычный внешний мир, спеша по делам, домой или же в другие места.

За множественные путешествия на поезде, Екатерина была свидетельницей различных происшествий: кражи, скандалы, эпилептические припадки пассажиров, драки. Но все это было крайне редко. Некоторые находили себе во время путешествия поездом любовников или любовниц, кто—то развлекался с только что познакомившейся девушкой или парнем и оба знали, что это все на один раз. Все это было обыденно для поезда.

Екатерина заняла место за столиком и сделала заказ. Пока ждала завтрак, она смотрела в окно. А за стеклом было солнечное утро, но облаков становилось больше и к вечеру возможен был дождь, так она думала.

Сегодня утром она вспомнила, сама не знаю почему, историю, которая была с ней три года назад. Тогда она познакомилась с бельгийцем.

«И почему это я сегодня это вспомнила?»

Екатерина пустилась в воспоминания как раз тогда, когда ей принесли завтрак.

Она отдыхала в Бельгии, наслаждалась теплым летним солнцем. Она была во франкоговорящей части страны. А языками романской языковой группы она владела очень хорошо. Лучше всего — французским. Она гуляла по городу и попросила прохожего мужчину ее сфотографировать на фоне местной достопримечательности. Он сделал несколько фото, а когда передавал фотоаппарат обратно его владелице, то попытался завязать диалог:

– Вы прекрасно выглядите, – начал он.

– Спасибо, – ответила она на французском, ничуть не смущаясь.

– А вы из Франции? – поинтересовался незнакомец.

– Нет. Я из Москвы, – с улыбкой на губах отвечала Екатерина.

– Ооо. Не ожидал. Просто вы замечательно говорите на французском языке, – он подал ей руку, – Жюль.

– Очень приятно. Катрин, – она всегда в Европе называла себя так, потому что это было проще для местных жителей. Она пожала руку Жюля.

– А могли бы мы сейчас с вами прогуляться, зайти в кафе? Я вас приглашаю.

– Я не против. Пойдемте, – «Чего нет. Я же не связана отношениями».

Она взяла его под руку и они пошли на прогулку. Мужчина был типичной французской внешности, которую все себе представляют и видели в кинофильмах. Они провели вместе весь день, в прогулках, фотографировании, кафе, а затем и всю ночь. Для нее это был первый опыт с иностранным мужчиной и он ее в чем—то смог удивить. Хотя бы тем, что впервые она испытала то, как мужчины могут доставлять удовольствие, делая куннилингус.

Но отпуск заканчивался и через три дня она уезжала обратно в Москву. Все эти трое суток они были вместе практически постоянно, только каждый день Жюль уезжал в девять часов утра и возвращался к полудню, говорил, что у него работа и надо решать дела в первой половине дня. Перед отъездом, уже на перроне, она дала ему адрес, куда писать, он дал ей свой. Он проводил ее на поезд и пообещал, что они снова встретятся.

Полгода они переписывались, рассказывали друг другу истории, а каждое письмо заканчивали словом «Скучаю». Она не хотела потерять Жюля. И вот, зимой она сказала, что

приедет к нему. Что они снова встретятся. Он ей сказал, что очень этому рад и ждет ее, что он позаботится о ней.

Екатерина ехала с мыслями, что возможно это ее судьба и они смогут быть вместе как муж и жена. Она почувствовала к Жюлю чувства, которые не испытывай ни к одному мужчине в своей жизни. Но по приезду ее ждало разочарование. Жюль ее не встретил. Она подумала, что он не мог ее предупредить и он ее не встретил, потому что у него возникли важные дела. Она взяла такси и назвала адрес на который писала ему. Приехав, она зашла в парадную, поднялась на третий этаж и позвонила в дверной звонок, а дверь ей открыла женщина с грудным ребенком на руках.

– Добрый день. Что вам нужно? – спросила она на французском с акцентом. У нее был очень уставший вид, а халат не до конца заправлен на груди.

«Видимо, кормила ребенка только что, когда я позвонила».

– Здравствуйте. Извините, что вас отвлекаю. А Жюль дома, – Екатерина подумала, что это его сестра.

– А зачем он вам? – с подозрением спросила хозяйка квартиры, видя перед собой обаятельную женщину, которой мужчина отдал бы предпочтение в сравнении с ней самой.

В этот момент по лестнице в парадной застучали каблуки мужских туфель. И когда было уже видно кто идет, то Екатерина поняла, что это Жюль. Она побежала к нему, обняла его и поцеловала. На глазах у него было удивление, а когда

он через ее плечо посмотрел на женщину в дверях квартиры – ужас. Он спросил:

– Кто вы?

– Жюль, это я, Катрин, – она улыбалась.

– Какая Катрин? Я вас не знаю. Дайте мне пройти, – он отпихнул ее в сторону излишне грубо.

– Жюль! Жюль! – она стала подниматься за ним.

– Привет, дорогая, – обратился он к женщине и поцеловал ее, – кто эта, сумасшедшая? – он указал через плечо большим пальцем назад.

– Не знаю. Только что пришла. Ты ее не знаешь?

– Нет. Но вот она почему—то знает моё имя, – задумчиво сказал Жюль, – ладно пойдем домой, – он подождал пока зайдет она и стал заходить сам.

– Жюль? – умоляюще спросила она.

– Девушка, вы ошиблись. У меня жена и маленький ребенок. Уходите. И не приходите сюда, – он зашел и закрыл дверь перед ее лицом.

Екатерина чувствовала себя униженной, оскорбленной и обманутой. Все ее ожидания, планы рухнули и были растоптаны мужскими ботинками (у нее в ушах отдавался стук каблуков, когда Жюль поднимался по лестнице). На эту поездку она потратила большинство своих сбережений. Она не стала ждать пока пройдет неделя, а сдала билет, купила другой, на ближнюю дату, заплатила за двое суток в гостинице и уехала обратно в Москву.

Позже, из писем Жюля, которые она долго не хотела вскрывать, она узнала, что это действительно его жена и ребенок, а с ней он был, когда жена лежала в больнице на сохранении, а потом у нее проходили тяжелые роды. Он хотел развлечься, снять напряжение и не воспринимал «Катрин» всерьез. Для него она была просто девушка, которую он «снял». Она читала его письма и плакала, рвала их, сжигала, но потом жалела. Чтобы забыть Жюля ей понадобилось больше трех месяцев и смерть близкой подруги от тяжелой болезни. Все эти три месяца она не встречалась с мужчинами, соответственно не была ни с кем близка по ночам. На последнее его письмо она ответила такими словами, которые понял бы только русский человек и которые бы его очень сильно оскорбили. Самое мягкое из слов было «козел». После этого, об этом «бельгийском уроде», как она его называла, она больше не вспоминала.

Она даже не заметила как доела завтрак. Выпив уже остывший, теплый чай, Екатерина пошла обратно к себе в купе.

Живот у нее побаливал из—за ежемесячных физиологических проблем. Она стала укладывать уже ненужные ей в поезде вещи и принадлежности в чемодан. По приезду ей надо заселиться в гостиницу, а уже на следующий день начать переговоры и решать задачи. Всего в Париже она пробудет три дня без дня приезда. Уезжает она вечером третьего дня.

Поезд все также мчался вперед, а погода за окном меня-

лась в худшую, по мнению многих, сторону. На стеклах уже появлялись капли, а голубого неба из—за облаков было уже не видно. Плюс к этому, на севере были видны темно—синие облака и частые молнии пронзающие синеву.

Екатерина сидела в своем купе до обеда, выходя только по надобности в туалет. На остановках она не выходила из поезда, а продолжала лежать и читать книгу, на соседнем месте она разложила свои вещи и положила туда чемодан. Она закрылась в купе и поэтому, не боясь что кто—то может к ней зайти, лежала лишь в нижнем белье черного цвета и голубых шортах. Ее все терзали мысли, что на все время ее прибывания в столице Франции у нее будут проблемы, связанные с физиологией организма, которые будут доставлять ей неудобства.

«Ну хоть, по—идеи, они должны закончиться или практически закончиться когда я сяду на обратный поезд до Москвы. Но все равно, в Париже они будут в самом разгаре».

Однако, в сравнении с некоторыми ее подругами, менструация проходила для нее еще не так болезненно. Некоторые даже встать с кровати порой не могут.

Она посмотрела на часы, увидела время и стала переодеваться и собираться на обед.

В проходах было уже больше людей, чем утром. Многие стояли и курили, общаясь между собой. Пока Екатерина шла она слышала множество диалогов, которые для нее переходил один в другой. От политической ситуации в мире к спор-

ту, от спорта к женщинам, а от них к часам, тростям, костюмам и прочему.

Вагон—ресторан также был заполнен больше чем утром и она не могла уже сесть за свободный столик. Она окинула взглядом занятые места и решила присесть к девушке с мальчиком, лет семи—восьми.

– Добрый день. Вы не будете против, если я присяду? – спросила Екатерина на французском языке.

– Нет. Пожалуйста, – девушка с улыбкой указала на стул перед собой.

– Спасибо.

Екатерина сделала заказ и стала смотреть в окно, ожидая готовности. Через несколько минут ей принесли салат, а девушка с ребенком закончили прием пищи и собирались уходить.

– Приятного аппетита, – сказала она, вставая из—за стола.

– Спасибо, – ответила Екатерина.

На какое—то время она осталась одна за столом, но это было недолго.

«Сейчас же сядет ко мне и будет клеиться».

Подумала она, когда в вагон зашел мужчина лет тридцати, по виду его она сразу поняла, что сейчас он предложит ей познакомиться, чтобы потом провести время вместе, а не скучать по одиночке. И в это время препровождение входит не только милое общение.

– Здравствуй, – начал он, подойдя к ее столу, – Не занято?

Она вытерла губы салфеткой после супа, оставила тарелку и ответила:

– Раз я здесь сижу, то всяко уже занято. А мы с вами на «ты»? – безразлично ответила она.

– А почему бы нет? – глупо улыбался он, а глаза бегали в растерянности.

– А потому и нет. Хотите присесть – пожалуйста. Но не надо меня дурить как девочку, которая не понимает, что вы хотите от меня лишь одного.

– Да и не собирался как—то, – грустно сказал он, поняв, что все «обломалось».

– Точно? – с усмешкой спросила она.

– Я, пожалуй, сяду за другой столик, – и он ушел дальше. «Да пожалуйста. Сейчас пойдет дальше кого—то искать».

Долго искать ему не пришлось. Через два стола, спустя пять минут после того, как отошел от Екатерины, он уже общался с девушкой, лет двадцати.

«Скоро уведет ее в ближайший туалет, а потом они больше не встретятся».

Екатерине принесли горячее и она продолжила обедать.

Она возвращалась в свое купе после очень сытного для нее обеда. Находясь в одном из вагонов, через которые ей предстояло пройти, чтобы добраться до своего СВ, она, проходя мимо туалета в начале вагона, услышала достаточно громкие стоны и вздохи. Приостановилась и прислушалась. Достаточно быстро она различила мужской и женский голо-

са. Она улыбнулась, постучала косточками трех пальцев в запертую дверь и крикнула:

– Удачи!

Затем пошла дальше по вагону, радостная и улыбочивая. Стоны резко прекратились, стало слышно как брякала бляха ремня. А когда она переходила уже в следующий вагон, услышала как открывается дверь туалета.

«Быстро он уломал это молоденькую дурочку».

Тот, что хотел с ней познакомиться, ушел вместе с девушкой из вагона—ресторана на несколько минут раньше именно в ту же сторону, в которую направилась чуть позже Екатерина. Она не могла упустить такую хорошую возможность подшутить над «покорителем женских сердец».

«Если быть точнее – покорителем девичьих сердец».

Она продолжила улыбаться и также с улыбкой зашла в свое купе, оставив дверь за собой открытой. Ее наручные часы показывали 14:57. До прибытия поезда во французскую столицу оставалось чуть больше пяти часов. Она решила, что ужинать она будет уже в городе, после заселения в гостиницу, а в поезде лишь выпьет чай с десертом в районе семнадцати часов.

Екатерина почувствовала резкий неприятный, но, одновременно с тем, знакомый запах, когда перед ее купе проходила женщина.

«Видимо не у меня одной проблемы по женской части в этом поезде и даже ближе – в этом вагоне».

Она подошла к дверь, чтобы ее закрыть. Рядом с ее купе, перед соседним, у окна стоял мужчина уже в возрасте и курил сигарету.

– Bonjour, – поприветствован он выглядывающую из купе Екатерину, оторвав взгляд от окна и чуть кивнув головой. Он выпускал дым в окно, но тот возвращался обратно. Одновременно с тем, между затяжками, он вдыхал свежий воздух, потому что «аромат» только что прошедшей женщины, так и оставался в вагоне и пока не выветривался.

«Сейчас и в туалете встанет этот запах».

– Bonjour, – ответила она, а затем закрыла дверь в свое купе на замок.

Наедине с собой она разделась до белья.

«Хорошо, что все пока спокойно у меня, вечером надо будет привести себя в порядок. Перед прибытием. Чтобы не быть как эта женщина».

Она вздрогнула при мысли, что от нее может тоже исходить такой запах при окружающих, передернула плечами и стала переодеваться. Надела шорты и обтягивающую майки, сняв до этого бюстгальтер, а затем погрузилась в чтение.

Спустя некоторое время поезд остановился на сквозном вокзале Страсбурга. А еще через несколько минут в дверь ее купе постучали.

«Пограничник».

Она взяла со стола уже подготовленные для проверки документы и открыла дверь.

– Bonjour, – сказала Екатерина и протянула паспорт с билетом, увидев знакомую форму.

– Bonjour, – один из пограничников взял документы, просмотрел их быстро и вернул обратно, – Merci. Bon voyage.

То же было и ранее, когда она въехала в Германию, где через окно своего купе могла видеть Берлин и Франкфурт.

Она вновь приняла лежачее положение с книгой в руках.

Через минут сорок ей надоело читать и она, положив книгу на столик между двумя спальными местами, заложила руки за голову, после чего ее майка приподнялась и оголила часть живота. Она лежа потянулась и стала вспоминать то, что не особо часто вспоминала, но иногда на нее накатывали эти мысли, когда она была наедине с собой. Мысли о том, как она из девочки превратилась в девушку.

Все произошло когда Екатерине было девятнадцать лет. Она училась на втором курсе института и только что закончила зимнюю сессию на отлично. Стоит отметить, что, несмотря на отличную учебу, она никогда не была помешана на ней. Просто ей так легко и просто все это удавалось в большинстве случаев. Иногда, конечно, были трудности, но все это решалось, просто стоило приложить больше усилий. За несколько недель до сессии она познакомилась с молодым человеком, который год назад закончил учиться и уже работал. Произошло это случайно, когда она гуляла в парке, в пригороде города. Как раз выпал снег, температура была отрицательной, но комфортной для прогулок. Она гуляла,

смотрела на заснеженные ветви деревьев и, когда опустила глаза на дорогу, увидела перед собой, в, примерно, двадцати шагах, молодого человека, он смотрел прямо на нее. Их взгляды встретились, она остановилась, а он подошел к ней. С первых же слов общение пошло у них легко. Хотя Екатерина и была довольно стеснительной девушкой, в этом человеке она увидела того, с кем у нее очень легко складывается общение. Они прогулялись в парке, он рассказал ей, что сейчас работает, и что уже отучился. Ее не смутила разница в несколько лет и она с удовольствием продолжила общение с ним. Они встречались раз—два в неделю. Ходили либо в кино, либо в кафе, либо просто гуляли по городу. Один раз они выезжали в парк, он был на машине. Забирал ее у дома утром и привозил обратно уже вечером. Они вели себя как влюбленная пара: целовались, обнимались, но старались делать это не у всех на виду, держались за руки.

Отношения никак не сказались на учебе Екатерины. Она также ходила на занятия и училась на отлично. После каждого экзамена они встречались и гуляли, а он угощал ее в кафе за успехи. Она понимала, что с этим человеком она бы хотела попробовать в первый раз остаться наедине. Она не стремилась скорее превратиться в женщину, но с ним она этого захотела сильно. Но для себя решила, что только после окончания всех экзаменов. Сам он эту тему не поднимал.

И вот она сдает последний из экзамен на «отлично». У них назначена встреча в двенадцать часов в центре города.

Родители Екатерины были на работе, поэтому до вечера дома никого бы не было. Как только они встретились, обсудили ее экзамен, она решилась с ним поговорить на эту тему.

– Дим, я бы хотела с тобой поговорить, – она мяла в руках салфетку.

Он понял, что она нервничает, но спросил спокойно, прежде взяв ее за руку:

– Что такое, Кать?

– Понимаешь... я еще ни разу... – она вздохнула, – ни разу я еще не была с мужчиной. Ну, ты понимаешь? – она подняла глаза на него. Когда она говорила, то смотрела на стол.

– Понимаю, милая. И ты хочешь этого сейчас, со мной?

Она сделала паузу перед ответом. Ей было тяжело это сказать. Себе она уже давно призналась в этом, но сказать это вслух было выше ее сил. Но она собралась и ответила:

– Да.

Он чуть улыбнулся, чтобы немного разрядить обстановку.

– У тебя же уже было такое? – спросила она.

– Да. Конечно. Но у меня никогда не было с девушкой, которая в первый раз. Я не знаю, вдруг я тебе могу навредить.

Внутри себя она занервничала. Она доверяла ему, но все равно очень боялась, одновременно с тем – очень хотела.

– Я в тебе уверена и доверяю. Ты все сделаешь как надо. Именно ты.

Он прикусил нижнюю губу, несколько секунд подумал, отведя взгляд от Екатерины на потолок, а она смотрела на него

и хотела услышать утвердительный ответ. Он вернул свой взгляд на нее и сказал:

– Хорошо. Давай сделаем это. Но где?

– Поехали ко мне.

Он расплатился и они вышли из кафе.

Через сорок минут они входили в квартиру ее и родителей. Это была трехкомнатная, уютно обставленная квартира. Они сняли верхнюю одежду, обувь. Екатерина показала где находится ванна и туалет.

– Будешь чай или кофе? – предложила она ему, стоя в дверном проеме в ванной, когда он мыл руки.

– Нет, спасибо, – ответил он, когда вытирал мокрые руки полотенцем, – иди ко мне, милая, – он обнял еще и поцеловал.

Целуясь и обнимая друг друга они зашли в ее комнату, где поверх кровати Екатерина успела постелить простыню, чтобы кровать не была запачкана кровью, если это случится. Они снимали друг с друга одежду между поцелуями. Когда оба остались уже в нижнем белье, он уложил ее на кровать, начиная снимать и его.

– Как ты?

– Замечательно, – ответила Екатерина, – а у тебя с собой...

– Все с собой, – перебил он ее, – не переживай.

– Хорошо.

Он ласкал ее грудь, живот, опускаясь все ниже. Екатери-

на закрыла глаза от удовольствия и улыбка проступила на ее лице. Через некоторое время ласки прекратились и она ощутила его руки на себе спустя несколько секунд.

– Кать, ты готова? – спросил он совершенно серьезно, чувствуя какая это для него ответственность.

Она открыла глаза, посмотрела на него, поняла к чему она должна быть готова и ответила:

– Да.

Через пару секунд она почувствовала боль и наслаждение одновременно, ей даже показалось, что она на какое—то время потеряла сознание. Она открыла глаза, а он уже смотрел на нее и плавно двигался, двигая и ее тело. Она обняла его и прижала крепко к себе, пытаясь сдерживать вырывающиеся стоны и возможно даже крики не то от боли, не то от восхищения. Она смогла только сказать ему:

– Продолжай... продолжай, милый.

Он поцеловал ее крепко в губы и она почувствовала, что темп движений стал ускоряться. Одновременно с тем она стала чувствовать чуть нарастающую боль.

– Чуть медленнее... милый, – попросила она.

– Хорошо. Извини.

– Ничего... все замечательно, – она снова прикрыла глаза, – продолжай.

Так продолжалось, как ей казалось очень долго, пока она не почувствовала прилив ниже живота предвкушения будто разрыва. Это чувство становилось все ближе с каждым мгно-

вением. Пока наконец не вышло наружу и она не могла уже сдерживать крик. Она очень крепко прижала его к себе, чувствуя пульсирующие движения вниз и закатила глаза. Одновременно с этим она слышала стоны своего партнера и почувствовала встречную энергию исходящую от него. Все длилось буквально несколько секунд, но ей казалось, что она прожила целую жизнь за это время. Он лежал на ней. Его тело было влажным, она чувствовала это, а капли пота попали ей на губы. Она сама не поняла что только что было и что произошло, но это был фонтан эмоций и чувств.

– Как ты? – он поднял голову с ее груди и посмотрел на нее.

– Чудесно... спасибо тебе, – она гладила ладонями его лицо и ерошила волосы.

Когда спустя несколько минут они отделились друг от друга и привстали с кровати, Екатерина увидела, что не зря постелила поверх постельного белья простыню. Там были следы от крови. Она чувствовала наслаждение и блаженство, будто бы находилась в нирване сейчас.

– Теперь можно и кофе с чаем, – сказал он ей, улыбнулся и обнял ее, – но сначала в душ, – он глазами указал на кровь, – и мне и тебе.

– Пойдем вместе? – она прижалась к нему.

– Хорошо. Пойдем, милая, – он встал и приподнял ее, придерживая.

Они зашли в ванную, открыли воду и наслаждались теп-

лыми каплями, которые струились по их телам. Они гладили друг друга, обнимали, но не пытались возбуждать.

После ванной они вместе выпили чай с печеньем. Затем она проводила его и осталась дома одна. Блаженство так и не проходило. Она легла на кровать, простыню до этого положив в стиральную машину, и уснула.

«Да, тогда было что—то... больше такого у меня не было. Потом разговоры с мамой об этом. Но никогда я не жалела об этом. Хорошо, что родители восприняли тогда спокойно, они же все понимают – девчонке уже восемнадцать. Папа вообще обрадовался, по хорошему, кажется. Хороший ты парень, Дима. И я рада, что мы с тобой все еще друзья, с того момента как решила расстаться. Мы все равно не смогли бы жить вместе. И жена с двумя детьми у тебя прекрасные. Рада очень за тебя и желаю только счастья тебе и твоей семье. Сколько там уже времени?»

Она посмотрела на свои наручные часы, которые показывали: 16.31. Поменяв лежачее положение на сидячее, а потом, через пару минут, встала и стала переодеваться, чтобы пойти в последний раз в этом поезде в вагон—ресторан.

«Скоро уже будем в Париже. Даже жаль расставаться с этим поездом, с этим купе. Столько воспомяй за сегодня».

Через десять минут она была готова к выходу из купе.

Вагон—ресторан был заполнен меньше, чем на обеде, но больше, чем было во время завтрака. Сейчас здесь находились в большинстве своем люди, которым идет уже шестой

десяток и больше, которые уже были чьи—то бабушки и де-душки.

Екатерина зашла и села за свободный стол в углу и заказала чай с кусочком клубничного йогуртового торта. Пока ждала заказ, она рассматривала людей вокруг. За окном уже вышло солнце, но большие редкие капли все еще падали с неба на землю, рельсы и шпалы, а также на движущейся вперед поезд. Через стол от нее сидела пара, которую она встретила утром, выходя из туалета. На их столе стояли две кофейные чашки и тарелка, на которой остались только крошки от песочного печенья. Она слышала их общение, хоть и говорили они тихо. И она поняла, что не ошиблась утром — они действительно говорили на французском языке между собой. Она улыбнулась, вспомнив утро.

«И чего это я улыбаюсь сейчас?»

Перевела взгляд на стол в противоположном от нее конце вагона. За ним сидела женщина, как подумала Екатерина, лет восьмидесяти. С украшениями на руках, шее, в серьгах и с очень грустным и отреченным взглядом.

«Одинокая и пожилая дама, надевшая большинство своих украшений, чтобы хоть как—то привлечь к себе внимание посторонних людей».

На ее столе стоял чайничек, с остывшим, по всей видимости, содержимым.

В середине, за столом у окна, сидели двое мужчин, очень интеллигентного вида, сильно похожих друг на друга, оба

возраста выше среднего.

«Братья, видимо. И не особо бедные раз могут позволить себе такую роскошь в поезде».

На столе у них стояла бутылка коньяка ХО, одного из старейших французских коньячных предприятий. Бутылка была недавно начата. Мужчины больше общались, а коньяк был для антуража, тем более они могут себе такое позволить.

«Они не будут здесь пить все. Возьмут бутылку с собой и оставят на будущее. Возможно даже, что на очень далекое будущее. Скорее всего, им редко удастся просто так пообщаться за стаканом отличного напитка. У каждого своя жизнь».

Ей принесли заказ и она, закончив рассматривать окружающих, принялась за десерт.

Когда она вернулась в свое купе, до прибытия поезда оставалось менее двух часов. Она положила в чемодан оставшиеся вещи, оставив место только для тех, что она снимет в последний момент. Надеть же в город она собиралась кроссовки, джинсы и легкий свитер, потому что сегодня, в один из последних дней весны, погода в Париже это позволяла. Однако, ветровку она тоже, на всякий случай, положила повыше в чемодане.

Через некоторое время она пошла в туалет, чтобы привести себя в порядок перед прибытием состава. Он был свободен и она заняла его примерно на десять минут. После этого она была уже готова встретиться с Парижем, в котором была

впервые.

В купе она сняла всю одежду, что носила в поезде, положила ее в чемодан, а надела приготовленную заранее. И вот, за час до прибытия, она сидела и ждала, когда механические двери откроют ей Париж.

«Надо как—то так распределить время, чтобы успеть и город посмотреть, помимо работы. Вечера должны быть свободны, но посмотрим как там все сложится. Надеюсь, все смогу успеть.»

И она стала представлять как будет проводить время, гуляя по вечернему Парижу.

В мечтах о столице Франции, она потерял счет времени. Только посмотрев в окно, она увидела, что поезд подходит к Восточному вокзалу Парижа, который озаряли огни. Поезд замедлил ход.

«Как всегда поезд плетется перед прибытием, когда уже подъезжает к вокзалу. Скорее бы уже он подошел».

Она забила ногами по полу как маленькая девочка в ожидание подарка или чего—то чудесного для нее. Последние минуты шли для нее очень долго. Она не стояла в проходе, а сидела и ждала в купе, пока основная часть людей выйдет. Но вот поезд остановился и она услышала как открылись двери, а за окном стали появляться первые пассажиры, которых уже ждали встречающие.

На вокзале Екатерину должны были встретить. Машина марки «Citroën», с номером, который был написан у нее на

листочке и вложен в приглашение, должна стоять у выхода с вокзала. Номер Екатерина уже выучила наизусть, пока ехала в поезде и сейчас повторила его про себя.

«1245FT75».

А через пять минут после того, как двери поезда открылись, Екатерина, катя свой чемодан по асфальту перрона, шла к зданию вокзала. Погода была отличная, температура для нее очень комфортная, поэтому она шла с улыбкой на губах, радуясь приезду.

Она вошла на вокзал, остановилась в стороне, чтобы убраться в сумку паспорт и билет, и стала искать выход с вокзала, одновременно наслаждаясь и осматривая его. По указателям «Sortie» она без проблем вышла с вокзала.

На улице, перед вокзалом, она увидела десятки машин. Екатерина пошла между автомобилями, смотря на номера. Она прошла около десяти машин, когда увидела нужный ей номер, а затем подняла глаза выше.

«Да, моя машина, номер такой же и «Ситроен», как обещали».

За рулем сидела мужчина, примерно ее возраста и курил в открытое окно. В зеркало заднего вида он увидел, что за машиной стоит девушка с чемоданом и рассматривает ее. Он вытащил сигарету из мундштука, затушил ее в автомобильной пепельнице, положил мундштук во внутренний карман своего пиджака, и вышел из машины.

– Добрый вечер, – обратился он к девушке на француз-

ском, – вы – Катрин? – он подошел к ней.

– Здравствуйте, – она посмотрела на симпатичного ей мужчину и подтвердила, что Катрин – это она, – да.

– Давайте ваш чемодан, я положу его в багажник, а сами садитесь в машину. Я сейчас, – он открыл багажник и стал закидывать туда чемодан с вещами Екатерины. В это время сама она садилась на переднее сиденье, рядом с водителем.

Через несколько секунд багажник закрылся и водитель вернулся в автомобиль.

– Я не представился. Антуан Дюпер, – он улыбнулся ей.

– Очень приятно. Вы знаете в какой я гостинице?

– Да, мне сообщили все, вроде, – он достал из дверного кармана автомобиля несколько листков, скрепленных скрепкой, – Отель «Риц», Вандомская площадь, 15. Все верно? – он оторвал глаза от листков.

– Нет, – с улыбкой ответила Екатерина. – На такой у меня просто нет денег. Мне попроще, – и она назвала адрес трехзвездочной гостиницы в центре города.

– А, извините, точно, – он улыбнулся, чтобы сгладить неловкость ситуации.

– Все хорошо, – все шире улыбалась Екатерина.

– Тогда поехали, – он завел машину, вставил первую передачу и они тронулись.

– Сколько до туда добираться? – спросила Екатерина, когда они отъехали.

– До отеля? Минут пятнадцать – двадцать в такое время.

Не долго совсем, – он улыбнулся ей, а она улыбнулась в ответ.

Пока они ехали, Екатерина рассматривала водителя и понимала, что он ей очень сильно нравится. Будто бы читая ее мысли, он сказал ей:

– Вы очень красивая девушка. Извините, если позволяю себе лишнее, просто вы мне очень сильно понравились.

– Спасибо, – немного смутившись ответила она, – вы тоже привлекательны и я вам симпатизирую, – она вся вжалась в сиденье, будто стесняясь своих слов.

«Ну он действительно мне очень нравится, чего я должна стесняться. Что я как девчонка, которой нравится мальчик? Уже взрослая женщина и пора выбрасывать эту дурь из головы».

– А вы до сколько завтра будете заняты работой?

– Примерно до часа дня. Потом свободна. А зачем вам? – она улыбнулась, а спросила только для того, чтобы он сам сказал. Она догадывалась, что предложит ей этот красивый француз.

– Просто, я собирался на футбол со знакомым, а у него завтра сплошная работа, как впрочем и сегодня... Вот я и подумал – не хотели бы вы... считайте это приглашением на свидание и экскурсию.

– Еще и экскурсия? По Парижу? – она заинтересовалась.

– По Лиону.

«Да, такого свидания у меня не было еще. Хорошо, что он

это предложил. Я согласна».

– Хорошо. Давайте. Сколько до Лиона ехать?

– Около пяти часов. Не особо долго.

– Но на следующий день мне тоже на работу, – она сама чуть расстроилось.

– Поедем ночью. Я привык водить много, а вы можете спать в машине.

Екатерина думала.

«Да ладно, чего это я. Смогу отработать спокойно, зато такое свидание. А стоит его предупредить о моих проблемах?»

– Я согласна. Огромное спасибо за приглашение, – она не отводила от него взгляда.

– Отлично! Я очень сильно рад, что вы согласились.

– Только мне надо кое что вам сказать. Мы с вами взрослые люди и понимаем чем чаще всего могут закончиться свидания. Сразу вас предупрежу. Все время своего пребывания в Париже мы не сможем заняться сексом из—за моих проблем по женской части. Извините. Просто в периоды менструации мне не очень это приятно, а точнее – очень неприятно.

Выражение лица Антуана не изменилось. Через несколько секунд паузы он ответил:

– Ерунда. Я все понимаю и поверьте, ради вас... это мелочи. Тем более, я бы не хотел, чтобы наше с вами общение ограничилось лишь встречами в Париже в эти три дня, – машина остановилась, – приехали. Тогда буду завтра ждать вас

здесь в два часа, – он заглушил двигатель.

Они вышли из машины, Антуан достал из багажника чемодан, а затем закрыл машину. Екатерина чувствовала искренность в его словах про будущее и сама верила, что они еще долго будут общаться и встречаться по возможности обоих. А возможно, в последствии, и жить.

Антуан помог ей с заселением, что заняло не больше семи минут, и проводил до номера. Когда они зашли в номер он поставил чемодан у входа и уже хотел попрощаться, но Екатерина сделала то, чего он не ожидал и чего она сама от себя не ожидала. Она прижала его к двери и поцеловала. Он поддержал ее в этом. Так они стояли несколько минут.

– Надеюсь, что ты свободный мужчина? – спросила она его после того как их губы разъединились.

– Да, – он обнял ее, а потом сказал, – все, мне пора. До завтра, Катрин.

– До завтра, – он вышел, она посмотрела как он идет по коридору. Он тоже обернулся и махнул ей рукой. После того как он стал спускаться по лестнице, она вернулась в номер, заперла дверь и стала снимать обувь.

«Моя судьба. Уверена в этом... Антуан».

После ухода Антуана, Екатерина сняла верхнюю одежду и пошла принимать душ с дороги. Свое нижнее белье она сразу же положила в раковину для стирки после того, как помоеется.

«Хорошо, что после поезда, на всем пути от вокзала до

номера ничего не произошло».

Она зашла в душевую кабину и не выходила из под струй воды больше двадцати минут.

Номер был простой и уютный одновременно. Одноместная кровать у стены, шкаф, стол и стул, тумбочка, фотография в виде картины, висящая над кроватью, на которой запечатлена набережная Сены – вот и все, что в нем было. Но Екатерина на это не обращала внимания. После того, как она помылась и, стоя постирала в раковине свое белье, а затем развесила на верхнем рельсе душевой кабины, она сразу же собралась спать. Ее, что называется, рубило после поездки, да еще и душ ее расслабил. Даже ужинать она решила не идти. Екатерина привыкла спать совсем без нижнего белья, но сейчас она не могла этим насладиться. Она достала второй комплект белья, взяла из него только трусики, а бюстгальтер положила обратно.

Она легла в кровать и ее часы, которые она сняла перед мытьем и положила на прикроватную тумбочку, показывали без десяти минут десять.

«Пора уже спать. Завтра в шесть тридцать надо будет уже встать, а в восемь сорок уже быть на месте. От гостиницы мне минут пятнадцать пешком. Надо будет еще раз посмотреть карту утром».

Она укрылась одеялом, повернулась на левый бок и через несколько секунд уснула. Будильник она не ставила.

Когда часовая стрелка была чуть дальше шести, а минут-

ная находилась на четырех, Екатерина уже была в душе. А в шесть тридцать доставала из чемодана комплект нижнего белья (часть от ночного комплекта она утром постирала и повесила сушиться), аккуратно сложенную белую блузку, черную юбку с чулками и черные туфли на каблучке средней длины. Все это она разложила на застеленной кровати, а бельё, сняв полотенце, надела. Для похода на завтрак, который был в гостинице, она надела спортивные свободные штаны и футболку, на ногах были кроссовки, в которых она и приехала.

Без пяти минут семь она спускалась на лифте на первый этаж.

– Bonjour, – поприветствовала ее девушка, стоящая на стойке информации.

– Bonjour, – ответила Екатерина и зашла за угол к залу, где был завтрак.

«Интересно, они бывают уставшие на вид когда—нибудь?»

На входе она дала квиток о проживании и прошла в зал. Так рано там почти не было людей. Она выбрала все что хотела на шведском столе – омлет, несколько кусочков сыра и колбасы, кекс, чай, апельсиновый сок, небольшой багет. И начала завтракать.

После завтрака, когда она вернулась в номер, было пол восьмого. Она еще раз посмотрела карту и нашла место, куда должна была идти.

«До встречи остается еще больше часа. Ну пойду раньше, погуляю, приду раньше, что в этом такого».

Она переделалась. Блузка облегалась ее грудь, но не просвечивала, а юбка подчеркивала ее стройные ноги, талию. Она закрыла номер на ключ, положила его в свою сумочку, где лежали ее документы и документы по переговорам, а также карта Парижа, которую она взяла с собой. На улицу она вышла и сразу ощутила легкий приятный ветер. Небо было затянуто высокими тонкими облаками, который к середине дня уже разойдутся. Настроение у нее было прекрасное, а до встречи было еще чуть больше сорока минут. Она бесцельно гуляла по улицам города, далеко не отходя от места, и наслаждалась. Ей было так легко, она не думала пока о работе, проблемах, а просто отдыхала душой.

Она подошла к месту встречи за восемь минут до назначенного времени. Зашла внутрь здания через крутящиеся стеклянные двери, а там ее уже ждала женщина, старше, но не намного, чем она. Когда Екатерина зашла, она сразу бросилась к ней.

– Доброе утро, Катрин! – она с улыбкой на губах поприветствовала вошедшую. До прихода коллеги она сидела на кожаном диване оливкового цвета, что стоит перед пропускным пунктом в здание. На ней был деловой костюм, волосы до шеи очень большие губы, как показалось Екатерине.

«Интересно, на что способны эти пухлые губы, этой стройной сорокалетней женщины?»

– Здравствуйте, если не ошибаюсь...Мари? – она легко пожала протянутую руку.

– Да. Все так. Как вы добрались? Вас встретили?

«Как всегда эти вопросы. Будто им всем интересно как я добиралась. На поезде, мадам, на по—е—зде... а встретил меня Антуан».

– Все хорошо, спасибо. Где мы с вами будем обсуждать условия для сотрудничества?

– А пройдемте, – она указала рукой на проходную. Охранник их пропустил, даже ничего не посмотрев.

Они поднялись по лестнице на второй этаж и зашли в кабине, на котором была табличка:

Мари Конти

Глава сбытовой сети

В кабинете стоял стол из красного дерева, на котором было две фотографии, документы и папки, в углу стоял телевизор и видеомаягнитофон. Напротив двери было окно, а по боковым стенам шли сплошные шкафы со множеством бумаг и книг.

– Присаживайтесь, – Мари указала на стул перед столом, а сама села в свое кожаное кресло.

Екатерина села и достала документы из сумки, положив их перед хозяйкой кабинета. Она обратила внимания на фотографии на столе.

«Судя по всему сестра рядом с ней на фото. Очень похожи, а на второй сын похоже. А мужа нет? (она взглянула на

безымянный палец и левой, и правой руки). Обручального кольца нет. Точно на многое способная женщина. И должность высокая».

– Вот наши требования по количеству и срокам. Цена указана на втором листе.

Мари, надев очки, стала просматривать договор. Выражение ее лица не менялось, только иногда она прикусывала верхнюю губу.

– Ну что же...ваше предложение довольно выгодно для обеих сторон. Мы согласны заключить с вами договор. Но вы помните, что будет в случае, если вы его нарушите?

– Помню. И вы, надеюсь, тоже помните ваши обязательства, – не без иронии сказала Екатерина.

Мари несколько секунд смотрела на нее, а потом рассмеялась.

– Ну что же. Раз переговоры прошли так успешно и быстро, то у вас есть много свободного времени на Париж. У вас же есть копия договора?

– Конечно.

– Отлично. Тогда один экземпляр мне, другой останется у вас. Сейчас мы все согласуем, составим план поставок для предприятия. Приходите завтра вечером за подписью и печатями руководителя. В шесть часов буду вас ждать на том же месте.

– Хорошо. Договорились. А до этого я свободна, да? – с неверующей интонацией спросила Екатерина.

– Да.

– Хорошо. Тогда я пойду.

– Давайте я вас провожу, – она встала из—за стола, поднялась и Екатерина. Они прошли тем же путем, только в обратную сторону.

У выхода они попрощались и Мари пошла обратно наверх, а Екатерина на улицу. Она остановилась в стороне от входа и посмотрела на часы, они показывали: 9.50.

«Слишком даже быстро. А я столько времени заложила... что делать теперь? Ладно, погуляю, а к двенадцати буду подходить к гостинице. А до этого еще надо пообедать заранее».

Она достала карту и стала строить свой маршрут, запомнила несколько улиц, чтобы ориентироваться и направилась в путь. У нее не было с собой фотоаппарата, но ей это и не было нужно. Она наслаждалась видами. Она шла, а голова ее крутилась на все триста шестьдесят градусов вокруг. Она смотрела и наверх, и вниз, и вправо, и влево. Смотрела перед собой и за собой. Ничто и никто не мог укрыться от ее взгляда. Она иногда останавливалась, чтобы свериться с картой и определить свое местоположение.

Когда на часах было ровно одиннадцать часов, она зашла в кафе пообедать и выпить чай. Во время приема пищи она смотрела карту и думала – как ей добраться до гостиницы. Пешком идти минут тридцать, но прямо перед кафе была автобусная остановка. После того, как она пообедала, она по-

дошла к девушке, которая ее обслуживала и спросила, идет ли какой—нибудь автобус до гостиницы где она остановилась.

Девушка подумала несколько секунд и назвала номер автобуса, который идет до того места, куда надо Екатерине. Только ей нужно было перейти на другую сторону улицы. Автобус ходит каждые десять минут. Екатерина поблагодарила ее и вышла на улицу. Рядом был переход на другую сторону. Она перешла, подошла к остановке и проверила по расписанию совет девушки. Действительно есть автобус, который идет до нужной ей площади. Через две минуты подошел автобус. Когда она села в него, то было без десяти минут двенадцать.

Примерно через десять минут она уже выходила из автобуса. Чтобы дойти до отеля, нужно было пройти около ста метров. Перед отелем стояло несколько машин и она услышала звук клаксона. Обернувшись она увидела Антуана, который выходил из машины. Он приехала на рестайлинговой версии «Peugeot 605» 1995 года, темно—синего, почти черного, цвета.

«Очень красивая «Пёжо». Его?»

– Привет! – она подошла к нему и обняла. Он стоял с мундштуком в зубах, в котором тлела сигарета. На нем была рубашка светло синего цвета, на которой с левой стороны на груди был логотип, на котором было написано «OL» большими буквами и сначала именно они бросались в глаза,

а чуть выше уже написано меньшими буквами полное название – «Olympique Lyonnais» и джинсы темного цвета. На ногах мокасины.

– Привет. Рано освободилась? – он гладил ее по спине и обнимал.

– Да. Сейчас. Я быстро. В душ и переоденусь. А потом поедем. Я быстро, – она чмокнула его в щеку и чуть ли не вприпрыжку пошла в отель.

Он остался стоять, прижавшись спиной в закрытой двери машины.

Екатерина вернулась через пятнадцать минут. Одетая она была в джинсы, поло и кроссовки. Антуан ходил взад—вперед вдоль машины. Он открыл ей дверь, она села и поблагодарила его. Захлопнув пассажирскую дверь он обошел машину спереди и сел на водительское место. Через десять секунд машина тронулась и поехала в направлении Лиона.

– А могу я задать тебе нескромный вопрос? – спросила Екатерина, когда они были в пути уже несколько минут. До этого они только обменивались ничего не значащими фразами о погоде, как прошел день и тому подобным.

– Конечно, Катрин, – он повисил передачу.

– Это, конечно, не мое дело, но раз у нас намечаются вполне серьезные отношения... я бы хотела узнать, – она сделала паузу, а пальцами теребила ремешок своей сумочки, – если ты водитель, обычный водитель при фирме, то откуда у тебя, – она подбирала слово, «деньги» она говорить не хоте-

ла, – средства, такие средства на машину бизнес—класса?

«Зачем я такое спрашиваю? Это же лишь второй день знакомства. Ну есть у него деньги на такую машину, ну и отлично, куда я то лезу. Хотя один раз, в Бельгии, я не стала лезть и потом за это получила».

Антуан улыбнулся, но было видно, что ему некомфортно.

– Понимаешь... я не водитель. Я первая скрипка в парижской «Гранд Опера» и очень даже хорошо зарабатываю. Вчера я тебя встретил как раз по просьбе моего друга – Жоржа Мийо. Как раз он работает водителем у этой фирмы, с которой ты решаешь дела. А вчера, ему надо было быть в больнице. Он вместе с отцом отвозил маму в больницу, потому что пока дождешься скорую у нас, да и во всей, по крайней мере, Западной Европе, помрешь уже. Ну так вот, он мне вчера оттуда, из больницы, позвонил и попросил помочь. Сказал, что надо забрать человека, который прибудет из Москвы на переговоры и отвести его в гостиницу, назвал имя. По служебному автомобилю он тоже договорился и все уладил. Я приехал к ним в гараж, взял «ситроен» и поехал к Восточному тебя встречать. Вот по этой причине тебя встретил я, а не Жорж, – он посмотрел на нее краем глаза и улыбнулся.

– Понятно, – она протянула последний слог, – ну а твои родители кто? Раз зашла речь о них.

– Отец умер, когда мне было шестнадцать лет. После него, как раз, осталось большое состояние. А также у мамы ощутимый доход. Умер он от сердечного приступа. А мама пре-

красная, – он облизнул языком губы, – ей сейчас сорок семь. С папой у них была довольно большая разница. Так вот и живем.

– А тебе сколько, Антуан? Скажу сразу – мне тридцать один год сейчас.

– Мне двадцать восемь. Моему отцу было чуть больше, когда мама меня родила.

– Да, действительно, у твоих родителей довольно ощутимая разница была.

– Да, больше десяти лет. Ну вот – полюбили друг друга.

Они остановились на красном сигнале светофора.

«Почему у него так блестели глаза и он облизывал губы все время, говоря о маме? Ладно, ерунда. Он такой красивый, интересный, да и воспитан очень хорошо».

– Кстати, чуть не забыла. Мне завтра на работу только к шести вечера, поэтому не придется нам ехать обратно в Париж ночью, а можно будет спокойно переночевать в Лионе, – она говорила все это с радостью.

– Да и гостиницу не придется даже снимать. Переночуем у меня с мамой, – он тоже очень возбудился.

– А ты живешь здесь?

– У меня есть квартира в Париже, где я в основном и живу, но здесь я довольно часто. В любое свободное время я стараюсь сюда приехать. Я родился в Лионе и вырос здесь. Поэтому и часто бываю, а также болею за местную команду, – он пальцем указал на логотип на рубашке, – а не за «Пари

Сен—Жермен». И у мамы, соответственно, часто бываю, — он вновь облизнул губы, — ты же не будешь против, если мы остановимся на ночь у мамы?

— Да нет. Познакомимся за одно, — Екатерина улыбнулась.

— Ну и хорошо.

— А можешь мне о Лионе рассказать? Историю его и все тому подобное.

— Без проблем, — он перестроился в соседний ряд и начал рассказ, — Город Лион основан был... там непростая история. В общем, еще в районе второго века до нашей эры на Роне и Соне жили галльские племена. Там они организовали торговлю и даже возвели крепость. Ну а затем... а затем бывшие сподвижники Цезаря вводят в город Лугдун, так называлось это место, а название означает Холм Ворона, войска. Ведь этот город выгоден со всех сторон — экономической, из—за слияния двух рек, кстати, торговое поселение, которое существовало на слиянии двух рек называлось — Форум, ну а сегодня, известное название — Фурвьер, военной и прочих. Потом Галлия делится на три провинции. И что происходит? А то, что все эти три провинции сходились в Лугдуне, следовательно, город стал важной точкой в Галлии. И превратился в столицу Галлии. А столица это что? Правильно — расцвет, процветание, транспорт и прочее. Создается куча культурных, архитектурных памятников. А вот с пятого века пошли проблемы... город уже не столица Галлии, набеги варваров, грабежи и все в этом роде. И только при Карле Великом Лион

– снова сила, – он сжал пальцы правой руки в кулак, – центр, рассвет. Потом он был разделен между Францией и Германией на две части, начинаются противостояния жителей города с церковью. В общем, вновь волнения и нет особой стабильности. А Столетняя война...это была вообще задница для нашего города – больше трети населения вымерло от Чумы, Тифа. А дальше снова – Возрождение. Лион – столица книгопечатания Европы, это примерно последняя четверть пятнадцатого века, город посещают королевские семьи разных стран. Потом Гражданская война и снова...черт, – он замахнулся правой рукой, сжал в кулак и ударил себе по ноге от переизбытка чувств. Удар был не очень сильный, но все же, – эпидемия Чумы, голод. В Первую Французскую революцию, в конце восемнадцатого века был дан приказ разрушить город...частично эти изверги его исполнили. Только при Наполеоне город снова обретает жизнь. За это большое спасибо ему, однако больше слова «спасибо» он не заслуживает...корсиканец. Ну а в первой половине девятнадцатого века было множество восстаний в городе и стране вообще. Двадцатый век... во время Второй мировой в нашем городе был расположен штаб оккупантов. Самое забавное, что при этом город считался центром французского сопротивления. Уж не знаю как связано это, но было именно так. А после войны, город, конечно, получил значительные разрушения, но был восстановлен и снова Лион – это Лион!

Екатерине действительно было очень интересно слушать

Антуана. Когда он закончил, то попросил Екатерину открыть бутылку воды и дать ему попить.

«И он все это знает...класс. Если бы я могла так говорить о Москве...хотя, наверное, смогу. Историю города я знаю неплохо, но вот также интересно говорить и рассказывать о нем все же не смогу...».

– Спасибо, – он передал бутылку ей, чтобы она ее закрыла и положила обратно.

– Ты так классно и достаточно подробно все рассказываешь, – сказала она, когда положила бутылку с водой откуда взяла. Пока она все это говорила, то не отводила глаз от Антуана.

– Ну..., – он барабанил пальцами по рулю, – читал, изучал. Мне это всегда интересно было – история моего родного города.

– А какие известные миру, стране люди из Лиона были?

– Сейчас, дай подумать, – он смотрел на дорогу, одной рукой держал руль, а правой, из кармана на рубашке, достал мундштук и сигареты, – ты не против никотина?

– Нет. Я сама не курю, но спокойно отношусь к тем, кто курит.

– Хорошо. Обычно я ношу портсигар, но для удобства взял с собой просто пачку, – он взял пальцами левой руки сигарету из упаковки, не отрывая руку от руля, а правой держал мундштук. Вставив сигарету, он достал из кармана джинс зажигалку, а затем прикурил, – а про знаменитых людей, – ска-

зал он после затяжки, а потом снова затянулся, – ну кто был? Братья Люмьер, хотя бы, – он улыбнулся и сделала затяжку.

– А они тоже здесь родились. Интересно.

– Сент—Экзюпери, Рабле, который Франсуа, это касаето писателей, – он затянулся, – композитор Эдмон Одран, а, ну Жан—Мишель Жарр. Еще, – он затянулся на пару секунд, а первую букву сказал еще вытаскивая мундштук, – Ампер тоже отсюда, и еще...как его, Нобеля еще получил, хирург то наш, французский, – он сделала затяжку, оставил мундштук в зубах и стал щелкать пальцами на правой руке. Через несколько секунд он ударил совсем легко по рулю, вытащил пальцами мундштук и сказал громче, чем прежде, – Каррель! Алексис Каррель. Пока на ум больше никто не приходит, – он взял мундштук зубами, а обе руки положил на руль.

– Однако, много знаменитых людей родились в Лионе. Давно водишь машину ты? – перевела тему Екатерина.

– Я? С восемнадцати лет. Получил права и сел за руль сразу. Удобно, да и мне было необходимо...после учебы так вообще, – ответил он, не внимания мундштук.

– А как ты попал в главный, наверное, театр страны, и один из вообще всего мира, да и стал там первой скрипкой?

– Ничего необычного, – он вынул сигарету, положил ее в пепельницу, предварительно затушив, а мундштук положил обратно в нагрудный карман, – был лучшим на курсе, одним из лучших вообще за время существования учебного заведе-

ния, как бы скромно это не звучало, – оба улыбнулись, – заметили, взяли. Но я не останавливался, а продолжал учиться, творчески расти. Мама меня поддержала, даже жила со мной в Париже какое—то время, – он облизнул языком губы, – и постепенно я достиг того, что сейчас со мной.

«И тут он постоянно с мамой. Но характер есть и это прекрасно. Рассказать ли ему обо мне или не стоит? Он меня не спрашивает...но он сам, как мне кажется, немного стеснительный мужчина. Может он еще девственник? Да нет, бред. С такой внешностью, манерами, его бы уже, даже против его воли, кто—то да уломал бы. По себе знаю, что такие парни как раз очень нравятся девушкам, особенно для длительных отношений, а не для одноразового секса. Но... не часто все складывается так, как надо или хочется...или должно быть».

– А у тебя были отношения?

– Да как тебе сказать, – спидометр показывал примерно сто километров в час. Он снова облизнул губы и ответил, – были...но каких—то серьезных – нет. Не...бы...ло.

– А почему так? – она через секунду, еще до начала ответа Антуана, добавила, – извини, если лезу не в свое дело.

– Да все нормально. Просто я пока не встретил девушку для серьезных отношений, для семьи. Может, – он сделал паузу, вновь облизнул нижнюю губу, и продолжил, – может это будешь именно ты.

«А вот это уже серьезно».

– Возможно, – она погладила его по правой руке, которую

он держал на ручке переключения передач.

– Я тут подумал, Катрин, – примерно через минуту после молчания он продолжил, – у меня отпуск еще десять дней. И я бы мог и хотел бы поехать с тобой в Москву. Паспорт есть, виза тоже. Это все благодаря профессии. Препград нет для поездки, вроде бы.

«А вот это еще серьезнее. Но почему бы и нет!?»

– Если хочешь и можешь... я только за!

– Главное, чтобы места были еще свободные на этот поезд, – сказал он немного задумчиво.

– Ну одно место точно есть... и оно рядом со мной.

– В смысле? – он на секунду повернул к ней голову и улыбнулся.

– Я когда еду на поезде, за свой счет выкупаю два места в Спальном Вагоне. Точнее, одно мне покупает моя фирма, второе – я сама. Ну и соответственно у меня в купе два места – одно занято мной, а второе тоже мной. Поэтому – есть одно место для тебя. Так что, поедешь со мной, – она положила руку ему на плечо.

– Отлично! – он одной рукой погладил ее руку, а второй продолжал держать руль, – за место я тебе отдам деньги. И не возражай, – добавил он, когда Екатерина начала возмущаться.

– Ну хорошо.

– Как раз, пока будем ехать – рассказать о себе сможешь все. Времени будет много.

– Конечно, – оба улыбнулись.

Машина мчалась по шоссе и постепенно солнце сменялось облаками.

«Похоже дождь соберется. А может и нет. Посмотрим».

– Какую литературу ты предпочитаешь, Антуан?

– Знаешь, много есть всего... я не люблю всякую там философию, где меня кто—то чему—то учит и прочую подобную чушь. Мопассана люблю, а из ваших... из ваших очень люблю Набокова! Супер писатель, – он снова облизнул губы языком, – перечитывал его много. Очень много раз.

«Да, любовь к такой литературе настораживает, если часто. Я такое точно читать не стану. А для них, европейцев, американцев, да вообще западников он, конечно, герой. Как же, эмигрант, да из России. Герой!»

– Понятно.

– Хочешь послушать радио? Могу включить.

– Давай. Я только за, – Антуан включил приемник. Из динамиков пошел знакомый Екатерине голос французского шансонье, который умер в один год с Владимиром Высоцким и практически в том же возрасте. Екатерина знала эту песню по альбому, который она много раз слушала еще на пластинке, которую купил ее отец. Название пластинки – «Le Jardin du Luxembourg».

Она наслаждалась музыкой и пейзажами за окном.

Через какое—то время Екатерина, сквозь мысли, услышала голос Антуана:

– Департамент Рона, регион Рона—Альпы, с административным центром – город Лион. Добро пожаловать!

Екатерина сразу взбодрилась.

– Я думаю, – начал Антуан, – что сразу поедем к стадиону, только машину оставим подальше, а то потом выезжать будет долго очень. Прогуляемся, там посидим. Кстати, ты не голодна? А то можем заехать, тут есть неплохое кафе, я его хорошо знаю – поесть.

– Да я хорошо поела перед поездкой, так что особо не хочу. А ты?

– Да я тоже спокойно. На стадионе что—нибудь себе может быть возьму. Так вот, возвращаясь к теме про Лион. Сегодня футбол, а после матча сразу к маме, – он чуть заметно провел языком по верхней губе, – а завтра утром обзорно проедем, посмотрим город немного, а часов в одиннадцать тронемся обратно в Париж, чтобы тебе успеть на твои рабочие дела. Надо будет взять только некоторые вещи от мамы, для поездки в Москву. Да и вообще сказать ей об этой поездке, – он улыбнулся, – как тебе такой план?

– Да, я на такое согласна. А мама где территориально живет?

– На окраине города, но которая не в сторону Париже. Однако, до центра добираться не так и долго, поверь. Лион вообще город не самый большой, но очень уютный.

– Хорошо. Хоть и бегло, но покажешь мне его завтра.

– С превеликим удовольствием, – он специально сказал

это наигранно надменно.

Дальше они ехали, общаясь на отвлеченные темы, порой обмениваясь несколькими фразами, шутками, взглядами. Екатерина думала и рассуждала у себя в голове об Антуане.

«Хороший. Очень хороший мужчина. Да, в некоторых вопросах, вкусах мы не схожи с ним, но это ерунда. Он мне очень нравится и я ему, видимо, тоже. Тем более он сам предложил мне совместную поездку обратно в Москву, значит он сам этого очень хочет. Не просто же так он решил ехать со мной. А мне от такого его действия очень приятно...только вот как мы будем дальше...переезд? Ему проблематично, мне тоже. Но думаю, что мы сможем выкрутиться и решить этот вопрос. Мы же хотим быть с ним вместе. Главное – это совместная поездка в Москву. Именно тогда все и решиться. Думаю, что и он того же мнения. А знакомить ли его с мамой и папой? Или пока повременить? С братом то точно придется...ладно, проживем—увидим. Но вот Саша...надеюсь, что он будет спокоен, хотя, сомнительно. Он после этой истории с Бельгией очень остро реагирует, если с кем знакомлюсь из иностранцев. Но он любит меня и желает счастья, я понимаю это и чувствую, и только из—за того, что он так ко мне относиться он так реагирует. Надо будет ему позвонить, сказать, что приеду не одна, а со своим уже мужчиной, и что встречать он будет не меня одну, а нас двоих».

К стадиону они подъехали за два часа до начала матча. Погода не предвещала дождя, а солнце то светило ярко, то закрывалось проплывающими перед ним облаками. На стадион уже пропускали и они зашли на его территорию, где Екатерина смогла прочитать название стадиона – «Stade de Gerland».

– Ты возьмешь себе что—нибудь? – спросил Антуан у Екатерины, когда они стояли перед точкой продаж еды и напитков.

– Я пиво возьму. А тебе же нельзя – ты за рулем. Что ты будешь брать?

– Да кружка пива это ерунда, впереди еще около четырех часов, просто я вообще не пью. А себе возьму лимонад.

«Для меня всегда было странно и подозрительно, когда люди не пьют. Ну ладно, тоже ерунда».

Екатерине налили пиво. На ручке, которую опустил и держал молодой человек, наливая Екатерине пенный напиток, было написано «Kronenbourg», ниже цифры «1664», а на самом верху слоган – «La Première Bière Française». Она обратила внимание на название. Во французском пиве она не разбиралась и решила спросить у Антуана, когда они сели за столик:

– А почему у французского пива немецкое название? Да, еще, что означают эти цифры? Год?

– А оно из Эльзаса, если не ошибаюсь, Страсбурга. А это давние времена спорная территория между нами и немца-

ми...

– Да, знаю про это, – вставила реплику Екатерина.

– А цифры, – продолжил Антуан, – это сорт пива и год основания этой, на тот момент, еще семейной пивоварни, – она сделала паузу, – вот так выходит, что самое известное в мире французское пиво имеет немецко—французские корни.

– Понятно. Ну расскажи мне, что хоть за матч меня, – она улыбнулась, отвела ладони от кружки на секунду и снова вернула их, – ну и нас с тобой ждет?

– Ну как же, – он сделала глоток лимонада и продолжил, – это же, противостояние, можно сказать, что самое известное во французской «Лиге 1» – «Олимпик Лион» против марсельского Олимпика. Это бомба! Классика, – они вместе, почти синхронно сделали по глотку, – «Олимпик Марсель», между прочим, единственный клуб из Франции, который выигрывал Лигу Чемпионов. Было это в девяносто третьем году двадцатого столетия, на «Олимпиоштадион» в городе Мюнхен. В финале играли тогда против «Милана» марсельцы. Там такой классный состав был у наших, ну у «Марселя», – Антуан причмокнул, – Бартез, Дешам, Бокшич, Десайи, Фёллер. Такие люди, такие люди. Но и «Милан» – ван Бастен, Папен, Барези. А матч сам был просто блестящий. Я хоть и болею за «Лион», но «Марсель» тогда... за него, как мне кажется болела вся Франция. Я очень был рад, да и сейчас рад, что они сыграли тогда так. Супер.

Он очень восторженно все это рассказывал, а Екатерина

и не заметила как опустошила всю пол—литровую кружку.

«Он чудесный...такое погружение, такие эмоции...чудо. Замечательно».

– Пойдем, осталось сорок минут до начала. Посидим уже в чаше стадиона! – они оба уже выпили свои напитки. Антуан после своих слов поднялся, протянул руку Екатерине и они пошли вдвоем к своему сектору, держась за руки.

Их места были прямо по центру. На зеленом газоне разминались футболисты обеих команд. С одной стороны за воротами трибуны отсутствовали. Табло показывало две цифры «0:0». Екатерине футбол противен не был, но и не следила она за ним. Правила, в общих чертах, были ей известны. На трибунах было пока немного людей, но все равно стоял гвалт французских слов.

«Со всеми этими положительными эмоциями я и забыла о своих проблемах, но, черт, сейчас они дают снова о себе знать».

– Я скоро вернусь. Мне нужно в туалет, – сказала Екатерина, вставая со своего места и проходя мимо Антуана с сумкой в руках.

– Хорошо. Сумку то оставь здесь, мешать будет, – он поднялся и смотрел в ее глаза.

– Да она мне нужна, – они соприкоснулись быстро губами и Екатерина стала подниматься по ступенькам к выходу с сектора.

Она вышла из чаши стадиона и пошла против часовой

стрелки вокруг, искать туалет. Мужской оказался совсем близко к сектору, а женский чуть дальше. Зайдя в кабинку, она закрыла ее на щеколду. Вышла спустя три минуты, а еще через две минуты уже вернулась на свое место.

– Все в порядке? – спросил Антуан, когда она садилась на место рядом с ним.

– Да, спасибо, – она села и он обнял ее, положив руку на плечо и поцеловал.

«Все он прекрасно понимает, просто не говорит об этом. И правильно!»

Матч должен начаться через пятнадцать минут. На трибунах становиться всё больше людей. Футболисты уже закончили разминку и футбольное поле сейчас орошалось водой. Они общались между собой, пока крик трибун не прекратил это общение. За пять минут до начала футболисты появлялись на зеленом газоне. Фамилий на футболках игроков не было, только номера, поэтому Екатерина не могла знать кто из игроков кто. Игроки «Лиона» были в светлой форме, с синими номерами, а «Марсея» – в лазурной, с белыми номерами. Вратари обеих команд были в темной форме. Екатерине очень понравилась форма «Олимпик Марсея».

«Красивая форма. Цвет классный».

А перед футболистами шли трое арбитров. Весь стадион приветствовал игроков. Они встали в один ряд, лицом к центральному трибунам, где и сидели Екатерина с Антуаном. Потом рукопожатия и через пару минут был нанесен первый

удар по мячу.

Антуан сел, облокотившись руками на колени и чуть сгорбившись. Видно было, что он одновременно нервничает и наслаждается игрой. Екатерина же сидела и глазами следила за движением мяча и красивой формой гостевой команды. И тут первый гол хозяев. Стадион весь поднимается со своих мест и празднует забитый мяч, кроме болельщиков «Марселя». Потом второй гол, третий. И первый тайм завершился со счетом, который не ожидал никто – 7:0. После каждого гола Антуан целовал Екатерину. Даже она признала, что некоторые комбинации были очень красивыми.

В перерыве они не уходили со своих мест и Антуан не мог в полной мере выразить свои эмоции.

– Это что—то! – он сидел, но иногда чуть привставал и размахивал руками, – у меня нет слов. Семь – ноль с «Марселем»! «Лион» просто красавцы. Какие голы, какие комбинации! Чудо, чудо!

Так он продолжал весь перерыв, пока свисток судьи не открыл второй тайм. Который был уже спокойнее и завершился со счетом 1:0. И общий счет, после того, как судья дал свисток об окончании встречи был 8:0 в пользу хозяйской команды. Футболисты начали обмениваться футболками, даже иногда символически «целовались» друг с другом. А капитан «Лиона» с огромным флагом, на котором были написаны большие буквы «OL» синего цвета на белом фоне, прошел перед трибунами со своими партнерами. Сегодня «Олимпик

Лион» одержал самую крупную победу над «Олимпик Марсель» в истории личных встреч.

Екатерина сама не ожидала, но она получила огромное удовольствие от этой игры. Красивый футбол показали обе команды. Антуан за второй тайм успокоился и теперь они вместе, пока шли до машины, обменивались впечатлениями.

– Сколько нам ехать до дома твоей мамы? – спросила Екатерина, когда они сели в машину.

– Да не долго. Минут двадцать, думаю. Как доедем – так и доедем, – ответил он с улыбкой.

– Как ее зовут? – они тронулись.

– Сейчас, – он смотрел по сторонам перед выездом, – как зовут? – переспросил он, когда они уже были на дороге, – Мари. Ну а фамилия как у меня.

– Хорошо. Ну познакомимся.

Они ехали мало общаясь. Екатерина наслаждалась видом вечернего Лиона, а Антуан вел машину, сконцентрировавшись на дороге, а после матча он был эмоционально опустошен.

Машина остановилась перед многоквартирным домом в спальном районе города. Антуан позвонил в звонок у двери под номером «44». Дверь открыла женщина. Екатерина сразу нашла в ней общие черты с Антуаном и признала, что для своих лет она очень красивая и сексуальная.

– Привет, мам, – сказал он и обнял женщину, когда они зашли в квартиру, – это Катрин, – он указал рукой на свою

спутницу, – я говорил тебе о ней по телефону.

– Да, помню, – она подошла к Екатерина и протянула руку, – Мари.

– Катрин. Очень приятно, – они по женски пожали руки. «У нее и голос такой сексуальный. И кожа на руках нежная. Даже завидую я».

– Пройдемте, я ужин приготовила, – сказала она и пошла, виляя бедрами, в сторону, как видела Екатерина, кухни.

– Пойдем, милая, – Антуан взял ее за руку и они направились вслед за Мари. Антуан облизал краем языка нижнюю губу.

Мари была в черной облегающей юбке до колен, которая плотно облегалась ее попу, которую она, как поняла Екатерина, тренирует, черных колготках, красных туфлях на высоком каблуке и в черной облегающей футболке, сквозь которую выпирал лифчик, который поддерживал грудь второго размера. На шее у нее было серебрянное кольцо. В—олосы у нее светлого цвета, чуть длиннее, чем у Екатерины. Очень красивые губы, которые были покрыты красной помадой. Глаза темно—коричневые. морщин на лице было очень мало, фигура была если хуже, чем у Екатерины, то совсем немного, а ноги длинные и красивые.

На прямоугольном столе стояло несколько видов закусок, салат овощной, три стакана, в которых, судя по всему, был налит лимонад, а на плите, в сковородке, чтобы не остыть, подогревалось мясо. Антуан посадил Екатерину, а сам сел

рядом с Мари перед ней, справа от матери.

– Будете мясо, Катрин? Говядина, – спросила Мари.

– Да, если можно.

– Конечно можно, – она подошла к плите, взяла сковороду и положила в тарелку каждому по большому куску мяса.

– Спасибо, – поблагодарила Екатерина.

– Спасибо, мам, – он поцеловал ее, когда она села.

«Как то слишком откровенно для поцелуя мамы и сына.

Ну ладно, это другая сторона. Возможно, что здесь принято именно так».

За столом они много разговаривали. Мари интересовалась чем занимается Екатерина, что любит и все тому подобное. Сама она рассказала о детстве Антуана, семье до и после смерти отца и мужа.

– Катрин, а расскажите нам о себе, – попросила Мари.

Екатерине пришлось рассказать о себе, все что она хотела рассказать Антуану наедине, сейчас.

– Да, конечно. Родилась я в Москве, – начала Екатерина, – папа у меня архитектор, сам он из Санкт—Петербурга, учился там же, ну а работать отправился в Москву, где и по сей день. И сегодня он также очень востребованный архитектор. А мама сама из Новосибирска, это у нас в Сибири такой достаточно крупный город. Но затем она с родителями переехала в Москву, благо, была возможность. Они с папой познакомились, когда отец был уже в Москве после учебы. История вообще—то забавная, если честно, – она улыбнулась,

чувствовала тепло от этих воспоминаний, которые остались у нее после рассказа мамы и немногих комментариев отца, – она тогда как раз ехала на учебу, она филолог, как раз группы романских языков, поэтому и я так хорошо владею этими языками, в особенностях французским. Так вот, – она выпила немного лимонада, – а отец ехал с вокзала, после ночного поезда, по адресу, который ему дали. А мама сама ехала не из дома, а от бабушки, где ночевала, потому то до этого она ей помогала. А он, мой отец, хоть и архитектор, но в новой обстановке вообще плохо разбирается, немного нервничает. И вот он заходит в вагон, – Екатерина начала жестикулировать руками, – а мама стоит рядом с дверьми, сбоку, в свою очередь папа зашел и встал прямо перед ней, смотря схему метрополитена, которая весела за ней. А он еще был в таких очёчках, – она показала пальцами форму и размер линз, – с усами, – она показала двумя указательными пальцами какими, – и ростом он был невысок. Как говорила мама: «Он в миг вызвал у меня умиление». А с виду он может и был немного смешной, но глаза были у него что называется умные, а если с ним разговаривать, то не оторваться. Ну и вот они разговорились в вагоне, и понравились друг другу. Но оба были очень стеснительны, папа до сих пор говорить: «Как я еще решился заговорить с твоей мамой», а мама: «Как я решилась ему ответить». Конечно, это в шутку, но в каждой шутке есть и доля шутки, и доля правды, а неизвестно, чего больше. И вот им пришлось разойтись, мама вышла, а

папа поехал дальше. Как потом мне рассказывал папа, он думал, что больше не увидит ее и не встретит. Она ему тогда сразу очень понравилась, да и он ей тоже. А мама у меня была очень красивая, мне трудно ее описать, но поверьте. И что бы вы думали? – она отрезала кусочек мяса и жуя, продолжила говорить, – оказалось, что общежитие, куда пока поселили отца, и квартира, где жила мама с родителями – это соседние дома! Ну и тогда, даже эти два стеснительных, – она сказал это любя, – поняли, что уж это точно судьба. Вот так они и встретились, – она снова стала жевать мясо, – и живут вот уже сорок один год вместе. Папе, когда они познакомились, был двадцать один год, а маме – девятнадцать. А я младший ребенок в семье. У меня есть брат и он на семь лет меня старше, – сидевшие перед ней чуть удивились, а Екатерина опустила глаза на руки и крутила салфетку в руках, она уже доела блюдо, – зовут Александр. Ну а я сама..., – она сделала последний глоток, опустошив стакан, – я сама отучилась на логиста, решение экономических вопросов и все тому подобное. Вот сейчас и работаю в сфере логистики, налаживания поставок и прочего. А мой брат является директором одной компании, которая сама из Франции, но имеет филиал в Петербурге. Хотя основное образование совершенно в другой сфере. Вот так и выходит, что все у меня как—то связано с Францией. Ну вот так кратко я сказала о себе и своей семье. теперь вы имеете представление обо мне.

Екатерина положила еще немного салата и продолжила

есть, а Мари сказала:

– Интересная вы девушка, Катрин. Очень интересная. Ну а вот мы живем вдвоем с Антуаном, муж умер уже достаточно давно. Это был прекрасный человек. Вы его не знаете, но поверьте, он был чудесным. И так рано и быстро умер. Я его сразу полюбила как увидела, – «вот и у меня также с вашим сыном», – а потом вот он родился у нас, – она обняла сына и поцеловала в щеку, – другое мое чудо.

«А почему она ест только левой рукой, а правая у нее и вовсе под столом? Привычка?»

После ужина они стали пить кофе, а Екатерина чай. В этот момент Антуан решил завести разговор о поездке в Москву.

– Мам, Катрин уезжает обратно в Москву, через день. Я собираюсь поехать с ней. С билетами вопрос уже решен.

Мари сделала паузу и ответила не сразу. А ответ оказался вопросом:

– И когда ты вернешься? – спросила она, не смотря ни на кого.

– Через пять дней на самолете. То есть, там я три дня буду. «Ощущение, будто она ревнует его ко мне. Ей самой лучше – пригласит кого—нибудь».

– Хорошо. Ну ты мне хоть позвони оттуда.

– Да я и привезу тебе что—нибудь, – все улыбнулись.

– Как футбол то? – Мари кивнула в сторону логотипа на груди Антуана.

– Во, – он поднял большой палец руки, – восемь – ноль

разнесли марсельцев. Классный матч. Больше бы таких!

– Ну я рада.

Екатерина уже допивала чай и ее клонило ко сну.

– А где мне можно разместиться на ночь? – спросила она, после некоторого молчания.

– А давайте в этой комнате, за углом. Она у нас как бы гостевая, – ответила ей Мари.

Квартира была так устроена, что заходя, вы оказываетесь в коридоре, чуть дольше, прямо и правее – кухня, а чуть ближе к коридору, слева – небольшая комната, куда и приглашали Екатерину. От кухни вправо идет длинный коридор. В середине ванная комната, чуть дальше туалет. Все это справа, а слева еще одна комната. Ну а упирается этот коридор в спальню.

– Спасибо. Я тогда пойду, подготовлюсь. Туалет и ванная у вас там, да? – она показала через стену вдоль длинного коридора.

– Да. Именно там, – ответила Мари.

– Спасибо.

Екатерина сначала вышла в коридор, взяла из сумки, все что было ей необходимо и пошла к ванной. Проходя мимо кухни, она услышала, как Мари ее спросила:

– Вам нужна зубная щетка?

Екатерина остановилась, взялась свободной рукой за наличник и ответила:

– Нет, спасибо. Я с собой взяла на всякий случай.

– А полотенце? В душ пойдете? – Мари улыбалась.

– Не отказалась бы. А можно?

– Конечно! – Мари встала, – вы идите, а я вам сейчас все принесу.

– Спасибо вам. Я сначала в туалет, – сказала она, чуть смутившись.

– Понимаю вас, – она положила руку ей на плечо, посмотрела в глаза, а потом пошла к бельевому шкафу, а Екатерина в туалет.

Когда Екатерина была в туалете, по двери постучали и сказали:

– Я положила вам полотенце. Мы не будем вам мешать. Скажете, как будете готовы. Пока подготовлю постель вам.

– Хорошо, спасибо вам большое, – она услышала удаляющиеся шаги.

Помывшись, почистив зубы, она обернулась полотенцем и вышла из душа. Кроме полотенца Мари дала Екатерине еще и тапки. Когда она вышла, из спальни, практически в тот же момент, появилась Мари. На ней была красная ночнушка с черными бретельками и кружевами на груди, разрез которой был чуть виден, а снизу ночнушка была чуть выше колен.

– Все хорошо? – спросила она, улыбаясь и облокотившись рукой на наличник. Дверь была наполовину закрыта так, что кровать была не видна.

– Да, спасибо.

– Комнату я вам подготовила, так что отдыхайте. Если

что, кухня, ванная, туалет, – она развела руками, – все в вашем распоряжении.

– Спасибо большое вам, Мари, – она искренне улыбнулась.

– Антуан уже спит, – она правой рукой показала на комнату, которая была в длинном коридоре, дверь в нее была закрыта, – не тревожьте его, пожалуйста. Он очень устал за сегодня. Даже зубы не почистил. Но может проснется – сходит. А возможно, что только утром.

– Хорошо, без проблем.

– Спасибо, Катрин.

Мари вернулась к себе и закрыла дверь, а через секунду повернула замок. Екатерина пошла в выделенную для нее комнату в этой квартире.

«Сексуальная у нее ночнушка. Только вот зачем такая, если рядом нет мужчины, любовника? Ну, наверное, ей так комфортно в ней. Мне вот такая ночнушка тоже очень нравится и я бы с удовольствием надела бы такую, была бы с любимым мужчиной. Очень сексуально».

Екатерина зашла в комнату, сняла с себя полотенце и бросила его на кровать. Свет в комнате она не включала, поэтому на ее тело попадал только тусклый свет с улицы. Ее грудь освещалась этим светом, то поднимаясь, то опускаясь. Она стала гладить свою грудь, чуть мять ее, думая об Антуане.

«Вот бы Антуан также делал с ней. Ах».

Она глубоко вздохнула и даже издала чуть слышный стон,

но потом убрала руки от груди и взяла свою сумку, откуда достала чистые трусики, а потом надела их. Полотенце она отнесла обратно в ванную, покачивая грудью. Повесив полотенце на батарею, она взяла с нее выстиранные трусики и бюстгальтер к себе в комнату. Выйдя из ванной, она остановилась и прислушалась. В доме была тишина, только шуршало постельное белье в комнате Мари. Она пошла в комнату, повесила белью на спинку стула. Дверь закрывать она полностью не стала, а прикрыла ее только на половину. Было тепло, поэтому Екатерина прикрыла простынью только ноги, а живот и грудь не закрывала.

«Много эмоций за день. Что—то и я сегодня очень устала».

У нее разболелась голова и, как ей показалось, поднялась немного температура, она положила голову на подушку и тут же она уснула.

Спала она плохо. Во сне она слышала крики, мычания, какие—то удары. Но снов не было, только белые пульсации на черном фоне. Она уже не понимала спит она или нет. То ли она просыпается, то ли ей снится, что она просыпает, а на самом деле она спит. Она всегда не очень хорошо спала в новых местах, но сейчас это было совсем ужасно. Проснувшись она с влажными волосами, мокрым лицом и телом. Она не собиралась больше спать. Встав, она подошла к столику, на котором вечером оставила свои часы – время было без пяти минут шесть. Она посмотрела в окно, где восходило солнце.

«И что мне делать? В душ идти рано, разбужу всех. Черт, как ужасно я спала. Почему так».

Голова у нее была «тяжелая». Она чуть прошла взад—вперед по комнате и немного пришла в себя. В комнате стоял стеллаж с книгами на французском языке. Она решила посмотреть, что есть интересно. Тут она нашла и Достоевского, и Льва Толстого, и Чехова, и Дюма—отца, и Дюма—сына, и Гюго, и многих других автором.

«Хорошая библиотека у них (она водила пальцем по корешкам книг, иногда вынимая какую—то из них). Интересно, все ли из этого читал Антуан?»

Она взяла с полки красивое издание книги «Граф Монте—Кристо» с иллюстрациями и, сев на кровать, стала рассматривать, прочитанную уже не раз книгу. Но на языке оригинала она ее еще не читала.

Пока она просматривала иллюстрации и читала фрагменты произведения Александра Дюма, время шло для нее незаметно. А когда время на часах было: 6:31, она и не заметила, как дверь в ее комнату открылась. От книги она оторвала глаза лишь в тот момент, когда услышала стук по наличнику и знакомый мужской голос:

– Можно?

Она сразу же подняла глаза на дверь, там стоял Антуан, на котором из одежды были только трусы, впрочем, как и на самой Екатерине. Она обратила внимание на то, что он был в неплохой физической форме.

«Хорошо выглядит. Так бы и изнасиловала его сейчас. По любви. Он как специально меня возбуждает, дразнит».

– Можно, – она закрыла книгу и положила ее на кровать рядом с собой сбоку. Руки она выпрямила и уперла их в кровать за своей спиной и облокотилась на них. Ее упругая грудь была теперь хорошо видна Антуану. Она обратила внимание на то, что он смущается и отводит взгляд в сторону, стараясь не смотреть на ее грудь, однако украдкой он все же смотрит на нее. А еще она заметила, что Антуан возбужден, когда опустила свой взгляд чуть ниже его пояса.

«А может сделать?»

– Ан..., – начала Екатерина, но в этот момент она услышала звук открывающейся двери, а затем увидела за Антуаном, что из спальни выходит Мари, протирая руками глаза.

Екатерина сразу же легла в кровать, накрывшись простыней до шеи, а произведение Дюма в этот момент упало на пол. Антуан так и остался стоять в проеме, только чуть повернул голову через плечо назад.

– Доброе утро, милый, – подойдя, сказала Мари и обняла сына за пояс, поцеловав в щеку, – доброе утро вам, – обратилась она уже к Екатерине.

– Доброе, – ответила ей Екатерина.

– Читали? – спросила Мари, посмотрев на лежащую у кровати на полу книгу и мотнув головой в ее сторону, не отводя взгляда от Екатерины.

– Да. Очень красивое издание и иллюстрации прекрасные.

– Да, знаю, сама покупала. Как вы спали?

– Честно? – она сделала секундную паузу, – ужасно. Все время во сне слышались какие—то крики, стоны, звуки. Будто во сне все это, а будто наяву.

– Это все было наяву, – сказала Мари и потерла свою шею. Только сейчас Екатерина заметила на ней кровоподтек. А у Антуана в этот момент чуть шире раскрылись глаза, – соседи слишком громко занимаются сексом. Слишком громко. Это не всегда, но иногда такое с ними бывает. А может и не с мужем соседка так... кричит. Кто их знает. Извините за такое. Стены не очень толстые, поэтому слышно и то, что сбоку, и что сверху. Когда же приезжают наверху дети, то их бега по квартире слышны так, будто идёт бомбардировка.

– Ничего страшного. Не вы же в этом виноваты. Да и их можно понять, ваших соседей, – сказала Екатерина и чуть улыбнулась краями губ.

«Лучше вы бы сейчас ушли, вместе с моими делами и я бы осталась наедине с вашим сыном! Да и это... у людей секса нет, а эти там наявывают».

Она подумала это без зла, а наоборот, с усмешкой, но ей все равно было обидно, но немного.

– Вставайте, Катрин, а я сейчас пойду делать завтрак.

– Сколько у меня есть времени до завтрака?

– Полчаса будет.

– Спасибо.

Мари ушла на кухню. Антуан тоже собирался выйти из

комнаты, но Екатерина его окликнула:

– Антуан, принеси, пожалуйста, мне полотенце. Оно весит в ванной на батарее.

– Хорошо.

Он вышел и через несколько секунд вернулся, складывая на ходу полотенце. Потом положил его на стул.

– Спасибо, – она резко встала и оказалась прямо перед Антуаном. Она уперлась своей грудью в его грудь и поцеловала в губы, а правую руку опустила на его трусы спереди. Он, в свою очередь, взял ее за ягодицы во время поцелуя. Через несколько секунд их губы разъединились. Екатерина стала резкими поцелуями спускаться от шеи Антуана к его животу, и когда ее губы были чуть выше резинки трусов из кухни его позвала Мари, – черт, – чуть слышно сказала Екатерина.

Антуан вышел из комнаты и пошел на кухню, а Екатерина обернулась полотенцем, взяла со спинки стула белье и пошла в ванную.

За завтраком Антуан рассказал Мари «план», который они с Екатериной собирались сегодня исполнить.

«Как же она получила этот кровоподтек на шее? Может спросить? Или не стоит? Возможно ей будет неудобно отвечать на этот вопрос. Ладно, не буду».

Они немного пообщались за приемом пищи и уже в 8.15 Антуан и Екатерина сидели в машине. Прогрев ее, Антуан тронулся и они поехали в центр Лиона. На ходу он расска-

зывал о тех местах и достопримечательностях, где они проезжали и о тех, что им предстоит увидеть. Он старался охватить как можно больше мест. Они выходили из машины, чтобы пройтись по площади Белькур, где Екатерина увидела памятник, установленный Людовику XIV. Антуан показал ей несколько соборов, среди них Собор Сен—Жан, Старый Город, площадь Правительства, улица Мерсьер.

– А это, – говорил Антуан, показывая рукой через лобовое стекло, но не отрывая глаз от дороги, – Отель—Дьё, больница, где, кстати, – он сделал ударение на слове «кстати», – писал свой, наверное, самый знаменитый роман Франсуа Рабле – «Гаргантюа и Пантагрюэль».

Екатерина буквально припала лицом к боковому стеклу.

– Ну, что смогли, что успели, то охватили, – сказал Антуан, когда они выехали на шоссе, ведущее от Лиона к Парижу, примерно в одиннадцать часов.

– Хорошо. Спасибо тебе большое, – она потянулась к нему и поцеловала в щеку, – мне все очень понравилось, особенно в твоём исполнении.

Они еще немного обменялись впечатлениями, а потом Екатерина уснула в кресле автомобиля. Ремень безопасности ей совершенно не мешал. Плохой сон ночью, большое количество впечатлений от Лиона и много информации об этом городе с утра, а также начавшаяся однообразная дорога – все это повлияло на то, что ее глаза начали слипаться, а затем и вовсе закрылись. А Антуан вел машине вперед под сопение

своей спутницы.

Екатерина проснулась от легких толчков в плечо и слов «Катрин, Катрин». Она открыла глаза, протерла их пальцами и увидела, что они стоят на заправке. За несколько секунд она смогла прийти в себя, но голова, по прежнему, была «тяжелая».

– Да, что, милый? – спросила она, прикрывая рукой зевок.

– Нам еще ехать часа два. Ты поесть или в туалет не хочешь?

Екатерина чуть подумала, прислушалась к своему организму и ответила:

– Да, пожалуй в туалет я схожу. Ты уже заправился? – машина стояла чуть в стороне, на парковочном месте.

– Давай, иди. Я подожду здесь.

Екатерина открыла дверь и вышла. На улице было тепло и дул приятный прохладный и не сильный ветер. Она зашла в здание и пошла туда, где были написаны буквы «WC». После того, как вышла, она посмотрела на прилавки и взяла бутылку минеральной воды, заплатила и вышла на улицу, направляясь обратно к «Peugeot».

– Едем дальше? – спросил Антуан с улыбкой, после того, как Екатерина села в машину.

– Поехали, – ответила она, открывая стеклянную бутылку минеральной воды.

Екатерина немного взбодрилась и спать ей уже практически не хотелось. Однако и с Антуаном они разговаривали ма-

ло. Шоссе было пустым в такое время, и по подсчетам Екатерины, они должны быть в столице Франции у гостиницы между шестнадцатью и семнадцатью часами. Она планировала принять душ, переодеться и после этого уже поехать на встречу.

Когда они подъехали к гостинице на часах у Екатерины стрелки показывали 4.31. До встречи у нее оставалось чуть меньше полутора часов. Погода в Париже не отличалась от Лионской, только температура, по ощущениям, была чуть выше, чем в городе на берегу Роны. Перед тем, как выйти из машины, Екатерина и Антуан поцеловались.

– Вечером встретимся? – спросил Антуан после поцелуя, – можем в ресторан сходить, приглашаю.

– Ну давай, – она не ожидала такого предложения, – только, – она сделала небольшую паузу, – давай, подъезжай к восьми часам. Тебе нормально?

– Да, хорошо. Буду ждать здесь, на той же машине, – он посмеялся.

– Хорошо, – она открыла дверь, – до вечера, – после этих слов она вышла из машины.

– Пока, – сказал Антуан Екатерине с улыбкой перед тем, как она закрыла дверь.

Подойдя ко входу в гостиницу, она обернулась и посмотрела на «Peugeot», в котором сидел Антуан. Он был с мундштуком, в который уже была вставлена сигарета, в зубах. Он махнул ей рукой, а она губами будто поцеловала его.

Екатерина помылась, надела свой вчерашний строгий наряд и направилась на встречу. Без пяти минут до назначенного срока она уже ждала Мари Конти.

«Только сейчас до меня дошло, что она тоже Мари. Только, надеюсь, что с этой Мари я после сегодняшнего вечера больше не встречу. О, а вот и она».

– Добрый вечер, Катрин, – на ходу приветствовала ее Мари.

– Добрый, – ответила она, когда Мари к ней подошла, – ну что, все согласовали?

– Да, никаких проблем нет, – она протянула бумаги из своих рук Екатерине, – держите, это все ваше. Вот штампы и подписи, – она указала пальцем с накладным ногтем на закорючку, которая представляла собой подпись и штамп организации.

– Ну значит все? Теперь сотрудничаем?

– Да. Могу вас поздравить, – они пожали друг другу руки.

– Спасибо вам. Как теперь? Вы свяжитесь еще по телефону с нашей компанией?

– Мы уже связались с руководителями. Все наладили, вам осталось только привести им эти документы как подтверждение сделки. Еще раз спасибо вам.

– Хорошо. Спасибо и вам. Всего доброго тогда?

– Всего доброго, Катрин.

Они вновь пожали руки друг другу и Мари пошла обратно в здание, а Екатерина села, внимательно просмотрела все

документы, а затем вышла и пошла обратно к гостинице.

«Надо позвонить Саше как приду в гостиницу».

Пока шла обратно, она думала как лучше построить разговор с братом.

В девятнадцать часов десять минут Екатерина зашла в гостиницу и подошла к стойке информации.

– Добрый вечер. Не подскажите, сколько будет стоить звонок в Москву?

Сотрудница посмотрела журнал и через полминуты ответила, назвала сумму франков за минуту.

– Спасибо. Звонить можно прямо сейчас?

– Да, пожалуйста, – она указала на телефон, который стоял на стеклянном столике в углу, а рядом стояли два кресла.

Екатерина подошла к столику, села в кресло и набрала номер телефона родителей. Через несколько гудков ей ответил знакомый с детства женский голос:

– Алло.

– Алло, – почти проглотила слово Екатерина, – привет, мама, – ей было в наслаждение снова поговорить на родном языке, хотя с матерью она могла говорить и по французски, как и с братом, но он говорил заметно хуже.

Безытересное «алло» на другом конце сменилось искренней радостью.

– Привет, Катюша. Ну как ты там?

– Все хорошо, мама. Вот завтра домой поеду. Как вы то там?

– Знаем, что поедешь. Мы тоже хорошо.

– Слушай, а Саша сейчас дома?

– Да. Позвать?

– Да.

Екатерина слышала, как мама позвала: «Саш!», потом голос брата, который приближался: «Я тебе говорю, пап, что это в этом матче они победят», и сквозь смех он спросил: «Кто?», «Катя» – ответила мама. Когда она передала трубку сыну, из комнаты крикнул отец: «Еще посмотрим!», и они оба, отец и брат, засмеялись.

– Не спорь, бать! – уже в трубку сказал он, а уже потом обратился к сестре, поздоровавшись с ней улыбающимся голосом, – да, привет, Катюха.

– Привет, Саш, – через секунду она спросила, – ну что, встречаешь меня через два дня?

– Конечно, буду ждать на перроне, а так на машине буду. Как мы с тобой и договаривались. Ну а ты то как там, в своей командировке?

– Да все хорошо. Даже отлично. Саш, я хотела сказать тебе, – она сделала паузу, – я приеду из Парижа...не одна.

– Та—а—ак. С подружкой или коллегой? Может с партнером по переговорам?

– Нет, Саша. Это не связано с работой.

– Что, решила вспомнить Бельгию? – не зло, а больше с грустью сказал брат.

– Тут другое...

– Да что может быть другое!?! – он перебил ее, – в общем, – он сказал уже спокойнее, – встречу, как мы и договаривались, а там уже будем смотреть, – он говорил это безразлично, Екатерина чувствовала, что он себя сдерживает, – хорошего тебе пути. До встречи, – он положил трубку.

Послушав некоторое время гудки в телефонной трубке, ее положила и Екатерина.

Она встала из кресла, подошла к стойке и заплатила за звонок домой. Именно тогда она обратила внимание на бейдж сотрудницы отеля, где было написано ее имя – Мари.

«Да вы издеваетесь. Уже третья за два дня».

Она грустная пошла в свой номер, на ходу теребя ремешок своей сумки.

Она зашла в номер, умылась, разделась и легла на кровать. Она уже забыла о приглашении Антуана в ресторан. Она переживала, как и переживал в Москве сейчас ее брат, она это знала, она это чувствовала. Через какое—то время она просто уснула с каплями слез на щеках.

Стук в дверь разбудил Екатерину. Она встала, надела джинсы и майку, посмотрела на часа, которые оставила рядом с одеждой, время было двадцать часов семнадцать минут, и подошла к двери.

– Кто там?

– Я – Антуан, – она открыла дверь, – что с тобой?

– Все нормально. Просто я очень устала сильно. Думаю, что не пойдем сегодня никуда. Ты извини меня, я очень хо-

тела и мне очень приятно твое приглашение, но я физически не могу сейчас пойти.

– Да, конечно, я все понимаю и извиняться не за что. Хочешь, я останусь сегодня с тобой?

Екатерина немного подумала и решила.

«Мне надо отвлечься».

– Оставайся, – она пропустила его в номер и закрыла за ним дверь.

Сразу после того, как дверь отделила номер от всех остальных, они одновременно обняли друг друга. Их губы соприкоснулись и поцелуи были очень «глубокими», языки переплетались. Руками они ласкали друг друга. Екатерина пропустила свои руки под футболку Антуана и ласкала его грудь, он же гладил ее по спине. Они отошли от двери в сторону кровати.

– Ложись, милый, – сказала Екатерина и чуть подтолкнула Антуана, тот, не сопротивляясь, «упал» на кровать.

Потом села, а она села ему на колени и начала снимать с него футболку, а он снял майку с нее. Их груди прижались друг к другу, когда они обнялись крепко. Екатерина от наслаждения часто дышала и сжимала руками спину Антуана только крепче и крепче с каждым вздохом. Они чередовали поцелуи в губы, шею, плечо. Плавно легли на кровать и она опустила свою руку на пряжку ремня партнера, а потом еще чуть ниже. Она физически чувствовала возбуждение и старалась сделать его еще сильнее. Антуан резким движением с

хлопком схватил Екатерину за ягодицы и она вскрикнула от этого, ее грудь плавно скользила по его груди во время ее плавных движений. Она села, раздвинув ноги, на уровне пояса Антуана. Он стал растягивать болты на ее джинсах.

– Стой. Пока еще рано, – она положила свои руки поверх его, — чуть позже, буквально один день, – он убрал руки, а она застегнула верхний болт.

Наклонившись к нему, она стала скользить языком по его телу, от шеи и до штанов. Дойдя до ремня, она его расстегнула, потом начала расстегивать уже сами джинсы. Затем она спустила джинсы одновременно с трусами до колен. Она подняла глаза на Антуана, он руками гладил ее голову, ласкал волосы. Они оба все понимали, поэтому он стал наматывать ее волосы себе на ладонь, а потом и направил ее туда, куда хотел он и куда хотела сама Екатерина. Он начал стонать, управляя головой Екатерины, на одной руке были намотаны ее волосы, а вторую он просто положил на её затылок. Он то ускорял, то замедлял темп. Иногда, он наклонялся к Екатерине, за волосы тянул ее голову к своей и они целовались. Он сполз чуть ниже, вместе с ним и Екатерина. Теперь он сидел на краю кровати, а она стояла на коленях на полу. Когда Антуан почувствовал, что скоро сил сдерживаться уже не будет, он встал, и теперь он стоял в полный рост, наклонив голову чуть вниз, чтобы видеть как Екатерина все делает. Он стал ускорять темп и он был уже очень быстрым, Екатерина старалась изо всех сил для Антуана. А потом он резко заставил

Екатерину закончить процесс, она все поняла, направила его на свою грудь. Он издал «рык» и на ее грудь стали падать теплые сгустки. Все это продолжалось несколько секунд, но они оба получили такое наслаждение и им казалось, что все длилось не один час. Когда все закончилось, Екатерина прижалась головой к животу Антуана и обняла его за ягодицы, он же обнял ее за голову и гладил.

– Тебе хорошо? – спросила она.

– Очень. А ты как?

– Все чудесно.

Они провели в таком положении несколько минут, а потом, сначала Антуан, а следом Екатерина, пошли в душ.

Екатерина проснулась утром первой, Антуан спал к ней лицом и она чувствовала его дыхание на своем плече. Она со спины легла на бок и повернулась к нему лицом. Рукой она обняла его и прижалась к телу. Теперь прохладный воздух попадал ей прямо на лицо. Ночью они только спали, рядом, а главное для нее – вместе. Солнце отражалось от стекла в здании рядом и отраженные лучи попадали прямо в комнату номера Екатерины. Она смотрела на лицо Антуана и наслаждалась им.

«Он такой милый. Красивый. Заботливый. Ладно, сегодня в обратную поездку, а уже там, как приедем, будем со всем разбираться. Пока я могу всем наслаждаться и не думать о другом. И это прекрасно».

Вчера она смогла по-настоящему расслабиться и полу-

чить, хоть и не полное, но удовольствие. И она была искренне рада этому и наслаждалась сейчас тем, что вспоминала вчерашний вечер. Но ее воспоминания прервала естественная нужда. Почувствовав, что хочет в туалет, она встал аккуратно, чтобы не разбудить Антуана.

«О, похоже, все закончилось и сегодня мы с ним сможем полноценно быть вместе».

Когда она вышла из туалета, выключила там свет и после этого, повернув голову в сторону кровати и опустив свой взгляд на нее, увидела, что Антуан уже не спит.

– Доброе утро, – сказал он ей, заложив руки за голову.

– Доброе, – она легла на кровать и положила голову ему на грудь, а правую руку – на живот. Он вытащил одну руку из-за головы и стал гладить Екатерину по спине. Она начала «мурлыкать» от удовольствия.

Они пролежали так какое—то время, не следя ни за секундами, ни за минутами, ни за часами. Но Екатерина решилась закончить эти объятия и встала после этого с кровати. По пути в душ, она посмотрела на свои часы, которые лежали на столе, стрелки стояли ровно: маленькая – на цифре «9», большая – на числе «12».

– Хватит спать, – она с улыбкой повернулась к Антуану, – уже девять часов, – после этих слов она шутя ударила его по ногам (он их сразу поджал) и пошла в душ, а он, ответив ей только улыбкой и смехом, когда она ушла – подошел к окну.

Выйдя из душа, Екатерина оделась (Антуан был уже почти

готов тогда, когда она только вышла) и они спустились вниз. Выйдя на улицу, они пошли к машине Антуана.

– Ты сейчас домой?

– Да. Нужно к поездке вещи подготовить. У тебя выселение в двенадцать?

– Да.

– А тогда подъеду, заберу тебя с вещами, а потом оставим их у меня и можем пойти прогуляться по городу, пообедать надо будет.

– Отлично. Тогда буду тебя ждать.

Они обнялись, а потом Антуан открыл дверь и сел в машину. Опустив боковое стекло, он смотрел на Екатерину, а она нагнулась к нему. Они еще чуть пообщались, пока Антуан прогрел автомобиль и вставлял сигарету в мундштук, явно не торопясь. Они попрощались, поцеловались в губы и он уехал от гостиницы, чтобы через несколько часов сюда же вернуться. Екатерина, проводив его автомобиль взглядом, пошла обратно в здание, на завтрак, в прекрасном настроении. Но она все равно, и весь вечер предыдущего дня, и утро сегодняшнего, думала о своем брате с теплом и грустью одновременно.

После довольно плотного завтра, Екатерина сразу, не заходя в номер, вышла прогуляться в округе. Она наслаждалась погодой, теплом, радость была на ее сердце. Только к десяти часам тридцати минутам она вернулась в гостиницу и стала собирать свои вещи. Их было не много, поэтому спра-

вилась она довольно быстро. А после того, как закончила, взяла книгу и стала читать, в ожидании Антуана. Мысли ее, однако, далеко не все были в книги.

Без десяти минут двенадцать она вышла из номера, спустилась вниз и сдала ключ от номера, предварительно подписав бумаги о выселении. Ей сказали обычные, в таких случаях, слова и задали стандартные вопросы. Понравилось ли ей у них, все ли было хорошо, ее жду здесь снова, а напоследок, ей пожелали счастливого пути. Когда она обернулась от стойки к креслам и столику, на котором стоял телефон, с которого она вчера звонила домой и по которому вчера разговаривала с родными, в одном из кресел, в том же, что сама Екатерина сидела вечером, закинув ногу на ногу, сидел Антуан. Он сразу встал, как увидел не ее затылок, а лицо, подошел к ней, взял чемодан и они вышли из гостиницы в направлении «Peugeot».

«Спасибо этому дому. Но, как говорить, в гостях хорошо, а дома все же лучше».

В машине, пока они ехали до квартиры Антуана, они общались о своем, личном, или, если проезжали какое-то примечательное место, он сразу рассказывал что-то об этом месте, помимо его названия.

«Сколько он всего знает о достопримечательностях, об истории городов своей страны. Я не перестаю этому удивляться. И это прекрасно – такая эрудиция, начитанность историей. Только странно, ну как мне кажется, что молодой мужчи-

на, у которого это не специальность, не специфика работы, а просто интерес и любознательность, так много знает. Для простого интереса это слишком много. Похоже, что вместо секса и женщин, он увлекался и изучал все это. Но что делать. Правда, это, может, я сама себя накручиваю, придумываю. Все! Хватит. С ним мне очень интересно, это правда. А все остальное – додумки моего мозга и подсознания, что никому нельзя верить и доверять, кроме родных. Это полезно, но так не должно быть всегда. почему-то я уверена в Антуане».

Они остановились перед домом, в котором, по взгляду Екатерины, было не больше двенадцати этажей.

– Ну вот и приехали, – сказал Антуан, поднимая ручник, – вот тут я и живу.

– На каком этаже?

– Пятый, – ответил он и открыл дверь. Одновременно с ним дверь со своей стороны открыла Екатерина.

Антуан достал из багажника чемодан Екатерины, а затем поставил автомобиль на сигнализацию, проверив, закрыты ли все двери. Он открыл дверь перед Екатериной, а затем зашел сам. На лифте они поднялись на пятый этаж и подошли к металлической двери. Антуан поставил чемодан на пол, освещенный лучами солнца, которые попадают из окна, и достал небольшую связку ключей. Екатерина увидела в связке брелок, который был раскрашен в цвета французского флага и по форме был как очертания страны на карте.

– Проходи, – пригласил он ее пойти первой, после того как открыл дверь.

Зайдя, Екатерина попала в небольшой холл откуда просматривалась комната, кухня и две двери в туалет и ванную комнату.

«Светлая, довольно уютная квартирка. Неплохо так, тем более, хорошо, что светло так, обои, пол. А то Саша с Лизой любят по мрачнее, темнее. А для меня это наоборот тяжело-вато».

– Ну как тебе, на первый взгляд? – спросил Антуан, поставив чемодан и закрыв после входную дверь.

– Уютно, – она повернулась к нему, обняла за плечи и поцеловала.

Они разулись, Антуан показал ей ванную, чтобы помыть руки, а когда пошел сам, Екатерина пошла в единственную в квартире комнату. В ней стоял большой шкаф, как она поняла, обратив внимание на отсутствие кровати или дивана, этот шкаф в нужное время трансформировался еще и в кровать. Перед окном, стоял телевизор, рядом усилитель, проигрыватель музыкальных дисков, проигрыватель виниловых пластинок и еще видеомagneтофон, а справа и слева – две колонки. В углу, слева от входа в комнату стояло кресло. Также она увидела в комнате партитуру, две скрипки, три смычка, небольшой круглый столик, стул и стеллаж с пластинками, дисками, кассетами.

– На что засмотрелась? – она услышала голос Антуана у

себя за спиной, а его руки обнимали ее вокруг живота. Он положил подбородке на ее правое плечо и поцеловал в шею.

– Хорошая коллекция, – она кивнула головой в сторону стеллажа, – да и вообще, – она развернулась к нему лицом. Его руки скользили по ее телу и теперь были уже на ее пояснице, – мне тут очень нравится.

– Кофе, чай будешь?

– Давай чай.

– Черный или зеленый?

– Черный.

– Тогда сейчас его сделаю, – он разъединил пальцы рук за ее спиной и пошел на кухню. Она пошла за ним, но медленно, рассматривая все вокруг.

Когда она зашла на кухню, он уже поставил чайник на плиту и засыпал заварку в чайник. После он достал кофе и турку, а затем поставил ее на плиту, рядом с чайником.

– Хозяйственный, – сказала улыбаясь Екатерина, упершись плечом в стену.

Он ответил ей только улыбкой.

Кухня была в кремовых цветах. Она села за стол, вокруг которого стояло четыре стула и постучала ногтями по нему, повернув голову к окну. Через пару минут Антуан поставил перед ней чашку с чаем, а себе – с кофе и сел рядом.

– Куда пойдем? – спросила Екатерина, сделав первый глоток из своей чашки.

– Я думаю, что сейчас мы погуляем здесь, в округе, тем

более, здесь столько мест. Уж поверь. Сразу все рассказывать не буду, лучше все увидишь сама. Пообедаем здесь же, я знаю неплохое очень даже кафе. А уже в районе пяти – шести заберем наши вещи и поедem на вокзал, заодно и метро наше увидишь. Поезд во сколько?

– В девятнадцать сорок четыре.

– Ну и отлично. Тогда у нас с тобой достаточно времени, – он сделал глоток из своей чашки, которая была раза в три меньше чашки Екатерины.

Екатерина взяла свою чашку и пошла в комнату, Антуан пошел следом. В комнате она стала рассматривать виниловые пластинки, в это время он стоял облокотившись плечом на дверной косяк и пил кофе.

– Только не пролей на них ничего, – без шуток, абсолютной серьезно сказал Антуан.

«Да я на Сашкины ничего не проливала, а тут то абсолютно чужие пластинки».

– Я все аккуратно. Не переживай.

Она читала названия групп и исполнителей, знакомых ей благодаря брату: Deep Purple, Led Zeppelin, Doors, Elton John, Whitesnake, Who, Uriah Heep. И многие другие. Ниже стояли пластинки с классической музыкой – Бах, Моцарт, Чайковский, Бетховен. А сбоку стояли франкоязычные шансонье – Шарль Азнавур, Джо Дассен, Жак Брель, Серж Гинзбур и это только те, кого Екатерина слышала и знала.

«Есть очень красивые издания. У нас так не издавали, к

сожалению. Но главное – издавали. Главное ведь содержание, а не оформление. Хотя, зачастую, для многих важнее именно внешнее качество. А вообще, лучше всего когда одно сочетается с другим!»

– Впечатляющая коллекция. У меня у брата тоже много пластинок. Может тебе удастся познакомиться с его коллекцией, – она улыбнулась – он в ответ, – узнаешь о таких группах как АукцЫон, Аквариум, Зоопарк, Наутилус Помпилиус, Машина Времени, Воскресение и другие.

– О некоторых я слышал. А, – он произнес название группы АукцЫон с таким акцентом, что Екатерина посмеялась тихо, – много шума у нас наделал в восемьдесят девятом году. В Бурже. Так подожди, – он подошел к ней, поставил чашку на пол и стал смотреть музыкальные диски, ища нужный ему. Через несколько секунд он достал CD и дал его Екатерине, – вот. Даже купил тогда, но это без связи с тем инцидентом, – он будто виновато улыбнулся.

На обложке она прочитала название группы, написанное слева сверху—вниз – AUKTSION, а сверху название альбома на французском языке белыми буквами – «Comment je suis devenu un traître». Все это было написано на красном фоне, а по центру обложка альбома и название альбома на родном Екатерине языке – «Как я стал предателем».

«Ничего себе. Может он все же понравится Саше? Но это, конечно...неожиданно, мягко говоря. Тем более ему тогда было то чуть больше двадцати».

– И ты слушал? – с интересом спросила она, когда, поставив чашку на пол, рядом с чашкой Антуана, листала буклет с текстами песен, которые тоже были переведены на французский язык.

– Да. Но слов вообще не могу понять в их песнях. А музыка интересная. Вообще, там довольно забавный, в хорошем смысле, был фестиваль.

Она вставила альбомчик обратно в коробку, посмотрела оборотную сторону коробки – название всех песен было написано на французском языке, и передала диск обратно Антуану. Он поставил его на место, а потом с пола взял свою чашку и чашку Екатерины. Встал рядом с ней, передал ей чай, услышал милое «merci», а потом стал смотреть на Екатерину, которая продолжала рассматривать коллекцию.

После чая и кофе, а также удивления Екатерины, они, оставив все вещи дома, Екатерина не стала даже брать свою сумочку, вышли на улицу, наслаждаясь приятной, почтилетней погодой и компанией друг друга. Смотря на дома вокруг, Екатерина заметила и название улицы, чего не увидела когда они ехали на машине. На домах были таблички с надписью – «Rue Saint-Jacques». И тогда она поняла на какой улице они находятся.

«Не зря Антуан говорил, что недалеко от сюда есть на что посмотреть. Хотя бы из-за одного сооружения на улице Святого Жака».

Екатерина увидела во время прогулки и прослушала ми-

ни-экскурсию от Антуана о Пантеоне, Церкви Сен-Этьен-дю-Мон, Лицеи Генриха IV. Ну а потом он показал ей то, о чем она вспомнила сразу же как увидела название улицы – Сорбонна. Она наслаждалась этой прогулкой, тем более рядом с ней был мужчина, которого она полюбила. Дойдя до конца улицы, они вышли на мост, табличка перед которым говорила о его названии – «Petit Pont».

– Пёти Пон, – вслух прочитала Екатерина.

– Да. А теперь посмотри направо, – он обнял ее за талию и «помог» ей повернуться.

Это был еще один сюрприз от Антуана – Собор Парижской Богоматери. Она буквально замерла, смотря на него. Отсюда открывался прекрасный вид, не такой, конечно, как если стоять прямо перед ним, но тоже очень красивый. Ну а чуть ближе был памятник Карлу Великому.

– Какое чудо, – сказала она, когда перевела взгляд с Собора на Антуана, – спасибо тебе за такое, – она поцеловала его.

Он ответил ей поцелуем и улыбкой.

– С Моста Сен-Мишель видно, конечно, лучше, но мы с него посмотрим, когда обратно пойдем. А этот мост исторический. Из его внешнего вида, думаю, ты поняла почему его называли Малый Мост. В длину он всего около двадцати—тридцати метров. Он очень старый. Если я ничего не путаю, то он упоминается еще со времен завоевания римлянами Галлии. Что с ним только не происходило. Мы сейчас стоим на мосту, который был отстроен еще в середине де-

вятнадцатого века. А так его и поджечь хотели, когда он был деревянным, но затея норманнов тогда не удалась, и смывало его, выходявшей из берегов Сеной не один, и не два раза. А с норманнами вообще было. Они так изощрились... в общем они подожгли корабли и направил их на мост. Но им не удалось ничего с ним сделать. Корабли затонули раньше.

Екатерина слушала его и не отводила глаз от Собора.

А затем они пошли обратно, отойдя в сторону от улицы Святого Жака, чтобы посетить кафе, о котором говорил Антуан Екатерине. В обратном направлении они перешли Сену так, как и говорил Антуан – по Мосту Сен-Мишель. Кафе находилось не так далеко от моста. Зайдя внутрь кафе, она сразу почувствовала уют этого места. Они выбрали столик в углу, зал был заполнен чуть меньше чем на половину. Они сделали заказ, а в его ожидании Екатерина говорила безумолку о тех впечатлениях, что подари ей лионез. Она сама не ожидала, что прогулка произведет на нее такое впечатление. Когда принесли заказ, она сделала глоток соку и продолжила говорить, пока не притрагиваясь к еде. Только после того, как Антуан уже третий раз напомнил ей об обеде, она взялась за нож и вилку, но продолжала говорить, правда, уже меньше.

Дома они оказались за двадцать минут до восемнадцати часов. Вещи были уже все готовы их оставалось только забрать.

– Катрин, сколько я должен тебе за билет? – спросил Ан-

туан, когда они зашли в комнату за вещами.

– Да потом отдашь, что ты, – со смущенной улыбкой ответила Екатерина.

– Нет. Давай сейчас.

– Ну хорошо, – она достала билет из сумки и указала ногтем на цену, написанную на билете.

Он отсчитал нужную сумму и передал деньги Екатерине. Это были недавно напечатанные купюры, еще «хрустящие».

– Ну вот все и уладили, – сказал Антуан, убирая кошелек в карман.

– Ну да.

Они взяли свои вещи, до этого Антуан проверил все ли выключено в квартире и отключено от сети, и вышли из квартиры. Он закрыл дверь на оба замка и положил ключи сразу в чемодан, подальше.

«Наверняка, у мамы есть ключи от его квартиры. Почти уверена».

Екатерина вновь получала удовольствие от прохода по улице, на которой находится дом, в котором живет Антуан. Единственный город, из тех где она была, который был, по ее мнению, красивее Парижа – это Петербург. Она довольно часто там бывает, особенно в гостях у брата и его жены Лизы.

«Петербург, конечно, для меня – верх совершенства. Где сочетаются мрачность и радость, темнота и свет. Но Париж для себя я ставлю на второе место это определено».

Они пошли к ближайшей станции метро – Кюони-Ля-

Сорбонн и когда они спускались под землю, Екатерина спросила:

– До какой нам станции?

– Гар-де-л’Эст. Именно на ней находится Восточный вокзал города Парижа, – специально Антуан сказал последние слова наигранно—высокомерно.

Пока они не спеша добирались до вокзала время шло для них незаметно. Поэтому, часы, которые находились в зале ожидания, показывали время – восемнадцать сорок пять, когда они туда зашли. На табло уже появился поезд Париж—Москва, его номер, путь с которого он будет уходить, и время отправления.

– Я думаю, что уже нет резона куда-то еще идти, – сказал Антуан, когда они стояли чуть в стороне, переводя взгляд с табло на Екатерину.

– Согласна, – ответила она, убирая один из билетов обратно в сумку, после того как сверила номер поезда с данным на табло.

– Пойдем, может, пока в кофейню? – он указал рукой на противоположную сторону зала.

– Пойдем, – они взяли за ручки свои чемоданы и повезли их в сторону кофейни, лавируя между потоками и группами людей.

Помещение кофейни было не очень большим. Они подошли к стойке и сделали заказ: Екатерина – чай и молочный коктейль, а Антуан взял три шарика ванильного морожен-

ного. За все платил он. Через пару минут они сами забрали свой заказ и сели за уже ранее выбранный столик, где и оставили вещи.

– Даже как-то волнительно все, – сказал Антуан и положил себе полную ложку мороженого в рот.

– Что именно? – заинтересовано спросила Екатерина, обхватив губами трубочку.

– Да все! Наше с тобой такое быстрое знакомство, а затем и вовсе совместная поездка. Все это удивительно, неожиданно, и одновременно с тем, очень приятно. Вот так, случайно, подменил друга, – он облизнул верхнюю губу, – встретил тебя. Ну разве это не то, что люди называют судьбой?

– Ну а почему и нет? – риторическим вопросом ответила Екатерина и стала трубочкой пить чай, забавы ради, – я вот думаю тоже самое. Вообще, – она положила трубочку обратно в стакан с коктейлем, а руки на стол, скрестив пальцы, – если честно, я сразу как тебя увидела, ощутила по всему телу такое..., – она стала пальцами ловить воздух, – тепло, эмоции. Со мной такое, – она вспомнила Бельгию, – можно сказать, что впервые.

– А почему ты сказала «можно сказать»? – он перевел взгляд с ее рук, на ее глаза.

– Да так. Один раз я уже такое почувствовала и потом..., – она вздохнула, – все это очень плохо кончилось. Он спал со мной, пока его жена рожала. Вот такая была ситуация.

– Извини, что заставил тебя это вспомнить, – после почти

десятисекундной паузы сказал Антуан.

– Да ничего страшного. Все это в прошлом. Сейчас у меня появился ты и я очень рада.

Они улыбнулись друг другу.

«Сказать ли ему, что после Бельгии Саша очень болезненно реагирует на такие мои знакомства. Ладно, пока не буду».

– Тот момент научил меня многому. Не зря бытует фраза – «все что не делается – все к лучшему». И я привыкла ей руководствоваться и в плохих, и в хороших ситуациях. Брат у меня такой же. Только он все же более нервный, более вспыльчивый, но умный, готовый к жизненным ситуациям. Понимаешь, мы с ним вместе, мы очень много общаемся, но стараемся не лезть в жизнь друг друга. Но он старший, поэтому он... он как бы оберегает меня, заботиться обо мне. Он не бежит за мной и не следит за каждым моим шагом, я просто чувствую, что он все время рядом со мной, вот тут, – она указала средним и указательным пальцами правой руки грудь, – так что у нас в семье очень хорошие отношения друг с другом, что во многом благодаря воспитанию моих родителей, за что я им очень благодарна. И надеюсь, что и ты сможем войти в эту семью, будучи со мной. А то мой брат женат, а я все еще не замужем, – она искренне по доброму посмеялась.

Антуан взял ее за руку и они соприкоснулись губами.

– Сколько до поезда? – она глазами указала на часы, которые Антуан носил на правой руке.

– Тридцать три минуты примерно. Можно уже двигаться на перрон.

Екатерина допила чай (коктейль она выпила чуть раньше), Антуан собрал ложкой остатки мороженого и сливки, которые образовались после того, как часть его растаяла. Они встали из-за стола, взяли свои вещи и, держась за руки, вышли из кофейни.

МОСКВА

После того, как Александр положил трубку телефона, весь оставшейся вечер он был грустным и больше не смеялся и не шутил. Когда он разговаривал с сестрой, родители были в другой комнате, поэтому не слышали их разговора, хотя отдельные слова Александра слышать могли, поэтому пока он не стал им рассказывать о новых отношениях их дочери. Он хотел уберечь сестру от всего плохого, он очень ей дорожил, а после Бельгии он стал переживать за нее еще сильнее.

Он был в Москве по работе. Требовалось встретиться с несколькими партнерами для осуждения деловых вопросов. Он бы с удовольствием поехал бы из Петербурга в Москву на поезде, но отказался от этой идеи, когда узнал, что встретиться ему придется не только в Москве, а еще и в Балашихе, Химках, Раменском, Коломне, и даже в Калуге.

«Откуда у нас такое количество партнеров? Москва, да еще и с областью».

Говорил он себе, добираясь до встреч с партнерами.

Остановился он у родителей, взяв с собой небольшую

спортивную сумку с вещами. Ездил он на стареньком Opel Kadett C. У его отца была машина Жигули-1600 или, другое название, ВАЗ- 2106, более известная в народе как «шестёрка». Возможность у Александра купить машину новее и престижнее может и была, если напрячься, но пока он этого делать не хотел, да и ситуация внутри страны этого не позволяла. Машина для него первым делом была безопасным средством передвижения, а уже потом престижем, комфортом и прочим. Да и водить он не особо любил, общественный транспорт всем его устраивал, но для работы машина порой была необходима и удобна. Он и автомобильные права получил, когда ему было уже далеко за двадцать. До этого все вождение автомобиля сводилось к тому, что он мог тронуться под присмотром отца на «шестерке» и проехать несколько метров в гаражах или на проселочной дороге, где безопасно и машине, и окружающим, которых просто не было рядом.

Сейчас, возвращаясь в комнату, где сидели родители и откуда он вышел, чтобы пообщаться с сестрой по телефону, он смотрел на них и тут же вспоминал свое детство. Каждый зимний вечер, возвращаясь с работы, отец тут же шел с ним гонять шайбу в ближайший двор, по утопанному снегу или насту. Он только переодевался в подходящую одежду, не играть же с сыном в хоккей в утепленных ботинках под костюм, брюках, и пальто.

«Играл он, конечно, не очень. Но играл со мной и очень много времени мы проводили с ним. Хоккей, футбол, ры-

балка, грибы».

Но сейчас Александру, пока он шел до комнаты, вспомнился именно один из вечеров второго месяца зимы. Он как сейчас помнит, что это была пятница, а впереди два выходных. Он уже поиграл после школы с одноклассниками, а вечером потащил играть еще и отца. Он был в красно-черной куртке и зимних штанах и ботинках на толстой подошве. Они, как всегда, вставали друг напротив друга на расстоянии примерно двадцати-тридцати метров и перебрасывали друг другу шайбу: то верхом, то так, чтобы шайба скользила по насту, то щелчками. Через какой-то время они начинали «возиться», пытаясь обыграть друг друга вблизи. Затем снова расходились. И так продолжалось пока не надоест. И сейчас он помнит как прилетела ему шайба прямо в колено, с внутренней стороны. Неудачно он тогда попытался сначала принять шайбу, а потом поняв глупость затеи – уже не успел отскочить. Серьезных последствий не был, но как раз, заходя в комнату он вспомнил этот удар и чуть погладил свое колено, стоя в дверном проеме.

– Что-то болит? – спросила мать, подняв глаза от книги, когда он входил.

– Да нет. Все нормально. Просто вспомнил детство, – ответил он с улыбкой.

– Ну как Катя?

– Все нормально. Приедет как и договаривались, – совсем без эмоций ответил Александр, садясь в кресло.

– Хорошо, – мама опустила глаза в книгу, а отец смотрел телевизор как и раньше.

Его отец очень уставал последнее время на работе, поэтому такие вечера, когда тихо, спокойно, были для него в радость. В таком графике ему нужно было еще поработать примерно две недели, а дальше все будет намного проще. А мама уже была дома и занималась исключительно домашними делами, но бывало, что уставала не меньше. Сейчас, сидя в кресле, Александр смотрел на них, когда был в комнате, и перед ним проносились его детские фотографии, которые были в альбомах на стеллаже и которые он помнил и так.

«Столько всего было...казалось, что вот недавно я еще был в детсаде, потом школа...которая тоже очень быстро прошла, институт, про который я вообще молчу. Вроде бы, только поступал недавно, все эти переживания, экзамены и радость от зачисления, а уже диплом пишу. И также жизнь. Вот и родители уже с сединой, морщинами. Время, конечно, летит...И столько всего уже пережито. А что-то только предстоит увидеть, ощутить. С чем-то мне в будущем еще придется познакомиться».

– Пойду позвоню Лизе, – сказал Александр через несколько минут молчания в комнате, вставая с кресла.

– Давай, – вставил отец.

– Передавай от нас «привет», – попросила его мама.

– Конечно передам, как может быть иначе, – он вышел из комнаты и пошел по коридору к телефону.

Со своей будущей женой Александр познакомился в Зимнем Дворце уже больше десяти лет назад. Он любил ходить туда и наслаждаться искусством, отдыхать там. Елизавета же приехала в Петербург учиться, а затем и осталась здесь жить из Белорусского города Брест. Познакомились они тогда, когда Александр сидел в оружейном зале. Она под села рядом. Он не обращал на нее практически никакого внимания, пока она не спросила его о некоторых экспонатах в зале, про который Александр довольно подробно и интересно смог рассказать. Именно тогда он и смог рассмотреть ее – от ее глаз после этого он оторваться уже не мог.

«Она была воплощение такой...нежности, мягкости, что ее хотелось обнять, прижать к себе и не отпускать».

А что прижимать и чего не хотелось отпускать хватало и без прекрасных темно—синих глаза Елизаветы. В тот день они после Эрмитажа гуляли по Ленинграду до самого вечера, а расстались уже у дома, где она жила, договорившись встретиться снова завтра. И в тот вечер Александр если и думал, то только в последнюю очередь, что сейчас ему ехать в другую часть города на метро, которое скоро уже закроется.

Через год после знакомства они поженились.

– Добрый вечер, Лиз, – как сняли трубку, через несколько гудков, сказал Александр.

– Привет, Сашуль. А я тут ужин себе делаю. Скучаю по тебе уже, – он знал, что все это она говорит искренне. Она его очень сильно любила и не хотела терять, как и он ее.

– Ну как ты там?

– Да все нормально. Особо дома то только вечерами, а так работаю как и ты, работаю. Благо скоро уже летние каникулы, отпуск.

– Ну да..., – он сделал короткую паузу, – ну мы же не о работе разговариваем, а он нас, – он улыбнулся.

– Да, согласна, – она тоже чуть повеселела, – очень жду твоего возвращения.

– Да вернусь уже скоро, – он услышал из комнаты – «привет передай!», – хорошо, – сказал он «в коридор» и вернулся к телефонному разговору, – от родителей привет тебе.

– О, и ты им передай от меня, – она воодушевилась.

– Вам привет! – крикнул он, чуть повернувшись.

– Спасибо! – ответили родители в унисон.

– Главное что все у тебя хорошо, – вернулся он к диалогу с женой.

– У тебя то все хорошо?

– Да, никаких проблем. Только вот Катюха снова, похоже, с кем-то снюхалась. На этот раз из Франции. Не имётся ей.

– Саш, ты не горячись сразу. Ты же не знаешь кто он, может и отличный парень будет. Я вот тоже снюхалась с каким-то ленинградцем! – она сказала последнее предложение громче и смеясь.

– Есть такое, – он посмеялся, – ну вот через несколько дней и встречу его.

– В каком смысле?

– А он вместе с Катькой едет в Москву из Париже.

– Вот это да, – она удивилась, – может действительно все серьезно? – толи спрашивая, толи утверждая сказала она.

– Посмотрим, – сказал он и на секунду замолчал, – ладно, если что звони, а так позвоню послезавтра вечером, хорошо, милая?

– Конечно. Доброй ночи тебе. Я с тобой рядом.

– А тебе приятного аппетита. Я тоже с тобой, моя дорогая.

– Спасибо. Пока.

– Пока.

Они оба положили трубки одновременно, чтобы не слышать гудки, которые разделяют их. Александр еще постоял перед телефоном, постукивая указательным и средним пальцами по трубке.

«Да—а, так вот мы и живем».

Развернулся и пошел обратно в комнату.

Родители уже собирались ложиться спать, поэтому когда он вернулся в комнату, они уже уходили из комнаты, оставив включенный телевизор, зная, что Александр вернется.

– Вы уже ложиться? – спросил он, когда родители выходили ему навстречу.

– Да, – ответила мама и поцеловала сына в щеку, – доброй тебе ночи, – она улыбнулась и погладила сына по спине.

– Доброй ночи, – ответил он маме, а потом сказал проходящему отцу, – пока. До завтра, – и махнул ему рукой.

– Спокойной ночи, сынок, – слово «сынок» он сказала на-

меренно растягивая его и делая на него ударение, – я уж тебя целовать не буду, – а потом хлопнул по спине и прошел дальше.

– Да я тоже не собирался! – бросил отцу в спину Александр и они оба посмеялись.

Он жил у родителей уже третьи сутки, поэтому знал что и как работает и где что находится. Да и до этого он провел здесь все детство и юность.

Александр лег на диван, где до этого сидел отец, и направил свой взгляд в телевизор, думая совершенно о другом. А там, по телевизору, шла очередная глупая, по его мнению, передача.

«Катюха, Катюха, ну что же ты все...какие-то авантюры (он положил тыльную сторону ладони правой руки на лоб, а левую руку положил за голову). Это, конечно, не моя жизнь, но, черт, задницей чувствую, что этот француз не окажется таким уж хорошим парнем. Возможно, я ошибаюсь, но... но пусть все же я лучше ошибаюсь. Пора бы ей уже обзавестись семьей, мужем, детьми (он приложил указательный и большой палец к закрытым глазам и свел их на переносице). Дети... Надеюсь, что в отличии от нас с Лизой, дети у нее будут. Ладно, Катя, отдыхай там. Да и мне уже пора ложиться».

Он встал, выключил телевизор и пошел в ванную чистить зубы. Когда он проходил мимо комнаты родителей, то шел «на цыпочках», стараясь не шуметь. «Почистившись», зашел

в свою комнату, снял штаны и футболку, лег на кровать, не накрываясь даже простыней, потому что было очень тепло дома, и уже через несколько минут уснул, перевернувшись до этого со спины на живот.

Обычно, сны Александру не снились, но сегодня он видел сон. Необычный и неприятный сон. Ему снилось то, чего не происходило на самом деле в жизни, но могло произойти. Он видел во сне, который был черно—белым и немного мутным вначале, себя еще подростком, который шел, держа за руку, маленькую девочку в платье – Екатерину. Они шли по парку, Парку Победы, который находится в Ленинграде и где они не могли еще гулять в таком возрасте. Рядом с аллеей был большой пруд, где плавали утки и селезни. Светило солнце, а легкий ветер чуть развивал его волосы. Маленькая, жизнерадостная девочка держала брата за руку и прыгала рядом, улыбаясь и смеясь. Он остановился и поднял девочку на руки, а затем стал крутиться сам, держа сестру над собой. Она радовалась этому и кричала, хихикала. Потом он опустил ее на землю, она схватила его за руку и сказала:

– Пойдем, уточек посмотрим! – и стала тянуть брата за собой.

– Иду, иду, – смеясь, ответил он и специально не сопротивлялся, чтобы сестра сама его за собой вела.

Они подошли к берегу, где ходили несколько уток, а большинство было в воде. Когда они буквально подбежали, утки сами быстро разошлись в стороны или же вернулись в воду.

Маленькая Катя стала тянуться ручками к воде, а Александр придерживал ее руками за бока и приговаривал:

– Аккуратно, Катя, аккуратно.

Она плескала своими пальчиками воду и смеялась, Александр же был сконцентрирован, но улыбался, когда сестренка поворачивала голову и смотрела на него.

– Саша, поддержи меня, я хочу дальше.

Александр взял ее за кисть, а она тянулась дальше, ближе к уткам, которые от нее уплывали и только селезни подплывали к ней. Один из них подплыл очень близко к ее руке и цапнул ее за палец. Катя быстро отдернула руку, вытащила ее и обняла брата. Он взял ее руку и посмотрел на раненый палец, из которого шла кровь. Катя заплакала. В этот момент поднялся сильный ветер, небо заволокло облаками и пошел сильный дождь. Вода в пруду стала волноваться и волны выплескивали воду на берег, где Александр обнимал Катю.

– Идем отсюда.

Он взял сестру на руки и хотел унести ее подальше, но не смог этого сделать. Когда он уже развернулся спиной к пруду, ударила такая сильная волна, что снесла его с ног, а Катя выскользнула у него из рук. Он встал, сразу повернулся к пруду и увидел, как его сестру уносит в самую середину водоема. Он бросился в воду, волны били ему в лицо, но он продолжал с ними бороться, иногда специально подныривая под них. Он видел как ее ручки еще били об воду, но кроме рук сестры, он больше не видел никакие части ее тела. Он

был слишком далеко, приближался он к ней медленнее, чем она удалялась от него. И вот уже под водой скрылись и ее руки. Александр стал еще быстрее плыть и кричать, отшвыривая воду в стороны. Когда руки сестры пропали из вида, волны прекратились, облака разошлись и открыли солнце, а ветер стал таким же легким, как был ранее. Он остановился и увидел, что отплыл от берега максимум на семь метров. Он смотрел на небо, деревья, людей вокруг не было, ни одного человека. Перед ним проплывала пара – утка и селезень, причем селезень был еще молодой, в то время как утка была уже стара. Они плыли рядом, как влюбленная пара. Он смотрел на них и не мог ничего понять. Он опомнился лишь тогда, когда увидел, что из под воды что-то поднимается. Это что-то поднялось наверх прямо под уткой и селезнем. И это что-то была его младшая сестра. Ее тело плавало на поверхности воды и старая утка с молодым селезнем уже не плыли, а ходили по телу сестры. Александр быстро подплыл к ней, согнал «пару», и посмотрел на сестру. Точнее на ее тело, которое стало бледным, но глаза были открыты и оставались они такими же жизнерадостными, а улыбка не сошла с ее губ.

Именно на этом моменте Александр проснулся, резко открыв глаза и громко выдохнув. Он поднялся и сел на кровати не слезая с нее. Солнце из окна светило прямо ему в лицо.

«Фу—у. Присниться же такое (он повернул голову к окну и солнце стало светить ему прямо в глаза). Вот она жизнь».

Он «упал» головой обратно на подушку, поднял руки перед собой, теперь солнце освещало их, и посмотрел на часы, что весели на стене.

«Еще только шесть утра. Серый туман и дождь. Светает. Шесть утра. Вот и наступило то самое завтра. О котором я что-то слышал вчера».

Прочитал он грустно, стихотворением песню, написанную Майком Науменко и исполненную группой «Зоопарк», которая называется «6 утра».

Дождя и тумана в это утро не было на улице, но туман был в сознании Александра, а дождь был в его душе.

Он боковым зрением заметил движение. Повернув голову, он увидел кота, который жил у родителей уже лет десять и который в это утро пришел к нему.

– А это ты, ушастый, – он повернулся на бок и оперся на предплечье, – ну иди сюда, раз хочешь, – он чуть побил ладонью по кровати, накрыв это место заведомо простыней.

Кот постоял немного смотря на него, а когда он бил рукой по кровати – то кот смотрел на руку и медленно пошел на удары. Кот был красивого дымчатого цвета. Вальяжной походной он подошел к кровати, несколько секунд постоял и посмотрел, а затем прыгнул на место, которое указывал ему сын хозяев.

– Привет, ушастый, – начал рукой ласкать он кота, а тот тянулся, мурлыкал и подставлялся под ласки. Он от наслаждения закрыл свои серо-зеленые глаза и просто получал

удовольствие, – кто бы меня вот так бы почесал. А? Не знаешь?

Но кот был в другом измерении в этот момент, поэтому даже если бы он и мог разговаривать с человеком на его языке он бы не смог этого сделать – слишком велико было наслаждение.

Александр стал осматривать комнату, порой бросая взгляд на кота.

«Да-а, вот моя деревня, вот мой дом. Столько лет прошло. Я же именно в этой комнате делал уроки в школе, играл в детстве. И уезжал в Ленинград я отсюда на учебу (он стал чесать коту шею и за ухом). Но пускай Москва на меня не обижается, но я никогда не люблю этот город. Не для меня он. Вот город Ленина совсем другое. А Москва...не чувствую я себя в ней так, как чувствую себя в Ленинграде. Да и свое будущее счастье я нашел именно там, а не здесь. Лиза».

– А ты все наслаждаешься? – улыбаясь тихо задал Александр вопрос коту, который уже лежал на спине и подставлял свой живот под ласки, – что, хочешь чтобы и пузо я тебе почесал? Ну давай, – он начал чесать живот питомцу, а тот стал сгибать лапы и мурлыкать, порой сворачиваясь и опять разгибаясь.

«Хорошо котам! Ни работы, ни забот. Ешь, гуляй, спи. Красота, а не жизнь! Вот бы и нам также как им. Конечно, не всем котам так везет...есть и те, которые живут совершенно в других условиях. Но родительский то! Уже под семьдесят

лет, если не больше, по человеческим, а он все хочет чесаний и наслаждается ими. И носится по хате как угорелый порой. Молодец, что еще тут можно сказать».

Александр аккуратно слез с кровати, чтобы не спугнуть кота.

– Сиди здесь, скоро вернусь, – посоветовал он и вышел по потребности.

Выйдя из туалета и помыв руки, он еще сходил на кухню, выпить воды, и только потом вернулся в комнату. Кот сидел на кровати и смотрел на вошедшего.

– Смотри, так и сидит. Послушал мой совет, – он помахал указательным пальцем на уровне груди и улыбнулся.

Он уже не стал ложиться в кровать, а решил посмотреть, какие книги остались стоять в его комнате, в большом стеллаже. в основном, всю литературу, которую он любил больше, он перевез к себе. Среди этих книг были произведения Станислава Лема, Ивана Ефремова, Айзека Азимова, Ярослава Гашека, Карела Чапека, Генриха Сенкевича, Александра Чаковского, Алеся Адамовича, Владимира Богомолова, Александра Беляева, Алексея Толстого, Виктора Гюго, Эриха Марии Ремарка, Франца Кафки, и многих других авторов. Но и дома у родителей осталось еще много различной литературы. Он стал просматривать полки, где стояли книги, на корешках которых были фамилии авторов: Маяковский, Есенин, Пушкин на верхней полке, ниже – Драйзер, Дойл, Хемингуэй, Мелвилл, а еще ниже французские авторы, такие

как Стендаль, Флобер, Рабле. И это только малая часть авторов, представленных в домашней библиотеке. Александр вытащил сразу три книги со второй полки сверху и положил их на пол, сам, опустившись, сел.

– Теодор Драйзер, – сказал он вслух, – замечательная трилогия, – он взял первую книгу из трех, – «Финансист», – отложил и взял следующую, – «Титан», – положил ее на предыдущую и взял последнюю, – и «Стоик».

«Когда-то давно я это все прочитал. Но то было еще в юности. Пора бы снова вспомнить (он взял все три книги в правую руку, а левой погладил корешки). Да и «Американскую трагедию» было бы неплохо прочитать. Все, конечно, охватить невозможно, что в литературе, что в музыке, что и в фильмах. И так большой охват. А так... конечно, очень много достойных есть вещей, которые я еще не читал, да и возможно не прочитаю никогда. Не услышу никогда многие красивые мелодии и композиции. И не посмотрю множество достойный фильмов, потому что это просто невозможно. Но (он встал с пола и стал ставить книги обратно) буду стараться охватить как можно больше и все это осмыслить. Сколько там уже? (он бросил взгляд от книг на часы). Без двадцати семь. Пора уже вставать, а то еще тащиться в Коломну сегодня. Этих партнеров, конечно... ну что поделать – работа».

Он вышел из комнаты, пошел на кухню, чтобы сделать себе кофе, а из холодильника достать ацидофилин. Этого хватало ему для завтрака.

В семь часов тридцать минут Александр вышел из парадной или, как говорили в Москве, подъезда. Уже утром, особенно на солнце, было очень тепло и день обещал быть жарким. Он подошел к своей машине темно-зеленого цвета и отрыл ее. Сев в машину, он завел ее, не закрывая двери, и вышел осмотреть ее, пока та прогревалась.

«Колеса нормально, зеркала нормально, фары работают. Ладно, можно ехать».

Он снял пиджак и положил его на заднее сиденье, где еще раньше он оставил портфель с документами, а сам вернулся за руль, вставил первую передачу и тронулся, но прежде включил поворотник, перед тем как отъехать с места.

«Нужно выехать из города, а там движуха будет уже не такой активной в сторону области».

Когда он уже выезжал из города, то поток автомобилей, едущих в город был в разы больше нежели потом автомобилей, едущих из города. На встречной стороне были пробки и заторы, в том время как Александр спокойно ехал по довольно пустому шоссе. По радио играла знакомая и любимая музыка.

«О, Машина».

В динамиках только пошли первые секунды песни, которую Александр узнал сразу – песня «Спускаясь к великой реке» группы «Машина Времени». Он стал чуть подпевать, не отвлекаясь от управления и дороги.

– Крестики, нолики, фантики Стали теперь солдатики,

Стали теперь служивые, Каждому вышел срок. С вечера спорили, ссорились, А поутру построились, А поутру прицелились, Каждый нажал курок. Спускаясь к великой реке Мы все оставляем следы на песке, И лодка скользит в темноте, А нам остаются круги на воде. Сабельки, пулечки, пушечки, Выбритые макушечки. Цепкие лапы Родины, Да письмецо семье. Холмики, крестики, нолики, Где вы теперь, соколики, Где вы теперь служивые, спите в какой земле? – на этих словах он не стал повторять припев, а задумался и уже слушал песню, которая вошла в альбом под названием «Картонные крылья любви», вышедший в тысяча девятьсот девяносто шестом году, фоном.

«Да, с солдатиками так всегда. Расходный материал, да если еще в неумелых руках командования. Пускай их пушечным мясом вперед и победишь. Или нет. Тут уже как повезет. А вообще...кучка использует сотни тысяч человек преследуя свои цели, «защищая», как они говорят свои интересы. Разве справедливо? Ой, война такое дело...армия такое дело. Зачем все это? Кто это выдумал? Войны, конфликты...все же из-за денег, ну в редком случае за стремление к власти и господству. Сколько миллионеров появилось в Штатах пока шла Вторая Мировая? Десятки, сотни, если не тысячи. Да и сама Война та...черт знает что там было. Не исключаю, если Гитлер сначала договорился с Рузвельтом и Черчиллем, а уже потом, когда Советский Союз дал серьезный отпор и стало ясно, что война затягивается, а Советские

люди не собираются сдаваться, эти два деятеля решили переключить свою внимание с Гитлера на Сталина и вести диалог о совместном противостоянии нацистам. Кто знает, кто знает. В любом случае факт остается фактом – граждане Советского Союза сделали все, что бы защитить свое государство, своих родных и близких, и себя. И они сделали это...и этим мы должны Гордиться. Гордиться тем, как люди пережили Блокаду Ленинграда находясь в таких ужасных условиях и все равно оставаясь людьми, делая свое дело на благо обороны города, как они боролись за свой город, когда нечего было есть, пить, а про водопровод я вообще промолчу...о быте во время Блокады хорошо показал момент Виктор Конецкий в своем произведении «Кто смотрит на облака» (он не мог вспоминать эту и другие книги о Великой Отечественной Войне без слез. Вот и сейчас несколько капель покатались по его щекам. Он стер их рукой и протер глаза, чтобы следить за дорогой). Да и «Блокадная Книга» Гранина и Адамовича, конечно,...такие произведения просто необходимо изучать, читать, знать. Гордиться оборонцами Брестской Крепости, которую держали больше(!) (он крикнул в душе) месяца, когда ее хотели взять противники за самый короткий срок. Да плюс ко всему огромные проблемы с водой...когда река осталась единственным средством откуда можно было взять воду, и ту днем обстреливали, а ночью освещали ракетами. Сколько потом было найдено на берегу реки фляг, кружек, касок, которы были прострелены...и человеческие

тела. Помнить о Смоленской битве, танковом Курском сражении, Сталинграде, обороне Москвы и контрнаступлении, не забывать о кровавых морских сражениях на севере и юге. Ни о чем нельзя забывать. И пока память об этом жива в наших головах, в наших сердцах, во всем нашем теле, пока наши бабушки и дедушки, мамы и папы рассказывают нам о тех страшных годах, о той жизни – мы должны чтить это, жить с этим, и никогда этого не забывать, а дальше передавать своим детям, показывать им фильмы, читать им книги о том ужасном периоде истории и истории нашей страны. Чтобы они знали и помнили, что ни Западная Европа победила нацизм, ни Великобритания, и не Соединенные Штаты Америки, хотя они внесли свой вклад, а победил его Советский Союз вместе с Польшей, сильнейшим Югославским сопротивлением и другими союзниками. Нужно, чтобы они знали не только «главный действующих лиц войны» таких как Сталин, Гитлер, Жуков, Гимmlера и других, но и необходимо знать о таких «людях» как например Оскар Дирлевангер, который командовал подразделением СС, состоящим из заключенных и осужденных, и который измывался над гражданскими людьми в карательных операциях, уничтожая белорусские деревни, подавляя Варшавское восстание, да с такой жестокостью, что в тюрьме, когда в сорок пятом его взяли, его забили до смерти свои же соотечественник. Необходимо знать о таких врагах. Знать о своих героях и помнить их, тех, которые защищали страну от таких вот извер-

гов и нелюдей как Карательный Батальон. Но, одновременно с этим, мы не должны опошлять память об этом, делая и говоря все так, будто там были звери и убийцы, а наши были сплошь положительные, крупномасштабными парадами и другим. Мне кажется, что в первую очередь это горе, это праздник о силе людей, которые боролись, а уж потом это радость от победы. И, если когда-нибудь в будущем, в нашей стране будут проводить военные парады с огромным размахом и не только в столице... значит мы забыли о том, что на самом деле пережили наши люди, наши предшественники, Ветераны(!) той самой войны, а главное уже будет пускать пыль в глаза и показать масштаб того, что мы можем. Вот чего я боюсь и за что переживаю. И как бы в будущем не было такого, что Парад Победы превратиться в тупое шоу, где будут собираться все эти «звезды» и шоумены, которые сейчас вылезают на телевидении, а не Ветераны, чьи места будут заняты. Ладно, посмотрим что будет дальше (чуть успокоившись после возбуждения продолжил рассуждать Александр)... с сегодняшним нашим положением в экономике нам точно не до масштабных парадов. Хотя все может быть – я уже ничему не удивлюсь. Так вот мы и живем».

Он сделал радио чуть громче, где сейчас играла известная песня группы «Агата Кристи» и вел машину дальше, но с уже совершенно другим настроением.

До пункта назначения оставалось еще несколько десятков километров, а Александр уже хотел быстрее приехать, сде-

лать все дела и уехать обратно. Хотя на обратном пути ему нужно было заехать еще и в Раменское, чтобы передать документы.

«В любом случае приеду обратно не раньше шестнадцати, думаю, хотя может быть выйдет и рань...».

– ... ! – он выкрикнул слово, которое в середине содержит ноту «ля», когда прямо перед его автомобилем, подрезав его, выехал джип, застав Александра резко оттормаживаться и сигналить, – куда ты выезжаешь то, твою мать!

Он резко ускорился, поравнялся с джипом и снова просигналил несколько раз, а затем поехал дальше.

«Как так вообще можно выехать прямо перед носом у машины!? Надо же на дорогу смотреть и видеть куда ты едешь».

Только через несколько минут он сбавил ход и до места встречи осталось уже около пятнадцати километров. Наручные часы на левой руке показывали ровно десять часов, а по радио начались новости. Последний километры пути он проехал спокойно и через четверть часа уже выходил из припаркованной машины. На улице он чуть расхотелся, потянулся, а затем взял с заднего сиденья пиджак, который сразу же надел, и портфель. Закрыв машину, Александр пошел к проходной.

– Доброе утро, – сказал он охраннику, который сидел на пункте контроля, – мне необходимо встретиться с Юрьевым Борисом Антоновичем по вопросам сотрудничества.

– Ваш паспорт, пожалуйста, – попросил сотрудник без-

эмоционально.

– Пожалуйста, – передал свой паспорт Александр.

– Борис Антонович предупредил, что вы придете, – сказал охранник просматривая страницу, где фамилия, имя, отчество, дата рождения и другие данные. Затем он переписал фамилию и инициалы, серию и номер паспорта в журнал, – распишитесь вот здесь, – он указал место пальцем, повернув журнал к Александру.

После того, как расписался и положил ручку на сгибе страниц, он услышал: «Проходите. Пройдете прямо и на втором этаже по левую руку будет его кабинет. На двери написана фамилия и инициалы», ответил: «Спасибо» и зашел на территорию предприятия.

Он пошел по асфальтированной дороге к двухэтажному небольшому, по сравнению с другими постройками рядом, зданию. Навстречу попадались сотрудники предприятия. Зайдя внутрь, он поднялся по лестнице и, как ему и посоветовали, искал кабинет по левую руку. На третьей двери от лестницы он увидел табличку с надписью:

«Юрьев Б.А.»

Он постучал в дверь и приоткрыл ее.

– Разрешите? – поинтересовался Александр, когда увидел в кресле мужчину, лет шестидесяти, в очках. Над верхней губой были густые усы, а волос на голове практически уже не было. На нем был темно—коричневый костюм и рубашка кремового цвета. По нему было видно, что сидячая работа

занимает большую часть его времени. В момент когда Александр открыл дверь в кабинет, его хозяин разговаривал по телефону, поэтому только махнул рукой гостю, мол: «Входи». А когда Александр зашел и закрыл за собой дверь, то указал свободной рукой на стул перед столом. Александр сел и стал доставать из портфеля различные бумаги. В этот момент Юрьев закрыл рукой трубку и сказал тихо:

– Еще буквально две - три минуты. Извините.

– Ничего, все понимаю, – также шепотом ответил Александр и поставил портфель на противоположный стул.

Он не стал слушать то, о чем по телефону разговаривает Юрьев, а принялся рассматривать, ненавязчиво, обустройство кабинета. На стене весели грамоты, аттестаты и прочие награды и знаки отличия, на столе множество бумаг, а книжный стеллаж был заполнен многотомными изданиями книг. Сам кабинет был выдержан в темных тонах и не создавал общения «тяжести», наоборот, казалось, что сюда бы не мешала еще добавить немного мебели или чего-то в этом роде.

«Меня всегда удивляло, как в профессиональных кабинетах всегда стоят книги, выдержанные в едином стиле. И всегда издания имеют множество томов, которые могут занимать ни одну и ни две полки».

После осмотра кабинета он отпустил глаза к документам и решил еще раз их просмотреть. Сквозь шелест бумаг он услышал фразу хозяина кабинета:

– Ну все, Игорь Михайлович, договорились. Тогда через

два дня созвонимся. Всего вам доброго.

Он еще несколько секунд подержал трубку у уха, а после положил.

– Здравствуйте, Александр Николаевич, – Юрьев встал и протянул гостю руку.

– Добрый день, Борис Антонович, – Александр пожал протянутую ему руку.

Они оба сели обратно на свои места.

– Что вы с собой привезли? – спросил Юрьев, указывая на портфель и лежащие на коленях Александра бумаги.

– Здесь вся документация по вопросу, который мы с вами решали по телефону, – он передал кипу документов через стол, – объемы, характеристики, количество и прочее. Последние два листка это договор о поставках. Там написаны сроки, в которые можно наладить поставку, и цена за желаемый вами объем.

Юрьев «пробежал» глазами листы и остановился на последних, читая их подробно и внимательно.

– Дороговато, конечно, выходит, – сказал он сквозь зубы.

– Ну вы же понимаете, что это от нас не зависит. Для них Россия – это новый рынок. И пока еще все налаживается и проводятся, так сказать, эксперименты. Возможно, в будущем и откроют завод у нас, если посчитают это целесообразным. А пока поставки с их заводов, поэтому и цены больше.

– И когда они смогут открыть производство у нас? И где это возможно? – с живостью спросил хозяин кабинета.

– Я же вам говорю, – Александр сел прямо и запахнул пиджак, скрестив руки на груди, – пока то неизвестно и будет ли это вообще. Они могут открыть его через три года, а могут и через десять, а могут вообще не отрывать. Вы же не хуже меня это понимаете. А уж где, – он даже задумался, – скорее всего где—нибудь ближе к Европе, не исключая, что могут даже и здесь, в Московской области, где-нибудь в Орехово-Зуево. Ну это я как пример говорю. Кто знает, что там в головах и планах французских коллег.

Юрьев не отвечал, продолжая рассматривать бумаги. Александр тоже предпочел пока немного помолчать.

– Хорошо, – сказал Юрьев, подняв глаза от бумаг на Александра, – мы согласны на такие условия поставок, – он взял ручку, расписался в двух местах и поставил штампы.

– Договорились, – сказал Александр, забирая экземпляр себе, – могу от вас позвонить руководству? – спросил он, указав рукой на телефон.

– Конечно, пожалуйста.

Александр встал, поднял трубку и набрал нужные цифры на диске. Еще не успел закончиться один гудок, трубку на другом конце сняли.

– Да, – услышал Александр знакомый голос.

– Евгений Михайлович, – он мог не представляться, потому что его голос сразу узнали, – я звоню из Коломны. Все в порядке, мы обо всем договорились и всё подписали.

– Отлично! – не скрывая радости, ответил Евгений Ми-

хайлович, – молодец. Куда теперь?

– В Раменское. Там небольшие поставки, особенно по сравнению с Коломной.

– Хорошо. Давай. Потом сообщи мне о результатах.

– Хорошо. Тогда, всего доброго.

– Всего доброго, – и на другом конце повесил трубку.

Александр тоже положил трубку.

– Спасибо, – поблагодарил он Юрьева.

– Да не за что. Как вообще, часто делают заказы?

– Достаточно. Если учет и тот факт, что на российском рынке наши партнеры совсем не долго. В одной Московской области несколько желающих.

– И вы по всем мотаетесь?

– Ну а что делать, приходится. Но я только по Москве, Ленинграду и близлежащим городам. А дальше мы уже смотрим. Где-то можем все решить на расстоянии, а по крупным заказам, как ваш например, конечно, отправляем человека, чтобы не было никаких проблем.

– Понятно, понятно, – Юрьев посмотрел на наручные часы, – могу предложить вам пообедать у нас, если желаете, конечно еще рановато возможно, ну или просто кофе с чем-нибудь. Бесплатно.

Александр чуть подумал, прикинул что нормально поесть он сможет только дома и решил принять предложение Юрьева.

– Да, пообедать было бы неплохо.

– Пойдемте, я вам все покажу, ну а дальше сами.

Они вышли из кабинета, спустились на улицу и пошли в соседнее здание, на котором крупными буквами было написано —СТОЛОВАЯ. На раздаче Юрьев объяснил, что это за гость и что он будет обедать бесплатно. Александру от такого стало даже неудобно, но женщины, работающие там, видно привыкли к такого рода гостям, потому что на их лицах не было выражения возмущение, неожиданности или чего-то в этом роде.

– Ну, всего доброго вам. У меня еще много работы, – сказал Юрьев и протянул Александру свою руку, когда они, решив вопросы с обедом, стояли чуть в стороне.

– Всего вам доброго. Надеюсь, что все сложится нормально в нашем сотрудничестве, – говорил Александр, пожимая руку.

– И я надеюсь, – они разжали руки и Юрьев пошел на выход, а Александр, взяв поднос и приборы, к раздаче.

Он выбрал все, что хотел на первое и второе, плюс взял еще кофе с пирожком и бутылку Крюшона в дорогу.

– Сколько с меня за кофе и лимонад? – обратился он к женщине, примерно его ровеснице, как ему показалось.

– Нисколько, – с улыбкой ответила она, – мы же с Борисом Антоновичем обо всем договорились.

– Ну это же договоренность на обед. А кофе и лимонад это сверх, – также с улыбкой ответил Александр.

– Да ничего страшного. Все учтено.

– Точно? Просто неудобно как-то, – чуть застенчиво сказал он.

– Бросьте. Ерунда, – махнула рукой и посмеялась женщина, – некоторые здесь гору набирают на обед, по несколько бутылок и просто проходят мимо, даже не сказав «спасибо». Поэтому не переживайте.

– Ну я не такой как те, о ком вы рассказали, – с чуть видной улыбкой ответил Александр.

– Я вижу. Поэтому желаю вам принятого аппетита!

– Спасибо вам! – он отошел от стойки, – точно ничего не должен? – спросил он, повернув голову, через плечо.

– Точно! – и женщина снова стала смеяться, а до этого подмигнула Александру.

Он сел за стол, в столовой было пусто и принялся обедать, но чувство какого-то обмана осталось в нем. Не любил он что-то делать за чужой счет, лучше бы он за свои деньги пообедал здесь.

Принимал пищу он примерно двадцать минут, потом, закончив пирожком с капустой и выпив кофе, он отнес поднос с грязной посудой, стеклянную бутылку с Крюшоном взял с собой.

– Спасибо, – сказал он женщине, которая уже сидела рядом с кассовым аппаратом и читала какой-то женский роман.

– На здоровье. До свидания.

– До свидания, – ответил он и пошел к выходу.

На улице стало еще жарче, хоть на небе и появлялось все

больше облаков, которые предвещали возможный дождь.

– Всего доброго, – сказал он на выходе с территории охраннику, который курил на улице.

– До свидания, – сказал он, вынув сигарету изо рта.

Александр сел в машину, положив на боковое сиденье портфель и бутылку, снял пиджак и повесил на переднее пассажирское кресло, завел мотор и достал из бардачка карту, чтобы свериться с маршрутом. Убедившись, что он правильно все помнить, на всякий случай положил карту рядом на сиденье, вставил первую передачу и отъехал со своего парковочного места.

Восьмидесятикилометровый путь от Коломны до Раменского для Александра и его автомобиля прошел без эксцессов и проблем. Поэтому примерно через час его «Opel» подъехал к следующему пункту назначения и припарковался. Он вытащил ключи из зажигания, а затем положил их во внутренний карман пиджака. Сделав несколько глотков Крюшона, бутылку которого он открыл открывашкой, взяв ее из бардачка, он прикрыл его пробкой и положил бутылку в задний карман за сиденьем, чтобы она лежала ровно и не упала. После этого он вышел из машины, через дверь с пассажирской стороны достал пиджак, надел его, а после достал портфель, закрыл машину и направился в сторону входа. По сравнению с предыдущим местом здесь было скромно, одно здание, которое находится в техническом районе для обслуживания автомобилей.

«Кроме «Сатурна» больше не знаю ничего об этом городе».

Он зашел внутрь, прошел ту же процедуру контроля, что и в Коломне. А вот переговоры в этот раз проходили дольше. Но в итоге все сложилось положительно для Александра и договор о поставках и сотрудничестве был подписан. Он сообщил об этом Евгению Михайловичу, только уже с телефон-автомата, когда вышел на улицу. А после звонка пошел не торопясь обратно к машине. Когда он вернулся к автомобилю, то его часы показывали 14.46. Он открыл машину и сразу достал бутылку лимонада и опустошил ее. Дошел до мусорки, которая была в десяти метрах, выбросил пустую бутылку и вернулся к машине. Сложив все вещи на заднее сиденье, он завел мотор и через полминуты тронулся.

– Надо на заправку заехать по пути, – сказал он вслух сам себе, посмотрев на приборную панель и увидев низкий уровень топлива.

Заправившись на выезде из города, Александр поехал по шоссе в сторону Москвы, в сторону дома.

Дома он оказался только около половины пятого вечера. Родители оба были дома и встретили его у двери в квартиру, увидев из окна как он подъехал.

– Привет, – сказал он, закрывая за собой дверь в квартиру.

– Привет, сынок, – мама подошла к нему, обняла и поцеловала в щеку.

– Привет, – сказал отец и они с сыном пожали друг другу

руки.

– Здорова, – ответил ему с улыбкой Александр.

– Сейчас, я ужин приготовлю и будем есть, – сказала мама и пошла обратно на кухню.

– Да не торопись ты, мам, – сказал он, устало улыбаясь.

Отец пошел обратно в комнату, а Александр, сняв ботинки, стал раздеваться в своей комнате. Брюки он повесил на одну вешалку, пиджак на другую, а рубашку бросил к грязному белью. Помыв руки, он сходил на кухню, выпить воды, обменялся несколькими словами с матерью и вернулся к себе в комнату. Достав из портфеля документы он стал все разбирать, перебирать, а со стола взял другие, которые понадобятся ему завтра.

«Почти как в школу и в институт. Вечером собираешься, чтобы не тратить время утром».

Александр иронично улыбнулся.

Собрав и подготовив все на завтра, он решил перечитать бумаги для завтрашних сделок. Этим он занимался до того момента, пока мама не сказала из кухни:

– Всё готова. Так что закругляйтесь.

– Хорошо, мам, – он положил все в портфель, закрыл его и поставил на пол, где всегда оставлял портфель в школе и институте.

«Вот теперь и рабочий стоит на том же месте».

Он вымыл руки в ванной и пошел на кухню ужинать.

Ужин прошел в привычной семейной обстановке – в об-

щении, обсуждении, и отдыхе после трудового дня. Александр заел обильный ужин яблоком и пошел в свою комнату.

«Кинцо что-ли посмотреть вечером?».

– Отец! – крикнул он из комнаты.

– Да!?! – послышался ответ.

– Может посмотрим что-нибудь на вэхаэске?

– Ну можно. А что?

Александр встал с кровати и пошел в общую комнату, где отец доедал яблоко. Мама же лежала в спальне и читала книгу.

«О, Ремарка мама читает, «Жить взаймы», кажется». Отметил он, проходя мимо спальни.

– Ну давай выбирать, – сказал он как бы серьезно, но оба понимали, что никакой серьезности нет.

Александр сел на корточки рядом с полкой, где стояли видеокассеты и стал смотреть по корешкам что бы предложить отцу для просмотра. Какие-то кассеты он сам привозил родителям, какие-то они покупали вместе, а что-то докупал и сам отец.

– Может, «Чужой»? – спросил он, доставая кассету и, не оборачиваясь, подняв ее обложкой к отцу, чтобы тот посмотрел. Хоть оба знали о каком фильме идет речь, но когда Александр выбирал что посмотреть, он всегда так делал.

– Давай, почему бы и не посмотреть классику.

Александр включил аппаратуру, достал кассету.

– А чего ты ее не перемотал то, когда в последний раз

смотрел? – спросил он, когда увидел, что практически вся пленка видеокассеты справа стороны.

– А может это еще ты не перемотал, – сказал отец с улыбкой.

– Да я здесь...

– Давай мотай, – прервал его отец, – не бухти, – и посмеялся.

Александр, который привык, что с отцом они говорили чуть ли не по-дружески и такие выпады, серьезно-юморные, были для них обыденны, вставил кассету и поставил ее на быструю перемотку.

– Отец, отец, – сказал он, улыбаясь и садясь рядом с отцом.

– Чего? – посмотрел тот на него.

– Ничего, – он приобнял отца за плечо.

– Давно мы уже кино вместе не смотрели.

– Да, – он сказал это «да», очень растягивая, – в кино вместе ходили раньше. Было время.

– Да. И с Каткой тоже. Так возьмем, соберемся все вчетвером и пойдем. Главное было попасть. Слушай, вот такое ощущение что это было недавно, а столько уже прошло времени. И ты уже с Лизой давно. И у Кати своя жизнь.

– Да. Время летит, – он прижал плечо отца к своему, – но главное, что это осталось у нас в голове и мы можем это вспоминать, говорить об этом. Да, былого не вернуть нам. Но надо ли это? Все самое приятное, запоминающееся осталось

в памяти. Да, пап?

– Конечно. Вы с Катькой самое дорогое, что есть в нашей с мамой жизни.

В этот момент перемотка закончилась. Александр встал, запустил кассету и вернулся обратно.

– Хороший фильм, что сказать, – произнес Александр, когда пошли финальные титры.

– Да. Скотт снял отличное кино, – продолжил отец.

– Вот хорошо так. Вечером, после рабочего дня, сесть посмотреть отличное кино, будь-то наше или западное. Конечно, такие фильм как раз чтобы отдохнуть, «очистить» голову. Все же кино – великая вещь. Как и музыка. Хотя футбол или хоккей тоже неплохо посмотреть вечером, тоже отдых, плюс боление за любимую команду.

– Согласен, Саша. Ой, ладно, – сказал он, вставая, когда титры закончились, – пойду ложиться, если мама будет не против принять меня к себе, – он улыбнулся. Улыбнулся и его сын.

– Давайте, – отец вышел из комнаты и уже начал диалог с мамой, а Александр стал поставил кассету на перемотку и сам пошел пока чистить зубы.

После практически трехчасового просмотра фильма, с паузой на то, чтобы сделать чай, время было уже – двадцать два часа. Отец и мать Александра постепенно собирались спать и вслед за ним, когда он уже вернулся в комнату чтобы вынуть видеокассету и поставить ее на место, пошли чистить зубы.

Все выключив, проверив и приготовив свое спальное место, Александр зашел в спальню родителей, поцеловал маму, пару раз легонько постучал по ногам отца, которые уже были под одеялом и пожелал спокойной ночи. После, зашел на кухню, выпил стакан воды, сходил в туалет и лег в свою кровать. Чуть полежав, он сам не заметил как уснул, хоть и одна рука была у него за головой.

Довольно скоро он проснулся, не чувствуя левую руку, которая и лежала за головой. Он не мог ее поднять, так сильно она затекла. Правой рукой он переложил затекшую руку на кровать. Она казалась ему невероятно тяжелой. Когда рука лежала уже прямо, он почувствовал что сила в нее возвращается и уже через некоторое время он мог чуть шевелить пальцами, а потом уже и всей рукой. Когда окончательно рука отошла, он повернулся на бок и мгновенно заснул.

В эту ночь ему снова приснился не очень приятный сон.

В нем он был еще юношей. Они, почему-то, только с мамой были в доме отдыха на озере, где они действительно отдыхали несколько раз раньше. Они с мамой пришли на завтрак, а им говорят, что необходимо взять талоны для этого. Мама отправляет Сашу к администратору, а там ему говорят, что завтракать они могут так, а вот когда пойдут на обед, необходимо их взять. Он просит дать ему их сейчас. Женщина за стойкой отдает ему два талона на обед и Саша бежит обратно (завтрак почему-то проходил не в столовой, как обычно, а на берегу озера). Чтобы вернуться на место завтра-

ка необходимо обогнуть по берегу часть озера. Саша решает плыть, чтобы долго не обходить, а напрямик. И тут он прыгает в воду рыбкой, заныривает и чуть проплыв под водой чувствует, что запас воздуха у него заканчивается. Он поднимается наверх, руки уже над водой, но голова по прежнему остается под водой. Даже затылок уже из воды поднялся на поверхность, но вся лицевая часть остается под водой и он не может вдохнуть воздуха. Саша чувствует что задыхается и в этот момент проснулся. Он действительно не мог вздохнуть в жизни. Как проснулся, первое что он сделал – отдышался. Правая ноздря оказалась заложенной, а левой он так лег на подушку, что не мог ей дышать.

Он лег на спину, посмотрел на часы. Было шесть тридцать утра.

«Все же защитная функция организма – это великая вещь. Но под действием алкоголя идет ее торможение и может не сработать. Что и случилось с ударником Зеппелин Бонэмом. Фу... но вот в такие ситуации действительно страшно».

Он еще полежал несколько минут, а потом встал с кровати, посидел на ней минуточку-две и пошел завтракать и собираться на новые встречи.

В этот день он также как и вчера ездил на своем Opel Kadett по городам Московской области, обсуждая контракты и договариваясь о поставках товара. Домой он вернулся только к двадцати часам, поужинав (пообедать, как вчера, ему не удалось в этот раз), он лег на кровать и незаметно для

себя уснул. Когда он проснулся, в комнате уже было темно, а часы на его руке показывали половину первого.

«О, черт. Отрубился. Зараза! (он легко ударил по кровати, тихо, чтобы никто не слышал)».

Александр встал, снял с себя халат, часы, расстелил кровать и, так не почистив зубы, лег на кровать, укрылся и продолжил спать. Заснул он очень быстро.

Утром он проснулся позже обычного. Сегодняшний день был у него свободен и ему было необходимо встретить сестру на вокзале.

«Поезд прибывает в двенадцать часов тридцать шесть минут. А сейчас (он посмотрел на часы) семь тридцать утра. И у отца выходной. Все дома сегодня».

Шагов, листания страниц книги тоже не было.

«Еще спят родители».

Он лежал и думал о том как будет встречать сестру и Антуана с поезда.

«Приехала бы она лучше одна. Нет, конечно, хорошо, что она нашла свое, возможное, счастье. Но сейчас пытаться знакомиться, завязывать разговор. Новый, неизвестный мне человек. Как я это все не люблю (он зевнул и потянулся). Ладно, раз я дома с родителями, пойду омлет на всех сделаю».

Он вылез из кровати, сходил в туалет, помыл руки и умылся сам, а потом пошел на кухню готовить завтрак.

Услышав возню на кухне, мама Александра пришла туда.

– О, привет мама, – сказал он, обернувшись после того

как услышал приближающиеся шаги. Он подошел к маме и поцеловал ее в щеку.

– Доброе утро, сынок. Что делаешь?

– Омлет вам с отцом готовлю, – он вернулся к «рабочему месту», собираясь уже переливать массу из миски в противень.

– С чего это ты? – мама стояла, смотрела на сына и улыбалась.

– А почему я не могу приготовить родителям завтрак? – он поставил противень в духовку и включил ее, а сам положил всю грязную посуду в раковину и стал мыть ее.

– Давай я помою, – мама буквально бросилась к Александру.

– Не нужно. Я сам.

– Давай, – она не отставала от него.

– Мама, – он улыбнулся, – отвали, – он сказал по доброму, – я сам, мне уже не десять лет давно.

– Сколько бы лет тебе не было, ты всегда остаешься моим сыном, как Катюша остается моей дочерью. И я вас обоих люблю больше всех.

– Да понимаю я. Но иди отдыхай, я все сделаю. Вот, к папе иди, – он усмехнулся.

Мама одарила его суровым взглядом, который тут же сменился на добрый.

– Иди ты, – сказала она смеясь и ушла с кухни.

– Ой, родители, родители, – Александр продолжал мыть

посуду и улыбаться искренне и любя, думая о родителях.

– Давайте уже вставайте, – сказал Александр, проходя мимо спальни родителей, неся две кружки кофе в общую комнату.

– Давайте, давайте, – сказал он, уже совращаясь на кухню из комнаты и показывая рукой, мол «поднимайтесь», – все готово уже.

– Не дает спать родителям, – сказал отец поднимаясь и заправляя кровать.

– И хватит гундеть, – Александр шел, держа в руках третью кружку, и смеялся.

– Ага, конечно. Буду гундеть! – сказал он это серьезно и даже с обидой, но оба, отец и сын, знали, что все шутя.

– Мы же обычно на кухне кушаем, – сказала мама, выходя из комнаты, когда сын возвращался на кухню.

– Давайте в комнате, там просторнее, телек можем посмотреть. Если вы не против, конечно.

– Да нам то без разницы, – она поцеловала сына.

На кухне он всем разложил завтрак, взял все три тарелки (две поставил на одну руку, а третью и приборы взял в другую) и пошел в комнату, родители уже были там.

– И долго вас ждать? – с издевкой спросил отец.

– А ты сам приготовь, – ответил Александр, ставя перед каждым тарелки и раскладывая приборы.

– Спасибо, сынок, – сказала мама

– Да не за что, – ответил сын и сел на стул, – приятного

аппетита.

– Спасибо, – почти одновременно сказали родители.

– Отец, хватит мотать. Ну нет ничего по ящику – выключи, – жуя сказал Александр.

– А ну тихо, – отец продолжал переключать каналы.

– Ну нет ничего же. Ешь давай.

– Сейчас найдем.

– Бестолку, – сказал сын, продолжая завтракать. Он не обижался на отца, просто ему надоело то, что он уже не по первому кругу переключает каналы.

«Сам бухчу все».

Во время завтрака, наконец найдя подходящий канал, они общались между собой, обсуждали любые темы, но потом разговор перешел на тему приезда дочери и сестры – Екатерины.

– Сегодня едешь Катюшу встречать? – интонаций, по которой можно догадаться даже не зная, что она заранее знает ответ, спросила мама Александра.

– Ну а как же, мам, – ответил сын, отпив кофе.

– Как, интересно, она провела время в Париже? – сама себе задала вопрос единственная женщина среди трех человек.

«С мужиками знакомства заводила и чуть работала»

При этих мыслях лицо Александра сделалось чуть заметно злым.

– Вот она приедет – и все тебе расскажет, – сказал сын матери вместе того, что он подумал.

– Да нормально она время провела, – вставил отец, – свободная, красивая девушка... уж, мне кажется, понятно, что она могла делать помимо работы.

– А вот это – здравая мысль, – поддержал Александр и обнял отца.

– Вот вы... даже не даете подумать о красивом...

– Мам, мы не сказке, а в жизни. И секс – это неотъемлемая часть этой самой жизни. А в этом плане Катюха никогда не пропадет.

– Правильно, – сказал отец, после глотка кофе.

– Ешьте свой омлет, – наигранно обидевшись сказала мать и жена, повернув голову к телевизору.

Покончив с завтраком около девяти часов, Александр стал заниматься мелкими домашними делами, которые остались, а также немного работой, перебирая договоры и документы. В одиннадцать часов он уже собирался, чтобы поехать на вокзал.

– К нам завезешь Катю? – спросила мама, когда Александр, сидя на корточках, завязывал шнурки кроссовок. Также на нем были светлые брюки и темная рубашка.

– Как она захочет. Я ей предложу, конечно, но после поезда и такого довольно длинного переезда не удивлюсь, если она сразу захочет домой – отдохнуть, – на последнем слове он начал уже вставать.

– Понимаю, понимаю. Рано едешь то.

– А чего дома сидеть? – он улыбнулся и потянулся за су-

мочкой с документами и ключами от машины, – да и пробки уже рассосались.

– И во сколько, примерно, ждать возвращения? – отец вышел из комнаты.

– Ну, думаю, что около половины второго, двух. Примерно так, – он проверил все ли на месте в сумочке, – так. Тогда я поеду, давай мам, – он обнял маму и поцеловал ее в щеку, а она его, – давай пап, – он дал руку, отец дал свою в ответ, – все. Пока.

Александр открыл дверь.

– Пока, – сказали родители одновременно, а отец хлопнул сына по спине.

– Пока, – чуть обернувшись сказал Александр и вышел. Дверь за ним закрылась и замок задвинули.

Выйдя во двор к машине, он открыл ее, обернулся, помачал рукой родителям и сел в машину. Завел, чуть прогрел и отъехал с парковочного места.

До вокзала он добрался примерно за пол часа. Припарковал автомобиль чуть в стороне и пошел в здание вокзала. Зайдя внутрь, он на табло нашел поезд, который ждет, но номера платформы, на которую тот прибывает, еще не было. До прибытия оставалось около сорока минут. Он пошел в зал ожидания, где спали, лежа на скамейках, бездомные, ждали свои поезда туристы. Встречающих, кроме Александра, в зале не было.

«До чего довели своих же граждан. Раньше такого не бы-

ло. Но в начале последнего десятилетия этого века началось черт знает что. И черт знает что продолжается».

Он это подумал, когда его взгляд упал на несколько бездомных, которые спали, лежали, ели в разных частях зала ожидания.

За двадцать минут до времени прибытия поезда он вышел из зала ожидания и увидел, что на табло написана платформа прибытия, а по громкой связи объявил, что нумерация вагонов начинается с хвоста поезда.

«О, мне в самый конец, практически. Вагон номер два мне нужен».

Он вышел на перрон и стал ходить по платформе в ожидании поезда.

«О, этот неповторимый запах железнодорожного вокзала. Классно».

За пять минут до ожидаемого времени прибытия появились огни локомотива. Александр встал примерно в начале последней четверти платформы, если считать от здания вокзала. По мере подхода поезда он мог определить куда ему точно нужно. Стояли несколько сотрудников вокзала, для помощи пассажирам с переносом их багажа в нужное место, по платформе прошли мимо Александра два милиционера. От места где он остановился, когда поезд практически закончил движение, ему пришлось пройти по платформе еще немного дальше.

«На один вагон промахнулся. Не зря братья Люмьер сняли

именно прибытие поезда, а не проход человека или что-то иное. Прибытие поезда просто завораживает. ».

Поезд остановился. Александр остановился перед дверью второго вагона с хвоста на противоположном конце платформы, чтобы не мешать выходящим. Дверь вагона открылась. Вышел проводник.

Александр направил свой взгляд на то место, откуда сейчас будут выходить пассажиры.

ПОЕЗД «ПАРИЖ—МОСКВА»

Поезд, в котором находились Екатерина и Антуан, толкнулся и тронулся с места, отходя от вокзала. Она смотрела в окно – кто-то бежал рядом с поездом, провожая последними взглядами родственников, друзей, любимых, кто-то просто стоял на месте и смотрел на уходящий поезд, кто-то плакал в стороне. Отход поезда совершенно другое, нежели отлет самолета или отплытие корабля. На поезде ты с человеком можешь быть до последней секунды и даже можешь держать его за руку через окошко, когда сам остаешься на платформе, а тот, кого провожаешь – уже в поезде. Ты видишь все эмоции человека и сам чувствуешь их. В аэропорту ты прощаешься с человеком задолго до того места, откуда улетает самолета. На морском вокзале ты если и увидишь на палубе человека, то он будет далеко и среди других сотен пассажиров. А с отходом поезда – уходит и человек от тебя, также медленно, грустно, далеко. Уходить тот, кого ты только минуту назад держал в своих объятиях, в своих руках, чувство-

вал тепло тела. И ты можешь провожать поезд взглядом до того момента, пока он не скроется за поворотом, отойдя от вокзала.

«Саша любит смотреть на прибытие поезда, но очень сильно грустит тогда, когда он уходит, увозя любимого ему человека».

Поезд набирал ход, а Екатерина прижалась к Антуану и они сидели рядом, обняв друг друга.

– Не грустно тебе уезжать, Антуан? – спросила Екатерина, подняв по-детски добрые и искренние глаза на Антуана.

– Да как тебе сказать..., – он протер глаза тыльной стороной ладони, – конечно, грустно немного, но ты рядом со мной, – он повернул голову к ней и его взгляд теперь был направлен не на пейзаж за окном, а на нее, – а этот факт меня согревает. Тем более, сейчас же я уезжаю не на всегда, а на время и скоро вернусь, думаю.

– Да, конечно, – а в голове Екатерины крутились строчки из песни группы «Машина Времени» – «Я сюда еще вернусь, Нужно только выбрать день». Она прижалась к нему еще сильнее.

Тм временем поезд уже разогнался и увозил Екатерину и Антуана все дальше от Восточного вокзала и все ближе к Белорусскому.

– Поужинаем? – между поцелуями спросил Антуан, – я приглашаю.

– Почему бы и нет, – также между поцелуями отвечала

Екатерина.

– Тогда, будем собираться?

– Будем, – ответила она, когда он встал с места, облизнув верхнюю губу.

– Мне нужно будет только немного отойти, – он улыбнулся, – сама понимаешь – ходить сейчас не очень удобно мне некоторое время.

– Понимаю. Ничего, отойдешь. А ночью ходить и вовсе не придется, – она подмигнула ему и встал сама, начав приводить себя в порядок.

Через двадцать минут они сидели в вагоне-ресторане, выбирая, чем им поужинать. Выбрав блюда и напитки (Екатерина взяла вино, а Антуан виноградный сок, чтобы не было большого отличия) они, в ожидании ужина, начали разговор о Москве.

– Ты то со мной часто сможешь быть в Москве?

– Ну—у...довольно часто. Правда, работать еще буду, но думаю, что времени нам с тобой будет оставаться много на двоих. Тем более жить же вместе будем.

– Ну этот факт уже дает нам много времени на совместное времяпрепровождение.

– Тебе город то интересно увидеть, посмотреть его?

– Конечно. Пока ты будешь на работе – ничего не мешает мне гулять по городу или ходить на экскурсии. Уж не ребенок – смогу разобраться. Хотя, если тебе не сложно, напиши мне места куда лучше сходить сначала и на карте их пометь.

А там уж, с помощью метро я справлюсь.

– Конечно. Никаких проблем. Я сама хотела тебе это предложить.

– А расскажи сейчас, что вот необходимо увидеть в Москве? – с интересом спросил Антуан и подался к ней.

– Так. Сейчас попробую все в своей голове систематизировать и рассказать тебе очень подробно о Москве и главных, по моему мнению, достопримечательностей города, – после небольшой паузы она продолжила, – начнем с банального – Кремль и Красная Площадь.

– О! Это место я знаю.

– Еще бы, – она улыбнулась, – наверное, все, слыша название города Москва, вспоминают Кремль и Красную Площадь, ну или Красную и Кремль, не знаю что главнее и первостепенное. Ну и не зря это самые посещаемые места города туристами, да и его жителями ежегодно. Плюс, там же, на Красной Площади, расположен Исторический музей знаменитый и Мавзолей, где лежит Владимир Ильич Ленин. А, и, конечно же, Некрополь у Кремлевской стены – могилы знаменитых людей, политических деятелей. Может кого знаешь, там похоронены – Ворошилов, Дзержинский, Брежнев, Андропов, Сталин...

– А, его знаю вроде, – перебил ее Антуан, – Сталин – это ваш диктатор знаменитый, да?

– У каждого человека свое понятие о диктате. Разве, тот же ваш Шарль де Голль не диктатор?

– С чего это?

– А почему и нет? Понимаешь, вам здесь, в Европе, так промывают мозги по этому поводу. Диктатор, враг и тому подобное. Даже если это и так, то это дело нашей страны, а не других. Конечно, однозначно о политике Сталина говорить нельзя. Но разве о ком-то мы можем говорить однозначно? Да, пятьдесят восьмая статья, репрессии, ГУЛАГи и прочее имело место быть и погубило многие тысячи и миллионы жизней. Но, знаешь, я же там не была и не могу точно знать как и что там было. То, что мы из-за Сталина, что говорить, упустили начало Великой Отечественной Войны – это факт. Но сейчас я даже не хочу это обсуждать. Сама я его не очень люблю, и тот период истории как в нашей стране, так и в мире вообще. Но, Антуан, признай, что ваша страна просто сдалась во время Второй Мировой, подняв лапки с белым флагом вверх. Разве нет?

– Ну, – Екатерина видела, что ему сейчас было очень неловко, – мы тоже приложили руку к победе над Гитлером.

«Хорошо, что Саша сейчас нет рядом. А то он бы тут вспомнил...и Сталина, и Черчилля, и Рузвельта. И все войну, победой в которой он гордиться и чтит, но сам факт ее ему противен. Но забывать такое мы не имеем права, как и давать переписывать историю. Ладно, Катя, успокойся, другой менталитет, другие знания и информирование. Но хрен что вы там выиграли. Второфронтники».

– Ладно, давай закончим о войне.

– Я не против.

– В общем, вернусь к теме, там похоронены и наши, и иностранные деятели. Там есть и Джон Рид, и Клара Цеткин, и другие. Следующее место, которое приходит мне на ум – Храм Василия Блаженного. Не будем пока далеко отходить от Красной Площади. Вообще-то, правильно назвать его – Собор Покрова на Рву, но большинству он известен именно как Храм Василия Блаженного. Если верит легендам или преданиям этот чудотворец собирал деньги на строительство храма, а впоследствии был похоронен у его стен. Думаю, что на фотографиях с видами Москвы ты видел этот собор-храм.

– Скорее всего я понимаю о чем ты говоришь.

– Думаю, что да. Очень красивый вид открывается на город с Воробьевых Гор или с Останкинской Телебашни. Знаешь, честно, сама не сильна в достопримечательностях города, но для тебя я подниму этот вопрос. Сейчас могу тебе перечислить несколько знаковых мест еще, которые стоит увидеть или посетить. Или сделать и то, и другое.

– Давай, милая, – Антуан откинулся на спинку и смотрел на Екатерину. Она изредка поднимала глаза на него, переводя их с окружающих на свои руки, в которых крутила нож:

– Это Музей изобразительных искусств имени нашего великого и замечательного поэта Александра Сергеевича Пушкина. Это Третьяковская галерея, Выставка достижений народного хозяйства (сокращение ВДНХ она сказала по русски), Кремлевский Дворец, Большой Театр, Собор Непороч-

ного Зачатия Пресвятой Девы Марии, Сталинский высоты, и, конечно же, Московский Государственный Университет. Это очень короткий список того, что стоит увидеть и что пришло мне в голову сейчас. На самом деле таких мест, которые необходимо посетить, очень много.

– Понял, – на глазах Антуан застыло изумление.

– Это ты еще про Петербург не слышал, – сказала Екатерина, видя его реакцию. Вот там то точно, смотреть – не пересмотреть.

В этот момент принесли еду с напитками, потому что они попросили все подать одновременно.

– Приятного аппетита, – сказал с улыбкой Антуан, но видно было, что он до сих пор под впечатлением.

Ужинать они закончили около полуночи. Из вагона-ресторана они отправились обратно в свое купе в спальном вагоне.

– Подождешь меня в купе? – спросил Антуан, когда они зашли в вагон, – я хочу в туалет зайти.

– Да, конечно.

Екатерина пошла дальше, а Антуан дернул ручку туалета, однако тот был закрыт, поэтому он остался ждать рядом. Он смотрел Екатерине вслед, не отводя взгляд. Когда ей до своего купе осталось миновать еще два чужих, Антуан сказал вслух чуть слышно:

– А, к черту!

И быстро, чуть ли не бегом, пошел к купе. Когда Екатерина уже его открывала, он как раз подошел сзади, что она

успела только повернуть голову, в тот момент, когда он обеими руками сжал ее ягодицы (в проходе вагона, в этот момент, людей не было). Так они и оказались в купе. Когда они были внутри, Антуан закрыл дверь за ними. Когда с внешним миром их объединяло только окно, из которого были видны ночные просторы, проносящиеся с очень быстрой скоростью, Антуан прижался телом к спине Екатерины и мял ее грудь резкими, сильными движениями рук, а губами целовал ее шею, мочки ушей. Она начала чуть стонать от этого и даже через одежду чувствовать возбуждение Антуана. Ее руки скользили по его волосам, а при некоторых ласках груди и сжимали их. Такими же резким движениями Антуан развернул Екатерину к себе так, что теперь они оба смотрели не в окно, а в дверь, и с силой прижал ее к двери. От такого она даже вскрикнула. Он стал расстегивать ее блузку. Когда спереди она была расстегнута, он расстегнул пуговицы на рукавах, а затем снял ее не без помощи Екатерины. Теперь его руки отделял от груди Екатерины лишь кружевной бюстгальтер. Он расстегнул замок бюстгальтера на ее спине, спустил бретельки до локтей, а дальше уже сама Екатерина сняла лифчик и бросила его на одно из спальных мест. Он положил свои руки на ее грудь, а всем телом буквально вдавил ее в дверь вагона.

«Главное, чтобы дверь не сорвалась и мы оба не выпали».

В шутку подумала Екатерина.

Тем временем, руки Антуана скользили по ее телу, от гру-

ди до живота, а иногда были и на ягодицах. Он чуть отошел от нее и шлепнул с такой силой, что звук был очень громким.

«Да такой шлепок не то, что вагон, весь поезд услышит».

Она повернулась к нему с широко раскрытыми глазами от удивления и неожиданности. Он тут же начал ее целовать, а руками забрался под брюки и ласкал ее ягодицы, не прерывая поцелуев. Она сняла с него рубашку-поло и уже сама опустила голову ниже, начав целовать его шею, грудь, облизывать и прикусывать соски. Антуан сжимал зубы от наслаждения, сдерживая звуки, поэтому Екатерине казалось, что он рычит. А спускалась постепенно к животу и уже стояла на коленях перед Антуаном. Он поглаживал ее по голове, иногда притягивая, во время поцелуев, ее голову к своему телу так, что он чуть могла дышать. Целуя живот (волос на котором, как и на груди, и на руках не было) она расстегивала ремень, а затем и джинсы. Закончив, она разом опустила на пол и джинсы, и трусы. Через секунду она начала доставлять Антуану удовольствие. Он сжимал ее волосы и сам выбирал темп и глубину. Через минуту, он с силой поднял ее на ноги, потянув за волосы и толкнул на спальное место. Быстро расстегнул и стащил с нее брюки, затем трусики. Теперь оба они были полностью раздеты. Антуан залез на полку и встал на колени, ровно вытянув спину. Подтащил, за бедра, к себе Екатерину, которая была к нему спиной и уже выгнулась, а улыбка застыла на ее лице. Антуан сделал то, что было у Екатерины впервые – он не помогал себе руками перед тем, как

оказаться в ней. Когда это произошло она застонала громче, чем прежде. Размеренные толчки первые несколько секунд сменились прямо таки резкими и грубыми, после того, как Антуан взял ее за волосы и тянул к себе, заставляя выгибаться Екатерину очень сильно. Ей было одновременно и боль, и страшно, и очень приятно, поэтому она ничего не говорила против и не хотела останавливаться. Из нее вырывались только стоны, иногда она вскрикивала, а порой, через неровное дыхание говорила: «Да-ааа, да-ааааа». Так продолжалось несколько минут – тело Екатерины чувствовало все, а раскачивалось оно не только от толчков Антуана, но и от того, что раскачивался сам поезд. Это было необычное ощущение и иногда движения могли быть совершенно непредсказуемыми. Антуан остановился, перевернул ее на спину, а сам буквально навис над ней. Через несколько секунд толчки, стоны продолжились, а рука Антуана чуть сжимала шею Екатерины, но постепенно сжатие становилось сильнее, темп быстрее. Ей становилось тяжелее дышать, но ощущения от этого только обострялись. И вот темп стал совсем быстрым, а рука сжала ее шею так, что глаза у Екатерины стали закатываться и она, одновременно с Антуаном разрядилась. Он снял с шеи руку, лег на нее и пытался отдышаться, а она вся дрожала и не была способна думать о чем либо. Она положила руки ему на спину, которая была вся влажная, как и все его тело, и стала его гладить, а он просто лежал на ее груди, изредка целуя ее. И только чуть позже, уже отойдя и прийдя

в себя она подумала и чуть встрепелулась.

«Он же был без презерватива...и все это...все это теперь во мне».

Она не стала говорить ничего Антуану, и больше не стала думать об этом, она просто лежала после полученного удовольствия от человека, которого полюбила, и была счастлива.

– Тебе как было, Катрин? – спросил Антуан, опершись на локти и смотря в глаза Екатерины.

– Прекрасно, дорогой. Прекрасно, – отрывисто сказала она.

– Пойду умоюсь, – он встал, оделся, смотря в окно и поглядывая на лежащую без всего Екатерину, улыбаясь ей, а она одаривала его улыбкой в ответ. Лунный свет попадал прямо на ее обнаженную грудь.

Он вышел и закрыл за собой дверь в купе, а Екатерина лежала и милая улыбка наслаждения была на ее лице, однако шея все же чуть болела после таких сжиманий Антуана.

Когда он вернулся, уже она пошла в туалет, чтобы хоть как-то привести себя в порядок, а когда вернулась – Антуан уже спал, а вещи Екатерины были аккуратно сложены (она пошла в туалет в халате), включая нижнее белье. Она улыбнулась, поцеловала в щеку Антуана и легла, окунувшись в сон уже через минуту.

Ночь прошла спокойно и утром Екатерина проснулась раньше Антуана. Ее наручные часы, которые она оставила на

столике, показывали девять часов двадцать девять минут, а секундная стрелка уже приближалась к двенадцати. Она села на полке и потерла ладонями щеки, а пальцами глаза чтобы немного отойти от сна. Антуан спал, лежа на спине, а его грудь приподнималась при вдохе и опускалась при выдохе. Екатерину заворожила эта картина и когда взгляд стал уже не таким мутным – она сидела и смотрела на спящего Антуана несколько минут. Простыней его тело было прикрыто только до пояса, а выше – уже нет.

«Это судьба, что мы вот так встретились. И я уверена, что все у нас с ним в будущем сложится. А возможно, что уже и совсем скоро. Да и мне уже пора начинать что-то серьезное, чтобы впоследствии точно не быть одной (она ладонью провела по животу, а затем сделала несколько круговых движений, гладя его). Так что – без контрацепции все у нас будет».

Екатерина встала (на ней из одежды были только трусики) и чуть пошатываясь от движения поезда подошла спящему Антуану. Посмотрела на него уже сверху и ближе. Улыбнулась, а затем опустила голову, оперлась рукой на стенку и поцеловала его живот, потом его грудь несколько раз и в разных местах, а когда она дошла до губ, то увидела, что Антуан смотреть на нее.

– Давно проснулся? – спросила она, поймав его взгляд.

– В тот момент, когда ты целовала мою грудь, – ответил он улыбнувшись.

– А мне закончить тебя целовать? – она задала с улыбкой

этот риторический, как оба поняли, вопрос.

– Продолжай, – он потянул ее голову к себе и страстно поцеловал в губы.

Екатерина после поцелуя сняла трусики и перекинула одну ногу через Антуана и сел поверх него. Ее пальцы скользили по его телу, а иногда скользили и ее ногти. А пальцы Антуана ласкали ее тело то с боков, то на груди. А порой он следовал своими руками поверх рук Екатерины. Ее руки проскользнули он плеч, по шее, дальше по груди и животу. Она чуть привстала, откинула простыню и спустила с Антуана трусы до колен.

– Сегодня я все сделаю для тебя, – сказала она, лаская Антуана. В ответ он только ей улыбнулся и погладил по руке.

После короткой ласки руками, Екатерина сама сделала все, чтобы их тела соединились. И когда это произошло, она застонала, а он громко выдохнул. Екатерина начала движения вверх-вниз плавно и размеренно, Антуан в этот момент лежал, лаская ее тело руками и смотря на нее. Но потом сам подключился так, чтобы их движения были навстречу друг другу. Когда Екатерина приподнималась, он чуть вдавливал себя вниз, чтобы потом их тела пошли друг на друга. Екатерина стала опускаться, а Антуан с усилием поднял таз и от такого Екатерина вскрикнула, таким было наслаждение. Так они продолжали. Иногда вагон чуть подбрасывало и это неминуемо влияло и на них. Через некоторое время Екатерина резко опустилась на Антуана, ее тело дрожало и она

громко дышала, стонала и сдерживала крик: «А-ааа». Через несколько секунд это закончилось, но она решила остаться лежать на теле Антуана, двигаясь нижней частью своего тела, а он обнял ее руками и крепко прижал к себе. Уже через минуту сам Антуан чуть стонал и тепло стало разливаться внутри тело Екатерины, и движения стали одиночными и резкими, а затем и вовсе прекратились. Екатерина упала головой на его грудь и все тело ее обмякло, а он обнимал ее. Оба они молчали и переживали удовольствие от того, что только что произошло. Они не хотели отпускать друг друга и оба чувствовали это. Их сейчас не волновали надобности в туалете, воде, еде. Их волновали только они сами, и главное для них было сейчас – быть рядом и не расставаться.

Но расстаться им все же пришлось, пусть и через продолжительное время. По очереди они сходили умыться, почистить зубы, а затем легко позавтракали. Путешествие в поезде шло своим чередом – остановки, границы, замедление, ускорение хода. Вечером Екатерина и Антуан вновь решили сходить в вагон-ресторан. Пока они были в своем купе, поезд мчался и был все ближе и ближе к Белорусскому вокзалу города Москвы. На станциях они выходили прогуляться, размять ноги, благо погода позволяла это сделать. В купе тоже было комфортно по температуре и ничто не мешало им сидеть рядом или друг напротив друга и общаться.

– Что ты меня разглядываешь? – смущенно улыбнулась Екатерина, перед тем как задать этот вопрос.

– Да так, люблюсь тобой, наслаждаюсь.

– Ну наслаждайся, – она сидела в халате и начала тереть пальцами кушак, который спереди был завязан бантиком, – слушай, я хотела с тобой поговорить по поводу..., – она вздохнула, – ты сознательно не стал...не стал предохраняться когда мы занимались любовью?

– Да, и закончил я тоже сознательно, – он подался вперед к ней и положил свои руки поверх ее рук, – я хочу быть с тобой, Катрин, а раз и ты позволила мне это сделать, значит и ты со мной тоже хочешь быть, верно?

– Мы так хорошо чувствуем друга друга, – она подалась ему навстречу и они были так близка, что кончики их носов чуть соприкасались, а глаза смотрели в глаза, – мне с тобой рядом так хорошо, так легко...

– И мне с тобой, Катрин, – их фразы переходили одна в другую, без паузы.

– Ты будешь со мной, Антуан?

– Буду. Мы будем рядом. И сегодняшняя поездка в Москву... большее, чем просто поездка, – он опустил глаза в пол, но через секунду поднял их и завершил фразу, – это переезд.

В купе повисла пауза. Молчание продолжалось несколько секунд.

«Я, конечно, ждала этого, но все равно это очень и очень неожиданные слова от него. И что мне сейчас ответить? Я правда рада, но это все так...».

– Я рада, милый. Но нужно посмотреть как все сложить-

ся. Ты же не можешь просто так взять, – она усмехнулась от досады, – и бросить ту работу, которая сейчас у тебя.

– Я могу запросить перевод! – Антуан оживился, как всегда бывает с людьми, когда идёт поток мыслей в их голове.

– Конечно, можешь, – она отвела взгляд в окно, где солнце освещало зеленые луга, а редкие облака плыли вокруг по небу, словно обходя эту яркую звезду стороной, – давай сначала хотя бы доедем до Москвы, – она гладила пальцами его руки, чувствуя косточки, вены, неровности кожи, – побудем вместе и уже будем решать все основательно.

– Согласен, дорогая... согласен с тобой.

– Сейчас я могу сказать точно то, что с тобой мне хорошо рядом быть, просто замечательно и отлично с тобой заниматься любовью. Тыходишь в этом мне идеально. Запах твоего тела, размер, твои действия. Все как нужно, ни больше, ни меньше. А общение, прогулки, твои, можно сказать, экскурсии – все это, как я говорила раньше, замечательно.

– Как и мне с тобой. Поэтому мы и едем сейчас в Москву вместе, а не ты едешь одна, а я сижу в Лионе.

– В Париже, – поправила Екатерина.

– Нет. Я бы уехал в отпуск в Лион. Домой. Да и спокойнее там. Столицы это всегда центр и там все куда-то бегут, спешат. Люди, машины, автобусы черт пойми что происходит и так каждый день. А Лион все же поменьше, тоже, конечно, суеты хватает, но не так, как в Париже. Не тихая деревушка, конечно, – он посмеялся, – но тоже неплохо.

– Да в Москве тоже самое. Да, ты прав, это участь, наверное, большинства столиц в мире. Я сама больше люблю тишину, уединение. Но и работать нужно...поэтому покой пока где-то в будущем.

– А что нам мешает отдыхать вдвоем, тем более в отдельном купе спального вагона, пока поезд движется?

– Ничто, – она поняла его мысли, улыбнулась в ответ, – и никто.

Для обоих день не прошел, а пролетел. А тем временем наступил вечер и они уже сидят в вагоне-ресторане, с другими блюдами, по сравнению со вчерашним днем, но с теми же напитками.

– Вот, завтра уже будем в Москве, – начал Антуан, протирая губы салфеткой после ужина. Екатерина еще доедала и допивала вино.

– Да. Примерно в половину первого поезд должен подойти, если я ничего не путаю, – сказала она, отрезая кусочек запеченной с овощами и соусом курицы, – с братом моим сразу познакомишься, – проживав еду сказала она, когда в ее руке был бокал с вином.

– А как он отреагирует на такое знакомство? – с виду спокойно спросил Антуан, но можно было увидеть, что он чуть нервничает.

– Скажу одно – отреагировать он может по разному, – ответила она, ставя бокал с вином на стол, – но сразу на «теплый прием» не рассчитывай, я думаю.

– Расскажешь мне о своем брате?

– А тебе интересно узнать о нем подробно? Потому что немного я сказала о нем в Лионе, когда мы были у твоих... – она запнулась, – у твоей мамы, – после этих слов она положила последний кусочек запеченного куриного филе в рот, а нож и вилку положила в тарелку крест на крест.

– Ну если ты сама не против рассказать о нем. Может, эта информация поможет мне в том, чтобы знать как с ним лучше себя вести.

– Знаешь, просто будь собой. Ни я, ни особенно мой брат не любит притворства, – она сделала глоток, но после не стала опускать бокал на стол, а продолжила его держать двумя руками чуть в стороне от пересечения их взглядов. В этот же момент она посмотрела на часы, которые показывали без пятнадцати минут до полуночи, – он женат на замечательной девушке, но детей, за, примерно десять лет, у них так и нет. Тебе не буду рассказывать почему – это личное. Оба работают. Что можно рассказать. Музыку любит очень, большая коллекция, футбол, хоккей, хотя этот вид спорта все же немного диковинный для вас, баскетбол. В общем, спорт, музыка, фильмы, литература важное для него место занимает. Обычные увлечения обычного человека. Так что, как говорю тебе – будь собой и все будет нормально, – одной рукой она погладила его по руке, а второй поднесла бокал к губам и выпила остатки вина, – да, вот только не говори с ним о Второй Мировой и тем более не говори то, что ты сказала

мне, что вы победили в ней.

– Понял. Да и играть я не собирался ни в кого.

– Вот и прекрасно.

Они смотрели друг на друга, улыбались друг другу, и держались за руки.

– Пойдем? – предложил Антуан.

– Пойдем, – согласилась Екатерина и они стали возвращаться в купе.

Ночь для них тоже пролетела незаметно, благодаря взаимной любви и последовавшему за ней крепкому сну.

Когда Екатерина открыла глаза и смогла посмотреть время, то увидела, что до прибытия поезда осталось чуть меньше трех часов. Торопиться было некуда, поэтому она решила пока не вставать, тем более, что Антуан еще спал. Она закинула руки за голову, скрестив пальцы. Ноги она согнула так, что стопы обеих ног полностью стояли на полке. Поезд мерно двигался по рельсам, а погода за окном, на вид, была благоприятной и небо не предвещало в ближайшее время дождя.

«Ну вот я почти и дома. Поездки, конечно, все же изматывают, но терпимо. Тем более...неожиданно в этой поездке я смогла найти человека, с которым свяжу свою будущую жизнь. Это было бы прекрасно. Конечно, пока вместе не жили мы, но дома у него чисто, сам аккуратный, нежный, заботливый. Недостатки должны быть, идеальных людей не бывает, но их я либо сама не вижу, либо он их не афиширует на обозрение. Всяко, я думаю, это мелкие недостатки, пото-

му что большие было бы трудно скрывать, если бы он это и делал. Конечно, своеобразно, когда взрослый мужчина берет виноградный сок, когда спутница пьет вино...но что уж, люди разные. Не нужно придавать большого значения этому факту. Так что, об этой рабочей поездке я не жалею. Да и уже Бельгию она точно не повторяет. Правда и новых эксцессов я не хочу. Да и откуда им сейчас взяться? Единственный, кто сейчас может что-то такое сделать – Саша. Но, надеюсь, на его спокойную реакцию. Чего злиться? Да, он меня любит и хочет оберегать от неприятностей, но сейчас им неоткуда взяться. Он даже поехал со мной из Парижа в Москву в отпуск. Это ли не настоящий шаг к серьезным отношениям? Да все Саша поймет. Будь что будет, чего сейчас загадывать. Сейчас мне так хорошо. Надо будет еще к родителям съездить как приеду. Но думаю, что завтра. Сегодня после поезда все равно буду уставшей и разбитой. Хотя решим с Сашей как лучше сделать. Про Антуана тоже нужно будет им как-то рассказать...а может и приехать сразу с ним? Я к его маме ездила, теперь он к моим родителям. Никаких проблем не должно возникнуть между нами. Посидим, пообщаемся. Может и я сама что узнают от Антуана, чего не слышала прежде от него. Еще эта работа. Завтра нужно будет только документы им отвести, а дальше я свободна. С утра все сделаю, чтобы день был свободен и посмотрим как им распорядиться. Саша, вроде как раз завтра рано утром выезжает в Питер, но сегодня еще уточню это у него. Потому что к

родителям можно и без него тогда. А сегодня им просто позвоню, скажу что приехала и на завтра с ними договоримся. И им хорошо, чтобы не гоношиться, и нам, чтобы отдохнуть, привести себя в порядок. Так в душ уже хочется нормальный после этого поезда. Да и вообще домой. К мягкой кровати, готовить самой на своей кухне, а не в кафе и ресторанах кушать, не знаю как другие, но я устаю от такой еды. Люблю поезда, но когда едешь домой хочется оказаться там как можно быстрее. С Антуан в поезде даже книгу не читала совсем. Ну вот (она услышала гудок и увидела, чуть повернув голову, что навстречу по параллельному пути идет товарный поезд, закрывший Екатерине свет и сделавший очень много шума) закрыл тут все...».

Она увидела, повернув голову как шевелиться Антуан.

«Товарняк разбудил его».

– Доброе утро, – сказала Екатерина и повернулась на бок, поставила руку на локоть, а ладонь уперла в голову.

– Привет, – протирая глаза и вытягивая руки перед собой ответил Антуан.

– Поезд разбудил?

– Да я и так уже выспался, но он мне, конечно, помог, – он хрустнул пальцами так, что Екатерину даже чуть передернуло.

«А вот это не очень приятно. Не люблю. Прямо пробирает от головы до ног».

Товарный состав только что проехал и можно было теперь

говорить тише, да и вокруг стало спокойнее.

– Антуан, можешь пожалуйста так не делать при мне? Мне не очень нравится хруст костей. Я бы даже сказала, что мне это неприятно.

– Хорошо, никаких проблем, извини. Просто, да, есть у меня така привычка. Ну может, ты сможешь от нее избавиться мне, – он улыбнулся и повернул голову к ней.

– Да я переучивать тебя не буду, просто прошу – не при мне, – она почесала свободной рукой лоб.

– Хорошо, милая. Я тебя понял, – он из лежачего положения перешел в сидячее. Посидел так несколько секунд и оттолкнувшись руками от полки рывком встал, подошел к Екатерине и поцеловал ее в губы. Во время поцелуя она тянулась к нему, поэтому заканчивала поцелуй она уже сидя, а не лежа.

– Пойду умоюсь, – он надел шорты, майку, и взял полотенце, – скоро вернусь, – сказал он, повернув голову назад через плечо, открыл дверь, смотря на Екатерину в зеркало на ней, и вышел, закрыв ее за собой. Екатерина осталось в купе одна.

Екатерина встала, надела халат и затянула его на поясе. Достав расческу из сумки стала причесываться перед зеркалом на двери купе. Закончив, она положила расческу обратно, присела на полку, а в этот момент уже вернулся Антуан.

– Пойдешь? – спросил он, не закрывая тем временем дверь.

– Да, иду, – с полотенцем в руках и принадлежностями женского туалета в маленькой сумочке она вышла из купе, поцеловав в дверном проеме Антуана в губы.

Пока они занимались утренними делами, готовились к приезду, собирали вещи и занимались другими мелочами, до прибытия поезда оставалось чуть меньше часа. Ландшафт за окном был уже знаком Екатерине.

– Уже в области, – на русском языке, больше для себя сказала Екатерина, чем хотела поделиться информацией с Антуаном.

– Что говоришь? – спросил он.

– Говорю, что едем уже в Московской области. Совсем близко уже, по сравнению с тем, сколько мы проехали.

– Да. Довольно долгий путь, – заметил он с улыбкой.

– Ты то обратно на поезде поедешь или самолетом? – спросила Екатерина отведя взгляд от окна.

– На самолете. Быстрее выйдет, а разница в цене, думаю не столь значительной будет. А ты больше любишь на поезде ездить?

– Да, я самолеты не очень люблю. Только если совсем необходимо – я а нем лечу, а если есть возможность поезда, то всегда поеду на нем, – она забросила ногу на ногу.

– Понятно. А я все спокойно переношу, кроме кораблей. Паромы, лайнеры не люблю, честно, – он пересел с противоположной стороны к Екатерине и обнял ее. Она положила голову ему на плечо.

– А чего так? Боишься?

– Можно и так сказать. Кто-то боится самолетов, а я водного транспорта.

– Ну на лодке ты же когда-нибудь катался?

– Да. Но только в детстве один раз. И все. Больше меня туда не тянет.

– Что-то там и произошло, что теперь ты боишься так водного транспорта? – Екатерина подняла голову с плеча Антуана и посмотрела на него.

– Да нет. Просто тогда понял, что больше не хочу туда...

– Ну значит не покататься нам в парке на лодочке, – с улыбкой сказала Екатерина. Прижалась к нему.

– Да я все равно грести не умею, даже если и преодолею себя.

– Понятно, понятно.

Они обняли друг друга и поцеловались.

Екатерина посмотрела на часы и увидела, что поезд подходит чуть раньше запланированного. Поезд уже шел медленно, несколько путей пересекались друг с другом в разных местах, составы, электрички – все здесь. Белорусский вокзал.

Через несколько минут поезд остановился, из купе Екатерина услышала как открываются автоматические двери, а в окно увидела брата, который стоял прямо перед ними, только на другой стороне платформы, и смотрел на выходящих.

Антуан взял сумки, Екатерина взяла свою сумочку и они

вышли из купе в проход. Очередь на выход была небольшой. В скором времени они вышли в тамбур, по французски поблагодарив проводника перед тем как выйти, и Екатерина увидела брата уже не через стекло, а рядом, в нескольких шагах.

МОСКВА

Александр увидел Екатерину, а позади нее мужчину с двумя сумками, одну из которых он узнал. Он подошел ближе, а сестра уже ступила на платформу и шла навстречу. Они обнялись и поцеловали друг друга в щеки.

– Привет, Катя, – спокойно, с небольшой улыбкой на губах сказал Александр.

– Привет, Саш, – ответила Екатерина. Сзади уже подходил Антуан, поставил сумки на землю и встал рядом с Екатериной, – это Антуан. Про него я тебе говорила, – она перешла на французский, – Антуан, мой брат Александр, – она указала на брата.

– Bonjour, – сказал Александр и протянул Антуану руку.

– Bonjour, enchantée, – Антуан ответил рукопожатием, хотя это не очень было принято во Франции, со словами, которые в переводе на русский язык означают «приятно познакомиться», и улыбнулся.

– Mutuellement, – «взаимно», ответил Александр без эмоций, – Пойдемте? – обратился он к сестре уже на русском.

– Пойдем.

Александр взял сумку Екатерины, Антуан поднял с ас-

фальта свою и они втроём пошли к зданию вокзала в потоке людей.

Миновав суету и толчею на вокзале они наконец-то выбрались на улицу.

– Я поставил машину подальше, чтобы в этот дурдом не лезть, – сказал Александр Екатерине.

– Понятно. Ну веди нас, – ответила сестра и продолжила общаться с Антуаном, что-то ему ярко рассказывая. Они шли чуть позади Александра.

«Не очень приятное лицо у этого француза. И приторный какой-то, да и само лицо будто с каким-то пороком. Но это только мне так кажется, Катюха явно лучше понимает его и чувствует. Не зря и ехали вместе почти двое суток, да и в Париже были вместе, думаю. Но мне такой типаж мужчин не нравится...но и не мне с ним жить (он улыбнулся сам себе). Пускай сестра сама решает все. Она же ищет себе мужчин, а не я ей. Возможно, он и окажется отличным парнем. Поживем – увидим. Время все нам покажет и расставит по своим местам».

Александр остановился перед своим Opel Kadett. Екатерина и Антуан уже порядком подотстали. Он открыл багажник, положил туда сумку. Через полминуты они вдвоем подошли, не прерывая беседу. Антуан, по просьбе Александра, передал ему сумку, тот положил ее рядом с сумкой сестры в багажник и закрыл его.

– Садитесь, – сказал Александр, указав рукой на маши-

ну, – вы вдвое сзади или ты спереди поедешь, Катя?

– Да мы вместе сядем сзади.

– Хорошо, – Александр пошел на водительское место, а Антуан открыл дверь Екатерине.

– Merci, – поблагодарила она и села в машину. Антуан закрыл дверь и сел рядом, с другой стороны.

Александр завел мотор, пристегнул ремень безопасности, посмотрев в зеркало заднего вида, убедился, что пассажиры пристегнуты, включил поворотник и машина тронулась с места.

– К родителям поедешь сегодня? – спросил Александр, когда машина подъехала к светофору.

– Слушай, я сама, честно, не знаю, – ответила она, прервав беседу с Антуаном, – и надо, но после поезда хочется отдохнуть дома.

– Я так им и сказал, – машина тронулась, – что наверняка ты сама захочешь побыть дома остаток дня, а приедешь уже на следующий день. Так что они все поймут. Только позвони им из дома.

– Ну это само собой, Саша. Я и сама думала, сразу как приедем позвонить.

– Отлично.

Антуан ехал и смотрел в окно, пока брат с сестрой разговаривали.

– Извините, у вас можно курить в машине? – спросил Антуан у Александра.

– Да, если так хочешь, только окно открой, – ответил тот, не отрываясь от дороги, – правда, сигаретами угостить не могу. Не курю.

– Да не нужно, спасибо. У меня французские.

– Житан?

– Да, они. Как догадались? – спросил Антуан, доставая из кармана сине-голубую пачку сигарет, на которой написано «Gitanes Filtre» и спички.

– Да не трудно. Назвал самую популярную марку французских сигарет. Тем более, вы любите все свое, – Александр усмехнулся, – только французский язык, вино, сигареты, машины и другое. Хотя, стоит признать, что язык красивый, вино отличное, машины неплохие. Сигареты я не пробовал.

– Тоже отличные, – с сигаретой в зубах сказал Антуан. Александр вытащил пепельницу и передал ее назад, – спасибо, – поблагодарил Антуан, беря из рук пепельницу, а когда положил ее на бедро – чиркнул спичкой по коробку и прикурил.

– Не за что, – Александр включил поворотник, – ну отличные сигареты – понятие относительное, – сказал он, поворачивая руль.

Александр вел автомобиль дальше, а Антуан курил, выпуская дым в открытое окно и стряхивая пепел в пепельницу, где уже лежала одна обгоревшая спичка, и общался с Екатериной.

Примерно в тринадцать двадцать Opel остановился перед

парадной, в которой и была квартира Екатерины.

– Вытряхни все в урну, – сказал Александр Антуану, повернувшись к нему после того, как отстегнул ремень.

– Хорошо.

Первым из машины вышел Александр, а вслед за ним и сестра с Антуаном. Пока парижанин пошел к мусорке, Александр открыл багажник, где лежали две сумки. К нему подошла Екатерина.

– Ну как он тебе, Саша? – тихо спросила она.

– Честно? Мне он не нравится. Приторный, слишком смазливый и лицо..., – он провел ладонью перед своим лицом, – понимаешь, с каким-то пороком. Не обижайся, но это мое мнение, – также тихо, хоть и более эмоционально ответил сестре брат. Он изложил ей то, что думал сам.

Екатерина молчала, Александр стал доставать сумки, а Антуан у урны бил по пепельницы, чтобы полностью ее очистить.

– Это только твое мнение, – обиженным голосом сказала Екатерина, когда Александр взялся за ремни сумок, – ты будто не хочешь чтобы я была счастлива!

– Я не хочу!?! – он бросил ремни, да еще и предал им ускорения, а сам повернулся резко от багажника к сестре. Продолжил он тише, – я не хочу? Да я только этого тебе и желаю. Чтобы у тебя был нормальный мужик, крепкая семья и дети. И только рад буду, если с ним, – он глазами указал на возвращающегося к машине Антуана, – все это у тебя будет. Сейчас

я высказал свое мнение. И сам надеюсь, что ошибаюсь, – он снова повернулся к багажнику, взял сумки, и вытащил их.

Они вдвоём пошли от машины в сторону парадной.

– Засунь ее на место обратно. Спереди, увидишь, – сказал Александр Антуану когда они проходили рядом навстречу друг другу и головой указал на пепельницу.

– Хорошо.

Екатерина подошла к брату, который поставил сумки на скамейку перед парадной. Он обнял сестру, та прижалась к нему.

– Извини, Кать. Извини, – говорил он и гладил ее по спине.

– Все хорошо, Сашуль.

– Просто очень переживаю за тебя.

– Я понимаю, понимаю. Но я чувствую, что он моя судьба, – в этот момент Антуан захлопнул дверь машины.

– Пускай так оно и будет, – они прекратили объятия, – тебе помочь донести сумки?

– Да нет, мы поднимем. Не будешь заходить ко мне?

– Да нет, спасибо.

Подошел Антуан.

– Спасибо вам, – сказал он.

– Да давай уже на «ты», – сказал Александр и все трое улыбнулись, – пока, Кать, – он повернулся к сестре и, приобняв, поцеловал в щеку, та ответила тоже «Пока», – всего доброго, – они с Антуаном пожали друг другу руки и Алек-

сандр пошел к машине.

Вернувшись к открытому багажнику, в котором лежали огнетушитель, аптечка, буксировочный трос, насос, а скрыты были от глаз домкрат и запаска, он его закрыл и пошел к водительской двери. Когда он ее открыл, Екатерина с Антуаном, который нес обе сумки как раз заходили в парадную. Она махнула ему рукой, когда Антуан уже прошел, он махнул от машины в ответ, а затем она отпустила дверь, которую держала и зашла внутрь.

Потом уже сам Александр сел внутри машины, проверил пепельницу – все было на месте. Сам себе улыбнулся, завел мотор и поехал домой к родителям.

"Мне нужно ехать, по самым лучшим раскладам, минут тридцать". Думаю, что уложусь, дороги должны быть сейчас более—менее свободны. Посмотрим что получится».

По радио играла песня группы Владимира Рекшана «Санкт-Петербург», написанная им же, под названием "Господин Президент". Александр очень любил эту группу, которая стояла ещё у истоков всего, так называемого, Русского Рока, и эту песню в частности. Сейчас он ехал и наслаждался довольно пустой дорогой и песней.

Когда он подъехал наконец к конечному пункту на сегодня и без труда припарковал автомобиль, часы на его левой руке показывали четырнадцать часов и семь минут. Он вышел из машины, держа в руках ключи от нее и сумочку с документа. Закрыв ее, он посмотрел в окна квартиры ро-

дителей, но никого не увидев в них, пошел к парадной. Поднялся по лестнице, на которой стоял смрадный запах мусоропровода и мочи, и позвонил в звонок нужной двери три коротких раза. Через несколько секунд мамин голос спросил через дверь.

– Кто там?

– Я, – коротко ответил Александр и дверь отворилась.

Он зашел внутрь со словами:

– Привет, – поцеловал маму в щеку, – ведь глазок есть, можешь меня увидеть, а не спрашивать.

– А я по привычке делаю и то, и другую.

Он молча посмотрел на мать и улыбнулся ей, когда снимал ботинки.

«Да я сам также делаю всегда».

– Катька звонила уж вас?

– Да, минут двадцать назад наверное.

В этот момент в коридор вышел отец.

– Привет, – сказал он.

– Здорова, пап, – он прошел мимо него в комнату, чтобы положить вещи.

– Как сестру встретил? – отец сел в кресло.

– Все хорошо, – он начал раздеваться прямо в комнате.

– Она сказала, что приехала не одна оттуда. Что за парень, как он тебе? – с интересом спрашивал отец.

– А Катя не рассказала мое мнение? – спросил Александр с улыбкой, сняв рубашку.

– Нет, – ответил отец и в этот момент в комнату зашла мама, которая отошла ненадолго в другую комнату, после того, как встретила сына, – только сказала, что его зовут Антуан и что завтра они придут вместе с ним к нам.

– Но завтра я уеду раньше, чем они придут. А что я могу сказать о нем...

– Давай рубашку, я постираю сегодня, как раз высохнет, – вставила мама.

– Да, держи, – он передал ей рубашку, – спасибо, мам. Так вот, для меня... мне сам такой типаж мужчин не нравится. Зная твои вкусы, пап, думаю тебе тоже, – он повернулся головой к маме, – а для тебя, честно, не знаю, – все трое улыбнулись, – по поведению ничего не могу сказать плохо, все прилично, уважительно. Завтра сами его увидеть сможет. Но если Катя и вправду видит в нем того, с кем проведет всю свою жизнь дальше, я буду только рад за нее, при условии, что он тоже будет нормальным парнем. Так что, завтра посмотрим. Точнее, посмотрите.

– Ну расскажи о нем подробнее, – попросила мама, в то время как отца ответ Александра явно устроил.

– Ну мам, ты же знаешь, что я все это не люблю. Мне о нем толком тоже ничего не рассказывала Катя, а то, что я сам видел и ощущал – я уже вам рассказал, – через секунду, после паузы он добавил, – а, да, – мама с интересом посмотрела, – курит французские сигареты «Житан». Вот теперь точно все, – сказал он с небольшой доброй издевкой.

Отец засмеялся, а мама сделала обиженное лицо, чуть закатила глаза, но почти сразу спросила с заботой:

– Кушать будешь? Мы с папой уже поели.

– Давай, не откажусь.

– Сейчас разогрею, – мама пошла на кухню, зайдя в ванную, чтобы положить в стиральную машину рубашку.

– Я сейчас сюда приду обедать, – словно угрожая сказал он отцу с улыбкой.

– Да приходи, мне то что, – словно безучастно ответил отец. Сделал он это специально.

Александр усмехаясь пошел в свое комнату, на ходу расстегивая ремень, а затем и брюки.

После обеда, где ел только Александр, а родители сидели рядом и все трое общались между собой, он пошел в свою комнату, чтобы уже собрать вещи, а не откладывать на потом. Стиральная машина работала, крутя в барабане вещи, среди которых была и его рубашка. А остальные вещи он уже начал аккуратно складывать в спортивную сумку.

К семнадцати часам он освободился и решил позвонить Елизавете, которая должна быть уже дома. Родители в это время сидели в общей комнате и читали.

«Даже котяра, который лежит на полу, такое ощущение, что сейчас достанет и наденет очки, а затем начнет читать».

– Изба – читальня, елки-палки – зайдя в комнату сказал Александр смеясь.

– Палки-елки, – ничуть не смутившись ответила мама, –

а ты иди к нам читать, сынок.

– Вот именно, – вставил отец, не отрываясь от книги.

– Да я пойду Лизе позвоню, завтра возвращаюсь все же.

Пускай любовников прячет.

– Саша! – мама возмутилась, отец засмеялся, как и сын.

– Я твоей маме тоже всегда звонил, – уже положив книгу на живот и сняв очки, говорил отец сквозь смех.

– А как же не предупреждать, – поддержал Александр.

– Издеваетесь над матерью здесь, – мама сделала вид, что не замечает их, но все понимали, что это в шутку. За такое время прибывания вместе, в одной крепкой и дружной семье, уже устанавливается своя манера общения, свой юмор, свои повадки. Семья становится отдельным миром. Миром, где свои нормы, где все регулируется не кем-то одним, а каждый участвует в этом. Мать никогда не будет любить мужа сильнее, чем своего ребенка, сын никогда не будет любить девушку сильнее, чем своих родителей, как и дочь никогда не полюбит ни одного парня сильнее мамы и папы, если семья крепкая, если в ней есть сильная любовь.

– Не обижайся, мам. Мы же с папой любя, – Александр подошел к ней, – давай поцелую, – он наклонился.

Мама молча подставила щеку и улыбнулась. После поцелуя она сказала:

– А сам то, маму целуешь, а мало ли кого целовал сегодня, я же не знаю.

– Только твою дочь! – сказал он громче и вышел из ком-

наты, под смех родителей, к телефону.

Набирая нужный номер, Александр видел жену словно перед собой, словно она сидит рядом с ним. Он может к ней прикоснуться, чувствовать ее.

После двух гудков на другом конце трубку сняли и Александр услышал такой знакомый и близкий ему голос:

– Да? – и сразу ему представилось, как она одной рукой берет трубку, а другой заводит за ухо свои темные длинные волосы, чтобы они не спадали на глаза. И даже ответить на это «Да?», сказанное так нежно, он смог не сразу.

– Привет, Лиза, – сказал он после небольшой паузы.

– А, Сашь, это ты. Привет, дорогой, – голос стал еще более нежным и появилась такая неподдельная искренность.

– Ну как ты там?

– Все хорошо у меня. Завтра отдыхаю. А еще немного и совсем отдых будет долгий. Ты как? Встретил Катю?

– Встретил. Все хорошо. Завтра возвращаюсь.

– Да, я помню. Этого и жду..., – Александр чувствовал, что сейчас она стоит там, за восемьсот километров у телефона и перебирает, «бегая» пальцами по проводу, связывающем аппарат и трубку.

– И я жду. Но осталось ждать меньше суток.

– А во сколько планируешь приехать?

– Да, думаю выехать часа в четыре, может часов пять. В этот промежуток. К пятнадцать, надеюсь, доеду. Так что, если есть что или кого, – на слове «кого» он сделал акцент, –

прятать – прячь, – он улыбнулся.

– А ты думаешь зачем я про время спрашиваю? – обменявшись «уколами» они оба засмеялись. Но затем Елизавета взяла серьезный тон и сказала, – некого мне прятать, Сашуля... только ты из мужчин бываешь в моей спальне, – она всхлипнула.

– Я тебя тоже люблю, дорогая. Не грусти. Скоро мы будем рядом и спальня будет для нас двоих, – последние слова он сказал намеренно веселее, чтобы подбодрить жену. Да и самому уже хотелось быть дома с ней.

– Приедешь и конечно будет для нас, – он слышал по голове, что она улыбается, – так, хватит возбуждаться и возбуждать других!

– Да я и в мыслях этого не держал, – с интонацией крайнего удивления ответил он и вновь оба чуть посмеялись.

– Жду тебя, милый завтра.

– А я завтра еду к тебе, дорогая. Тогда... хорошего вечера. Я рядом с тобой мысленно.

– Я чувствую это. Спасибо. Хорошей дороги завтра. Аккуратно только, прошу тебя.

– Я всегда аккуратно. До завтра. Пока.

– Пока.

Он положил трубку и вернулся обратно в комнату.

– Ну как Лиза? – спросила мама, когда он вошел.

– Все хорошо. Все в порядке.

– Посидишь с нами?

– Да нет, пойду в свою комнату. Если что – свистите, – между собой они образно говори так, что означало «зовите».

– Хорошо.

Александр пошел в свою комнату, а кот, который только еще лежал на спине, раскинувшись на полу, встал и пошел следом за ним.

Вечером они еще вместе попили чай с пирожными, которые родители купили днем, сходя в магазин, после того, как он уехал на вокзал. А в двадцать один час Александр уже чистил зубы и собирался ложиться спать. Будильник он поставил на четыре утра и в пять собрался выезжать.

Перед сном он пожелал крепких снов и спокойной ночи родителям, которые тоже собирались спать и уже лежали в постели. Вернувшись в комнату, он увидел, что прямо в ее центре сидит кот.

«Будто чувствует, что завтра уеду».

Подумал он, прикрывая за собой дверь.

– Ложись, ушастый, – сказал он, когда сам лег и укрылся простыней.

Кот прыгнул на кровать и лег рядом с Александром сбоку, на уровне бедра, прижавшись к нему и положив голову на передние лапы. Александр положил руку на него, немного погладил, тот помурлыкал. А уже через несколько минут оба спали рядом, словно отец и ребенок.

В эту ночь ему снова снился не самый приятный сон. В нем, он и Елизавета еще молоды как тогда, когда они только

поженились. Они ехали на машине, причем на машине отца Александра, куда-то загород, в Ленинградскую область. Он вел машину, а сзади сидела Елизавета, держа на руках грудного ребенка. Они свернули с шоссе и въехали в лес по накатанной дороге. Остановились они около деревянного домика. Александр вышел из машины, помог вылезти из нее и жене с ребенком. Они пошли к входу. Александр открыл уже приготовленным ключом дверь и они зашли внутрь, сначала он, а следом Елизавета, держа на руках ребенка. Они попали в коридор, свет куда попадал только из окон. Не снимая обуви они прошли дальше. Все двери были закрыты, но слева от входа, напротив окна, занавешенного светлым тюлем, стоял небольшой стол, который был накрыт клеенкой, и два стула по обоим его краям. Они сели, а ребенка Елизавета положила на стол. Он спал. Они стали разговаривать друг с другом, а потом Александр решил посмотреть что находится за дверью, которая закрыта прямо перед ними. Он встал и подошел к ней. С опаской, не ясно откуда взявшейся, он нажал ручку двери и она приоткрылась. После он отпустил ручку и уже хотел толкнуть дверь вперед, чтобы она открылась до конца, но какая-то сила сама ее резко открыла и что-то вылетело из-за двери, Александр успел только увернуться. За дверью находился бассейн, но и он, и стены, и потолок – все было в крови. Он закрыл резко дверь и повернул в ней замок. Когда он обернулся и подошел обратно к столу у которого Елизавета сидела, словно ничего не произошло, только

смотрела в сторону куда-то, а ребенок лежал перевернутым. Белые пеленки, в которые он был закутан, остались такими же чистыми и светлыми. Александр аккуратно двумя руками приподнял ребенка, который словно продолжал спать, перевернул его и положил на стол. Когда он отдернул пеленку, которая оказалась на лице у малыша, он ужаснулся и заплакал. Ребенок был словно из дерева, словно сделан из коры – весь неровный, темный. Не было уже ни глаз, ни губ, а пеленки он не разворачивал. Елизавета продолжала сидеть, но уже смотрела на Александра, не мигающими глазами. Александр с силой ударил то, что было уже не его ребенком, в пеленках, об стол, отбросил в угол, словно чурку. Развернулся и в ярости ударил по деревянной двери так, что она слетела с петель. А за ней уже был ярко освещенный, чистый бассейн, наполненный водой, а не кровью. Стены, потолок, пол также сияли. В этот момент кто-то или что-то толкнуло его в спину, что он упал внутрь. Он развернулся, лежа на полу, увидел, что дверь, которую он только что сломал, закрыта. А когда развернулся обратно, прямо перед ним лежало что-то в пеленках, спиной к нему. Он лежа, что-то мешало ему встать и будто ходило по нему, дотянулся рукой, за пеленки подтащил к себе, развернул и закричал уже от страха. Там был его ребенок, только весь серого цвета, будто был полностью в золе, со следами порезов, откуда текла кровь. Он начал смеяться в лицо Александру, а потом сказал низким, басистым голос по слогам:

– Па—па.

А затем широко раскрыл свои темно зеленые глаза, открыл рот. А все вокруг снова покрылось кровью. Это было очень ужасное зрелище.

И в этот момент Александр проснулся. Все его лицо было в поту, а по спине ходил кот, топча его. Через несколько секунд после того, как он проснулся – зазвенел будильник. Четыре утра. Он сразу его выключил и стал «отходить» от такого сна.

Спустя три минуты, после того как проснулся, он встал с кровати, сходил и прикрыл дверь в комнату родителей, а после этого пошел на кухню и занялся приготовлением кофе в турке.

После завтра, он забрал с сушилки свою рубашку, умылся, и стал одеваться в поездку. В этот момент из комнаты вышла мама.

– Доброе утро, сынок, – сказала она, подойдя к комнате.

– Привет, мам, – он подошел и поцеловал ее.

– Уже поедешь?

– Ну да. Раньше поеду – раньше приеду.

– И то верно.

Он проверил, все ли взял и ничего ли не забыл, и пошел с сумкой в руках по коридору. Проходя мимо комнаты родителей, он услышал, как заскрипела кровать. Мама шла за ним.

«Отец встает».

Когда в прихожей он поставил сумку на пол и стал надевать ботинки, из комнаты вышел отец. Он ничего не сказал, просто посмотрел на сына, а сын на него и они оба друг друга поняли. Завязав ботинки, он встал и немного развел руки в стороны.

– Ну что, родители, – начал он, – будем прощаться.

Мама подошла к нему и они обнялись.

– Пока, сынок, хорошей дороги тебе, – она между словами целовала его.

– Мам, уже не ребенок, все хорошо будет. Не переживай ты так, – ему стало даже жалко маму.

– Для меня ты всегда был и остаешься ребенком! Тем более, последнее время ты не очень часто приезжаешь.

– Ладно, мам. Доеду – позвоню вам, – с улыбкой сказал он, – отец, – он посмотрел через плечо матери на сзадистоящего отца, – давай, – они пожали друг другу руку, а отец хлопнул его по плечу.

– Удачной дороги, сынок, – словно «сынок» он произнес с такой интонацией, будто Александр где-то сделал что-то не так. Эта интонация знакома ему со старших классов школы.

– Спасибо, пап, – он поднял сумку, – ну я поехал. Всем пока, – он открыл дверной замок.

– Пока, Саш, – сказал мама.

– Пока, – сказал отец.

– Я сюда еще вернусь. Нужно только выбрать день, – напел песню группы «Машина Времени» Александр. Родители

ему улыбнулись, а когда он вышел в парадную, дверь за ним закрылась.

Спустившись по лестнице и выйдя на улицу, уже как обычно, помахал родителям в окно, открыл машину, положил сумку с вещами и сумочку с документами от автомобиля на заднее сиденье. Сел и завел мотор. Пока машина прогревалась, он вышел на улицу и снова посмотрел в окна такой знакомой ему квартиры. В этих окнах когда-то он сам махал руками родителям, которые уходили на работу, в этих окнах он высматривал их, пока ждал их возвращения. Много другое также связано для него именно с окнами, которые выходили на эту сторону. А сейчас старенький папа обнимает уже не молодую маму и они вдвоем улыбаются ему, а он снизу улыбается в ответ.

«Родители, родители... люблю я вас. Да и пора бы вам стать дедушкой и бабушкой. Надеюсь, что скоро это произойдет благодаря сестре. Хочется им ухода за кем-то. Дети выросли, а внуков еще нет. Вот так они и цепляются, особенно, конечно, мама, за любую возможность поухаживать, побыть вместе. И так тяжело ей отпускать родного сына, хоть она и понимает, что не должно так быть. Да и на улице что-то далеко не жарко. Ладно, пора ехать».

Он сел обратно в машину, опустил ручной тормоз, вставил первую передачу и отъехал, оставляя такие близкие окна позади.

Почему-то именно сейчас он вспомнил эпизод из жизни,

когда он был еще пацаном. Они были на похоронах бабушки, а ему тогда было четырнадцать лет, когда гроб опускали в заранее вырытую могилу, отец, стоящий рядом, приобнял сына за плечо и сказал:

– Вот так, сынок, заканчивается человеческая жизнь.

Машина из дворов выехала на дорогу, позже на шоссе и направилась в сторону Санкт-Петербурга.

САНКТ—ПЕТЕРБУРГ

Когда Елизавета положила трубку, она, запахнув немного растрепавшейся халат, пошла на кухню, готовить себе ужин. Ее длинные волосы были убраны в хвост, на руках были только часы и обручальное кольцо. Александр очень любил халат, который на ней. Он был красивого бирюзового цвета и облегал стройную фигуру. Пока она была дома одна, она достаточно скромно питалась, в основном овощами, и ей этого хватало. Сегодня она доедала рагу, которое сделала себе на три дня, а также жарила курицу, только на себя одну. Ужинать она села около половины шестого вечера.

Работала Елизавета школьной учительницей английского языка. Она отучилась в Ленинградском Государственном Университете на филолога иностранного языка и решила дальше связать свою жизнь с работой в школе. В институте работать она не хотела, а контакт с детьми в школе давался ей намного проще. Вот и сейчас она ждет каникул, конца экзаменов, чтобы спокойно отдохнуть после учебного года.

Детей у них с Александром не было и не могло быть. На то

были свои причины. Они очень хотели детей, но забеременеть Елизавете так и не удалось. А в больницы выявили, что у нее враждебная патология – перегородка в полости матки. Это значит, что полость ее матки разделена на две половины перегородкой. Такая патология несет отрицательное влияние на протекание беременности: неправильное положение плода, преждевременные роды, выкидыш. Но если у большинства женщин с такой патологией встречается невынашивание беременности, то Елизавета попала в тот небольшой процент женщин, которые бесплодны. После гистероскопии матки ей предложили выбрать – проводить операцию по рассечению перегородки или нет. Без операции у нее никогда не будет детей, а от операции возможен большой процент осложнений в организме из-за специфики ее случая. Посоветовавшись с Александром, с родителями, она решила, что операцию делать не будет. Ей тяжело далось это решение. А после ей пришлось взять несколько дней отдыха. Их взял и Александр. Она плакала много и долго, а он постоянно ее успокаивал, искал слова, но ничего не помогало. Мужчине трудно, а может и невозможно понять, почувствовать все то, что чувствует женщина, когда ей говорят – у вас никогда не будет детей. С этими словами отнимают будто часть ее тела, уходит один из смыслов существования ее на этой земле. И она понимает, что слово «мама» она не услышит от своего родного ребенка никогда. Она не будет кормить его грудь, не будет его пеленать, не будет водить его в детский сад, шко-

лу, не сможет увидеть его аттестат, а потом диплом. И даже на ее похоронах не будет самого родного для нее человека. Муж – это просто незнакомый, не родной ранее ей мужчина, с которым ее свела судьба или случай.

Но постепенно она успокоилась, пришла в норму. И жили они с Александром в крепкой, очень крепкой любви. Но материнские чувства брали свое и все чаще они заводили разговор о том, чтобы взять ребенка из детского дома, воспитать его. Но они вдвоем понимали, что в каком-то смысле это лотерея. Неизвестна наследственность ребенка, кто были его родители, а главное – каким он вырастет даже при заботе, любви и хорошем воспитании. Из-за всего этого они и не решались пока что на то, чтобы взять ребенка из детского дома. И всегда, когда она думала об этом, она грустно удивлялась и не могла понять – как мать может вот так бросить своего ребенка. Ей, женщине, которая не может иметь детей было очень от этого больно.

«Жизнь награждает их, а они выбрасывают ребенка словно в помойку. Конечно, я не знаю как был зачат ребенок, может и без ее ведома. Но чем виноват здоровый малыш? Чем? А чем виноват малыш инвалид? Почему от детей с отклонениями порой отказываются так легко? Чем они отличается от других? Я не понимаю таких родителей».

Но сейчас она села ужинать в хорошем настроении от того, что завтра вернется Александр, и думала совершенно о другом. Почти всегда, когда он уезжал куда-то на несколько

дней, перед его возвращением она вспоминала то, как они проводили время в Ленинграде, когда были моложе, чем сейчас. В ее памяти возникли дни, которые были немногим позже того момента, когда они познакомились. Их отношения развивались и переходили в другую стадию.

Они гуляли по городу каждый летний день. Дни были у обоих свободны и они не отказывали себе в удовольствии проводить их вместе. Тем более, что через несколько дней Елизавете нужно было уезжать домой, к родителям, в Брест.

Один из дней они посвятили достопримечательностям города. Выйдя на станции метро Сенная площадь, которую никак нельзя было назвать достопримечательностью города. Оттуда они пошли по набережной канала Грибоедова, через Львиный переулок и улицу Декабристов в сторону Мариинского театра. Они просто гуляли, наслаждаясь красотой города, красотой набережных, домов, улиц. На Театральной площади у здания Ленинградской консерватории установлен памятник Римскому-Корсакову, который был профессором консерватории около сорока лет. Александр очень любил того композитора, его творчество и интересовался различными этапами его жизни. А через дорогу уже был Мариинский театр. Его вид завораживал обоих. С одной стороны в нем может и не было ничего особенного, а с другой – все здание было особенным. Каждый его выступ, цвет, мощь которую несет это сооружение. Александр всегда любил этот театр сильнее, чем большой театр в Москве, который он тоже ува-

жал. После того, как они дошли до Кировского театра, вдоль Крюкова канала они вышли на набережную реки Мойки, через Поцелуев мост перешли Мойку и пошли по противоположной стороне по улице Герцена к Исаакиевскому скверу. Шли они медленно, держась за руки или обнимая друг друга. А если видели, что по близости нет людей, то останавливались и целовались, наслаждаясь друг другом.

Так они дошли до сквера. Справа от них стоял памятник Николаю I, а за ним, через Мойку – Мариинский дворец, прямо перед ними гостиница Астория, а рядом гостиница Англетер, где закончили свою жизнь два великих поэта – Маяковский и Есенин, а слева возвышался Исаакиевский собор. В сквере они чуть посидели на лавке, Александр положил руку ей на плечо, а она прижалась к нему. Они практически не говорили в этот момент. Им был очень хорошо быть так близко, чувствовать друг друга и просто молчать. Но для них такое молчание было больше, чем для некоторых слова и диалог.

Немного отдохнув они пошли дальше. Обойдя собор и перейдя дорогу, они попали в сад Трудящихся имени Максима Горького и пошли по нему к Адмиралтейству, к Сенату и Синоду они решили не идти. Миновали памятник путешественнику, натуралисту, и исследователю Пржевальскому Николаю Михайловичу. Бюст установлен на постаменте в виде части гранитной скалы, а внизу лежит верблюд, нос которого постоянно стерт, и который у Елизаветы вызвал вос-

хищение, хотя она сама не могла не то, что Александру, а себе объяснить – почему. Они остановились около большого фонтана, который был прямо перед зданием Адмиралтейства и оттуда оно очень красиво смотрелось: фонтан, листва деревьев и само здание – ни близко, ни далеко, а на идеальном расстоянии. Будто ты можешь до него дотронуться и одновременно не можешь этого сделать. Вокруг фонтана стояли три памятника-бюста: Михаилу Юрьевичу Лермонтову, Николаю Васильевичу Гоголю (который, сколько Александр его не видел, всегда был то в большей степени, то в меньшей в голубином помете), и Михаилу Ивановичу Глинке.

Они довольно на долго задержались у фонтана, несколько раз обойдя его. Беседовали они о том, о чем придется. Темы архитектуры сменялись музыкой, литературы фильмами, история политикой. И им все было интересно. Александр сам будто бы гулял по городу первый раз. Он открывал для себя новые черты хоть и не родного, но своего, по душевному состоянию, города. И впечатлений для обоих было очень много.

От фонтана они пошли дальше по саду. Там их ждал еще один бюст – Василию Андреевичу Жуковскому. Все памятники-бюсты, которые они увидели сейчас были открыты около ста лет назад, возможно, в будущем здесь появится и новый памятник.

Ну а дальше, после выхода из сада, их ждало самое знаменитое и самое узнаваемое место города – Дворцовая пло-

щадь с расположенным в центре Александрийским столпом (официально Александровская колонна, но в стихотворение Александра Сергеевича Пушкина «Памятник» – Александрийский столп), Александр любил его называть именно по произведению Пушкина, да и Елизавете название нравилось больше. Огромная, просторная площадь, по сравнению с Красной в Москве (Дворцовая площадь примерно в два с половиной раза больше нежели Красная) площадь. И там же, значимое место как и в истории города, так и в жизни Елизаветы и Александра – Зимний Дворец или Эрмитаж. Много произошло в этом месте, много тайн хранит он. Великие произведения искусства собраны сегодня в его стенах и остается надеяться на то, что в будущем все эти произведения не продадут, не украдут и не заменят на подделки или копии. В Эрмитаж они решили пойти в другой день, а сейчас, побродив по Дворцовой, они вышли через Арку Главного штаба по небольшому участку улицы Герцена на Невский проспект. И пошли по теневой стороне, потому что солнце в тот день пекло, а при Ленинградском климате, климате города, который стоит на болоте, температура плюс двадцать восемь была страшнее и переносилась намного тяжелее температуры плюс тридцать три на юге, например в Сочи или Краснодаре. И они пошли прямо, никуда не сворачивая. А достопримечательности города буквально сыпались на них со всех сторон.

По Народному мосту, держась за руки и лавируя в пото-

ке людей, они пересекли Мойку, а сразу за ней – Строгановский дворец. Слева, чуть дальше вперед, в проспект упиралась улица Желябова, на которой располагалась знаменитая на весь город Пышечная, куда они вдвоем иногда заходили, как и в Пирожковую на Московском проспекте у станции метро Парк Победы, и Дом Ленинградской Торговли (ДЛТ). Дальше улица Софьи Перовской. И так, спокойно гуляя они дошли до Казанского собора, который был по правую руку от них, а перед ним раскинут Казанский сквер с памятниками двум фельдмаршалам по краям: Барклаю Де Толли со стороны, которая ближе к ним, и Кутузову с противоположной, там, куда они идут. А в центре сквера – фонтан. На противоположной стороне находился Дом Книги, куда Александр и Елизавета, перейдя Невский проспект и зашли. Со второго этажа открывался прекрасный вид на Невский проспект и Казанский собор. Они обняли друг друга в районе пояса, прислонились друг к другу головами и стояли так казалась вечность, но на самом деле это было всего лишь несколько секунд. Выйдя на улицу они не стали переходить обратно на теневую сторону и пошли по солнечной. Перейдя канал Грибоедова по Казанскому мосту, но на котором задержались. С моста открывался великолепный вид на Спас на Крови.

«Как стоял тогда в «лесах», так и сейчас».

«Леса», конечно портили общую картину, но не так, чтобы нельзя было насладиться красотой этого сооружения. В другой день они подойдут ближе к Спасу и будут гулять там,

а сейчас они продолжают идти по Невскому проспекту. Они прошли Гостиный Двор, находящейся на противоположной стороне, и знаменитую кондитерскую «Север», куда они зашли впервые после того дня в Эрмитаже, когда познакомились. После того, как перешли Садовую улицу, им открылся Екатерининский сад, с памятником Екатерине II в центре. А за садом – Александринский театр. Как ей рассказывал Александр, сама она этого не знала, что этот сад – любимое место для сбора в Ленинграде лиц нетрадиционной сексуальной ориентации.

По стороне, где они шли находился Елисейевский магазин и Ленинградский театр Комедии имени Акимова.

Невский проспект это то место, где идешь и успеваешь только головой крутить, лишь бы что-то не упустить. Справа, слева, даже сверху есть места, за что «зацепиться глазу». Поэтому друг на друга они смотрели только когда говорили, а так их взгляд был всегда направлен на какую-нибудь достопримечательность или просто красоту. Связывали их только руки. Будто переплетенные навсегда и их невозможно отпустить. Ладони уже покрылись потом, но каждый не хотел выпускать руку другого, потому что боялся потерять его. Поэтому Александр разжимал левую руку, а Елизавета правую только при крайней необходимости.

И они шли дальше. Ленинградский дворец пионеров справа, а за ним впереди и Аничков мост через реку Фонтанку. Александр всегда обращал внимание Елизаветы на улицу

Рубенштейна, где, она узнала от него, находится Ленинградский рок-клуб. Пересекли Владимирский проспект, который после пересечения с Невским переходит в Литейный. И шли дальше, дальше к Обелиску «Городу-Герою Ленинграду» на площади Восстания. Там же находится и Московский вокзал. Там же Невский проспект пересекается с Лиговским.

Ни раз Александр говорил Елизавете, что вот его любимое место в городе. Он не говорил почему, он не говорил чем оно для него такое знаменательное. Но здесь рука его сжимала руку Елизаветы крепче, а сердце билось чаще и сильнее. Где бы они не гуляли, куда бы не ходили, если есть возможность, если недалеко – они шли именно сюда. Елизавета тоже проникалась некой энергией этого места. Как-то в разговоре Александр сказал ей так, когда она спросила что для него Ленинград.

– Представь, что...как бы это объяснить, – они тогда сидели друг напротив друга за столом дома и пили кофе и чай. Кофе пил Александр, – для меня находится в этом городе – это нечто волшебное. Я довольно давно здесь живу и поверь, каждый день я открываю новый Ленинград. И не всегда он красив, не всегда он блестит. Дождь, морось, снег, солнце, пасмурная погода и другие явления – во время каждого город другой. Утром он один, днем другой, а вечером третий. Да, и ночью – четвертый. Я люблю этот город, тепло отношусь к нему. Ведь если подумать, посмотреть, то увидим, что весь город – это мешанина из многих мировых стилей.

Как солянка, грубо говоря, куда скинули все, что есть и получилось очень вкусно. Так и Питер – в нем есть все стили и они гармонируют друг с другом составляя одну картину. Конечно, кому-то это не нравится и наоборот противно. Но это точно не про меня. Я люблю солянку, а еще сильнее я люблю Ленинград.

Елизавете такое сравнение казалось необычным, но оно ей понравилось и запомнилось навсегда.

Но гулять по такой жаре было уже тяжело и они решили поехать по домам. Александр проводил ее до парадной, но поцеловавшись на улице они пошли дальше и целовались уже в самой парадной. Людей там не было, но каждый шорох вызывал море адреналина и экстремальные чувства. Они страстно целовались, трогали руками друг друга везде, кто только возможно. Но вечно продолжаться это не могло и поэтому, кто открылась одна из дверей квартир на лестничной площадке, они расстались. Елизавета была бы и рада пригласить его домой, но жила она даже не с подружкой, а с друзьями семьи, что делало невозможным встречи ее и Александра здесь. Ведь маму с еще грудным ребенком тактично когда тебе нужно гулять не отправишь.

Елизавета закончила ужинать, поставила грязную посуду в раковину. Мыть она будет ее чуть позже. А сейчас она взяла яблоко, вымыла его и пошла в комнату, где сев на диван, стала есть фрукт и вспоминать еще один день из их с Александром встреч.

Они встретились на станции метро Гостиный двор, прямо в центре платформы, между двух спусков, предназначенных для перехода на другую ветку метрополитена. Поднявшись по эскалатору наверх, они пошли по Садовой улицы на север. Они шли, общались, держались за руки. Прохожих для них будто не существовало. Они пересекли Итальянскую улицу, затем Инженерную. Еще немного и они дошли до Михайловского замка. Свернув направо, они попали в сквер и оттуда смотрели прямо на замок, а за ним находился памятник Петру I. Насладившись, они вернулись на Садовую улицу и пошли дальше вперед. Перешли Мойку, свернули направо и затем перешли Лебяжий канал и подошли к Летнему саду.

Зайдя на территорию Летнего сад они сразу ощутили свежесть, легкость. Прямо перед ними был пруд, а дальше несколько аллей. Они стали бродить по саду галсами. Сначала они вышли к набережной и пошли вдоль нее. Люди в этой части встречались крайне редко, поэтому они могли насладиться друг другом. Каждый раз они встречались не только, потому что хотели отдохнуть, погулять, побыть вместе. Но и потому, что не могли друг без друга. Они чувствовали потребность друг в друге, чувствовали, что если не встретиться, то будет плохо, грустно и тоскливо. Они оба были очень интеллигентными, воспитанными людьми, но когда они оставались вдвоем, то жили только чувствами. Как-то позже, уже когда они сыграли свадьбу, Александр сказал ей свое мнение на ее вопрос о любви:

– Знаешь, мне кажется, – они тогда лежали вдвоем в кровати, он ее обнимал, а она легла ему на грудь, – что настоящие чувства это такая вещь... когда ты ничего не стесняешься находясь с человеком наедине. Когда на людях, необходимо соблюдать этикет, нормы приличия и тому подобное – и это правильно, потому что без этого мы погрузимся все в какую-то Гоморру и Содом. Но когда ты наедине, когда вам не от кого что-то скрывать... можно делать все. Если любишь человека, то будешь всем для него, а если человек любит тебя – то примет все. Если люди любят друг друга, то и в сексе они могут делать все что хотят. Все, и никто не в праве их осуждать, никто не в праве косо на них смотреть. Потому что остальные не должны знать что они там делают. Это только их и лишних здесь не может быть. И тогда мужчина будет лучшим любовником, как и женщина. Именно тогда они будут вкладывать все чувства в свои действия. Так что любовь для меня – это не слова «я люблю тебя», «я не могу без тебя» и прочее. Они нужны, но они важны только при искренности чувств человека к человеку и точно не стоят того, чтобы говорить их прилюдно. Это очень интимная вещь. А настоящая любовь... это что-то эфемерное. Это не объяснить, это можно только чувствовать. Как я считаю. Это сложный вопрос, на который пытались ответить многие, но он так и остается открытым. И никто никогда не даст ответа. Потому что для каждого человека, для каждой пары любовь своя. А может и вовсе нет никакой любви.

Сад был как тихий уголок в шумном городе. Они ходили и ходили по нему, пока не прошли по всем аллеям и не вышли из него на противоположной стороне – к набережной Невы. Они пошли налево и вышли к Марсову полю. Углубились в середину, где находился Вечный Огонь и Памятник Борцам Революции, обошли кругом и пошли обратно к набережной, чтобы перейти Неву по Кировскому мосту. Между мостом и Марсовым полем они прошли мимо памятника Суворову. Ну а потом перешли дорогу и зашли на Мост имени Кирова. Именно по этому мосту они чаще всего пересекали Неву, гуляя. Александр признавался, что из всех мостов в городе, этот ему «ближе». Чем дальше шли они по мосту, тем сильнее становился ветер, который несомненно освежал в такую жаркую погоду. С моста прекрасно просматривалась Петропавловская крепость, да и вообще вид был завораживающий. Когда проходил трамвай, мост дрожал под ногами, что вызывало очень специфические чувства и эмоции. Они останавливались, чтобы посмотреть вдаль на реку, вниз, где ходили прогулочные пароходы. Елизавета прижималась к перилам, а Александр стоял сзади, обнимая ее и глядя, прижимаясь к ее телу. Сквозь сарафан он чувствовал все изгибы ее тела и тяжело удержаться при таком. И это чувство, когда вот, вроде все здесь, чувство когда нужно лишь немного и получишь такое наслаждение...но нельзя. Поэтому касания остаются единственным способом чувствовать друг друга здесь, в данном конкретном месте. Он клал голову на ее плечо и

они вдвоем смотрели вперед, сжимая руки друг друга и были так близко, что становились единым целым. И Елизавете не нужно было спрашивать, да она так никогда и не делала, любит ли он ее. Не нужно было, потому что она чувствовала это и так. А слова были здесь не то, что бессмысленны. Слова были здесь не нужны, они бы только портили все и мешали.

Наконец перейдя мост они пошли вдоль Кировского проспекта, но взяли левее, чтобы зайти на территорию Петропавловской крепости. Они не заходили в музеи или на выставки, а просто бродили внутри смотря на то место, откуда начинался и где зарождался Санкт-Петербург, впоследствии названный Петроград, а сегодня, вот уже больше шести десятков лет – Ленинград. Елизавета смотрела и словно бы переносилась в восемнадцатый век. И понимала, что жить там – она бы не смогла, это было бы не для нее. Сейчас эта крепость – достопримечательность и символ города, а раньше – она и была городом.

Они долго бродили внутри, находя все новые закутки, где они еще не были. Но всему приходит конец и они вышли из крепости. Немного прогулялись по парку имени Ленина и вернулись обратно на Кировский проспект. Елизавета и не задумывалась куда они идут. Идут себе и идут вперед, отличная погода, они вместе. А куда идут – ей было безразлично, она готова была идти и идти рядом с Александром и не думать ни о чем, а просто наслаждаться. А шли они к центру кинематографа города. Они свернулся с проспекта в

небольшой сквер, в конце которого было здание, на котором Елизавета прочитала «ЛЕНФИЛЬМ». Она знала, что здание находится где-то в этом районе, но сама здесь лично никогда не была. Они постояли перед зданием, посмотрели все вокруг, обошли сквер и вышли обратно к проспекту.

В тот день у Елизаветы были дела и гулять слишком долго, до вечера они не могли. Поэтому от Ленфильма она пошла в ту сторону, откуда пришли, к станции метро Горьковская. Спуская на эскалаторе под землю, она стояла на ступеньку выше Александра и его голова была прямо перед ее грудью. Она положила свою руку поверх его руки, которая лежала на движущейся ленте. Она не хотела расставаться через две остановки, а хотела остаться с ним наедине. В этот день она очень сильно возбудилась и мысли ее были далеки от дел, которые ей предстояло решать. Она возбуждалась от каждой встречи с ним, но не всегда ее удавалось закончить утолнением этого самого возбуждения. Мешали то внешние, то внутренние дела.

Сойдя с эскалатора они пошли к платформе. Поезд пришел через полминуты. А через две остановки ей уже выходить, а ему ехать дальше. В вагоне, который, качаясь, шел под Невой, она обняла его и так сохраняла равновесие, а он держался рукой за поручень. Так получилось, что расставаться сегодня им приходится на станции, где они сегодня встретились. Перед тем как выйти, когда поезд уже шел вдоль платформы, они несколько раз поцеловались, а затем

Елизавета вышла из вагона, но дождалась, встав чуть в стороне, отхода поезда. В это время они не отрывали глаз друг от друга.

От яблока Елизаветы уже давно остался только небольшой огрызок. Она вспоминала и вспоминала те встречи, которые не заканчивались где-то в уединенном, закрытом от посторонних глаз месте. Но это стадия их отношений, когда они гуляли, смотрели город и наслаждались обществом друг друга для нее особенная. Она никогда не отказывала, если могла и не мешали различные факторы, в приглашении домой к Александру. Тогда она и стала задумываться о том, чтобы связать свою жизнь именно с этим мужчиной. Любила она его и душой, и телом, и сердцем.

Встав, она пошла на кухню чтобы помыть посуду, которая осталась после ужина. А помыв ее, поставила кипятиться чайник, налила в чашку заварку и, когда чайник вскипел, сделала себе чай. Сев за стол, она вспомнила еще один эпизод из их совместной жизни – момент, когда ей нужно было ехать домой к родителям в Брест на две недели. Она вспомнила последний день перед поездкой.

В тот день поезд отходил от Витебского вокзала в Ленинграде в восемнадцать часов и десять минут. Она ехала в родной город на две недели, чтобы побыть с родителями, помочь им. В общем для всего того, что делает любящая дочь. Тем более она не была дома чуть меньше года. В этот день Александр приехал к ней, чтобы помочь довести до вокзала

сумку с вещами. Они выехали от нее в районе четырнадцати часов. До отхода поезда было еще четыре часа. Поэтому, несмотря на действительно тяжелую сумку, которую Александр нес, они поехали не до станции метро Пушкинская, где и располагается Витебский вокзал, а до Площади Восстания, то есть, за две станции до нужной. Там они решили зайти в кафе, выпить кофе и молочный коктейль. Когда они сели и каждый начал пить то, что хотел: Елизавета свой любимый молочный коктейль, а Александр кофе, часы показывали уже пятнадцать часов. За разговорами, преимущественно о фильмах, они провели полтора часа там. Напитки они выпили быстро, а вот друг другом не могли насытиться. Для Елизаветы то, что говорит Александр было как красивая мелодия, как музыка, которую слушаешь, слушаешь и не устаешь. О кино он мог говорить очень долго и много, знал множество эпизодов со съемок, о которых читал или слышал. И Елизавета слушала, что-то знала и она, а что-то было для нее новое, неизвестное. И главное, что он рассказывает все это не так, чтобы просто показать сколько он всего знает и может поведать, а так, что он сам окунается в это с головой и уже просто не может остановиться. Он очень вовлекался в этот процесс, а Елизавета могла поддержать почти все темы с ним. Этим они и дополняли друг друга. Когда начинал говорить один – второй обязательно поддерживал, а не отговаривался фразами «да», «понятно», «ясно», и другие интерпретации. Если что-то было не знакомо или плохо кто-то из них

разбирался в теме, то сразу говорил это другому, без стеснения и боязни, а не строили из себя знатоков всего и вся. Конечно, когда Александр начинал говорить Елизавете о рок-музыке, о группах и прочем, это было не ее, но она поддерживала, потому что-то и сама знала, слышала и тем самым могла составить беседу, ну а если не знала, то слушала, не перебивала и давала выговориться. Также и Александр, ему было все равно на различные архитектурные стили, названия и отличительные черты которых он никогда не запоминал. Знал только готику и все. И когда Елизавета, гуляя по городу начинала рассказать про стили, в которых сама отлично разбиралась, потому что её это интересовало, ему не было скучно, как это обычно бывает в таких ситуациях, а наоборот он внимательно ее слушал, но в конце говорил: «Я все равно кроме готики ни в чем не разбираюсь». И оба улыбались, обоим было хорошо. Поэтому и нашли они друг друга. Поэтому и сейчас вместе.

В половину пятого они вышли из кафе и пошли по улицы Марата, которая вела прямо к вокзалу. Начиналась у Невского проспекта, а заканчивалась практически у Витебского вокзала.

Погода в тот день была солнечная и теплая, но не жаркая. Они шли рядом и в одной руке Александр нес сумку, а другой держал Елизавету за руку. Однако приходилось порой меняться местами, чтобы переместить сумку из одной руки в другую. Несмотря на это, они шли медленно, словно гуля-

ли. Это были последние часы вместе до расставания на две недели.

До конца улицы Марата они не дошли, а свернули раньше, у Театра Юного Зрителя, сокращенно ТЮЗ. Там они погуляли, прошлись по небольшой аллее рядом, лучше было погулять, чем сразу идти на вокзал. Чтобы немного передохнуть они встали у скамейки, на которую Александр поставил сумку, и обняли друг друга. Оба не хотели расставаться, оба хотели быть рядом. Они не говорили во время объятий – все было понятно без слов.

На вокзал они вошли за сорок минут до отбытия поезда. Пройдя по залу ожидания, и билетным кассам по табло они увидели поезд Елизаветы, где был уже написан путь. Они вышли на перрон, поезд был уже подан. Они решили сначала еще немного пройтись вдаль от людей по пустой платформе. Шли медленно, держались за руки. Дойдя до середины они развернулись и решили уже пойти на нужный путь. Посадка еще не осуществлялась к моменту, когда они подходили, но стоило им остановиться подальше от скопления людей, как вышли проводники и стали пропускать пассажиров в вагоны. Александр и Елизавета решили подождать пока пройдет основная часть людей. Поставив сумку на землю, они вновь обняли друг друга. Скрывать уже было нечего и незачем. Елизавета была очень расстроена, но Александр, сам испытывая грусть, подбадривал ее.

– Не грусти, милая, – говорил он и гладил ее по спине. Она

чуть приподнимала голову, но волосы все равно заслоняли лицо. А реакцией на его слова было только отрицательное покачивание головой и слово «Буду», – ну чего ты? Там мама с папой. Твои родители, твоя семья. Ты же их любишь, дорогая?

– Люблю, – тихо сказала она и сильнее сжала его плечи, – и тебя люблю.

– Но любовь к родителям и ко мне разные вещи. Родители тебя вырастили и воспитали. А я другое, – он продолжал ее гладить по спине и иногда по голове.

– Чем другое? – голову она так и не поднимала.

– Ну как же, – нежно продолжал он, – я просто не родной тебе мужчина, такой сильной любви как к родителям ты не можешь испытывать ко мне.

– Могу! – она сказала тихо, но с ударением на слове.

– Это эмоции. Я тебя тоже очень люблю, но сейчас тебе нужно ехать. Через две недели мы снова будем вместе.

– Это так долго, – она теребила пуговку на его рубашке.

– Поверь, это будет уже скоро. Не будешь грустить?

– Буду! – она подняла глаза на него. Они были влажные, как и у него самого.

– То есть ты хочешь, чтобы грустил и я потому что ты грустишь? – с улыбкой спросил он.

– Не хочу, – ответила она тоже чуть улыбаясь.

– Значит не грусти, – он снова прижал ее к себе.

– Хорошо.

– Хотя, я не могу не скучать по тебе.

– И я.

– Ну значит будем грустить и скучать, – он заставил Елизавету снова улыбаться.

За это она тоже его ценила. Он мог всегда найти нужные слова, вовремя пошутить. И все это было уместно и тогда, когда ей действительно это нужно.

– Пойдем садиться, – сказал он и легонько похлопал по спине.

– Пойдем.

Нужный им вагон был последним в составе. Перед ними было человек пять-семь. В очереди они стояли молча.

– Я вещи заброшу и выйду. Хорошо?

– Хорошо. А ничего не стащат пока?

– Да что там у меня тащить?

Когда проводница проверила билет и Елизавета поднялась в вагон, Александр передал ей вещи, а сам отошел, чтобы не мешать другим пассажирам. Чтобы найти ее место в поезде, он, смотря через стекла, решил пойти за ней. Оказалось, что идти нужно было не далеко – Елизавета была в первом купе.

Через минуту она вышла из вагона.

– Все хорошо?

– Да. Я попросила женщину приглядеть за вещами на всякий случай.

– Молодец, – они оба улыбнулись, – до поезда еще пятна-

дцать минут. Пройдемся по платформе к началу?

– Давай.

Елизавета взяла его под руку и они пошли вперед по платформе. Они рассматривали вагоны, рассматривали то, что окружает вокзал. Дойдя до конца платформы они развернулись и пошли обратно. Им казалось, что они идут очень долго, но на самом деле ушли они не далеко.

В восемнадцать часов они подошли к вагону и обнялись уже последний раз. Тут же проводница объявила, чтобы все пассажиры заходили, а провожающие наоборот – выходили. Они не могли отпустить друг друга. Но это было необходимо.

– Хорошего тебе пути, – сказал Александр.

– Спасибо.

– Ну все, тебе пора, дорогая, – он отстранился, взял ее за кисти и смотрел в глаза.

– Да, пора.

Она зашла в вагон. Сначала она пошла на свое место и оттуда они смотрели друг на друга, но затем она подошла к окну, которое было в проходе и там никто не стоял. Форточка была приоткрыта. Они смотрели друг на друга и сдерживали чувства. Потом Елизавета что-то говорила, он видел по губам, но не слышал. Он подошел ближе и просунул свою руку в форточку, а Елизавета подняла вверх свою. Их пальцы перелились. Чтобы удержать равновесие между платформой и поездом Александр облокотился свободной рукой на поезд. Ему было все равно, что сейчас вся его рука будет грязной,

во второй руке он держа ее руку. Но проводница попросила отойти от края. Они разжали пальцы и теперь только смотрели друг на друга.

Через минуту поезд тронулся. И тогда из глаз обоих потекли слезы.

Елизавета допила чай, поставила кружку и пошла принимать вечерний душ. После воспоминания ее глаза и сейчас становятся влажными.

Приняв душ, она легла в их с Александром двуспальную кровать и раскрыла книгу. Сейчас она уже дочитывала исторический роман Генриха Манна «Молодые годы короля Генриха IV», а рядом, на тумбочке уже лежал второй роман, который составляет вместе с первым диологию – «Зрелые годы короля Генриха IV». Эти два произведения она перечитывает уже не первый раз. Благодаря специфике своей работы, она, если удастся взять в библиотеке или у кого-то на несколько дней, читает произведения на английском языке – в оригинале. Она, в отличие от Александра, очень любила читать по вечерам, но не очень любила читать, например, в метро, трамвае или электричке, как нравилось Александру.

– Ну что, я буду сидеть и людей рассматривать? Лучше читать, – говорил он ей, когда она спросила у него об этом, когда они впервые вместе проехали на метро, – потому что пообщаться тоже не удастся. А тут стой или сиди себе и читай. Ну во всем, что на рельсах – мне удобно. В автобусе или троллейбусе не очень, но тоже могу. А вот в автомобиле для

меня читать точно нет. Не могу, да и не хочу. А в метро всегда читаю, еще со школы. Мне нравится.

Когда они ехали вместе на наземном транспорте в большинстве случаев они общались между собой, поэтому там читал он реже. Или просто смотрел в окно, на меняющиеся места. Елизавете всегда нравилось смотреть из окна движущейся электрички или поезда. Такое умиротворение, красота. Деревья сменяются полями, деревнями, городами а потом снова лес. А ты несешься и несешься вперед. Смотришь разные станции, сравниваешь их, узнаешь названия. Но названия вскоре забываются. Из пятнадцати наименований, если ты едешь первый раз, запомниться максимум три, может бы пять, если, конечно, не давать себе цель запомнить все.

«Сколько населенных пунктов мы проезжаем за свою жизнь (Елизавета положила книгу треугольником себе на живот), мест, имеющих название. А сколько мы хотя бы запоминаем? Жизнь стремительно несет нас вперед. Часто меняются города, чаще меняются населенные пункты, а еще чаще улицы. И меняется сама жизнь. Но только как стоит жить в этом мире? Жить мирно, благополучно, заводить семью, работать, доживать до старости и умирать от отказа сердца в восемьдесят лет, хотя бы? Или жить на «всю катушку»? Делать что хочешь, будто это твой последний день, не думать о завтра, не вести здоровый образ жизни плюнуть на весь мир и умереть лет в сорок, например от рака? С одной сто-

роны – порядок, с другой – безбашенность. Скучно и долго жить или прожить быстро и в свое удовольствие, умирая в рассвете лет. Да, я рассматриваю две крайности. Но если выбирать? Если просто подумать...мы же не делаем то, что хотим. Мы ходим на работу, чтобы потом суметь себя прокормить, а затем снова пойти на работу. Что это за круговорот? Для чего мы живем? Чтобы сначала родиться, потом учиться, затем работать до конца своих дней? Смерть в любом случае ждет каждого. Кого-то раньше, кого-то позже. Я не знаю как ответить на все эти вопросы. Для чего мы живем? Зачем мы придуманы природой? Разве человек – это не отклонение в системе окружающей среды? Вот была обезьяна, был обезьян. И родился у них ребеночек. А он немного не такой как они. Может и получился из этого человек? У нас же сегодня рождаются дети с заболеваниями, психологическими отклонениями...а вдруг и мы сами отклонение? Лишнее звено, потеряв которое, природе станет только легче. Мы только берем у природы и берем. Хапаем все себе и не можем остановиться. А что даем мы ей взамен? Ядерные бомбы? Плотины, перегораживающие водоемы? Шубы сделанные из тех же животных? Рубим, а потом сжигаем леса? Если природа захочет она все здесь сотрет с лица Земли. Все человечество. Так... Зачем мы нужны?»

Она еще немного полежала, смотря в потолок, а потом снова взяла книгу. Через тридцать минут чтения она заложила закладку во вторую книгу, положила прочитанную книгу

на тумбочку под «новую», выключила свет и повернулась на правый бок. Через несколько минут она уже спала.

Сны Елизавете снились не часто, да и если снились, то запоминала она единицы. Вот и сегодня утром она помнила, что ей точно что-то снилось, а вот что именно – не могла вспомнить. Но спала она крепко, не просыпаясь ночью. Поэтому чувствовала себя отдохнувшей, «свежей», полной энергии.

Она откинула одеяло и спустила ноги на пол, сев на кровати. Погода была пасмурной. Она встала с кровати и подошла к комоду, где оставила свои наручные часы. Время было уже девять часов. Торопиться ей сегодня некуда, только сходить в магазин и ждать мужа домой. Она положила часы обратно на комод, на котором также стояла шкатулка с кольцами, серьгами и другими украшениями, цветок, лежал фен, а в углу лежали некоторые документы Александра по работе. Она наклонилась вниз и достала из второго снизу отделения чистое нижнее белье. Закрыв комод, она пошла в ванную, положила белье на стиральную машину, сходила на кухню выпить стакан воды, а потом пошла в туалет.

В ванной она была довольно долго.

Ей сейчас так хотелось, чтобы Александр был с ней рядом, здесь. Чтобы он зашел к ней и они были бы вдвоем под струями теплой воды. Его губы скользили бы по ее телу.

Она мылила тело мочалкой и представляла это, вся возбуждаясь.

Он бы сейчас сделала то, что она так любит – целовал бы ее грудь, покусывая сосочки, и облизывая их. А она бы сжимала пальцами его голову, перебирая мокрые волосы.

Она начала смывать шампунь с головы.

Он бы сейчас мог взять ее за волосы, потянуть голову назад, чтобы струи воды попадали ей на лицо, а сам бы целовал ее шею. Она бы не смогла сдерживать стоны и приходилось бы открывать рот, куда попадала бы вода. Которую она потом бы выталкивала и она стекала по подбородку и шее.

Она была сейчас такой незащитной, открытой, и ей хочется чтобы он был с ней, чтобы взял ее прямо здесь. Да, это не очень приятно для девушки, заниматься этим в душе. Это неудобно. Но она хочет этого. Сейчас она мечтает об этом. Она хочется, чтобы он зашел сейчас сюда и взял ее. Она бы не сопротивлялась.

Они бы легли в ванную. Чистую, белую, но холодную ванную. А из тепла только вода, которая падает на них сверху из душа. Она была бы снизу. Александр оперся бы руками на края ванной, нависая над ней. Ее мокрые волосы попадали бы на лицо, на глаза. Ей было бы холодно лежать на дне ванной. А потом он оказался бы в ней. Ее лицо выражало бы боль и приятные эмоции одновременно. Глаза были бы наполнены страхом и блаженством. Она бы скользила по дну чугунной ванны, издавая характерные звуки. Стон вырывался бы из ее рта. А сверху, над ней был бы он, человек, которого она любит очень сильно. Человек, с которым она пе-

режила многое. Она бы смотрела на него и мимо него одновременно. Она бы пыталась взять его за плечи, но руки соскальзывали бы с его мокрых плеч. Она обняла его за спиной и теплая вода попадала бы на них. Она скользит по дну ванной, все быстрее. Быстрее. А потом он падает на нее, дрожит. Его берет озноб несмотря на теплую воду, а ее бросает в жар, несмотря на холодную ванную.

Елизавета сама не заметила как закончила мыться.

Она вытерла все тело полотенцем, а затем, после того как вылезла из ванной, надела трусики и сразу же бюстгальтер. Она не была любительницей ходить полностью без всего, даже когда была одна дома. Тело у нее была очень красивое и стройное. Она не занималась специально усиленно спортом, не «сидела» на диетах, а просто постоянно следила за ним.

Выйдя из ванной, она пошла на кухню делать себе завтрак. Ее завтрак состоял из творога, бутерброда с сыром и кофе. Во время приема пищи она сидела за столом и смотрела в окно. Там, ветви и листва деревьев отражали направление довольно сильного ветра. На небе были сплошные серые облака, но было сухо. Термометр за окном показывал комфортные плюс двадцать один градус.

После завтрака она стала собираться в магазин. Белье она закрыла джинсами и светлой футболкой, которая была довольно свободной. Надела часы на левую руку, а в мочки ух вставила серьги с жемчугом. В коридоре надела кроссовки, взяла сумку, на всякий случай зонт, и ключи. Проверив все

ли выключено, везде ли вода закрыта она посмотрела на часы, на которых было ровно одиннадцать часов, выключила свет в коридоре и вышла из квартиры. Закрыв дверь, она положила ключи в сумку и, спустившись по лестнице, пошла в магазин.

На улице было не очень много людей. С ветки на ветку перелетали и щебетали воробьи, гордо ходили по асфальту или траве вороны. Такую погоду она, как и Александр, любила, было хорошо – тепло и свежо одновременно. Кто-то гулял с собаками, а бездомные коты бегали или игрались, но увидев людей рядом – сразу настораживались.

«Бедные, запуганные животные».

Ей было в радость так пройтись, прогуляться. Никакой работы, никаких дел, никуда не нужно ехать.

В магазине она купила все, чтобы приготовить сегодня, какой-никакой, но праздничный ужин. И некоторые продукты на будущее. С двумя сумками она возвращалась домой.

Придя домой, она сняла обувь и все разложила по местам. А до приезда Александра, ориентировочно, оставалось около трех часов. Раздевшись, Елизавета помыла руки, а потом сняла бюстгальтер и надела халат. В гостиной она включила телевизор и села перед ним на диван, переключая каналы. В их с Александром квартире, которая располагается в многоэтажном доме в спальном районе Санкт-Петербурга, было две комнаты: гостиная и спальня. Раздельный санузел, кухня, прихожая.

Сейчас ей оставалось только ждать. Делать по дому было нечего, а начинать готовить было бессмысленно, потому что точно неизвестно, во сколько придет Александр. Конечно, она решила, что около двух часов начнет чистить картошку, потом отобьет мясо, поперчит и посолит его и выложит на сковородке ближе к пятнадцати часам, чтобы оставалось только включить. Также она порежет на сковородку и картошку. В общем, по возвращению Александра ждет жаренная картошка и свинина, нарезанные дольками помидоры и огурцы, и бутерброды с хлебом и салом (она резала кусок хлеба на шесть равных маленьких кусочков и на каждый клала по кусочку сала). А уже сам Александр решит, хочет ли он открыть бутылку Кубанского красного сухого вина или нет.

По телевизору не было ничего интересного Елизавете, поэтому через несколько минут после того как она его включила – он был выключен. С тумбочки в спальне она взяла книгу, вернулась в гостиную, села обратно на диван, включила торшер и принялась читать. Этим она могла заниматься ни час и ни два.

Но все равно, ей было немного волнительно. Вроде обычная встреча, тем более близкий человек, а все равно ее ноги чуть дрожали, а мысли прокручивали разные варианты встречи. Поэтому на чтении полностью сосредоточиться она не могла.

«А как мы встретимся? Он сам зайдет или позвонит в звонок? В каком он будет настроении? (наряду с мыслями воз-

никали представления как они встретятся, будто дубли одной сцены в кино, только сыгранной по разному) И что будет после того как встретимся? Он будет обедать или мы побудем вдвоем?»

И так мысль за мысляй, вопрос за вопросом.

«Воображение – великая вещь, если уметь им пользоваться. И как показывает практика – вероятность того, что произойдет хотя бы одно из того, что мы придумываем – мала. Мы придумываем идеальные случаи, с идеальными диалогами и поведением. Но все происходит не так. Даже чувствуя человека, живя с ним, мы не сможем предугадать все на сто процентов. Да, про каждодневные привычки, «ритуалы» мы можем говорить наверняка, но про такие разовые вещи как приезд, после некоторого отсутствия или встреча с друзьями раз в год – мы не можем сказать наверняка. Если встречаться одной и той же компанией на Новый год девять лет подряд, а накануне праздника сказать, что десятая встреча будет как и все предыдущие – это будет ошибкой. Да, есть общее течение, обычности всех встреч, но в каждой из десяти этих встреч обязательно есть что-то особенное, что-то не тривиальное. Этим и интересно жить, что вроде бы в обыденных вещах можно находить что-то отличное, что-то разовое. Как вот Саша рассказывал про случай дома. Родители провожали его из дома, когда он уходил в школу, каждое утро, уже когда стал ходить до нее один. Он уходил всегда раньше них, хотя до школы было идти несколько минут и занятия начинались

в девять, но он всегда уходил так, чтоб прийти за несколько минут до восьми. Так вот, каждое утро одни и те же слова родителей «хорошего дня», «аккуратно», «сколько у тебя уроков?» и все в том же духе. И одинаковые ответы сына – «все знаю», «хорошо», «шесть» и другие. Открывая дверь и прощаясь с родителями он сто, двести, триста раз подряд каждое утро скажет одно и то же «пока», но один раз он случайно скажет «спокойной ночи», тем самым рассмешив родителей, да и себя. Вот разве можно было такое предположить или высчитать? Почему вдруг вместо «пока» или «всего хорошего» он сказал совершенно не подходящее «спокойной ночи»? Да, порой бывает, что ум заходит за разум. И такими неожиданностями, хорошими ли, плохими ли сплошь наполнена наша жизнь. Хоть она и обыденна, но какая-та прелесть в ней присутствует. Мы можем предполагать, но с точностью не знать что мы захотим завтра. И это касается интересов, еды, и много другого. Человек, который всегда ездит на трамвае на работу может поехать в это утро на автобусе, потому что неполадки с трамваями. Хотя он шел на остановку в полной уверенности, что трамвай привезет его к пункту назначения. Или он спешил домой на футбольный матч, а дома отключили свет. И что это? Случайность или закономерность? Он не должен был ехать на трамвае в тот день, он не должен был смотреть футбол в тот вечер? Возможно, что те секунды, которые и Саша, и родители смеялись над его ошибкой что-то изменили в его жизни? Так судьба состоит

из случайностей? Почему я тогда решила заговорить с этим мужчиной в Эрмитаже, который потом стал моим мужем? Я ведь могла ничего и не спрашивать и мы так бы и не встретились. Или он мог бы просто ответить, а не предлагать мне погулять, встретиться еще. Вот как все это объяснить? Мне кажется, что это и не нужно объяснять, а просто нужно это принять и не препятствовать и не думать над этим».

Она наконец вернулась к книге и, уже думая только о ней, начала читать.

В начале третьего она встала и пошла на кухню. Взяв сетку с картошкой, она поставила ее у помойного ведра, села на табурет и стала чистить. Картофель был хороший, без «глазков» и порезов, поэтому он чистился довольно легко и быстро.

Около половины третьего она дочистила картофель. Затем вымыла его и стала нарезать на дольки для жарки и сразу бросала в сковороду, где уже было налито масло. После того, как закончила с этим, она достала из холодильника корейку, порезала ее на четыре кусочка, вымыла, а затем, положив на табуретку полотенце и завернув каждый кусочек в пищевую пленку, стала их отбивать. Отбитое мясо она сложила на тарелку, сняв пленку, вымыла руки и взяла соль с перцем. Каждый кусочек она солила и перчила с обеих сторон, распределяла равномерно и клала в сковороду.

Когда она закончила с приготовлением и вымыла посуду, часы на ее руке показывали без пяти минут пятнадцать. Она

посмотрела в окно, не приехал ли еще такой знакомый Opel. Машины еще не было. Она взяла стул, книгу и села перед окном, чтобы увидеть тот момент, когда автомобиль подъедет. На улицы так и было по-прежнему пасмурно. И уже не так, как утром, а более хмуро.

«Похоже, дождь сегодня все же будет».

Она отвела взгляд с улицы и неба, опустив глаза в книгу. Но читать при таком ожидании ей было сложно, поэтому довольно скоро «Зрелые годы короля Генриха IV» оказались закрытыми и лежали на подоконнике. Она встала, отодвинула стул и наклонилась, положив руки на подоконник.

«Если бы в этот момент Саша подошел сзади, он бы непременно воспользовался такой хорошей возможностью чтобы тронуть меня».

Минуты проходили, а машина все не появлялась. Она уже поставила на место стул, отнесла книгу в спальню, и даже сходила в туалет. А тем временем на улицы стал накрапывать дождь и постепенно усиливался. Через несколько минут асфальт вместо серого стал темным, а в неровностях появлялись лужи.

Вот и ей сейчас было уже грустно.

«Есть определенный момент в ожидании, когда ты ждал, ждал, строил планы, версии, а потом раз...и, что называется «перегорел». Вот и у меня сейчас так. Я продолжаю ждать его, но я устала от этого и где-то мне уже все равно. Я просто продолжаю ждать».

Спустя еще десять минут, Елизавета, сквозь стекла, которые все были в дождевых каплях, потому что ветер был именно в сторону окон, увидел такой знакомый ей Opel, который освещал себе дорогу фарами. Некоторое время ушло на парковку и вот уже дверь водительской стороны открылась и даже за покрытым каплями окном она узнает того человека, который выходит из автомобиля. Быстро взяв с заднего сиденья все вещи, он закрыл машину и быстро пошел к парадной. Елизавета практически в препрыжку промчалась из комнаты к входной двери и открыла ее, встав на пороге.

Секунды ожидания на пороге казались ей часами. Но вот вторая дверь, которая отделяет лестничную площадку и лифты от пяти квартир на этаже хлопнула и она увидела того, кого так ждала. Его волосы были мокрыми от дождя, как и одежда. Подняв голову от коврика, на котором он стоял, вытирая ноги, их глаза встретились. И пока он шел от дверь внешней к двери в квартиру они не отрывали взгляд друг от друга.

– Привет, – сказал он, когда подошел к квартире.

– Привет, – ответила она и отошла в сторону, – проходи.

– Спасибо, – он зашел, поставил сумку на пол, на нее положил автомобильную сумочку и снял ботинки.

Когда дверь в квартиру закрылась, он резко повернулся и кинулся к жене. Прижал ее к двери и они стали целовать друг друга.

– Я так скучала, – сквозь поцелуи говорила она.

– И я.

Так они провели несколько минут. Потом прервали поцелуи и Александр пошел в туалет, потому что уже довольно давно хотел, затем переодеваться, мыть руки и приводить себя в порядок.

– Как доехал то? – спросила Елизавета, когда он снимал с себя одежду.

– Да все хорошо, без каких бы то не было проблем. Ну а ты как здесь? – спросил он, расстегивая штаны.

– Тоже неплохо. Рассказывать то особо и нечего. Все как обычно, все как всегда. Есть будешь?

– Да, с удовольствием. Куда это? – спросил он и приподнял футболку, которую держал в руке.

– Кинь рядом со стиралкой. Сумку поставь, я потом разберу.

– Хорошо, спасибо. Тогда я сейчас в душ, а потом можно и обедать, – он говорил, улыбался и шел к ней.

– Пойду все сделаю пока ты в душе, – сказала она и они поцеловали друг друга.

– Давай. Я скоро выйду, – он поцеловал ее в щеку, сквозь халат сжал несколько раз пальцами ягодицы и пошел в ванную.

– Вот этого мне не хватало, – они оба посмеялись и Александр пошел в ванную, а Елизавета на кухню.

Через двадцать минут он вышел и, обвязанный полотенцем, пошел на кухню.

– С легким паром, – сказала Елизавета, когда заметила входящего мужа.

– Спасибо.

Она как раз резала овощи. Он подошел к ней сзади, прижался, поцеловал под мочкой уха, а рукой потянулся к стакану с водой, который стоял перед ним. Не отходя от нее выпил, поставил стакан обратно, обнял ее двумя руками, скрестив пальцы на животе прижал к себе. На время Елизавета прекратила резать овощи, а положила свои руки поверх его.

– Пойду домой позвоню, скажу что доехал нормально, – сказал он, поцеловал ее в щеку, а руки поднял выше и скользнул ими по груди, – мой любимый халат, – бросил он, выходя в коридор к телефону.

– Для тебя и надела, – ответила она, улыбнулась и взяла в руки нож, – полотенце подтяни.

– Ой, да что ты там не видела, – ответил он, оба посмеялись, но полотенце он все же поправил перед тем как снять телефонную трубку и набрать номер.

– Через сколько будем есть? – спросил Александр, пока набирал номер.

– Минут через десять уже, – ответила Елизавета и понесла нарезанные овощи в комнату. Обычно, они ели в комнате, а не на кухне.

– Хорошо.

Пошли гудки, и после пяти или шести он услышал голос отца.

– Алло.

– Алло, привет, пап.

– О, привет, Саш. Ну как добрался?

– Да все хорошо, спасибо. Без происшествий, – он говорил и улыбался.

– Ну это главное.

– А вы там как?

– Да тоже ничего. Вот, скоро Катя придет. Увидим, что за мужика она выбрала.

– Увидите, – Александр растянуто произнес слово, – когда придут то?

– Да около четырех обещали. Мама сейчас как раз на кухне, все доделывает.

– Ну, хорошего вам вечера там. Мы вот тоже сейчас будет... отмечать мое возвращение, – он улыбнулся и знал, что там, в Москве также искренне улыбнулся и отец.

– И вам хорошего вечера. Лизе привет.

– Обязательно передам. Тебе привет, – тихо сказал он, когда она снова прошла в комнату.

– И от меня передай.

– Она вам тоже передает.

– Спасибо.

– Ну тогда пока, пап. Звоните как что.

– И ты звони.

– Обязательно. Пока.

– Пока.

Он положил трубку и пошел в спальню. Там он бросил полотенце на кровать, расчесался и надел, достав из комода, трусы и халат. Полотенце он повесил на перекладину, на которой висит шторка в ванной, сушиться, а сам пошел в комнату, включил телевизор и сел на диван.

Пока Александр разговаривал по телефону, Елизавета делала последние приготовления на кухне.

«И все же. Какие-то несколько дней и все равно, встреча как событие. Как праздник. Как же в ту же войну люди не видели близких месяцами и годами, а кто-то и вовсе больше не увидел сына, дочь, мать, отца, мужа или жену. Да, ко всему человек может привыкнуть, выждать, вытерпеть. Но...».

– Ты вино будешь открывать сегодня? – спросила она, когда зашла в комнату, – сейчас уже будем садиться.

– А ты будешь?

– Ну бокал выпью.

– Тогда, сейчас открою, – он встал с дивана и они вдвоем пошли на кухню.

Александр взял бутылку вина и штопор, а затем вернулся в комнату, а Елизавета достала тарелки и открыла крышки сковородок.

– Локоть к локтю, кирпич в стене, – напевал он песню группы «Аквариум», написанную Борисом Борисовичем Гребенщиковым, возвращаясь в комнату, – Мы стояли слишком долго, мы платим втрое, – он поставил бутылку на стол и стал вкручивать в нее штопор, – За тех, кто шел

с нам, за тех, кто нас ждал, – он двигал ногами в такт песне, – За тех, кто никогда не простит нам, то, что, – он закрутил штопор и стал опускать ручки, тем самым поднимая пробку, – рок—н—ролл мертв, а мы еще нет. Рок—н—ролл мертв, а мы—ы—ы—ы... – он достал пробку и стал выкручивать ее из штопора, – и те, кто нас любят, смотрят нам вслед, – он пошел обратно на кухню, – рок—н—ролл мертв, а мы еще нет, – он положил штопор на место, взял затычку для бутылок, пробку выбросил в помойное ведро, а со стола взял два винных бокала.

Вернувшись в комнату, он разлил вино по бокалам, бутылку поставил рядом, а Елизавета уже несла две тарелки, от которых шел пар и очень приятный запах, возбуждающий аппетит, а также две пары приборов.

Стол у них был круглый, при разбирали становился эллипсом, из дуба, а сделан в Беларуси, как и стулья. Все покупалось в одном магазине. Они сели рядом, а не друг напротив друга.

Александр поднял бокал, его примеру последовала Елизавета.

– Ну что, за встречу? Ил за возвращение, как правильнее? – спросил он.

– Давай просто за нас. И за твоё возвращение, – добавила она с улыбкой.

– Давай, – они чокнулись и сделали по глотку.

– Приятного аппетита, – пожелала Елизавета, после того,

как поставила бокал на стол.

– Взаимно, – ответил Александр и уже держал в правой руке нож, а в левой – вилку.

Какой-то время они не общались, но потом Елизавета спросила:

– Ну как там Катя то? Расскажешь?

– Да, сейчас, – жуя ответил он. По телевизору шла какая-та ерунда, да и он не нужен был им сейчас, поэтому Александр выключил его и вернул взгляд на жену, – в общем, – он сделал глоток вина, – нашла Катюха какого-то очередного мужика нашла. Мне он, честно, не понравился, но это ее выбор, поэтому я тут ничего делать не могу, да и не собираюсь. Но, повторюсь, мне он не понравился.

– А почему? В чем причина того, что он тебе не понравился? Что он такого сделал?

– Да ничего плохого он так-то не сделал...

– То есть, ты заочно его уже осуждаешь? – спросила Елизавета, перебив.

– Я никого не осуждаю. Просто...ну понимаешь, – он положил приборы и стал жестикулировать руками, – ну вот все его действия, внешность...все это так приторно, как-то неестественно. Знаешь, будто он делает одно, а думает о другом. По Катюхе я вижу, что она его действительно полюбила, что называется. А вот по нему. Мне не передать так, но вся эта улыбка, действия даже взгляд...отдают каким-то пороком. Чем-то противоестественным, – она сделала глоток.

– То есть, тебе кажется что он... что он что? – Елизавета сама запуталась.

– Да я то почему знаю. Может ему кроме женщин и мужики еще нравятся. У них там это популярно.

– Ну вряд ли бы он тогда ехал с ней в Москву.

– Это логично. В общем, я не знаю. Но чувствую, что черта с два все это закончится благополучно. Надеюсь, что я ошибаюсь.

– Да Саш, – она положила свою ладонь на его кисть, – не переживай. Ты просто боишься за сестру. Для тебя она все такая же маленькая девочка, как было раньше. Ты заботишься о ней, переживаешь и из-за этого тебе кажется что все не так.

– Да, но это в меньшей степени. Тут больше Бельгия сыграла роль. Почему не найти себе нормального русского мужика?

– Ну у каждого свои причуды. Саш, если она счастлива, то пускай она будет счастлива, – они посмотрели в глаза друг другу.

– Согласен. Но ты спросила, а я ответил, что сам чувствую. Конечно, я не собираюсь ничему препятствовать. У каждого из нас своя жизнь, – он сказал медленно, с интонацией смирения.

– Слушай, а что говорила обо мне Катя, когда узнала о наших с тобой отношениях?

– Ничего плохого, – он улыбнулся, – ей тогда было около

двадцати и ей было не до этого и моих серьезных отношений. Сама понимаешь.

– Ну, – она протянула «у», – да, понять могу.

– Ну вот видишь. Но, честно, ты тогда всем понравилась, когда впервые тебя с семьей познакомил. Все было искренне и они ничего не скрывали, ничего не говорили у тебя за спиной мне.

– Верю, верю, – она посмеялась.

Александр улыбнулся в ответ. Они продолжали обедать, Александр налил себе второй бокал, а Елизавета допивала еще первый. Дальше они говорили о разном: работе, семье, планах и другом. Говорили и наслаждались обществом друг друга, что никто не хотел вставать из-за стола, чтобы не расставаться.

Уже все было съедено, бутылка вина уже была заткнута, бокалы пусты, а они все говорили, говорили и время шло быстро, словно только пять минут назад они сели обедать.

– Спасибо, Лиза, – сказал Александр после того как они закончили говорить о планах на лето и стал собирать со стола тарелки.

– Да пожалуйста. И тебе спасибо, – она встала вслед за мужем, взяла бокалы и бутылку и они пошли на кухню.

Посуду Александр поставил в раковину, а Елизавета поставила бокалы рядом, а бутылку туда, где она и стояла на полу.

– Иди ко мне, – он развернул резко ее, прижал к себе и их

губы соприкоснулись в глубоком и страстном поцелуе. Она успела только воскликнуть от неожиданности. Они стояли посреди кухни, обнимая и целуя друг друга.

Не прерывая поцелуя, Александр взял ее обеими руками за ягодицы и приподнял. Она обхватила его руками за шею, а ноги скрестила у него за спиной. Она закрыла глаза от наслаждения, а он понес ее в спальню аккуратно, не спеша. Халат ее задрался и она скользила бедрами по его рукам. От страсти она даже пару раз прикусила его губу, после каждого случайного прикуса он сильно сжимал пальцы и Елизавета вскрикивала от наслаждения.

Они наконец дошли до спальни и Александр аккуратно и мягко опустил ее на кровать не разрывая свои и ее губы. Он стоял над ней, видя ее грудь из почти распахнутого халата. Они смотрели друг на друга. Елизавета прикусывала нижнюю губу или проводила языком по верхней, пока он быстро развязывал свой халат и улыбался ей. Затем, оставшись в одних трусах, лег сверху на Елизавету. Они продолжили свои поцелуи. Руками Александр гладил голову жены, ее шею, плечи. А она двигалась пальцами по его спине, а порой скользила по ней только ногтями. Он развязывал ее халат одной рукой, не прекращая ласк другой. И вот, когда халат оказался распахнут они оба ощутили тепло тел друг друга. Грудь Елизаветы соприкоснулась с грудью Александра. Он стал медленно поцелуями спускаться к груди, а она сжимала пальцами его волосы или гладила по голове, плечам.

Он скользил языком от шеи вниз, между грудей и до пупка, а потом обратно вверх, только теперь он поднимался не по середине, а ушел в сторону одной из грудей. Он целовал ее, скользил вокруг соска языком, а потом прикусил его передними зубами. Елизавета стонала очень громко и часто дышала. Он переходил от одной груди к другой, а руками не прекращал и вовсе их ласкать. Соски Елизаветы стали твердыми, она закрывала от наслаждения глаза и была вся под властью чувств и эмоций от наслаждения.

– Переворачивайся на живот, – сказал тихо и нежно Александр и «помог» руками ей перевернуться и снять с нее шелковый халат.

Она теперь лежала на животе, высоко подняв попу, что в народе называется «отклячиться», а спину выгнула. Александр стал тереться об нее и сквозь его трусы она ощущала его возбуждение.

– Сними их! – сквозь стоны буквально приказала она, – и мои. И мои! А-аа-а! Да!

Александр стянул с нее трусики и бросил рядом на кровать. Также он поступил и со своими. Теперь они были оба абсолютно без одежды. Он лег на нее сверху и стал целовать ее шею, плечи. А потом стал спускаться поцелуями вдоль позвоночника к кобчику и скользить по спине руками. Дойдя до поясницы он остановился и стал целовать только там, а руками он сжимал ягодицы Елизаветы. От его движений она выгибалась и ощущения у обоих были только острее.

Несколько раз он не сильно шлепнул ее, а затем рывком подался вперед и уже их головы были рядом.

Александр, приподняв тело Елизаветы, стал ласкать ее грудь руками, а потом они вдвоем перевернулась и уже он был снизу, а она спиной лежала сверху. Поворот получился чуть неуклюжим, поэтому во время него оба засмеялись. Так он ласкал ее тело, поцелуи в шею и за ухом не прекращались. Его руки стали спускаться от груди все ниже и ниже. А потом он стал пальцами ласкать жену отчего у нее стали вырываться вскрики, стоны и громкое «а-ааа-а». Он сделал несколько движений «туда-обратно» пальцами в ней, после чего, она резко, рыча от возбуждения, вытащила его руку, перевернулась к нему лицо и, после секундной заминки, она начала двигаться, поднимаясь и упускаясь. Оба не могли сдерживать эмоции в этот момент. Елизавета смотрела на Александра глазами какими хищник смотрит на жертву, но через секунду она их закрывала и сама становилась жертвой, наслаждаясь этим. А он, во время движений, не мог делать что-то одно. То его руки были на ее грудь, то на бедрах, а то на животе. Руки, как и его сознание, не могли сосредоточиться. Эмоции брали над ними верх и уже через несколько секунд Елизавета кричала громко и повторяла:

– А-ааа! Да! Да, милый! Давай! Давай!

И он не останавливался.

– Да, милая, да! – это все слова, какими они могли сейчас обмениваться.

От постоянных стонов и криков у обоих пересохло во рту, по лицам обоих катились капли пота, а волосы были влажные. Тела были горячими, но еще горячее была плоть, связывающая их. Число вдохов не поддавалось расчетам, частота сердечных сокращений была раза в два выше нормы.

– Я-яя, – она вздохнула, – я больше, а-ааа, больше не могу, – даже улыбка ей давалась уже тяжело.

– Еще немного, милая, потерпи, – он потянулся к ней, поцеловал ее и, не прерывая процесс, они перевернулись так, что Александр вновь оказался сверху.

Он взял по настоящему бешеный темп, что даже кричать Елизавета больше могла. Крик терялся в резких вдохах. Он уже лежал на ней и двигал только тазом то быстро, то медленнее, но резче и сильнее. Прошло всего несколько десятков секунд после того, как они поменяли позицию, но Елизавете показалось, что прошли часы, когда он сказал:

– Сейчас, милая, сейчас. Да, да!

– Да, давай! А-ааа!

– А-ааа!

И он в раз крикнул от наслаждения, а потом весь обмяк, но сделал еще несколько уже слабых, последних движений. И, не выходя из нее, лег всем телом, тяжело дыша.

Так они пролежали ни одну, ни две минуты. В тишине, которая еще некоторое время назад казалась невозможной.

– Я люблю тебя, – сказал Александр, когда отдышался.

– И я тебя, – она погладила его по волосам, – это было

так...у меня нет слов.

– А чего ты кричала, что больше не можешь? – он встал на руках. Чтобы расцепить тела, которые слиплись от пота, пришлось приложить усилие.

– Ты сам знаешь ответ, – она улыбнулась и погладила его по щеке. Все лицо её было влажным, – потому что ты испытал один оргазм, а я шесть!

– Ты их считала? – он посмеялся.

– Да ну тебя, – посмеялась она в ответ и шутливо дала ему пощечину.

Они стали играть друг с другом, шутливо бодаться. А затем легли рядом и обнялись.

Им обоим было все равно на смятый халат Елизаветы, который был где-то под ними, на халат Александра, который лежал на полу и на многое другое. Они были счастливы, что сейчас они рядом, что они вместе. Их тела стали остывать и было уже даже чуть прохладно. Они забрались под одеяло и пролежали обнявшись около часа.

МОСКВА

Екатерина и Антуан выходили вдвоем из метро без пяти минут шестнадцати. До дома родителей идти пешком не больше десяти минут. Они договорились, что придут примерно к этому времени. Утром Екатерина съездила на работу, передала все, что привезла с собой из Парижа, немного пообщалась с начальницей и поехала обратно домой. С завтрашнего дня ей выходить на работу, а сегодня выходной. Из

дома и до родителей они с Антуаном решили прогуляться по Москве, поэтому, загулялись и совсем немного припозднились.

Предыдущий день, день приезда, они провели вдвоем, больше не выходя из квартиры. Екатерина приготовила ужин, они пообщались немного, а потом не спали до середины ночи.

Погода в Москве была солнечная, поэтому ходить по городу было в удовольствие и не утомительно. У них было всего лишь три часа на прогулу и они использовали их сполна. Екатерина показала Антуану несколько городских достопримечательностей и эти три часа пролетели для них незаметно. И сейчас они уже были в нескольких минутах от дома, в котором живут родители.

К парадной они подошли начале пятого, зашли внутрь, не торопясь поднялись по лестнице и подошли к знакомой с детства Екатерине квартире. Она нажала дверной звонок.

«А вдруг он им не понравится? (она посмотрела на Антуана и они улыбнулись друг другу) Они не будут его понимать на прямую, придется переводить все что он говорит, а ему придется переводить то, что говорят родители. хоть, переводить то только для отца, мама то поймет. Ну вот она мне и будет помогать. Ладно, посмотрим что да как бу...».

Ее размышление прервала открывающаяся дверь из-за которой она увидела отца.

– Привет, Катя, – он открыл полностью дверь и жестом

пригласил гостей зайти в квартиру, а сам отошел подальше в глубину прихожей.

– Привет, пап, – проходя в дверной проем сказала Екатерина, – привет, мам, – из кухни, вытирая полотенцем руки, вышла в коридор мама. Отец был в черных брюках и светлой, в синюю полоску рубашке, а мама была в коричневых брюках и кофточке также коричнево цвета, только светлее.

– Привет, Катюша, – она быстрым шагом подошла к дочери, обняла ее и поцеловала.

В этот момент Антуан «мучился» с дверным замком, который все не мог закрыть.

– Простите, – сказал отец и подошел к нему, – это вот так вот делается, – сказал он, будто гость понимает русский язык и ловким движением закрыл дверь, – вот и все, – улыбнулся он и пошел обратно.

– Мама, папа, – она поочередно посмотрела на родителей, – это Антуан, – она указала руками на мужчину рядом, – человек, с которым бы хотела связать свою будущую жизнь.

– Bonjour, – поприветствовал Антуан родителей и улыбнулся, как и полагается в таких случаях.

– Добрый день, – в один голос сказали родители.

Теперь мама Екатерины подошла и, чуть коснувшись губами, поцеловала его в щеку.

– Катюша, Антуан – проходите. А я пока здесь все доделаю.

– Спасибо, мам, – они стали снимать обувь, а отец уже

возвращался в комнату.

«Ну, вроде, неплохо приняли, как мне кажется. Вполне, вполне. Посмотрим, как пройдет ужин».

Она вела внутренний монолог, моя руки. После, вытерев их полотенцем, а затем подправив пальцами брови и волосы, вышла и пригласила Антуана, который медленно шел по коридору к ванной комнате. Он подошел и, зайдя в ванную, принялся мыть руки. Они смотрели друг на друга, улыбались. Когда и он закончил, то Екатерина погасила свет в ванной комнате и они вдвоем, держась за руки, направились в гостиную, где уже практически все было приготовлено к ужину. Они сели на диван рядом с отцом Екатерины, который легко барабанил пальцами левой руки по подлокотнику, а правую согнул в локте и подпер правую щеку.

– Ну как вы здесь, пап? – спросила Екатерина, садясь. Следом за ней сел и Антуан.

Отец сразу перестал барабанить и сел ровно, опершись на спинку.

– Да все хорошо у нас. Вот, Саша звонил недавно, приехал. Нормально добрался, без происшествий.

– Ну хорошо, – Екатерина чуть отдернула свое темно-коричневое летнее платье с неглубоким вырезом. Антуан был в рубашке лазурного цвета и в джинсах.

Она понимала, что если бы еще мужчина свободно говорил на русском, она могла бы пойти на кухню, помочь маме, а уже они с отцом нашли бы о чем поговорить, но в данном

конкретном случае она сделать этого не могла.

– Антуан, – обратилась она на французском, – помоги моей маме на кухне. Пожалуйста.

– Но я же..., – начал возражать он.

– Я тебе говорила, что она знает французский. Помоги, заодно и пообщаетесь.

– Хорошо.

Антуан встал и пошел на кухню, а отец непрерывно наблюдал за тем, как они общаются на непонятном для него языке.

Когда Антуан подошел к кухне, он чуть замаялся. Мама Екатерины стояла к нему спиной и не заметила как он подошел. Он легко ударил в наличник, женщина обернулась и посмотрела на него.

– Salut, – сказал он, входя на кухню, явно нервничая.

– Привет, – ответила она, без какого бы ни было акцента и с улыбкой, – что-то хочешь?

Антуан удивился и чуть шире обычного раскрыл глаза.

– Не нужно ли, – запинаясь начал он, – не нужно ли вам помочь? – и глуповато улыбнулся, перебегая пальцам рук по стене.

– Помочь? Да я все сделала уже – она стала глазами «бегать» вокруг, – бери вот эти тарелки, – она показала на кухонный стол, где стояли две тарелки, – и неси в комнату.

– Хорошо, – он взял тарелки и пошел обратно в комнату.

Он поставил тарелки на стол, в комнате Екатерина разго-

ворила с отцом, но они отвлеклись на вошедшего Антуана.

– Сейчас уже иду! – крикнула мама с кухни.

Через несколько секунд она зашла и они сели за стол.

Первый несколько минут, обычно, при таких встречах проходят в молчаливом приеме пищи. Но до того момента, пока кто-то что-то у кого-то не спросит или не попросит. Вот это что-то и спросила мама Екатерины у Антуана.

– А расскажите о себе, Антуан. Чем занимаетесь? Как живете? – попросила она на французском языке, а затем перевела свой вопрос отцу. После каждой реплики на французском, будь то от нее, дочери или Антуана, она переводила отцу на понятный ему язык.

Антуан рассказал все то, что уже слышала Екатерина. О работе, семье, окружении. Он рассказал погружено, явно ему было приятно это делать. Также он рассказывал о себе и ей, также он говорил, рассказывая о Париже и Лионе. Конечно, новость о том, что он совсем не пьет немного смутила родителей, особенно отца, но в общем-то встретили они Антуана в своем доме довольно благосклонно.

– А ваша мама хотела бы посетить наш город, приехать сюда? – спросила мама Екатерины.

– Моя мама? – он облизнул кончиком языка верхнюю губу, – думаю, если когда-нибудь я навсегда приеду сюда или на большее время, чем несколько дней... Она с удовольствием приедет. Было бы время, – он сделал глоток минеральной воды, – она у меня вообще не самый большой любитель

путешествовать, но, мне кажется, что смог бы ее уговорить приехать, – он улыбнулся и чуть заметным движением вновь провел по верхней губе языком.

Екатерина обратила внимание на то, пока мама и Антуан продолжили общение, что это не очень нравится ее отцу, что он несколько раз облизал языком свою губу. Он стал смотреть на него с небольшим подозрением. Да, незнакомому человеку этого не заметить, но дочь, которая знает своего отца больше четверти века очень хорошо себе представляет как тот выражает эмоции.

«Вот все же в кого Саша больше похож. Сын с отцом, мама с дочкой больше проводит времени, это логично. Но, что тот что-то подозревает, что этот. Вот мама (она посмотрела на мать и их взгляды встретили – они улыбнулись друг другу, но она не отрывалась от того, что рассказывал Антуан) спокойно и с интересом слушает его, он ей нравится. А мужики мои (она сама себе чуть улыбнулась) все ищут какую-то подоплеку, будто бы хотят, чтобы в нем что-то было не так. Все с ним хорошо! Да, он со своими, иногда отличными от наших, тараканами. Но кто без них? Я понимаю, что отец никуда не выезжал практически и ему трудно понять менталитет другой страны, тем более такой, прямо скажем, своеобразной как Франция. Но я то что-то понимаю и знаю их. Ладно, потом покажу им с Сашей, когда все у меня будет замечательно!»

Думала она обо всем этом без какой-либо злобы, но с

небольшой обидой и даже азартом. Ей хотелось показать и доказать, что она давно уже выросла и может все решать сама без советов родителей и старшего брата. Но и признавала, что ворчать ворчат, но ничем не мешают ей. Ничего не делают. Все решает она сама.

Обед, как и последующий чай с тортом, так и прошли в таком ключе. Говорили в основном Антуан и мама Екатерины, несколько слов вставлял отец, и совсем немного она.

От родителей Антуан и Екатерина вышли в начале седьмого и сразу пошли к метро.

– Ну как тебе мои родители? – спросила Екатерина, когда они вышли из парадной и помахали родителям.

– Спасибо, Катрин. Мне все понравилось. Я вижу, что замечательные родители вырастили такую прекрасную дочь.

Антуан сказал общие слова, но ей все равно было приятно.

– Много с мамой общался ты, – с улыбкой сказала она.

– Прекрасная женщина. И она мне многое рассказала о вас, о тебе, и я с ней мог поделиться. С ней очень легко, просто разговаривать. С такими людьми очень люблю общаться, – он даже сильнее сжал руку Екатерины, – а вот с твоим отцом немного не вышел разговор... барьер есть барьер. Все равно, даже если переводить, то тяжелее общаться. Тут либо он должен говорить на французском, либо я на русском. А так... так немного не то. По крайней мере для меня, да и для твоего отца, видимо, тоже.

– Согласна с тобой, – хотя сама она видела отчасти другую причину не очень активного их общения. Но и то, что высказал Антуан бесспорно мешает общению.

– А вообще...мне, честно, очень понравилось. И готовит твоя мама великолепно.

– Передам ей твой комплимент. Я готовлю хуже, – они оба посмеялись, – но тоже, вроде неплохо.

– Я уже убедился в этом вчера, что ты готовишь отлично.

– Спасибо! – она чмокнула его в щеку.

За общением они дошли до метро и поехали домой. Вечер был для них свободен. Для них двоих вечер принадлежал им. И оба знали как его проведут.

– Ну как тебе мужчина Кати? – спросила мама отца, когда мыла посуду, а он сидел на кухне и пил чай.

– Ну...я скажу так – это ее выбор и ей все решать, – после слов он сделал глоток чая.

– Не понравился? – повернула мама голову в сторону стола.

– Да и понравился вроде, и не противен...но вот его поведение...ты заметила как он иногда облизывал в разговоре верхнюю губу. Меня это напрягло немного.

– Честно, я не обратила на это внимания. Но сам посуду, у каждого свои заморочки. Ты вот пальцы до крови иногда ковыряешь, так и не отучился от этого. Может у него это тоже как вредная привычка. Вот и все.

– Возможно ты и права, – он помешивал ложкой чай и

чайнки, которые плавали там, поднимались со дна на верх.

Он не стал говорить жене, что кроме облизывания губы его озадачил его взгляд, с которым он это делал. Взгляд, в котором, как показалось ему, отражалась то ли похоть, то ли еще какой-то порок. И сейчас он смотрел в чашку, где от помешивания уже образовался водоворот и буквально видел перед собой лицо Антуана с этим взглядом и с языком, который облизывает губу.

– А мне этот молодой человек очень даже понравился, – вывел его из задумчивости голос жены, – интересный, обходительный, образованный, кстати.

– Да с этим я и не спорю, хотя и не мог понять весь ваш разговор и первых уст. Но вот что-то меня гложет, – о разговоре с сыном он тоже не говорил жене. А сейчас он разделял опасение и напряжение сына, – наверное, я просто уже стар, – он сказал это и улыбнулся, чтобы разрядить немного обстановку.

– Да ладно уж тебе, – сказала она, чистя губкой сковородку.

– Я говорю так, как чувствую. Вот Лиза Сашина сразу, так сказать, «легла на душу», а здесь такого нет.

– А у меня это было тогда и есть сейчас. Как это объяснишь? – спросила она с ироничной интонацией.

– Значит, что кто-то из нас ошибается, – сказал он и сделал глоток, – надеюсь, что я, – добавил он тихо, что из-за шума воды она не могла услышать его слов.

– Ты видел, как Катюша то рада была...я давно ее не видела такой радостной.

– Я заметил, конечно. Пускай она остается такой навсегда, если этот человек вызывает у нее такие эмоции. Я сам буду только рад.

– И я.

– Тебе налить чаю? – спросил он, когда заметил, что она заканчивает с мытьем.

– Давай, – она уже протирала раковину полотенцем.

Он допил свой чай, а затем налил жене и еще порцию себе. Они сели рядом за стол, как садились уже не один десяток лет. Столько всего было здесь сказано и рассказано, столько решалось. Прошло много лет, выращено двое детей. Но для обоих хотелось одного, помимо счастья сына и дочери. Они хотели на старости лет еще понянчить внучат. Проблему своей семьи Александр им рассказал как раз, сидя за этим столом. Мама тогда плакала, отец просто скрывал свои эмоции. Теперь они хотят, чтобы за этим столом Екатерина когда-нибудь сообщила им о том, что скоро у нее будет ребенок. Чтобы не было больше здесь слез, а была только радость.

Всю неделю Екатерина металась между работой и домом. Она хотела больше времени проводить с Антуаном, но и про работу невозможно было забыть. Антуан сам много гулял по Москве, посещал экскурсии и рассматривал местные достопримечательности. А вечерами они гулял в окрестностях

района, тем более там был небольшой парк, а вечера выдавались теплые. Дальше ужинали, а потом наслаждались друг другом.

Я воскресеньем вечером, когда рабочая неделя Екатерины, которая чуть сбилась из-за командировки и выходного дня, подошла к концу за ужином Антуан обещал сказать ей что-то важное. Поэтому сейчас, когда они сели за стол, она была вся во внимании и трепетном, приятном почему-то ожидании.

«О чем же он хочет мне сказать? Что там такое важное у него? Давай уже рассказывай!»

Из-за этих мыслей она не могла полностью сконцентрироваться на приеме пищи.

– Катрин, – обратился к ней Антуан.

«Ну наконец-то!»

Она подняла глаза на него и посмотрела одновременно мило и даже пошло.

– Катрин, – повторил он, – мне нужно кое-что тебе рассказать, – видно было, что он нервничает, главное, невозможно было понять – хочет он сказать что-то приятное или наоборот.

– Что, милый? – сказала Екатерина спокойным голосом, чтобы его успокоить.

– Не знаю как ты на это отреагируешь... – он вздохнул.

«Ну что же там у него такое?»

Уже настороженно подумала она.

– Что-то случилось?

– Ничего плохого, – он улыбнулся, – я просто... просто я не совсем бесцельно бродил по Москве несколько дней.

– Ну ты город смотрел, ты говорил.

– И не только город я смотрел.

«А что же он еще смотрел? Уж не про какую-то девку он хочет мне рассказать? Да нет, это бред. Сейчас, сейчас он все уже скажет».

Однако напряжение не покидало Екатерину.

– В общем, – он взял ее за руки, – я сделал несколько запросов. И получил добро. Но только не в Москве, – он сделал паузу, – в общем, – он выдохнул, – я перевожусь из Парижа в Санкт-Петербург. В Мариинский театр.

Сказать, что Екатерина была удивлена – не сказать ничего. Она смотрела на него, не двигалась и только «мигала» глазами.

– Я пытался в Большой Театр, но это было невозможно, – Екатерина слышала эти слова Антуана будто через стекло, она вся была поглощена мыслями и удивлением, – поэтому и согласился на Санкт-Петербург. Ближе точно, нежели во Франции...

Дальше она уже ничего не слышала.

«Вот – это – да. Вот это да. Такие чувства у него? Я в шоке от такого. Чего чего, но вот этого я никак не ожидала. Отчасти это авантюра, отчасти глупость, но неужели это все... такое важное решение ради меня? Нет, нет. Я не могу поверить. Но почему? Чем еще может быть объясним такой его

шаг. Точно не деньгами, точно не имиджем. Это точно он сделал для меня. Не могу поверить до конца в это...».

– Катрин, Катрин, – он говорил это громче и дергал ее за руки.

Екатерина подняла глаза, которые опустила после слов Антуана и смогла ему ответить только два слова:

– Ты – прелесть, – и слезы полились у нее из глаз.

Она прижалась к Антуану, он ее обнял и так они просидели несколько минут.

– Ты пожертвовал своей карьерой в Париже ради меня? – спросила она, когда чуть успокоилась.

– Ну, – он немного замялся, – да. Ради тебя. Но мне все равно нужно будет слетать обратно, забрать все вещи нужные первое время, уладить вопросы, которые остались, получить деньги. А потом уже ехать в Санкт-Петербург, там начать усердно репетировать и вливаться в оркестр, когда все выйдут с каникул. Выступления в июле пойдут, со второй половины. Хорошо, что репертуар схож, легче будет, но все равно придется стараться.

– А что с жильем в Петербурге? Ты думал об этом?

– На первое время предоставят квартиру однокомнатную. Платить за нее самому. А дальше... посмотрим как будет.

– Я тоже поговорю, чтобы меня перевели в наше петербургское отделение. Ты когда поедешь туда?

– В Санкт-Петербург? С неделю побуду в Париже, Лионе, а потом выдвинусь туда. Я еще решу и все тебе сообщу. Дата

приезда у меня есть. Кстати, – он встал из-за стола и пошел в комнату, где лежали его вещи.

– Ты куда? – спросила ему вслед Екатерина, но он не ответил, а сказал уже тогда, как вернулся:

– Запиши сюда свой номер телефона, – попросил он, кладя на стол раскрытую записную книжку на букве К, – и время, когда ты бываешь дома, чтобы я точно мог тебя застать.

Екатерина написала карандашом, который он ей дал, свое имя, номер телефона, время (утренние часы и вечерние), когда она точно будет дома.

– Спасибо, – Антуан закрыл книжку и положил ее на край стола.

– Я то смогу жить с тобой в квартире?

– Да, конечно. Я узнавал про это.

– А как ты вообще с ними общался? Кто переводил и тому подобное? Попросил бы меня, было бы проще.

– Я хотел сделать тебе сюрприз, – Екатерина улыбнулась, улыбкой ответил Антуан, – но вообще да, было довольно сложно. Но я нашел переводчика, который и помог мне со всем. Он мне и рассказал о том, что можно попасть в Мариинский театр. В Большой я сунулся, но мне четко дали понять, что я там не нужен вовсе. А там мы договорились по телефону, мне сказали когда приехать, в этот день я должен все окончательно с ними решить и устроиться официально. Хорошо, что попало на межсезонье. Но вообще, это, конечно, опрометчивый шаг, если често. Но, чего не сделаешь... ради

тебя, – он провел пальцами по ее волосам.

– Спасибо тебе. Теперь, значит, скорее всего переедем вместе в Петербург... – словно мысли вслух сказала Екатерина.

– Скорее всего. Вопрос почти решен.

– И сможем постоянно быть вместе.

– Сможем.

– Я люблю тебя, – сказала Екатерина, сама от себя не ожидая.

– И я тебя.

Они вновь обняли друг друга.

– Пойдем, я тебя отблагодарю.

Она взяла его за руку и повела за собой в спальню.

На следующий день они поехали вместе в аэропорт, чтобы купить билеты на самолет до Парижа Антуану. Вылетал он вечером вторника. Поэтому у них оставался еще день сегодня и часть завтрашнего дня. Тем более, что на сборы ему не нужно было тратить много времени.

После аэродрома они поехали в центр Москвы, чтобы прогуляться там, где они еще не были. Екатерина открывал Антуану новые места и казалось бы, что там, где сам он проходил не один раз, есть то, что он сам не заметил, не обратил внимания.

– Ну как тебе в Москве? – спросила Екатерина, когда они прогулочным шагом шли, держась за руки.

– Мне понравилось. Вот правда, я не зря провел время и

провожу здесь время. У вас особый стиль архитектуры здесь и меня это привлекает. Постараюсь найти историю Москвы на французском, чтобы знать о вашем городе также, как знаю о своем, – «Да я сама столько не знаю о родном городе, сколько ты о своем. А тут еще он и о Москве будет знать больше моего». Самоиронично думала Екатерина – есть города, которые привлекают больше, есть, которые меньше. Москва для меня в этом плане как раз на уровне с Парижем, может даже привлекательнее. Выше Лиона никакой город для меня не будет, конечно. Но Москва...она знаешь, если попробовать ее охарактеризовать, она такая...величественная, даже где-то громоздкая. Так скажем, что такое ощущение, будто простому, обычному человеку может быть в ней не очень комфортно что ли. Она давит своим величием, мощью. Сила проходит буквально сквозь каждый дом и ты чувствуешь себя здесь...мне не передать это чувство. Величие с одной стороны и ничтожество с другой. Это потрясающе сочетание, – «А я себя здесь чувствую по обычному. Ну так бы, как он загнул, точно бы не сказала».

– Ты так говоришь, будто у нас здесь какая-то плохая энергетика, – смеясь сказала Екатерина.

– Нет, нет, нет, – быстро и с улыбкой произнес Антуан. А затем продолжил спокойно как говорил и раньше, – любой крупный город, а тем более столица, обладает силой притяжения. Посмотри вокруг. В столице ты всегда найдешь абсолютно разные слои населения. Сюда тянутся все. Это и хо-

рошо, и плохо одновременно. Ведь не всегда сюда едут хорошие, порядочные, воспитанные люди. Я бы даже сказал, что едет в столицу меньшинство такого типа. А больше едут те, кто в какой-то мечте о крупном городе хочет, скажем так, выбиться в люди.

– Ну, то есть те, кто хочет, как выражаются у нас «из грязи в князи»? Ты это хочешь сказать?

– Смотря кто выходит из этой грязи и с какими намерениями. Вот, что я хочу сказать. Центры притягивают как умы, так и тех, кто просто едет в надежде зацепиться за возможность. Не мне судить плохо это или нет. Но я говорю о том, что вижу и знаю. Поэтому я и не особо люблю столицы. Суета, шум, беготня. Сосредоточение средств, инвестиций, государственной власти. Мне бы где потише.

– Ну вот в Петербурге и будет тише, спокойнее.

– Это хорошо. А вот архитектура здесь и вправду самобытная, интересная. Посмотрим, что будет в Санкт-Петербурге.

– Уж там точно будет что смотреть и чем любоваться.

– Вот и будем ходить, смотреть и любоваться.

– Будем.

Они продолжили прогулку, то замедляясь, то ускоряясь. На светофорах они стояли и смотрели в глаза друг другу, а порой и целовались. Они не могли, да и не хотели скрывать своих чувств.

Вернулись домой они вечером. Во время ужина Екатери-

ны завязала разговор, который хотела провести еще раньше.

– Антуан, – начала она нерешительно, теребя в руках салфетку, – я хочу с тобой кое-что обсудить.

– Да, конечно, милая, – ответил он, дожевывая, – что ты хочешь обсудить?

– По поводу детей, – также нерешительно продолжала она.

– Давай, – он ничуть не смутился, – давай это обсудим, – он откинулся на спинку стула.

– После поезда... скажи, ты там специально не предохранялся? – она подняла с салфетки глаза на него, но ее пальцы продолжали перебирать узоры.

– Мы же уже говорили об этом в поезде.

– Да, я помню. Но сейчас, после того времени... что ты скажешь?

– Что и в прошлый раз. Я...

– Ты хочешь ребенка!? – перебели она Антуана, буквально выкрикнув вопрос.

Он сделал небольшую паузу перед ответом, смотря ей прямо в глаза. Потом наклонился ближе и сказал уверенным голосом:

– Хочу, – а затем добавил, – и он будет у нас.

– Мой дорогой, – сказала она и буквально с места кинулась ему на шею.

Приняв каждый душ, они занялись любовью в последний раз перед длительным расставанием. Уснули они вдвоем только в начале третьего ночи. Это время, позднего вечера

и начала ночи, было наполнено страстью, любовью, чувствами, экстазом. Каждая минута, как казалось ей, одновременно длилась час и мгновение. Ее волосы были раскинуты по всей подушке. На ее губах была улыбка от наслаждения. Ее глаза излучали радость.

«Будто уезжает не он, а я».

Она практически не думала, она не могла и не хотела сосредотачиваться на этом сейчас. Она только гладила голову и сжимала волосы Антуана, когда он доставлял ей удовольствие, спустившись вниз. А потом они слились воедино. Делая все новый и новый подход, тратя все больше и больше сил, получая огромное наслаждение каждый раз, когда их тела, накалившись до температурного предела обмякают и трясутся в судорогах. Все нервы были напряжены и каждое касание отдавалось новой волной возбуждения. Их прощание было таким, будто завтра для обоих последний день. Будто завтра они расстанутся и больше никогда не встретятся. Будто Земли уже завтра не будет. Но их не заботит завтра, их не заботят проблемы, их не заботит мысли. Сейчас их забота состоит в доставление удовольствия друг другу. И это удовольствие получает каждый из них.

Екатерина уже сама просила Антуана не предохраняться и доводить процесс до естественного, природного исхода. И он не противился ей. Она хочет иметь ребенка от этого мужчины. Хочет быть с ним всегда. Хочет создать с ним семью. Хочет подарить родителям внука или внучку, а брату – пле-

мянника или племянницу. Хочет быть счастливой.

Проснулась Екатерина в начале одиннадцатого. Антуан лежал с ней рядом и сопел, время от времени всхрапывая. Она легла с бока на спину.

«Как же я прекрасно себя чувствую. И погода, судя по всему, (она посмотрела в окно, откуда в комнату попадали лучи солнца, а облаков на небе не было видно) хорошая. Ка-а-айф (она потянулась, чуть приподняв таз). И на работу только завтра. Надо будет поговорить о переводе, думаю, что все выйдет. Проблем быть не должно. И будем мы жить вместе в Питере. Постоянно рядом. Саша, если что, сможет помочь. Да уже нужно будет подумать о свадьбе... конечно, через некоторое время, ясно, что не сейчас. Но через пару месяцев (она втянула губы) уже можно будет. Но это все в будущем, а сейчас мне просто очень хорошо. И хочу, чтобы так мне было как можно дольше. Вот что значит много чувств... я вся была выжата вчера физически, хоть и наслаждалась всем, а сегодня мне так хорошо, так классно. Ты даришь мне радость (она легонько хлопнула Антуана два раза по ягодицам сквозь простынь) дорогой. А вообще интересно (она провела ладонями по щекам, а потом скрестила руки на груди) как все у нас сложится. Какими мы будем через... ну хотя бы несколько лет? Что с нами произойдет? Саша бы сейчас за такие мысли бы пожурил меня. «Никогда не делай далеко идущих выводов и планов. Они все равно не сбудутся, а самой тебе будет только хуже после этого» – Так

он мне говорил как-то несколько раз, когда я начинала воображать при нем, при родителях. А я хочу верить и думать о будущем! Думать, что все у нас с Антуаном будет отлично! И это сбудется!»

Так она лежала и думала, воображала о будущем, мечтая, чтобы мысли стали явью. Но и слова брата постоянно крутились в ее голове. Однако, о них она не хотела думать совершенно.

Размышления Екатерины прервал просыпающейся Антуан.

– Доброе утро, – она легла ему на грудь сразу же после того, как он перевернулся.

– Доброе утро, – сказал он протирая глаза и пытаясь до конца проснуться.

– Как ты спал? – не унималась Екатерина. Она сейчас была похожа на ребенка, который прибегает к еще не проснувшимся родителям и начинает их пихать, кричать, смеяться. В общем, делать все, чтобы они перестали спать, проснулись, и были с ним.

– Прекрасно, – с чуть кривоватой, еще спросонья, улыбкой ответил ей Антуан.

– И я, – она потянулась к нему поцеловаться. После короткого поцелуя она продолжила, – что будешь на завтрак?

– А что ты можешь предложить? – он обнял ее, но смотрел только одним глазом. Второй до сих пор «просыпался».

– Кашу овсяную будешь? Я сейчас сделаю.

– Давай, с удовольствием, – он ответил, глядя ее по плечу.

– Тогда я пойду, – она снова чмокнула его, потом руками потискала под ребрами, что у обоих вызвало веселье и смех, встала с кровати, надела на тело висевший на стуле халат, и пошла на кухню.

Антуан закрыл глаза, сложил руки на груди и продолжил кимарить.

Позавтракав, они пошли на улицу прогуляться по району. Само настроение было уже предотъездным. Каждый держал в голове, что сегодня не простой день и закончится он не так, как несколько предыдущих. Поэтому не очень комфортно гулять в таком настроении и отдыхать.

Сейчас они вдвоем под руку шли по улицы. Солнце освещало все вокруг, лишь изредка загораживали его маленькие облака. Они мало общались, больше молчали и каждый думал о своем. А, возможно, думали они об одном и том же. В таком состоянии мыли путаются и вроде бы ты думаешь о чем-то, но если действительно задуматься, то понимаешь, что ты просто опустошен. Думаешь как может состояться этот переломный момент – отъезд или проводы, чтобы стало легче. А так, люди как будто вместе, но одновременно они порознь.

Самолет у Антуана был на восемнадцать тридцать. Поэтому сейчас, в четырнадцать тридцать, он собирал вещи, пока Екатерина готовила обед.

За обедом, среди общей беседы, они решили, что возьмут

такси до аэропорта. Поэтому, Екатерина сразу, еще не доев, набрала номер телефона и заказала машину на шестнадцать часов. Специально на такое время, потому что лучше приехать раньше и подождать, нежели нестись сломя голову и нервничать, а то и вовсе опоздать, чтобы самолет улетел без тебя.

Обедать они закончили около половины четвертого. До приезда такси оставалось всего лишь тридцать минут. А до вылета самолета три часа. Они сели рядом на диване и обнялись друг друга.

– Скоро улетаешь, – сказала Екатерина, не смотря на него, а вперед.

– Но ведь и вернусь довольно скоро, – с грустной улыбкой ответил Антуан, – и уже надолго.

– Это да, но я так не хочу с тобой расставаться...не хочу отпускать тебя, – она сжала кисть его руки и повернула голову к нему.

– Милая, мы расстанемся ненадолго. Я скоро снова буду с тобой. Не грусти и не переживай. Я скоро уже вернусь.

– Я вот все думаю...о нашей встрече. Как же так произошло, столько случайностей, столько, – ей было трудно подобрать слова, – столько всего встало в один ряд и мы встретили.

«С одним рядом я, конечно, загнула что-то».

– Как мы говорили раньше, – Антуан прижал ее ближе к себе, – это судьба. Не просто случайность, не просто стече-

ние обстоятельств, – «вот, точно, «стечение обстоятельств», забыла сейчас это выражение. Один, елки-палки, ряд...» – а именно судьба. Ведь, если бы я был занят, то тебя подвозил бы кое-кто другой, и не факт, что он бы тебе понравился.

– Согласна. Но, если бы вместо меня отправили другую сотрудницу, то, как мне кажется, вряд ли бы ты предлагал ей билеты на футбол..., – она вспомнила одну из коллег по работе, которая тоже претендовала на это поездку. Она настолько ее не любила, что в мыслях или с близкими людьми говорила о ней только два слова – отвратная женщина, – уж поверь мне.

– Верю, – улыбнулся он ей, а она в ответ улыбнулась ему, – а может все было бы не так. Мало ли того, что происходит в жизни, влияет на нашу судьбу? Так, если задуматься, то и смерть моего отца, – он облизнул верхнюю губу, – тоже влияет на нашу встречу. Может быть, все было бы не так, будь он сейчас жив. Кто знает.

– Да, ответа не знает никто, – загадочной интонацией сказала Екатерина.

– Только Господь, – вставил Антуан.

– Если он есть, – поправила Екатерина.

– А ты сомневаешься? – с добрым вызовом в голосе спросил он.

– Давай сейчас не об этом. И давай без споров, – она прижалась к нему и положила голову на грудь.

– Конечно, милая, – он стал гладить ее по голове.

Они просидели так немного. Потом Антуан посмотрел на часы.

– Нужно одеваться уже. Уже пятьдесят минут.

– Да-а, – с грустью в голосе ответила Екатерина.

Они встали и стали собираться. Екатерина сняла халат, чуть прыснулась духами, надела лифчик, а сверху – летнее платье. Антуан быстро оделся в ту же одежду, в которой приехал в Москву.

Без трех минут шестнадцати Екатерина повернула ключ в дверном замке, несколько раз дернула дверь, чтобы проверить закрыта ли она, а затем они вдвоем, Антуан нес свою сумку, а у Екатерины была только небольшая сумочка, где лежали ключи, документы, кошелек, и всякая мелочь, пошли из парадной на улицу.

Только они закрыли за собой дверь в парадную, как подъехала машина. Водитель, лет сорока – сорока пять, не заглушая мотор, вышел, подошел к ним, чтобы взять сумку и положить ее в багажник, а Екатерина и Антуан в это время садились в автомобиль. Водитель тем временем уже захлопнул багажник, вернулся в машину, уточнил место куда ему ехать, а затем тронулся с места.

В машине они практически не общались, а ехали вдвоем на заднем сиденьи, держась за руки и порой смотря в глаза друг другу. Машина двигалась плавно, размеренно в потоке других автомобилей. До аэропорта они добрались примерно за тридцать пять минут. Екатерина расплатилась по счет-

чику и они вдвоем вышли из машины на улицу и практически сразу зашли в здание аэропорта. Когда они сели в зоне ожидания рейсов, часы на руке Екатерины показывали ровно семнадцать часов.

Они сели среди нескольких десятков таких же пассажиров, провожавших. Кто-то улетал отдыхать, кто-то работать, кто-то к любовникам и любовницам или наоборот обратно к семье, а кто-то улетал навсегда, прощаясь с этим городом, который никогда больше не увидит.

«Когда не хочешь отпускать человека, то до последней минуты хочешь, чтобы он не улетал. Хочешь, чтобы самолет не выехал на полосу, чтобы его шасси не оторвались от земли, чтобы тот, с кем ты хочешь быть побыл с тобой хотя бы лишнюю минуту. Это с одной стороны. А с другой – лучше быстрее расстаться и быстрее, чтобы он улетел. Тяжелее всего переносить это ожидание. Это как со смертью, что ее ожидания хуже ее самой. Так и здесь – ожидание отъезда хуже самого отъезда. Ты видишь человека, его эмоции, испытываешь чувства к нему. И ты не хочешь, чтобы он тебя покидал, но одновременно с тем хочешь, чтобы он уехала как можно скорее. Дрянное это чувство. Но это у меня так, у других, возможно, иначе. Но ждать...нет, это самое для меня трудное».

В семнадцать тридцать объявили посадку на самолет. Антуан взял сумку и они вдвоем с Екатериной пошли к месту регистрации. Оно, как и положено, огорожено и туда допус-

каются только пассажиры. Провожающие прощаются раньше. Вот и Екатерина с Антуаном встали чуть в стороне от прохода. Антуан поставил сумку на пол и обнял ее. Она прижалась к нему и скрестила ладони за его спиной между лопаток. Они молчали и просто стояли, обнявшись.

– Я скоро уже вернусь, милая, – прервал молчание Антуан, – недолго мы с тобой будем порознь.

– Я понимаю, – не отрывая лица от его груди сказала она.

– Уже через неделю будем вдвоем в Санкт-Петербурге. Обещаю.

– Хорошо, – она подняла на него глаза.

Они кротко поцеловались.

– Мне пора уже.

– Хорошо, – она отпустила плавно, скользя по одежде, свои руки. После этого он разжал свои.

– До встречи. И жди звонка, – он улыбнулся.

– Уже жду, – она улыбнулась в ответ, – пока.

– Пока.

Он пошел к регистрации на рейс, потом сдал свой багаж и скрылся от глаз Екатерины так больше и не обернувшись.

Она дождалась вылета самолета, а затем не торопясь поехала домой.

Дома она разделась и сразу пошла в душ, где провела длительное время под теплыми струями воды, которые капали с ее лица вперемешку с каплями слез. После того как вышла и надела халат, она сделала себе чай, выпила его без бутербро-

дов или сладостей. Улыбнулась, посмотрев на вечернее небо из окна кухни, а затем пошла в спальню.

Там она сбросила с себя халат, повесила его на спинку стула, и без какой-либо одежды легла под одеяло. Блаженная улыбка была на ее лице, ведь теперь у нее новый стимул – ждать их встречу в Петербурге с Антуаном. Ведь до этого всего неделя.

Через минуту она уже видела первый сон.

Следующие несколько дней пролетели для нее очень быстро. Она работала «с головой», одновременно решая вопрос и оформляя документы для перевода. Выходные она провела бездельно, только гуляя, отдыхая и совсем немного убираясь в квартире. Но в один из вечеров она наконец-то услышала телефонный звонок, который так ждала. Это был вечер вторника.

Она сняла телефонную трубку:

– Алло?, – она поправила волосы, которые спадали ей на глаза, и завела их за ухо.

– Привет, Катрин, – услышала она в ответ спокойную, нежную французскую речь и в момент обрадовалась.

– Привет, Антуан! – она не могла спокойно сидеть у телефона, поэтому резко встала и начала на месте перебирать ногами.

– Как ты там?

– Да все хорошо. Вот сейчас оформляю документы на перевод. Со следующего понедельника выхожу на работу уже

в Петербурге. А заканчиваю здесь в пятницу, так что могу в тот же вечер ехать на ночном поезде в Петербург, чтобы в субботу утром быть там, – эмоции переполняли ее и она говорила очень быстро, – хочу как можно скорее увидеть тебя.

– Отлично, что у тебя получилось с переводом. Сам я приезжаю в четверг. На этой недели. Так что буду ждать тебя.

Екатерина сразу погрузилась от того, что не сможет встретиться сама Антуана.

– Жаль, что я еще не приеду к этому моменту, – она сделала паузу, а потом продолжила, – слушай, а давай я попрошу брата тебя встретить, – Антуан начал протестовать, но Екатерина повысила голос и продолжала. Антуан перестал пытаться ее прервать, – не противься. Он отвезет тебя туда, где находится квартира, все покажет, расскажет как добираться.

– Да я сам все посмотрю. Не напрягай брата, – воспользовался паузой Екатерины Антуан.

– Поверь, лучше он тебе расскажет, покажет. Ты сделаешь записи или отметишь для себя как куда идти. Я поговорю с братом. Хорошо? – больше для проформы спросила она.

– Хорошо, – Антуан понимал, что спорить бессмысленно, что она все равно поговорит с братом.

– Ну а ты то сам как там? – перевела она тему.

– Я ничего..., – немного грустно начал он, – конечно, разговор был тяжеловатый о переводе, но...мы смогли договориться.

– Как дома? Как мама?

– Да все прекрасно в этом плане. Я как раз сейчас сейчас в Лионе. Так что, все в порядке.

– У тебя рейс то какой и время вылета и прилета?

– А, сейчас посмотрю. подожди секунду, – она слышала, как Антуан положил трубку рядом и пошел от телефона. Через несколько секунд он вернулся, – я из Лиона полечу. Так, прилетаю я в семь двадцать пять, утром, – Екатерина записала это на бумажке карандашом. Затем она написала номер рейса и время вылета.

– Все, поняла. Я поговорю с братом. Если что, его зовут Александр.

– Да я помню, – он улыбнулся, улыбнулась и Екатерина.

– Что расскажешь еще хорошего? – она крутила провод телефонной трубки.

– Да в общем-то больше ничего такого нет. Никаких происшествий нет! – он посмеялся.

– Это само главное, – после секундной паузы она продолжила, – в общем, с братом я поговорю, если что, – она сделала ударение на «если что», – если он не сможет встретить, тогда я позвоню тебе, хорошо? Ты дашь мне свой номер?

Антуан продиктовал лионский номер, а затем, на всякий случай, и парижский.

– Хорошо, – сказала Екатерина после того, как положила карандаш на листок бумаги, – если что – звоню, но, надеюсь, что это не понадобится.

– Хорошо, звони, никаких проблем.

– Ладно, тогда, до довольно скорой встречи, – сказала она и закусила губу зубами так, что, если бы Антуан стоял рядом с ней, они неминуемо отправились бы в спальню.

– Да, скоро встретимся снова. Очень жду этого, – Екатерина представила как в момент, когда он это говорит, он улыбается.

– И я этого очень жду, – она теребила провод.

– Пока, милая.

– Пока.

После того, как услышала гудки, она сама положила трубку.

Для нее вечер «был сделан» этим звонком Антуана. Улыбка не сходила с ее лица чем бы она не занималась. Если бы кто-то сейчас ее увидел, то подумал бы, что девушка дурочка и у нее все не в порядке с головой. Но она была одна, да и если бы кто-то что-то о ней сейчас думал, ей все равно было бы на это наплевать. И сама она не думала о разговоре с братом, который завтра ей предстоит. Она просто искренне радовалась. Радовалась так, как радуется новой игрушке, которую давно хотел, ребенок. Или как тренер, чья команда выиграла кубок в тяжелой борьбе. Такая радость не покупается, не играется, не выставляется на показ при всех.

Спать она легла тоже с улыбкой. Эмоции ее переполняли и, как всегда бывает в таких случаях, уснуть было трудно. Но сон все же берет свое и глаза ее начинали слипаться. И только когда они сомкнулись, а организм погрузился в сон,

улыбка сошла с ее губ, уступив мест расслаблению и отдыху.

Екатерина проснулась утром в хорошем настроении. Александру она решила позвонить вечером, после работы, чтобы уже спокойно поговорить и все обсудить.

Она сходила в душ, а затем легко позавтракала. После, Екатерина начала собираться на работу. Юбка, блузка, чулки черного цвета, туфли и сумка в руках – так она выглядела, когда закрывала дверь в квартиру.

Солнце на улице светило ярко, а тепло, шедшее от него, было по-настоящему летнее.

«Позвонить Саше нужно будет вечером, обсудить все и все решить. Думаю, он не будет на что-то нервничать, злиться. Все же Антуан б...».

– Извините, – прервал ее размышления мужской голос за спиной, – вы сейчас будете выходить?

– Да, – ответил Екатерина и в этот момент поезд выехал к платформе той станции, которая и нужна была ей.

Она шла по переходам подземки среди множества людей, желая как можно быстрее подняться наверх, выйти на улицу в город.

На улице солнце уже все больше закрывалось облаками и поднялся, пока еще не сильный, ветер. От метро до места работы ей было идти чуть больше десяти минут в спокойном темпе не быстрым шагом.

«Скоро привыкать к новому коллективу, к новому месту в Питере. Новые люди, знакомства...Здесь то я уже все

знаю, все известно, отношения настроены. С кем-то ближе, до дружественных, а с кем-то только рабочие, да и то натянутые. А там снова – разбираться в людях, кто есть кто, делать определенные выводы, и, конечно же, обязательно ошибаться, хотя бы одна, но будет ошибка. Ведь не всегда, да наоборот, довольно часто, бывает так, что люди, которые при первой встрече, в первый раз показались хорошими, интеллигентными и приличными оказываются таким... дерьмом и контрацептивами, что тошно. А бывает и наоборот, что те, кто показался сначала так себе или оставил не очень хорошее впечатление после первой встречи оказываются впоследствии друзьями, а то и лучшими друзьями. Поэтому... поэтому, главное не делать поспешных выводов. Не всегда отличники, люди с высшим образованием порядочнее и честнее, чем те, кто получил среднее и техническое образование. Довольно часто все бывает иначе... Везде есть как прямые, так и обратные ситуации. Так что, не зря придумана фраза и говорить, что встречают по одежке, это действительно практически всегда так, а провожают... всем известно по чему. Человека нужно оценивать по поступкам, по мыслям, по действиям, а не по деньгам, цене его одежды, образованию и прочему. А лучше всего, когда в человеке присутствует все! Красота, ум, порядочность, средства. Как в моем Антуане...»

Она открыла входную дверь и зашла в здание, в котором работала.

«Знакомые до боли лица, рабочий день, который не предвещает ничего экстраординарного или серьезного разнообразия. Рутинка и одинаковые разговоры. И завтра будет все точно также и вчера было также. Да и в любой другой день будет также! Да, что-то особенное есть всегда, какие-то эпизоды, которые не повторяются, но они забываются, они одноразовые в отличии от всей этой работы».

Она шла до своего рабочего места, здороваясь с теми, кто уже пришел и был там, и думала, ведя свой внутренний диалог или монолог. Думала не переставая.

Подойдя к столу, она положила сумку на него, а после села. Из сумки она достала все, что нужно было ей для работы, включая документы о переводе в Санкт-Петербургское отделение, которые сегодня должны были уже подписать и оформить окончательный перевод со следующей недели.

Сумку она убрала в выдвижной ящик стола, до конца рабочего дня она ей, скорее всего, не понадобится. Сама подвинулась и села ближе к столу. Рабочий день для нее начался.

Екатерина вышла на улицу после окончания рабочего дня в восемнадцать часов и пять минут. Теперь уже официально, она с понедельника числится и будет работать в Санкт-Петербурге. Настроение у нее было приподнятое, хоть она и устала за сегодняшний день. Сейчас ее главной целью на сегодня было как можно быстрее оказаться дома, поужинать, а затем отдохнуть.

«А, еще же нужно будет Саше позвонить, поговорить с ним... совсем об этом забыла».

Метро, как и любой другой общественный транспорт в час-пик, настроения не прибавляет. Действительно, толпы людей, которым, как кажется, нет конца и края не могут поднимать настроение. Полные людей переход сменяющиеся полными людей вагонами составов и наоборот, вагоны сменяются переходами. Духота, обязательно от кого-то воняет потом, а от кого-то духами, которым, такое ощущение, человек не знает меры, выливая на себя не несколько капель, а целый флакон.

«Обязательно, вот обязательно должен быть человек в плотно набитом вагоне, который не снимает свой чертов рюкзак! (она намеренно чуть пихнула рюкзак, чтобы протиснуться). Люди, люди, толпы. Вот ехать в метро после работы, конечно... (она протискивалась дальше) жуть».

Наконец, поезд подъехал к станции, довольно плавно став останавливаться, хотя кто-то не удержал равновесия и чуть не упал вместе с другим пассажиром. Поезд остановился и открылись долгожданные раздвижные двери вагона. Екатерина вышла из вагона, а уже через несколько минут после этого смогла вдохнуть свежий уличный воздух, а не запах пота, парфюма и всего остального в душном, закрытом пространстве.

Она пошла в спокойном темпе до дома. Спина ее чуть вспотела пока она ехала в метро, и сейчас, сквозь блузку бы-

ла видна застежка сзади и бретельки белого лифчика. Она чуть отдернула прилипшую к спине блузку и почувствовала влагу на пояснице, да и на всей спине. Ей казалось, что капли пота так и скатываются вниз, вызывая не самое приятное ощущение. Хвост ее волос раскачивался, а каблук туфли стучали по асфальту при каждом шаге. По улице, вдоль которой она шла, проезжали редкие автомобили.

Она подошла к своему дому, зашла в парадную, поднялась по лестнице, и вот уже стояла перед дверью в свою квартиру.

«Наконец-то я дома (она вставила ключ в замочную скважину и сделала два оборота против часовой стрелки). Дом, милый дом (она открыла дверь, зашла в квартиру и закрыла ее за собой)».

Положив сумку на тумбу, она сняла туфли, надела домашние тапки и пошла в комнату снимать одежду. Сняв блузку, она расправила и положила ее на кровать, чтобы та подсохла со спины. Юбку она сняла, повесила на вешалку, а затем убрала ее в шкаф. Чулки она повесила на спинку стула. В белье она пошла в ванную мыть руки. Она смотрела на себя в зеркало пока мылила руки. Ее грудь в белом бюстгальтере дрожала и раскачивалась от движений рук. Потом это продолжалось и когда она смывала мыло с рук круговыми движениями кистей и ладоней.

Помыв руки в ванной комнате и сходя в туалет, она пошла обратно в спальню, снимая на ходу бюстгальтер. Сняв, она бросила его на кровать рядом с блузкой. Пока она бра-

ла халат, ее грудь плавно раскачивалась и если бы в этот момент с ней в комнате был мужчина, вряд ли бы он удержался после такого зрелища. Она надела халат, завязала кушак и, шаркая тапками по полу, потому что ноги ей сейчас поднимать высоко было лень, направилась на кухню, готовить себе ужин. На часах было начало восьмого вечера.

Поужинав, она помыла сразу же посуду и, когда часы показывали двадцать пятнадцать, она подошла к телефону. Подняв телефонную трубку, она набрала на диске номер телефона брата и, когда пошли гудки, стала ожидать ответа. Через несколько гудков на другом конце, в другом городе сняли трубку:

– Алло, – услышала она нежный голос Елизаветы.

– Привет, Лиза, – спокойным голосом, без эмоций поприветствовала она жену брата.

– О, Кать, привет. Как ты? – с нескрываемым интересом она была рада слышать голос золовки.

– Все в порядке у меня. Вы там как?

– Тоже хорошо.

Повисла небольшая пауза.

«Вот за что очень ценю Лизу, так это за то, что она никогда не лезет в чужую жизнь, не начинает расспрашивать, узнавать или наоборот говорить слова «я все знаю» и успокаивать. Безусловно, она знает про Антуана, но все она знает от брата, а сама не лезет. Если я захочу – я сама ей и расскажу. Это правильно, Лиза».

– А Саша дома? – прервала молчание Екатерина.

– Да. Позвать его?

– Да, спасибо.

Екатерина услышала, как Елизавета зовет своим нежным голосом: «Саша», а через, буквально, две-три секунды, она услышала, что Елизавета передает трубку из своих рук в руки Александра и говорит тихим голос «Катя».

«Видно, он стоял недалеко».

– Да? – сказал Александр когда поднес телефонную трубку к уху.

– Привет, Саш, – начала разговор с братом Екатерина.

– Привет, – ответил на приветствие сестры брат спокойным и, как показалось Екатерине, добрым голосом.

Вновь повисла пауза в разговоре Екатерины.

– Что звонишь то? – все в той же дружественной манере спросил Александр, – все же в другой город звонишь и смысла молчать сейчас нет, – это сказал это не с укор, а с веселой интонацией.

«Совместил приятное с полезным».

– У меня к тебе просьба, Саш, – немного робко начала она.

–

Излагай, – Екатерина тут же представила себе, что говоря это, он стоит возле телефона, одной рукой прислоняя трубку к уху, а другую держа на боку.

–

– В общем, она набрала воздуха, а затем продолжила го-

ворить на выдохе довольно быстро, – Антуан переводится из Парижа работать в Питер, он прилетает в четверг утром. Мог бы ты его встретить, довести до места проживания, все ему рассказать о том, как ему лучше ездить, добираться и тому подобное?

Александр ответил не сразу.

«Думает, раздумывает».

Екатерина поменяла руку, теперь трубку она держит левой рукой, что для нее не очень удобно и непривычно.

– Саш? – Екатерина знала и понимала, что прошло всего лишь несколько секунд, но у нее, что называется, свербило в одном месте.

– Я здесь. Кать, – он стал говорить уже серьезнее, чем в начале диалога, – если нужно, то я, конечно, встречу. На работе поговорю, все объясню, думаю, что поймут. Скажи мне во сколько он прилетает еще раз точно и номер рейса.

Екатерина прочитала с бумажки все, что записала вчера. Вместе с карандашом она вчера оставила все здесь и ничего не трогала.

– И да, он летит не из Парижа, а из Лиона. Лионский рейс будет.

– Понял, – Екатерина буквально видела, как он прижал трубку левым плечом к уху и записывал всю информацию, – что-нибудь еще? – он снова взял трубку в руку, – А, кстати, ты то сама в Москве останешься что ли, а он здесь будет? Или я что-то не догоняю?

– Нет. Я приеду на поезде в субботу утром. На Стреле, планирую.

– А, ясно, ясно. Ну звони – встречу. Только не на машине, а на метро. С вещами помогу.

– Хорошо, как возьму билеты – позвоню и скажу как приеду. Я думаю завтра до вокзала доехать.

– Хорошо.

– Спасибо тебе, Саша, – она втянула обе губы, – а потом спросила извиняющимся голосом, – ты на меня не обижаешься?

– На что? – немного удивляясь спросил Александр.

– Ну, мало ли тебя напрягает то, что я тебя про...

– Кать, Кать, Кать, – быстро сказал он, чтобы прервать самобичевание сестры, – успокойся. Все хорошо, правда. Да, может, пока он не очень мне симпатичен, может я не увидел еще то, что в нем увидела ты. Но если ты искренне счастлива, то и я искренне за тебя рад и буду способствовать всему счастью, если могу. Хватит думать, что я там все ненавижу и считаю невесть что. Не придумывай себе! – чуть громче сказал он последнюю фразу.

«Чтобы до меня быстрее дошло он так говорит».

– Саша, – сказала она через несколько секунд после небольшого монолога брата, – я правда счастлива. Я никогда не чувствовала себя так хорошо как сейчас. С Антуаном.

– И я, правда, я рад за тебя. Рад, – он сказал это так искренне, что слезы подступили к глазам Екатерины.

Сейчас, несколько секунд они понимали друг друга без слов. Понимали, даже не видя друг друга. Понимали, потому что любили друг друга и желали каждому из них добра, счастья, все самого хорошего. Честно и искренне.

– Встречу я твоего Антуана. Не переживай, – прервал молчание Александр.

– Спасибо, – кротко ответила она.

– Пока еще не за что благодарить и говорить спасибо, – он посмеялся.

– Есть за что, – с улыбкой парировала Екатерина и знала, что дальше пререкаться он не будет.

– Тебе виднее, – она по голосу понимала, что сейчас на его губах улыбка, – ну... тогда пока? Или у тебя еще что-то есть?

– Да нет... больше, вроде бы, ничего. Лизе привет, хоть мы немного и пообщались. Пока.

– Пока.

Она первой положила трубку и с чуть заметной улыбкой пошла в комнату.

Екатерина приняла вечерний душ, а после сразу легла в кровать. Немного почитав, глаза ее стали слипаться. В итоге, она отложила книгу и повернулась на бок.

«Последние ночи провожу здесь. Скоро в Питер. Нужно будет взять с собой самое необходимое, а уж потом думать об остальном. За квартирой родители присмотрят...».

Она зевала, мысли ее путались все больше и она не заметила как уснула.

САНКТ—ПЕТЕРБУРГ

Александр услышал гудки и положил телефонную трубку.

– Ну что Катя хотела? – спросила Елизавета, когда Александр зашел на кухню выпить стакан воды.

– Да нужно встретить ее французского ухажера, – он произнес последние два слова с иронией, злорадством и улыбкой. Сделав глоток, он не стал ставить стакан на стол, – он переводиться, как она сказала, из Парижа в Ленинград ... Так что, – он сделала второй глоток, а после поставил стакан на стол, – поеду в четверг утром в Пулковое встречать его, – он приобнял жену и поцеловал ее в щеку.

– О! – она ударила ложкой по ободу кастрюли, где варились макароны, несколько раз и положила ее на блюдце, – а ты говорил...

– Что я говорил? – серьезно спросил Александр.

– Ничего, – она с улыбкой повернулась к нему и чмокнула в губы, да и сам Александр чуть вытянул шею ей навстречу.

Она снова повернулась к плите и стала мешать, уже другой столовой ложкой, тушеное вчера мясо, которое сейчас разогревала на плите.

– Слушай, а Катя то что, в Москве будет?

– Она приедет на Красной Стреле в субботу утром, – ответил на вопрос жены Александр, не отводя взгляда от двора, куда он смотрел из окна кухни, двумя пальцами отведя в сторону тюль.

– Понятно, – протянула «я» Елизавета.

– Через сколько ужинать будем? – спросил он, снова подойдя к жене.

– Да уже скоро, минут через пять-семь.

– Хорошо.

Александр пошел обратно в комнату, а Елизавета продолжила готовить ужин.

Поужинав, они вместе посмотрели фильм на видеокассете, которое Александр взял в прокате. После просмотра Александр заверил, что купит этот фильм, так как он им обоим очень понравился, а не ограничится одним просмотром кассеты из проката.

Перед сном Елизавета читала, а Александр лежал рядом с ней, порой беря ее за руку или обнимая. Читать вечером, да и вообще лежа, он не любил.

– Завтра нужно будет отпроситься хотя бы до обеда на работе, – вслух рассуждал Александр.

Елизавета положила раскрытую книгу страницами себе на живот.

– Я про четверг.

– Да я поняла, начала она, повернув голову в сторону мужа, – думаю, что отпустят тебя довольно спокойно. И так ты не халявишь, не отлыниваешь. Тем более ты на каком-никаком счету на работе.

– Я тоже практически не сомневаюсь, что отпустят. Просто... – он сделал паузу, – неужели у них, я Катюху имею ввиду, неужели так далеко все заходит, – больше утвердительно,

чем вопросительно сказал он.

– Ну, если он летит сюда работать, специально переводясь из Парижа... – она положила голову на плечо мужа, – то это действительно серьезно, – она резким движением села на кровати, заложила книгу закладкой, положила ее рядом с кроватью на тумбочку и легла обратно, – в общем, это шаг... шаг, который показывает всю глубину его чувств и серьезность отношений, планов... Кстати, а кем он работает то?

– А я, честно, не помню. Катюха что-то говорила, кажется, но не уверен. Вот, в четверг и узнаю.

– Память у тебя... – сказала она с улыбкой.

– С памятью все хорошо, – он прижал ее к себе, – мне кажется, что она сама не рассказывала. Ну ладно, – он сделал короткую паузу, – так ты действительно так думаешь? Я про серьезный шаг, планы и тому подобное.

– Ой, а ты все также ему не веришь? – издевательской интонацией спросила она, и, убрав голову с плеча мужа, легла на бок, подперев голову ладонью и смотря в глаза Александра.

– Честно... не особо.

– Да почему? – она легко ударила свободной рукой мужа по бедру левой ноги, – эту уже какое-то твое предубеждение. Забудь уже Бельгию. Это был единичный случай.

– А зачем такое забывать? – поинтересовался Александр у жены.

– Да потому что это дела давно минувших дней, – она не

распылялась сильно, но говорила уже не так нежно как обычно.

– Но это дело давно минувших дней, тем более не так давно минувших, – заметил он, – оставляет отпечаток на всю будущую жизнь Кати, да и на жизни родителей, и на мою жизнь.

– Да и на мою жизнь... это событие осталось в моей памяти навсегда. Но почему то событие должно влиять на сегодняшнюю жизнь?

Александр ответил молчанием. Он просто не знал что ответить сейчас на этот вопрос жены. Он не мог донести свою идею, свои мысли даже до жены, до сестры. Он просто-напросто чувствовал что-то, что его тревожит, беспокоит, гложет. А вот что он чувствовал – он сам не знает.

Елизавета легла на спину и стала массировать пальцами глаза, переносицу, лицо

«А может это действительно предубеждение? (он снова лег на спину и смотрел в белоснежный потолок, на котором весела одна маленькая паутинка в углу). Следить, портить жизнь сестре из-за каких-то своих тараканов я, конечно, не буду. Не моя эта жизнь и не мне в ней что-либо менять и строить. Но сестра же... я ведь за нее именно переживаю. Да, она уже давно взрослая, но иногда она такая дура. А, может, это я такой дурак? Черт знает что... Ладно, посмотрим на то, что будет. В четверг встречу его, сможем пообщаться вдвоем с ним, с глазу на глаз».

– Чего затих? – спросила Елизавета и вновь повернула голову к нему.

– Да так, думаю, – будто в прострации ответил Александр жене и краем глаза посмотрел на нее.

– О чем же? – задавая вопрос, она, по доброму, чуть усмехнулась.

– О своем, о женском! – сказал он громко, улыбнулся и повернулся на бок лицом к жене.

– А, ну это понятно.

– Ты скоро спать-то? – Александр наигранно широко зевнул и прижался лицом к руке жены и начал ласкаться.

– Да давай спать уже, – она привстала, несколькими движениями взбила перьевую подушку, – все равно уже настроя читать нет, да и спать хочется, – она выключила настольную лампу и вновь повернулась лицом к мужу.

Они несколько секунд молча смотрели друг на друга, глаза в глаза.

– Спокойной ночи, – сказал Александр и чмокнул Елизавету в губы.

– Спокойной ночи, дорогой, – ответила она после поцелуя.

Александр повернулся на живот, положил руки под подушку, а лицом повернулся к Елизавете. Она же, так и лежала на боку и, когда ее муж закрыл глаза и мерно сопел, она все еще смотрела на него и безумно была ему благодарна за то, что он сейчас с ней, за то, сколько они вместе уже пережили и сколько им предстоит еще прожить.

Утро среды выдалось, как и обещали по прогнозу, дождливым и не по летнему прохладным.

«Ну хоть ветра нет (Александр стоял на кухне у окна и смотрел во двор). Сколько там градусов выше нуля? (он перевел взгляд на уличный термометр) Плюс тринадцать. Нормальная погода, а днем до двадцати обещают. Комфортно».

Он сел за стол, где стояла кружка кофе. Глазированный творожный сырок на завтрак он уже съел, теперь пьет кофе. Елизавета спала, так как вставать в семь утра ей нет необходимости.

Позавтракав, Александр стал одеваться. Услышав шорохи и другие различные звуки, такие как застегивание браслета часов или щелчок от закрытия замка портфеля, Елизавета вышла из-за закрытой двери спальни в коридор провожать мужа. Спросонья халат она завязала не плотно, а точнее будет сказать, что завязала она его так, что узел кушака держался еле-еле. Из-за этого ее правая грудь вываливалась из него. В тот момент как она вышла, Александр как раз присел на корточки, чтобы завязать шнурки туфель.

– Уже уходишь? – спросило она протирая глаза. Халат она не поправляла, или не хотела, или действительно не видела как он надет – это Александр не знал, но и говорить ей не стал. Да ему и нравился такой вид, – а чего не разбудил? – продолжила она, – доброе утро.

– Доброе. Ты так сладко спала, что я просто не мог тебя будить и прерывать твой сон, – говоря, он смотрел на нее,

подняв голову, и одновременно завязывал шнурки.

– Каждый раз ты говоришь мне одно и то же, – она подошла к нему.

Александр встал в полный рост после того, как завязал шнурки и они обняли друг друга. Он чувствовал как ее грудь прижимается к нему, как ее пальцы скользят по его спине между лопаток. Возбуждение в нем росло и он никак не мог его подавить. Он хотел ее сейчас повалить прямо здесь, в коридоре, на пол, раскрыть ее халат, а дальше продолжить так, как подсказывают ему инстинкты, которые перешли от животных к человеку. И он знал, что она не будет против этого. Был бы он другим, был бы он иначе воспитан, да хотя бы было бы у него больше времени сейчас – он поступил бы именно так, как сейчас думает. Но для него сегодняшнего, для него настоящего такие мысли как и сегодня пока что останутся только мыслями.

– Мне пора идти, Лиз, – после объятий он легонько похлопал ее по спине и стал опускать руки, намерено не отрывая их от ее тела.

– Хорошо, – она крепко прижалась к нему и тут же отпустила, – позвони как будешь выходить с работы домой.

– Как обычно, – он взял портфель, – конечно, позвоню.

Он был уж готов выходить из дома и ехать на работу. Осталось только попрощаться.

– Ну все, я поеду, – он сделал шаг к ней и поцеловал в щеку. Она поцеловала его.

– Хорошего тебе дня, – говоря это, она гладила его по плечу.

– Спасибо. И тебе, – он открыл замок, – пока.

– Пока.

Он вышел из квартиры, держа в одной руке портфель и зонт, а другая у него была свободна. Именно этой рукой он и махнул Елизавете, обернувшись в пол оборота, когда та подошла к двери в квартиру, чтобы ее закрыть. Она широко улыбнулась в ответ, оголив свои белые зубы, а затем, когда Александр уже вышел за дверь, которая отделяет квартиры на этаже от лифтов и лестницы, закрыла дверь в квартиру.

Александр шел по улицы под зонтом, по которому стекали капли воды. На всем его пути дождь не ослабевал, а порой, наоборот, усиливался. Напевая несколько песен из репертуара групп ленинградского рок-клуба, он дошел до метро.

В вагоне он встал сбоку у дверей, прижавшись спиной к поручню, зонт повесил на кисть, достал книгу и стал читать одновременно с тем как тронулась электричка.

С каждой станцией людей в вагоне становилось все больше. Кто-то в мокрых куртках, кто-то, как и Александр с зонтами. И Александр все больше ждал остановки на станции «Технологический институт».

«Скорее бы Техноложка, хоть немного народ рассосется. Да и жарко здесь, душно. Плюс этот запах влажности, да и кислятины тоже от чьей-то мокрой одежды».

Он раскрыл портфель, положил туда временно книгу, а

достал платок, чтобы протереть влажное лицо и покрывшейся испариной лоб. Затем он положил платок обратно, достал снова книгу и защелкнул замок портфеля.

Он вышел из метро на улицу. Все небо было серо-бледно-черного цвета, но дождя пока что не было, хоть асфальт и был влажным. Он пешком пошел до работы. Людей в такой час, если чуть отойти в сторону от метро, на дорогах немного. Дети шли в школу, кто-то, видно, шел с очень хорошей ночи, шатаясь и виляя из стороны в сторону, взрослые спешили на транспорт.

На трамвае он мог добраться до работы за несколько остановок, но и пройти пешком здесь было не очень далеко – минут двадцать. Утром Александр всегда предпочитал пройтись, а вот вечером когда-как. Если он выходит с работы и проходя мимо остановки видит трамвай – то садиться в него, если нет – то спокойно идет дальше до метро. Если, конечно, нет сильного дождя с ветром. Он любил ходить пешком, ему это нравилось.

«Вот бегать – вредно. А ходить быстрым шагом или гулять – это другое дело».

Морозы также его не пугали. Идти по хрустящему снегу, при минус пятнадцати и ярко-светящем на небе зимнем солнце – это было прекрасно. При такой погоде они, если есть возможность, с Елизаветой зимой выбирают на электричке, редко на машине, в парк и гуляют там.

Не любил он только слякоть, когда мокрый, грязный снег

чмокает под ногами, а сверху, с неба падает что-то среднее между дождем и снегом.

Но сейчас лето, а значит такого не ожидается. Он шел, напевая песни, а в голове прокручивал абсолютно разные моменты жизни. От какого-нибудь из разговоров с женой до победы футбольной команды в последнем матче. В такие утренние прогулки у него есть время многое обдумать, решить что-то для себя, сделать какие-то выводы о чем угодно. Или просто помечтать. Мужчины тоже мечтают, но зачастую скрывают это, в отличие от женщин, не говорят вслух. Александр всегда мечтал о чем-то, что связано с искусством. Например, читая или прочитав книгу, он представлял себе как бы снял фильм по ней. Он мог представлять себя писателем, режиссером, или же участником рок-группы, чаще басистом или барабанщиком. Раньше, в более юном возрасте он делал это чаще, сейчас реже, но иногда такие мысли проскакивают. Он не хотел быть космонавтом, летчиком, известным спортсменом или гонщиком. Он никогда не мечтал быть богатым, чтобы все решать деньгами. Он просто хотел доносить до людей свои мысли, показывать себя, свое виденье того или иного. Он уважал таких людей, которые снимают достойные, по его мнению, фильмы, и делают достойную музыку, и пишут достойные книги в обход каких-то устоявшихся преград, преодолевая их. И донося тем самым свой взгляд, свои мысли до зрителя, слушателя, читателя.

Одно событие он часто вспоминает до сих пор – приезд в

последней декаде мая тысяча девятьсот семьдесят девятого года в СССР с восьмью концертами, по четыре в Москве и Ленинграде, Элтона Джона. Вот и сейчас он вспоминает это

«В Москве попасть на концерт в зале «Россия» было абсолютно нереально как мне рассказывал Леха, а вот в Ленинграде попасть в «Октябрьский» я смог, купив билет с рук у перекупщиков за сорок пять рублей. Это было фееричное зрелище. Приезд такой величины в тогдашний закрытый Союз. И такое выступление Элтона. Потом пластинку выпустили «Поет Элтон Джон», ну или в оригинале «Single Man», правда, обрезанную, без двух песен, но альбом классный. Чтобы такая величина в то время... Как потом читал, он в Эрмитаже был, Петергофе, а в Москве на футболе. Кучу аппаратуры по тем временам привез с собой. На «Чайке» катался по городу... Да, с тем концертом было буквально сумасшествие. Вот этот концерт и концерт Мальмстина десятью годами позже в СКК. Два, поистине, для меня великих концерта. Как сейчас помню обложку того зимнего концерта – сверху написано большими синими буквами Спортивно-концертный комплекс, а ниже уже поменьше буквами – имени В. И. Ленина, а еще ниже буквами еще меньше – проспект Ю.Гагарина, 8 Станция метро «Парк Победы». Дальше шли даты выступлений, от которых я до сих пор тащусь – 1,2,3,4,5,7,8,9,10 февраля 1989 г. Дальше фотка группы, ниже красными большими буквами Ингви Мальмстин, маленькими синими еще ниже – (экс-гитарист Дейвида Ли Ро-

та) и его группа, а затем побольше ниже – «Райзин-Форс», снова маленькими дальше вниз – лидирующий вокал, и снова побольше – Джо Линн Тернер, под фамилией маленькими – (экс «Рейнбоу»), и внизу – Швеция-США. Да, не знаю как он тогда собрал столько людей, что пришлось давать девять(!) (он даже в мыслях крикнул) концертов за десять дней подряд. Там, видно, со всего союза люди ехали. Там смог в кассе купить билет, кстати, довольно спокойно за восемь, кажется, рублей. Лиза уж со мной не пошла тогда. Тоже, дома, как и Элтона пластинка стоит. «Трилогия» по—нашему. Да... забавное, веселое было время. А сейчас все... похерено. Да, конечно, были минусы. Весь этот дефицит... могли же больше выпускать и пластинок, и книг, и одежды, и жрачки. Допускать больше западных фильмов. Зачем нужен был этот дефицит? Почему не выпустить было пластинок на всех, а не так, чтобы за ними стояли очереди на Невском? Тоже самое и с книгами и с другим. Спрос же был огромный! Они же сами на этом деньги зарабатывали отличные. И пластинки почему было не выпускать как в оригинале? Ладно, резали бы песню-две там с этой идеологией, но остальное то! Почему не выпустить было Кенни Роджерса или тех же Хипов с нормальной обложкой, как делали музыканты, а не с этой цветастой. И тогда бы всего хватало и, возможно, не было бы того развала, что произошел... Но, что есть, то есть. Зато сейчас – никакой стабильности, черт знает что может произойти завтра... Да, всегда нужно рассматривать с обеих сторон.

Не бывает, что что-то абсолютно плохое, а что-то абсолютно хорошее. Везде есть хорошее, что притягивает и везде есть плохое, что отталкивает. Просто, где-то этого больше, где-то меньше».

Вот так, размышляя о разном, напевая песни, он дошел до своего рабочего места. Открыв массивные двери, он зашел внутрь.

На работу ему помогла устроиться Елизавета, которая через свою подругу и договорилась об этом месте работы. Сначала, когда он только пришел туда, то испытал на себе немало так называемых «косых взглядов», особенно на старшем поколении. Но постепенно показал себя в коллективе как ответственный работник, с хорошими человеческими качествами и сблизился с другими коллегами. Это было еще в начале девяностых годов, а потом пришла французская фирма и весь отдел, где работал Александр перевели именно к ним.

Он приехал на целых тридцать минут раньше, поэтому на работе не было никого кроме него и еще одного человека.

– Приветствую, – он подошел к мужчине по имени Яков. Ему было немного больше пятидесяти, семьи и детей не было. На работе всегда проявлялся раньше всех и уходил самым последним. Не потому, что хотел очень работать, а хотел как можно раньше уйти из дома и как можно позже туда вернуться.

– Доброе утро, – он сразу оживился и привстал, чтобы пожать руку, – снова рано?

– Да все хочу рассчитать время, чтобы приходиться позже, да не выходит.

Яков улыбнулся.

– Партейку? – спросил Александр, доставая из ящика своего стола нарды.

– Не откажусь.

Александр подошел к его столу, взял стул и они сели друг напротив друга. Раскрыв поле и поставив шашки на места они начали играть.

Во время игры они почти не общались, максимум обменивались несколькими фразами типа: «вам везет», «ну что это такое», «а если так» и другими в том же духе.

«Не знаю какой он в личной жизни, но как коллега – хороший, да и вообще мужик нормальный. Забавный, интересный, умный. Да, немного своеобразный, но не настолько. Не красавец, конечно, но по своему обаятельный. Черт! (выпали кости, которые были абсолютно ему не выгодны) ну и как я должен здесь ходить?»

Они оба часто приходили раньше, поэтому играть в нарды перед работой было для них нормально. Довольно часто они играли и во время обеденного перерыва, второй его половины. Обычно Александр выигрывал, но бывали и исключения.

Вот и сегодняшнюю утреннюю партию выиграл он, заведя все шашки в дом и выбросив их раньше соперника.

– И как вам это удастся? – спросил Яков, – так часто вы-

игрывать.

– Ну... нарды это все же больше случайность. Если в шахматах нужно всегда думать и строить комбинации, то здесь зависит многое от того, что выпадет на костях. Нет, конечно, считать и думать нужно и в нардах, но по другому. Поэтому, как мне кажется, это игра, безусловно классная и интересная игра, зависит во многом от случая, удачи.

– То есть, я могу сделать вывод, что вы удачливый человек? – спросил Яков, когда Александр встал, поставил стул на место и вернулся к своему столу.

Александр кротко и грустно улыбнулся губами, стоя спиной к коллеге, и сразу вспомнил несколько неприятных ситуаций из жизни, одна из которых это невозможно Елизаветы иметь детей.

– Знаешь, Яша, – начал он после того, как убрал нарды обратно в ящик и вернулся к столу собеседника, – это понятие относительное – удача. Смотря в каких масштабах мы это берем.

– Ну хотя бы в масштабах игры! – воодушевленно говорил Яков.

– Игра – это ерунда по сравнению с жизнью. Удача... удача... удача, – задумчиво повторил он три раза, садясь на край стола, – вот если я найду на улицы энную большую сумму рублей – это удача? – он посмотрел на коллегу.

– А почему и нет, – утвердительно ответил тот.

– А если из-за этой энной суммы у меня впоследствии бу-

дуг неприятности. Это удачи?

Яков отрицательно покачал головой.

– Надеюсь, что это был не болгарский жест и я вас понял правильно, что удачей это не будет. Поэтому... где-то я удачлив, а где-то нет, – он намеренно не приводил пример с тем, что удача свела его и Елизавету, а неудача не дала им детей, – тоже самое и у вас. И у каждого в этом мире. А это, – он указал левой рукой в сторону стола, – игра. Сегодня победил я, а завтра вы. Так что, для меня, удача, да как и счастья, и как красота, и даже как любовь – понятия относительные и у каждого свое представление об этом и свое видение. Для одного мужчины девушка будет идеалом красоты, для другого этого же девушка не будет вызывать никакого возбуждения. Также и с любовью. Как вы считаете?

Яков не ожидал такого серьезного развития диалога сейчас.

– Я с вами согласен, Саша, – ответил он, а затем добавил веселой интонацией, – но в нарды вам везет, удача на вашей стороне, или просто играете вы лучше. Называйте как хотите.

После этих слов он посмеялся. Улыбнулся и Александр, слезая со стола.

– Возможно, возможно, – и пошел к своему рабочему месту.

Постепенно приходили на работу люди так, что только успевали здороваться. И к девяти часам все были в сборе и

рабочий день для всех начался.

«Часов в десять-одиннадцать зайду и узнаю о завтрашнем дне. Дадут мне добро или нет».

А сейчас Александр погрузился в работу.

– Евгений Михайлович, можно? – спросил Александр, когда чуть приоткрыл дверь после того, как постучал.

– Заходите, – ответил «хозяин» кабинета, оторвав глаза от бумаг и подняв голову, – садитесь, – он указал на стул.

Александр сел и после этого его спросили:

– По какому вы вопросу?

– Евгений Михайлович, у меня к вам просьба. Могу ли я завтра отпроситься на день или, хотя бы, до обеда? – Александр специально не объяснял причину пока, но знал, что о ней сейчас спросят.

– А что у вас произошло? – сняв очки и положив их на бумагу, спросил начальник.

– Понимаете, мне нужно здесь встретить, – он подбирал слово, – знакомого из Лиона. Он переводиться работать в Ленинград, но сам не разу не был здесь. Вот мне и нужно хотя бы так, что называется на пальцах, ему все показать кратко, рассказать.

– А кто вас может подменить? – после небольшой паузы спросил начальник.

– Я со Спиридоновым договорился. Обязанности у нас схожи.

– Хорошо. Я без проблем отпускаю вас на весь завтраш-

ний день. Тем более и мы работаем с французами.

– Спасибо.

– А сейчас давайте продолжим работать, – он легко ударил ладонями по краям стола и улыбнулся.

Александр вышел из кабинета и отправился дальше работать. Подменять особо его и не нужно было, потому что за пятницу он без проблем успеет все доделать и за предыдущих день. Но для подстраховки кто-то был необходим.

Он вышел с работы позже обычного, потому что задержался для того, чтобы сделать некоторые дела, которые запланированы на четверг. После официального окончания рабочего дня остались они вдвоем с Яковым, который больше сидел и скучал, чем занимался работой. Иногда они обменивались фразами, но он не хотел отвлекать Александра от работы. Закончив с работой, он позвонил Елизавете и сообщил ей, что выходит. Быстро одевшись и собравшись они вместе с Яковым вышли с работы. Когда они, в начале восьмого, оказались на улицы, то Яков предложил Александру подвести его, на что тот ответил согласием. Ему было не совсем по пути, потому что чтобы подвести Александра нужно было сделать небольшой крюк, но для Якова это были пустяки и он был очень рад, что поедет в одинокий дом не в одинокой машине.

Они практически не разговаривали, по радио играла поп-музыка того времени. На поворотах или перекрестках Александр с пассажирского сиденья подсказывал свободна ли до-

рога или нет, чтобы было проще проехать.

– Вы сами водите? – спросил Яков, заканчивая поворот направо.

– Да, лет с тридцати. На «Кадетте».

– Понятно. А я вот, еще в институте когда учился права получал. Я же со второй попытки поступил, первый раз завалил вступительные и...на три года на флот попал, – он сказал это с огорчением.

– Не повезло, – Александру было немного все равно, но сочувствие он не пытался имитировать, – терять три года жаль просто. Вместо учебы или другого полезного труда.

– Согласен, но что было еще делать... А вы служили?

– Да, два года как офицер. После кафедры военной.

– И как?

– Да как может быть. Намного лучше чем солдатом! И по еде, и по жилью, и по распорядку. Да и деньги платят еще. Отпуск на месяц каждый год.

– А сколько вам тогда платили, если не секрет?

– Чуть больше двухсот рублей.

– Неплохо, неплохо, – с интонацией, которая синоним слову «хорошо» или даже «отлично».

– Еще бы. А плюс еда, жилье...за это все не платил же. Треть оставлял себе, а большую часть отправлял домой, родителям. А там книги покупал, пластинки, если это доставал, конечно. В ресторан можно было сходить. В общем, очень даже хорошо.

– Мне друг рассказывал, что вот он тоже служил после кафедры, так его еще и повысили до старлея.

– Ну меня не повысили, – он иронично усмехнулся.

– А что так?

– Если кратко, то не «kozyрял» в нужный момент. Мне там тоже все говорили, что буду так вести себя, ни о каком старшем лейтенанте могу и не мечтать. А он мне нужен? Мне отслужить после кафедры и в запас спокойно отправиться. А сейчас видите как военным хреново. У меня вот тесть, так он на подлодке служил. Каптри. Ну когда вышел на пенсию, то капдва дали, но это неважно. Там сейчас не то, что льготы, на еду то денег нет. В долги залезали, мы с женой помогаем как и чем можем. Поэтому..., – и он не договорил.

– Да, у меня сейчас знакомые, которые тоже служили, а сейчас на пенсии, рассказывают, что, что-что, плохо жить им сейчас. Работают. И жены работают. Что говорить, все не очень сейчас живут. Ну кроме «новых русских», – он зло усмехнулся.

– Да, да, да, – с горечью проговорил медленно Александр.

– Ладно, главное, что живем пока.

– Это да, но вот как будем жить дальше. Это вопрос. Мы хоть пожили в стране с порядками, стабильностью. Да, со своими перегибами, но для людей там было много. А что останется детям? Ну от родителей они будут знать что правильно, что плохо. Им покажут нормальные фильмы, воспитают их. Но не у всех будет так.

– А у вас есть дети? Извините, это не мое дело, наверное, – но вопрос был уже задан, а его не стереть, не удалить из разговора было невозможно.

– Нет. У нас с женой нет детей, – он опустил голову и подумал, что как бы они с Елизаветой воспитывали бы своего ребенка.

– Извините, – с искреннем сочувствием сказал Яков.

– Да ничего страшного нет, – Александр улыбнулся и поднял голову.

– У меня тоже нет, – он пытался, видимо, загладить свой вопрос, рассказав про себя. Хоть Александр, правда, на него не обижался и ничего такого плохого в этом не видел, – Челябинск-40 помните?

– Где катастрофа была в пятьдесят седьмом?

– Да. Родители мои там работали. Ну, в общем, после той катастрофы я потерял отца через год от рака, мать, когда я уже учился в институте... у нее тоже обнаружили рак. Ту же форму, что и у отца. Она умерла через полгода после обнаружения. На меня авария повлияла по другому. Каким бы романтичным и милым я не был... девушек я больше не интересую.

«Вот теперь ясно, почему у него никого нет».

Александр промолчал. Нечего было ответить. Он помнил рассказы отца о той катастрофе. Ему об этом рассказывал старший брат.

«Дядю Мишу тогда, как военного врача, отправили туда,

в Челябинск-40, на устранение последствий и помощь гражданам. Устранил. Так, что вернулся импотентом. Да и умер он достаточно рано – в пятьдесят один год. Может, конечно, это и не связано, но сомневаюсь. А вот Яша что-то личным слишком делиться со мной».

– Вы же, получается тогда еще пацаном были, верно?

– Мне было четырнадцать тогда. Но поверьте, такое... оставляет память на всю жизнь.

– Верю, – сказал Александр немного приглушенным голосом.

Дальше они снова ехали молча.

«Яков, видимо, понял, что сказанул лишнего немного. Да и я тоже. Хотя... это все жизнь, не такие и личные вещи говорил я. Нет детей и нет, мало ли, просто, может, не хотим. А вот он...»

Через несколько минут Яков подвез Александра прямо к парадной.

– Спасибо, что подвезли, – сказала Александр, когда они пожимали друг другу руки.

– Да не за что.

Александр уже чуть приоткрыл дверь, как голос Яков остановил его.

– Александр, – пассажир сразу повернул к нему голову, а дверь закрыл, – вы не против, если этот разговор останется между нами?

– Конечно. У меня и в мыслях не было. Чтобы кому-то

рассказывать такое. Никогда. Бля буду, – добавил Александр и улыбнулся.

– Спасибо, – Яков улыбнулся горькой улыбкой, – всего доброго.

– И вам, – он открыл дверь и вышел из машины.

На улицы накрапывал дождь. Машина тронулась с места, а он смотрел на задние фары, застыв на месте.

«Ему не с кем просто делиться. Жаль его. Он не может открыться никому. Стесняется, бояться, не знаю. Но с детства остаться таким... потерять всю семью. Отец...мать точно бы выслушала. Но здесь. Видно, он мне так доверяет, что открылся. Тяжело сделать такой выбор, такой шаг».

В этот момент он вспомнил один из куплетов песни «Плохая репутация», группы Странные Игры с альбома «Метаморфозы» и напевал его пока заходил в парадную и поднимался по лестнице

– Я в праздник не покидал кровать И оставался спокойно спать, И музыка, что звучала в окне, Не относилась ко мне. Не причинял я вреда никому Тем, что мне нравилось быть одному. Но люди обычно не любят таких, Кто хоть чуть-чуть не похож на них. И пальцем тыкал в меня любой, Кроме безруких, само собой.

Так он поднялся до двери, отделяющей квартиры от лифтов и лестницы, и открыл ее. Встав перед дверь в квартиру он застыл на мгновение, а затем, вставив ключ, повернул его два раза и открыл дверь.

С порога, когда он закрывал дверь, то услышал голос жены:

– Привет! – повернулся и увидел как она выходит из кухни.

– Привет, – ответил он, закрыл дверь и повернулся к ней, чтобы обнять.

– Ты сегодня как-то быстро, – сказала она после объятий.

–

Да меня Яша на машине подбросил. Он недалеко живет, – Александр присел на корточки и стал расшнуровывать ботинки, а Елизавета пошла обратно на кухню.

За ужин они обсудили как у кого прошел день, кто чем занимался, а фоном, по телевизору, шли новости. После, Александр сел на диван и стал переключать каналы, ища что-то интересное, а Елизавета пошла в спальню, легла поперек кровати и стала читать книгу.

Помыв посуду, а затем сам сходяв в душ, около десяти вечера Александр пришел в спальню к Елизавете и заставил оторваться ее от книги. Они долго наслаждались друг другом, став одним целым, пока у них были силы.

Спать они легли в начале первого ночи. Александр поставил будильник на шесть часов утра, чтобы завтра раньше приехать в Пулково и не опоздать. Уснул он, как и Елизавета, мгновенно, только сомкнув глаза.

Ночь не прошла, а буквально пронеслась для Александра. Ему показалось, что будильник зазвонил сразу после того,

как он сомкнул глаза. Но нет, на часах было шесть утра и пора было подниматься. Он выключил будильник, несколько секунд полежал, а затем встал с кровати и пошел из комнаты в одних трусах, протирая на ходу глаза. Елизавета тоже отреагировала на будильник, но уже мерно посапывала, отвернувшись к окну, за которым, как и вчера было пасмурно. Александр вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь, чтобы звук чайника, хлопанье двери холодильника не отвлекли жену от сна.

Выпив стакан воды и поставив кипятиться чайник, он пошел в ванную умыться. Вернувшись, он насыпал чайную ложку растворимого кофе в чашку, положил ложку сахара и стал ждать, когда чайник вскипит, смотря в окно и оценивая погоду.

«Дождя, конечно, вчера не передавали в прогнозе, но ощущение, что пойти он может».

Но в этот момент, в разрыве на небе выглянуло солнце и свет попадал прямо в окно. Как раз вскипел чайник и Александр, подождав немного, налил воду в кружку. Пар поднялся вверх и, когда Александр поставил чайник обратно, то его заорожила картина, которую он увидел. Солнце попадало на кружку и стол, на котором та стояла. Пар поднимался из кружки вверх и на солнце это смотрелось очень красиво. В воздухе пар поднимался плавно, выкручивая замысловатые фигуры, будто змея, и исчезал выше. Несколько секунд он смотрел на это не отрываясь, лишь меняя угол обзора. А

затем достал из холодильника йогурт, взял кружку и пошел завтрак за стол в гостиной. Как только он вышел из кухни, солнце скрылось.

Позавтракав под телевизор он стал собираться. И делал это как можно тише. Ему удалось не разбудить жену и он тихо вышел из квартиры, когда часы показывали без двадцати минут седьмого. До аэропорта ему от дома на дорогу нужно было минут двадцать-двадцать пять, в зависимости от того как повезет со светофорами.

На дорогах было свободно, Opel Александра плавно ехал по асфальту, то притормаживая и останавливаясь на светофорах, то набирая скорость на прямых участках. Аэропорт был все ближе, а в голове Александра появлялись все новые мысли.

«Так это, получается, что ему дают хату от работы что ли? То есть, нужно будет сначала туда, чтобы ему все оформить и только потом домой? Если я все правильно понимаю, то да, будет именно так. Ладно, сейчас нужно доехать, встретить, а потом он уже сам расскажет что и как».

К аэродрому он подъехал в семь десять. Поставив машину на стоянку, он вошел в здание аэропорта и после к месту, где встречают рейсы. Найдя самолет на котором летел Антуан на табло он увидел, что тот пришел с опережением и уже идет высадка пассажиров раньше заявленного времени. А через несколько минут первые стали выходить из дверей. Он всматривался в лица, ища глазами Антуана. И нашел

его в числе второй волны пассажиров. Он был одет в темные джинсы и светлую рубашку, а поверх легкая куртка. Был он с большим чемоданом и спортивной сумкой. Видно было, что глазами он искал брата подруги, но ему это не удавалось. И даже когда Александр подошел практически вплотную, Антуан его не узнал.

– Привет, – поприветствовал Антуана Александр на французском.

– О, привет, – он неподдельно удивился, увидев перед собой знакомое лицо.

– Давай, – он взял у него сумку, – пойдём.

Он пошел вслед за Александром, катя за собой чемодан.

– Как долетел? – спросил Александр, когда они вышли на улицу из тесного помещения с броуновским движением людей внутри, и поравнялись.

– Все хорошо. Спасибо, что встретил.

– Да не за что.

Они дошли до машины. Александр открыл ее. Чемодан положили в багажник, а сумку на задние сиденья. Когда они оба сели в машину – Александр за руль, а Антуан на переднее пассажирское сиденье, то Александр спросил, заводя машину.

– Ну куда тебя вести, рассказывай.

– А, сейчас, – Антуан достал из кармана записную книжку и стал читать, – сначала мне нужно к Мариинскому театру, адрес..., – он запнулся.

– Знаю, знаю где.

– Хорошо. Там я подпишу все по поводу работы, все оформлю и мне должны дать ключи от квартиры. Она находится по адресу..., – тут Александр не мог сказать знаю, поэтому пришлось ждать пока француз выговорит русское название улицы, – Си...Сик...

– Дай, – Александр протянул руку и Антуан вложил в нее свою запасную книжку. Александр поднес ее к глазам, но сам несколько секунд не мог понять написанную транслитерацию, – черт, – он стал перебирать в голове знакомые улицы, – а, понял. Улица Сикейроса! – и дальше назвал номер дома, возвращая книжку Антуану.

– Далеко отсюда?

– Довольно, – он вставил первую передачу и тронулся, – ну сначала к театру. Тебе время стоит?

– С девяти можно.

– Понял, – он бросил взгляд на часы, рука с которыми была на руле, – как раз приедем. Может, придется немного подождать.

Они отъехали от аэропорта. Антуан смотрел в окно с нескрываемым интересом, прильнув к стеклу, даже касаясь его кончиком носа.

– Так ты актер? – спросил Александр спустя некоторое время.

– Я музыкант. Скрипка. Перевелся к вам из Парижа, «Гранд Опера», знаешь, наверное?

– Как такое не знать.

– Ну вот. Теперь буду играть здесь.

– Ты сделал это ради моей сестры? – резко, но мягким тоном спросил Александр.

Антуан замялся, стал тянуть с ответом и чуть поерзал на сиденье. Казалось, что не было бы ремня, он ерзал бы сильнее. Александр краем глаза посмотрел на него, чтобы не отрываться от дороги. Ему показалось, что глаза Антуана грустно блестят. Он сказал какое-то короткое слово или имя шепотом, что Александр не разобрался. Толи что-то на «м» и «н». Короткое слово. И облизал кончиком языка верхнюю губу.

– Катрин, – тихо и с вопросительной интонацией сказал он, – да, из-за нее.

– Понятно, – Александр повернул руль направо.

Спустя какое-то время Антуан вновь, будто прилип к стеклу, а Александр не стал его отвлекать беседой пока. Они ехали к Мариинскому театру.

– Приехал, – сказал Александр, когда припарковался и заглушил мотор, – вот и он – Мариинский или Кировский театр, – он указал ладонью на здание через стекло.

Антуан старался не отводить взгляда даже когда вылезал из автомобиля. Александр посмотрел на часы – было без двадцати трех минут девять.

– Еще около двадцати минут до девяти. Пойдем прогуляемся, – сказал он Антуану.

– Да, хорошо, сейчас, – он еще несколько секунд смотрел на здание, а потом подошел к Александру, который ждал его на тротуаре.

– Купи открытки с видом города, – посоветовал Александр Антуану с улыбкой.

– Да я взял с собой фотоаппарат, просто сейчас доставать не хочу. Еще будет время – тогда и все сфотографирую.

– И то верно. Ладно, пойдем.

Александр повел его в округе, показывая различные места и памятники. Он неплохо ориентировался в этом районе и мог, хоть и немного, но рассказать. В итоге, они отошли дальше, Александр перестал поглядывать на часы, захваченный рассказом и беседой, чего сам от себя не ожидал, Антуан не смотрел на них с самого приезда, они пошли обратно к театру, когда было уже двадцать минут десятого и идти им нужны было минимум десять минут быстрым шагом.

Еще несколько минут они искали конкретное место куда им идти. Только без пятнадцати десять они были на месте. Александр пошел с Антуаном в качестве переводчика на всякий случай.

– И много вы держите квартир для новых артистов? – спросил Александр у девушки, которая сейчас «оформляла» Антуана.

– Мы собираем с разных городов, поэтому есть несколько квартир.

– А общежитие не проще?

Она не ответила, а Александр не стал больше ее отвлекать.

Оформив все документы, Антуан через неделю мог спокойно и официально начинать работать в театре. Ключи от квартиры ему выдали, как и всю документацию, правда, только на русском языке. Александр прочитал, всё объяснил и сказал, что Антуан может обращаться к нему по вопросам.

– Спасибо, – сказал лионец когда они шли к машине.

– Да не за что, – Александр на ходу доставал ключи из машины.

Подойдя к машине, Александр открыл ее и они оба сели.

– Ну что, теперь на Сикейроса? – спросил Александр. Больше это были мысли вслух, – позволь, – он полез в бардачок, а Антуан в этот момент немного подвинулся.

Достав из бардачка карту, Александр развернул ее и решил уточнить путь от театра до улицы Сикейроса.

– Ага, понятно, – сворачивая карту сказал он.

– Далеко вообще мой дом отсюда? – спросил немного озабочено Антуан.

– Да на метро то довольно нет, – отвечал Александр, кладя карту туда, откуда взял, – у тебя будет станция «Озерки». Просто от метро, запоминай, «Сенная площадь» до театра пешком минут двадцать-двадцать пять. Ну я покажу и расскажу как доедем все.

– Хорошо. Спасибо.

Александр вставил первую передачу и тронулся.

Пока они ехали на север города, Александр рассказывал

что-то об историю Петербурга, о достопримечательностях которые они проезжали.

«А мой французский, оказывается, не так и плохо».

И он сам себе улыбнулся. Конечно, он говорил неплохо, но формы некоторых глаголов он использовал не так, вместо прошлого, часто говорил в настоящем, слова выговаривал слишком отчетливо и другие недочеты. Но Антуану все это не мешало понимать Александра и узнавать больше и больше о Петербурге.

– Кстати, – сказал Александр, когда они встали на красный сигнал светофора, – я купил тебе карту. На ней все и отмечу для тебя. Приедем – отдам.

– Спасибо большое. Извини, что я отвлекаю от работы, дел...

– Да все нормально, – прервал его Александр. Даже если это говорили искренне, он не любил это слушать и даже раздражался от этого, – не сильно и отвлек, – загорелся зеленый и они поехали.

Около двенадцати часов они подъехали к дому, в котором и располагалась отведенная Антуану квартира. Александр припарковал машину, оставил Антуана внутри, а сам вышел и подошел к парадной, чтобы посмотреть номера квартир. Квартира, которая им была нужна были именно в это парадной.

Когда Александр возвращался к машине, то Антуан как раз выходил из нее.

– Вот и твоя парадная. Квартира на третьем этаже, – он открыл багажник, – доставай сумку с заднего сиденья.

Выгрузив вещи, Александр закрыл машину и они, взяв вещи, пошли от нее к парадной. Александр нес чемодан, а Антуан – спортивную сумку.

«Сколько же он весит? Когда клал в багажник он не показался таким тяжелым».

Они зашли в парадную, поднялись по лестницы на третий этаж, миновав шесть лестничных проемов и остановились, поставили вещи перед нужной квартирой.

– Открывай, – сказал Александр и уступил дорогу к двери Антуану.

Он подошел, вставил ключ в замочную скважину и повернул против часовой стрелки три раза. Дверь открылась наружу. Внутри была еще одна дверь, он толкнул ее легко и она открылась внутрь.

Они оказались, затащив сумку и чемодан, в однокомнатной квартире, с отдельным санузлом, газовой плитой, полутороспальной (для односпальной большая, а для двухспальной маленькая) кроватью, небольшим телевизором, шкафом, холодильником, балконом.

– Вроде неплохо, – сказал Александр, развязывая ботинки на коврике в коридоре.

– Мне то главное где спать, да где готовить и мыться, – с улыбкой сказал Антуан, сняв двумя движениями мокасины, и прошел дальше в комнату.

– А ты курить что-ль бросил?

– Почему?

– Ну в машине не курил, пока гуляли-ждали тоже нет.

– Ну я курю от нервов больше, от настроения даже. Сейчас, пока не хочу.

Они прошли, осмотрели квартиру, а затем сели за стол на кухне, Александр разложил карту и стал делать пометки черной ручкой и карандашом. Он объяснил как ему идти от дома до метро, как идти от метро до театра и обратно. Отметил основные станции метро в центре города, если захочет погулять, отметил достопримечательности. Даже станцию и свой дом отметил он на всякий случай. Написал все станции нужные на отдельном листочке русскими буквами и транслитерацией на французском, чтобы Антуан мог без проблем читать и спросить если что. Если бы их сейчас видели вместе, то точно подумали, что это два, причем довольно близких, друга. В эти моменты Александр не думал о том, чем ему не нравится французский гость. Но при этом, он не стал его больше любить или лучше к нему относиться. Все, что он сейчас делал, он делал из-за человеческих качеств, заложенных родителями в детстве и развитых им. А к Антуану он относил ни горячо, ни холодно, но что-то его все равно настораживало.

«Ощущение, что он, Антуан, под гнетом чего-то, что он нервничает и пытается скрыться от каких-то проблем. Может у него были более веские причины к переезду, помимо

Катьки? (думал он, когда писал станции метро) Но какие? Сейчас он, действительно, словно расслаблен, по сравнению с Москвой или даже с тем моментом, когда он только приехал. И что же он шепнул тогда себе под нос, когда я спросил его про переезд ради сестры?»

– Схема метро тоже есть на карте, – сказал Александр, когда закончил писать станции и ткнул пальцем в угол карты.

– Понял. Спасибо.

– Ладно, я тогда поеду домой, – сказал он, вставая из-за стола, а затем задвинул под него стул и вышел в коридор.

– А, номер моего телефона, – вспомнил он, когда завязывал шнурки, – куда могу записать?

– А, сейчас.

Антуан принес свою записную книжку и раскрыл ее, а Александр как раз закончил с завязыванием шнурком. Александр карандашом написал имя и номер.

– Трубку может взять моя жена, она французский не знает. Так что, если что назови мое и свое. Я ее предупрежу, никаких недоразумений быть не должно. Кстати, какой номер телефона у этой квартиры?

– Сейчас посмотрю, – он перевернулся лист и протянул книжку Александру, – вот он.

Александр достал маленький блокнот и записал номер.

– Спасибо что встретил, помог со всем. Большое спасибо.

– Да пожалуйста. Ну все, давай, – он махнул рукой и стал открывать дверь, – до встречи. Отдыхай.

– Пока.

И Александр вышел из квартиры и пошел вниз по лестнице. Выйдя на улицу и подойдя к машине, он развернулся, бросил взгляд на дом, а затем сел на водительское место. Завел мотор и дал машине немного прогреться. Он немного барабанил указательными пальцами по колесу руля. Он, вроде бы, о чем-то думал, но в то же время голова его была пуста. Он просто, что называется, немного завис, смотрел в одну точку перед собой, даже не моргая. Его прервал стук в боковое окно. Он посмотрел налево и оценил взглядом человека. Ничего не говоря вслух, он стал опускать окно, энергичным движением руки.

«Проститутка».

– Чего? – даже немного зло спросил он.

– Потрахаться, не хочешь? – спросила она и улыбнулась очень искусственной улыбкой «рабочего» рта.

– За сколько? – безынтересно спросил он.

Она назвала сумму. Александр демонстративно выставил на руль правую руку и отвел безымянный палец.

– Это я могу сделать и бесплатно, – с улыбкой ответил он.

– Но отсосать как я твоя жена вряд ли сможет, – со злобой сказала она

Александр вставил заднюю передачу.

– Ну да, – он плавно отъехал назад, потом вывернул и встал лицом на выезд, – ты дашь сто очков вперед, – иронично сказал он, – но проверять этого я не стану, – и поехал.

В спину ему доносились какие-то крики, но он на ходу закрывал окно и уже их не слышал. Он специально сначала отъехал, а потом все сказал, чтобы, чего доброго, не пострадала машина.

«Вот образ настоящей, «образцовой» проститутки. И только в американских фильмах, в большинстве фильмов, проститутки такие интересные, умные, чувственные женщины. С ними всегда можно поговорить, они всегда дадут тебе совет, да потом и не только совет. У каждой, обязательно, сложная судьба, каждая кого-то обязательно любит. А потом, правда, и наши сняли такое кино, уже при развале. Позорище. Героиня – проститутка, просто супер».

И он выехал на дорогу, направляя свой автомобиль на юг, к дому. Сейчас ему почему-то вспомнились два момента из жизни.

«Спускаюсь я в метро, как сейчас помню, на Политехе, никого не трогаю, как сзади раздаётся такой приторный, противно-сладкий мужской голос: «Привет. Ты так обтянулся весь. Может, отойдем вдвоем в уголок?». «Обтянулся» – это он сказал про мой плащ, который я просто очень туго тогда завязал. Я тогда плавно обернулся, со своим взглядом, который ничего хорошего не сулит и ответил ему: «Ну пойдем, отойдем»; с интонацией такой, что ничего хорошего ему не будет. Ну и побежал вниз по эскалатору «Восточным экспрессом». И второй случай, когда поехали мы с Лизкой на экскурсию, так там экскурсовод, который, ну по внешнему

его виду понятно, что он нетрадиционной сексуальной ориентации, но рассказывал он, что врать, здорово. Все хвалил мои ботики, мой внешний вид. Крутился, вился рядом. И это я был с женой! Но потом, видно, обиделся, что я не отвечаю ему взаимностью и оставил меня в покое. Но, конечно, в метро это было... и смех, и грех, как говорится».

Александр приехал домой, где его встречала Елизавета. Он рассказал ей обо всем, что видел сам, что произошло с Антуаном, с ними обоими, об общении с ним за день. Они пообедали, а затем Александр предложил прогуляться, благо погода позволяла и располагала. Елизавета с радостью поддержала предложение мужа. Они медленно шли квартал за квартал, виляя между домами, переходя дороги, проходя по дворам. Домой они вернулись лишь спустя два часа, с заходом в магазин. А дома уже каждый из них стал заниматься своими делами.

– Отдыхать-то поедем? – спросила Елизавета, зайдя в гостиную, где на диване сидел Александр и читал книгу, подтерев голову рукой.

– Ну, как и планировали, – он поднял взгляд на нее, а страницу заложил средним пальцем, – у меня отпуск в начале августа, на две недели.

– Я тогда позвоню сейчас им. Места, надеюсь, еще остались. На десять дней мы хотим, да?

– Да, это будет оптимально. А места, практически уверен, еще есть.

– Хорошо.

Елизавета ушла обратно в спальню, взяв из гостиной телефонную трубку. У них стояли два телефона: один – проводной, с которым далеко не отойдешь, потому что за ним тянутся кабель, он стоял в коридоре, а второй находился в гостиной и ходить с трубкой можно было где угодно, главное, чтобы не сел аккумулятор и не пропала связь.

Елизавета начала дозваниваться, а когда ей ответили, то Александр уже не читал, а слушал. И по ответам жены он понял, что отдыхать в Ленинградскую область они все же поедут и что номер для них сейчас будет забронирован. Он пришел в спальню, когда Елизавета заканчивала разговор.

– Хорошо, спасибо. Всего доброго, – и после этих слов нажала кнопку отключения и положила телефон на кровать.

– Ну что, все нормально? – спросил Александр и взял телефон, чтобы поставить его на место, когда вернется в гостиную.

– Да, с третьего по тринадцатое.

– Ну и отлично, – Александр вышел из спальни, а Елизавета легла на кровать.

Вернувшись в комнату, Александр продолжил читать, а потом и из спальни услышал шелест листов.

Уже вечером раздался телефонный звонок. Александр поставил на паузу видеомаягнитофон и взял телефонную трубку.

– Алло, – сказал он, садясь на диван.

– Алло, Саш, привет, – услышал он знакомый с детства голос сестры.

– О, привет, Кать. Ну как, едешь в Петербург? – спросил он, почесывая ногу в районе щиколотки.

– Да, в субботу утром буду. Приходит как всегда в семь пятьдесят шесть. Встретишь?

– Да, конечно. Вещей много?

– Ну—у—ууу...хватает.

– На машине приехать? – все понимания спросил Александр, потому что знал, что сестре проще ответить на такой прямой вопрос, чем самой попросить.

– Да. Спасибо.

– Твоему то сказать когда приезжаешь? Может, он захочет тебя тоже встретить.

– Ты скажи, но я хочу просто к нему приехать. Встречать пусть не едет.

– Хорошо. У тебя то все хорошо?

– Да, все в порядке. Мама с папой здесь меня проводят.

– Понял.

– Ну ладно, тогда пока. Уже скоро встретимся, – улыбаясь, сказала она.

– Да, скоро, – он улыбнулся, смотря прямо перед собой, – пока.

– Пока, – мягко и нежно сказала она, а затем положила трубку.

Услышав гудки, Александр отключил связь и тут же стал

набирать номер телефона квартиры, где сейчас жил Антуан, но забыл последние цифры и сбросив набор, пошел за блокнотом.

Вернувшись, он взял телефон, который оставил на диване, и стал по новой набирать номер. После продолжительных гудков он услышал на другом конце голос Антуана.

– Да.

– Антуан? Это Александр.

– О, добрый вечер. Что-то случилось?

– Нет. Я что звоню. Екатерина, – он специально называл имена полностью, без сокращений, чтобы убрать недопонимания, – приезжает утром сюда, в субботу. Я ее встречу и привезу к тебе. К девяти часам.

– Да, она говорила, что приедет. Хорошо, буду ждать. Спасибо.

– Договорились. Ну все, приятного вечера.

– Взаимно.

И Александр положил трубку.

«Не особо он ее встречать будто хочет...».

Он подошел к видеомэгнитофону, нажал кнопку «Play», сел на диван и продолжил просмотр, который был прерван телефонным звонком.

МОСКВА

Екатерина положила трубку телефона и вернулась к тому, чем занималась последние полчаса – собирать вещи. Она старалась все раскладывать по местам, чтобы знать где и что

у нее лежит. Но это не получалось. Она не могла сконцентрироваться от того, что была возбуждена, что скоро встретит Антуана, что скоро будет с ним вдвоем. Поэтому она решила отложить основные сборы на завтра. Но и сейчас она покрыла вещами дно чемодана. Как всегда думаешь в таких случаях, что нужно лишь самое необходимое, а потом кажется, что нужно все, что не приколочено. Она легла на кровать, положила одну руку себе на грудь, а вторую чуть ниже живота.

Она думала о себе и Антуане, когда они будут рядом, вместе. В ее голове мелькали лица родных, лицо Антуана. Образы, события, которые уже имели место быть в жизни, и который, пока что, были лишь в ее воображении. Она была в полной уверенности, что Антуан будет с ней всегда. И она будет его единственной женщиной. Ему не нужно будет любовниц, потому что она будет делать все для него, все, что он попросит. Конечно, рамки есть, но с ним она их расширит. Она и сама хочет узнать что-то новое, что-то еще ей неизведанное.

«Когда он в поезде во время секса брал меня за горло, да не брал, а душил, это было...мне не хватало воздуха, я не могла дышать. И от каждого его толчка дрожь пробивала мое тело, я разряжалась снова и снова. У меня закатывались глаза, не было воздуха и вот этот... секс на грани страсти, безумия и насилия. Это что-то чудесное. Он заставил меня ему подчиниться, принесся этим самым мне огромное, громадное удовольствие».

Ее рука внизу стала делать круговые движения, а та, что на груди – сжиматься.

Ее мысли становились все туманнее, светлая пелена, словно дымка, застилала глаза. Ее уши словно горели, а все тело стало горячим. Ей казалось, что на ней руки и пальцы Антуана. Возбуждение в ней нарастало, руки стали двигаться резче. Но в момент все ее тело «передернуло» и движения остановились. В ушах был такой шум, словно в голове били в барабан.

– Нужно взять себя в руки, – сказала она вслух, резко перейдя из лежачего положение в сидячее. И тут же сама посмеялась двойному смыслу этой фразы, особенно в данной ситуации

Она встала с кровати и, шаркая тапками по полу, пошла в туалет.

Вечер она провела в компании телевизора и как только выключила его, практически сразу уснула. А за окном, пока что еще вдалеке, были слышны раскаты грома и видны молнии, но все это никак не могло помешать крепкому сну Екатерины.

После ночной грозы, которую Екатерина не заметила, наступило солнечное утро. Капли, оставшиеся после дождя на листьях деревьев, красиво блестели на солнце, а мокрый асфальт постепенно сох и становился не черного, а привычного серого цвета. Даже птицы, казалось, поют более радостно, более звонко, словно родились вновь после этого ночью.

го кошмара.

«Снова утро – снова работа».

Сегодня Екатерину ждал последний день на «старом» рабочем месте. И у нее было такое чувство, что будто бы после сегодняшнего дня будет чего-то не хватать. Радоваться особенно было нечему, потому что она точно также продолжит работать, только в другом городе, а вот чувство досады было. Такое практически всегда случается, когда уходишь с «насиженного» места. И кажется, что этот последний день должен стать чем-то особенным, чем-то запоминающимся.

Но таким сегодняшнему дня стать было, видимо, не суждено. Екатерина также пришла на работу, также отработала, а вечером также пошла домой, только отпросилась на полтора часа пораньше. Отличие от обычного вечера было только в том, что перед уходом ей сказали, как принято в таком случае что-то говорить, много, как принято называть такие слова, теплых слов. И каждому было грустно, жалко, что она уходит. Но искренне было грустно и жалко от того, что она покидает это место лишь малому проценту людей из всех собравшихся.

«Будто похороны. Какой бы человек не был все будут говорить, что он был чудесным».

И домой она шла с двояким чувством. Но быстрый ужин и последовавшие за ним сборы заставили ее сосредоточиться на другом. Чемодан был заполнен доверху, спортивная сумка тоже. И плюс еще две сумки поменьше.

С отцом она договорилась, что они с мамой приедут к двадцати одному часу, чтобы спокойно добраться до вокзала. Сейчас ее часы показывали двадцать часов и двадцать минут. Она села на кровать и тут же ее охватило чувств утраты. Она резко встала и стала обходить комнаты, кухню, коридор, даже туалет и ванную комнату. Ее пальцы пробежали по комоду, скользили по тумбочкам или же касались шкафа. Она смотрела на все эти вещи, словно скоро она потеряет их навсегда, утратит и уже не сможет вернуть. Она знала, что родители будут за всем присматривать, что ничего с ее вещами не случится, но ничего не могла с собой поделатъ. Ей стали родными эти вещи, эта мебель, этот телевизор. Да даже унитаз и ванная, которые видели больше, чем любой мужчина, стали для нее будто родными.

«Я еще вернусь сюда. Точно вернусь».

Она все готова забрать сейчас с собой в Петербург. Даже снять стекла с окон и увести их с собой. Оставить «голую» квартиру, без плитки, без обоев, без паркета, без окон, без дверей, без всего. Оставить ее такой, какой она была когда только закончили строить дом: бетон и проемы. Даже квартиру родителей она покидала легче, ей было проще. Да и тогда она не чувствовала всего, не этим была забита ее голова. Она хотела быстрее стать взрослее, быть доверенной сама себе. Но с возрастом все меняется и она знала, что когда станет матерью, то и ей самой придется испытать тоже самое, что и ее матери несколько лет назад. Ее ребенок станет жить

отдельно. Тяжело ли ей будет или нет, она сейчас не знала. Она еще не родила, она еще не вырастила ребенка. А когда настанет тот час, что придется отпустить ребенка, вот тогда она все узнает, все поймет, и все почувствует.

Она села в комнате на стул и просто стала смотреть в одну точку, перестав двигаться, словно став памятником. И только легкое поднятие груди и тепло тела выдавали то, что она человек, а не памятник.

Но даже такое состояние когда-то да заканчивается. Она посмотрела на часы и увидела, что до приезда родителей осталось не больше десяти минут, если они не опоздают.

«Да они еще раньше на несколько минут приедут».

Она посмотрела в окно – машины не было. Тогда она стала довольно быстро менять домашнюю одежду на уличную. И как раз в тот момент, когда она надела на себя футболку, прозвенел дверной звонок.

«Родители».

И она пошла из спальни в коридор открывать дверь. Посмотрев в глазок, она убедилась, что это мама с папой и открыла.

– Привет, – встретила она их фразой.

– Привет, – они обнялись с мамой и поцеловали друг друга.

– Привет, – мама прошла в перед и теперь они обнялись с отцом и Екатерина поцеловала его, – ну как, ты собралась? – спросил отец, закрывая за собой дверь.

– Практически, – она сразу после своей реплики шмыгнула в комнату, а родители остались ждать в коридоре.

– Я пока в машину все отнесу по-тихоньку, – и отец взял чемодан.

– Хорошо, – Екатерина вышла из комнаты, застегивая браслет часов.

Отец вышел из квартиры и мама с дочкой остались вдвоем.

– Грустно уезжать? – сказала мама Екатерине, да и такой интонацией, что она сразу вспомнила детство.

– Да, – она посмотрела на маму грустно-искренними глазами, – очень, – она подошла к ней и обняла маму. Невольно из ее глаз скатились по щекам несколько слезинок.

– Ты не была так сентиментальна, когда переезжала от нас сюда, – с грустной улыбкой сказала мама, но добро, без укора, после того как они закончили объятия.

– Дура была молодая.

– Да ты и сейчас не старая, – и тут они обе искренне посмеялись.

– Ты считаешь, что у меня все сложится? – спросила Екатерина, смотря в глаза матери.

– Ты про своего французского молодого человека?

– Да.

– Все у тебя будет хорошо. Я это знаю, – ответила она.

И тут Екатерина почувствовала такую поддержку, такое воодушевление, что уверенность теперь никогда ее не поки-

нет. Уверенность в том, что Антуан это тот человек, которого она ждала и с которым она будет счастлива. Такого ответа матери, таким голосом и с такими глазами ей хватило, чтобы больше никогда в этом не сомневаться.

В этот момент вернулся отец.

– Эти сумки брать? – немного запыхавшимся голосом спросила он, указывая на большую спортивную сумку и, стоящую рядом, сумку поменьше.

– Бери.

Он взял сумки и вышел.

– Мам, я понимаю как вам было, когда я от вас уходила.

– Не понимаешь, – ласково отрезала она, – ты это поймешь только тогда, когда твой ребенок уйдет от тебя во взрослую жизнь, – и тут маму Екатерины настигли воспоминания, – сначала один, потом вторая... потом женитьба, потом..., – а дальше она не могла продолжить из-за подступающего к горлу кома и слез из глаз.

– Успокойся, мам, – она обняла ее, – хоть мы и не рядом, но мы с Сашей всегда с тобой. Ты же знаешь как мы, особенно он, что тут скрывать, вас сильно любит. Но он не показывает это так открыто как могу показать я, – они снова встали друг перед другом, – думаешь, он так не хочет обнять тебя или папу? Думаешь, что он не может также с вами поделиться и даже плакать от всего этого? Он все это хочет и может, но он держит это в себе, он несет любовь к вам всю свою жизнь. Ближе вас, – она положила руки матери на пле-

чи, – для него нет никого. Вы и я самые родные для него. Лиза прекрасная девушка и ее он очень сильно любит, я знаю. Но такой любовью, как он любит нас... он не любит никого больше. И я сильнее вас никого не люблю.

А дальше они стояли молча, смотря друг на друга. И сейчас, в эти секунды, она помнила маму двадцать лет назад и видела маму сейчас. Старость не скрыть, но не на это она смотрела. Она смотрела на глаза. Глаза были такими же, какими она запомнила их в детстве. Они наполнены любовью, заботой. С возрастом Екатерина поняла, что родители иногда ругали их с братом не просто, чтобы покричать, а потому что им было страшно за них, они переживали за них так сильно, что не могли держать в себе эти эмоции. И это помогало, они запоминали и сделав глупость раз, не повторяли ее снова. Но ругали их редко, только совсем в крайних ситуациях. И сейчас Екатерина знала, что пока есть эти люди, пока родители и брат рядом с ней – у нее есть родное место. Это как с кораблем. Где бы и куда он не ходил, у него всегда есть порт приписки, куда он возвращается, где его дом. И этим портом для нее являются мать, отец, и брат.

– Спасибо вам, – сказала Екатерина.

Мама поняла ее и не стала ничего отвечать. Слова были лишними.

Екатерина стала надевать кроссовки и как раз, когда она их зашнуровывала вернулся отец.

– Ну что?

– Сейчас, – она подала последнюю сумку отцу, – идите с мамой, а я сейчас спущусь.

Родители вышли и Екатерина осталась одна, чтобы последний раз окинуть взглядом квартиру. Все было выключено, все вынуто из розеток, кроме холодильника и плиты. Она погасила свет в коридоре, подержав пальцы на выключателе еще несколько секунд. Ну в миг убрала их, проскользив еще немного по стене. Закрыла дверь, вышла на лестницу и закрыла внешнюю дверь. Ключ она поворачивала очень медленно, но закрыв замок, резко его вытащила, убрала ключи в сумку, проверила дверь, подергав ее несколько раз и пошла вниз, к машине, где ее ждали родители.

На улицы было хорошо, довольно комфортно в футболке. Она села в машину, на заднее сиденье, пристегнулась, и машина тронулась.

В машине они практически не общались. Отец вел автомобиль, Екатерина смотрела в окно на Москву, из которой скоро уедет. На Площадь Трех Вокзалов они подъехали около двадцати двух часов. До отправления поезда было еще чуть меньше пары часов.

Отец достал из машины все вещи. Екатерина взяла чемодан, поставила сверху одну из двух сумок поменьше и пошла впереди, катя чемодан рядом. Отец взял большую спортивную сумку и вторую маленькую, по сумке в обе руки. Они с матерью шли за Екатериной в направлении Ленинградского вокзала.

На железнодорожном вокзале жизнь активно протекает все двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. Как и в аэропорте или в больницы. Никогда не пустует здания вокзалов или приемное отделение больницы, хоть день, хоть ночь, хоть утро, хоть вечер.

«Да тут точно ночью больше суеты, чем днем».

Они шли уже по зданию вокзала к залу ожидания поездов. Свободные места они нашли, но с трудом, и только пару мест рядом. Отец оставил маму и дочь, а сам пошел к путям, да и просто побродить по вокзалу. Он не очень любил эту суету, толчею, да и лучше ему было побыть на открытом воздухе.

А между матерью и дочерью наступила такая ситуация, что им просто нечего было сказать друг другу в этот момент. Они все сказали ранее и слова им сейчас были просто не нужны. Но и молчать в такой момент было неловко немного.

– Ты хоть не забывай нас с отцом, – шутя сказала мама.

– Мам, когда я вас забывала? – шутливой интонацией ответила вопросом и Екатерина.

– Ну мало ли, – она взяла дочь за руку и Екатерина сомкнула руку матери.

Дальше они сидели молча рядом, держась за руки. И Екатерина хотела бы что-то сказать, говорить и рассказывать, но не могла. Она не знала, что сейчас сказать, а глупости и банальности говорить не хотела.

«Только в кино и в книгах все знают, что говорить и говорят так, словно каждый из этих героев писатель или творче-

ский человек. А я не знаю, что сказать! Не знаю, что сказать матери перед тем, как уеду. Голова пуста! Да и что здесь говорить? Я уезжаю не так и далеко, я, буквально рядом. Всегда есть телефон и приезжать будем, возможно, что с Сашей вместе. Сейчас мы с мамой и с... (она усмехнулась сама себе) папой, который сейчас тоже где-то здесь, вместе и это главное! А остальное все, все банальные слова – ерунда и они просто не нужны сейчас, в этот момент».

Через некоторое время вернулся отец, а место рядом с матерью уже было свободно и он сел.

– Поезд уже стоит, но посадки, конечно, пока нет, – сказала отец, повернув голову к женщинам и подавшись чуть вперед.

–

Да времени то еще, – намекая на то, что ждать еще прилично, сказала Екатерина.

Так они и ждали поезда – сидели, поочередно ходили, разминая ноги, а в двадцать три пятнадцать решили пойти на платформу, где стоял поезд, так как посадка должна была начаться совсем скоро.

Только они подошли к дверям вагона, как, буквально тут же, началась посадка на поезд. Перед ней стоял только пожилой мужчина, с одним несессером, больше вещей у него не было. У него проверили билет и он вошел внутрь вагона, а следом за ним собиралась заходить Екатерина. Она подала билет проводнице, та за несколько секунд его изучала и при-

гласила пассажирку в поезд. Вместе с ней зашел и отец. Мать осталась ждать их на перроне. Они протискивались друг за другом в узком проходе вагона. Екатерина нашла свое купе и они зашли внутрь. Милый пожилой мужчина, который был первым в очереди на посадку, оказался ее соседом по купе.

«Осталось узнать еще двух человек».

– Добрый вечер, – сказала она, когда зашла с чемоданом в купе.

– Добрый, – с легкой улыбкой ответил дедушка практически беззубым ртом.

– Добрый вечер, – буквально ввалившись в купе, больше губами, чем голосом сказал отец.

– Добрый, – также поприветствовал мужчину отца Екатерины и чуть склонил голову в знак приветствия, – вы едете вместе?

– Нет, я только провожаю, – ставя сначала чемодан, потом сумки под нижнюю полку, где и было место Екатерины, ответил отец.

– Понятно.

– Извините, вы не присмотрите за вещам? – попросила Екатерина.

«Даже, если он и захочет что украсить, то ему некуда будет это положить, да и не видно, что он собирается это делать».

– Хорошо. Никаких проблем, – он снова улыбнулся, но именно милой и честной улыбкой, а не притворной.

– Спасибо, – сказала Екатерина, и они с отцом вышли из

купе, прикрыв за собою дверь.

Идя на встречу основному потоку людей, тем более люди были с вещами и у кого-то этих вещей было довольно много, они худо-бедно вновь вышли на улицу, на свежий воздух. Секунда понадобилась Екатерине, чтобы глазами обнаружить маму.

– Ну что, устроились? – спросила мама у дочки, когда они с отцом подошли к ней.

– Да, папа мне помог, – она окинула глазами очередь в вагон, – вы сейчас уже поедет? – она вернула взгляд на родителей, которые уже стояли рядом. Она понимала, что они устают уже больше чем она, а отцу еще вести машину к дому.

– Да уж дождемся отправления, – с улыбкой сказал отец.

– Спасибо, – ей был приятен такой расклад.

– Звони как приедешь, – сказал мать.

– Конечно, позвоню, как буду на месте.

– И аккуратно там будь, хорошо, – это «хорошо» прозвучала из уст отца совершенно не как вопрос.

– Хорошо, – широко улыбаясь, ответила Екатерина.

А сейчас, стоя втроем на перроне, они говорили обо всем, о том, о сём. Им хотелось сказать друг другу, родителям – дочери, а дочери – родителям, как можно больше слов. Даже больше, чем они могут и чем стоит сейчас. Они вспомнили различные забавные эпизоды совместные, случаи. Но всё когда-то, да заканчивается. Вот и сейчас проводница объявила громко, а прощающихся и пассажиров было много рядом с

вагоном, что поезд отходит через пять минут.

– Ну что, время прощаться? – сказал отец.

– Да, – грустно подтвердила Екатерина и подошла хоть на полшага, но ближе к родителям, – пока папа, – она обняла отца и он обнял ее, – пока мама, – они обнялись с матерью.

Если эмоции с отцом были более сдержанные, то с матерью они обнимались долго, крепко и близко.

– Ну все, все, Катюша. Иди, – сказала мама, когда сама закончила объятия с дочерью, – пора, – она поцеловала дочь.

– Пока, – Екатерина сама потянулась к отцу.

– Пока, Катя, – он поцеловал ее в щеку, а она его.

Она отвернулась от родителей и пошла к вагону. Она шла небыстро, оборачивалась и видела родителей, которые махали ей рукой, но ей показалось, что до вагона она дошла слишком быстро. А дальше, в один момент, широкий шаг отделил ее и их. А через несколько секунд, когда она шла к своему купе, поезд толкнулся и пошел в направлении Санкт-Петербурга, оставляя за собой Москву.

«Отправился от родителей к брату».

Вернувшись в купе, она застала там уже трех человек. К пожилому мужчине прибавились женщина средних лет со злым и одновременно с тем красивым лицом и ее, судя по всему, дочка или внучка, Екатерина не могла понять. Девочке было лет десять-двенадцать.

– Здравствуйте, – сказала Екатерина как вошла.

– Здравствуйте, – сказала женщина, а следом за ней по-

приветствовала ее и девочка. Они сидели как раз на месте Екатерины.

Екатерина присела рядом с дедушкой, которой уже был в очках и читал какую-то тонкую книжку.

– Я Алла, – представилась женщина, положив руки на стол, – а это, – она обняла девчушку одной рукой и прижала к себе, – Нина, моя дочь.

– Очень приятно, Екатерина, – кольца на безымянном пальце правой руки у женщины не было.

«Да и на левой нет».

Мужчина заложил страницу закладкой, положил книгу на стол, а на книгу очки, и тоже представился.

– Денис Антонович, – сказал он, повернув голову к Екатерине, – приятно познакомиться.

– Взаимно, – с улыбкой сказала Екатерина.

Девочка зевнула и ее мама не могла этого не заметить.

– Вы не против, если мы переоденемся на ночь? – спросила она, больше обращаясь к мужчине.

– А, конечно, конечно, – он встал с полки и направился к выходу из купе.

– Я вам тоже не буду мешать, – сказала Екатерина и вышла следом из купе, закрыв за собой дверь.

Они встали рядом перед купе.

«Смотрю, популярно здесь общаться (она посмотрела налево и направо, где стояли несколько пар собеседников)».

– Значит, вы едете в Петербург, – сказал мужчина, чтобы

начать диалог.

– Да, – подтвердила Екатерина.

– Много вещей у вас для путешествия, – с улыбкой заметил он.

– Да, придется пробыть в городе на Неве довольно долгий срок. А у вас наоборот вещей немного.

– Да у меня их нет практически, – сказал пожилой мужчина и посмеялся, кротко улыбнулась и Екатерина, – нет надобности.

– На день? Или наоборот, на день были в Москве?

– На день в Петербург. На кладбище, – уже с грустью в голосе сказал он, а потом Екатерина увидела грусть и в глазах.

– Извините, – сказала Екатерина и опустила голову.

– Да ничего. Хотите я вам расскажу о них? – уже воодушевленно сказал он.

«Нужно выслушать. По нему видно, что он хочет это рассказать. О своей семье что ли он будет говорить?».

– Конечно, я вас выслушаю, – сказала она очень скромным тоном, пытаясь передать, что ей не безразлично, но и интонацией, что ей интересно, она, конечно, не могла говорить.

– У меня там похоронены жена и дочка, – «точно о семье», – они умерли в сорок втором году. В самом его конце. Я тогда был солдатом, защищали мы все город Ленинград. И я говорю не про военных, не только про военных. А про детей, про стариков, про больных, про женщин. Конечно, в семье не без уroda, но такие были очень редко там. Я

про грабежи, мародерство и тому подобное. Вот и моя жена и дочь оказались в Блокаде. Вообще, женщинам была уготована самая трудная участь в этой войне. Всем женщинам, всех стран и государств, которые принимали участие в войне. А умерла моя семья банально по тому времени – от голода. Их отправили в госпитали, но они были такими...это страшно. Представьте, когда, – он показал руками от головы до пояса, а дальше сделал продольное движение, будто говоря «и ниже», – ваша кожа обтягивает ваш скелет. Это так и было. Вы буквально видите кости, ребра, череп, на котором уже нет волос. Обтяните плотно кожей макет скелета человек из класса биологии, вставьте ему глаза, только которые уже практически безжизненны, зубы можете не вставлять, не у всех они оставались, и вы увидите что такое Алиментарная дистрофия третьей степени. Но вы будете знать, что это скелет, а не человек. Он не одушевлен. Вот такие были и люди тогда, в том городе. Не все, конечно не все. Но так они умерли. Мои близкие. Мне остался только их прах, который я оставил в квартире, и сказал себе, что если не умру, если бомба не сотрет к черту дом, где я «их» оставил, то я их похороню. Как видите, дом устоял, а я выжил, хоть и был ранен не один раз, но не смертельно каждый из них. И знаете...тогда, когда такое происходит, когда такое видишь...это больно, но это не боль утраты, не боль скорби, это боль злобы. Ленинград тогда, нет, он не умирал, а жил! Как он жил...я не могу понять до сих пор. И, наверное, не пойму никогда,

что все мы сделали, особенно жители отрезанного города. И фашисты не понимали, когда слышали в этом, как казалось, мертвом городе, музыку, когда люди умирали, но не сдавались, когда они жили! Они просто, – он сказал грубо, – от такого. Сами вспомните фильм «Блокада». Будрайтис там все это сыграл просто блестяще! И знаете, такое и правда, никогда не выходит из головы. Я говорю о себе, но уверен, что у большинства все также. И порой, чаще всего ночью, во снах, я вновь вижу моя жену, дочь и знаете как выглядит этот сон? Сначала они гуляют в цветущем парке, везде зелень, светит солнце, а потом миг, – он провел указательным пальцем перед собой быстро слева направо, – и они уже ползут ко мне такими, какими я их видел последний раз, по снегу, – он сделал паузу и устремил свой взгляд в окно.

В этот момент женщина открыла дверь купе.

– Мы закончили, – сказала она.

Екатерина только кивнула в ответ и женщина прикрыла дверь.

– Потом я женился второй раз, – продолжил мужчина, смотря на темноту за окном идущего поезда, – у меня двое детей. Снова, кстати, девочки, – когда он это говорил, он повернул голову к Екатерине и улыбнулся, затем снова стал смотреть в окно и продолжил, – так что цените! Цените и помните то, за что воевали люди, за что терпели насилие женщины, за что умирали дети. Если бы у меня была возможность что-то одно изменить в жизни людей... я бы к чер-

товой матери уничтожил всё оружие на Земле, – он поднял глаза на Екатерину, – и сделал бы так чтобы никто никогда не смог его производить.

– К сожалению, войны – это деньги. И очень часто те, кто их затевает, эти войны, о людях думают в последнюю очередь. Если думают о них вообще, – вставила тихо и грустно Екатерина.

– Согласен с вами. Сейчас этот действительно, просто деньги. А главное то, что всем на это плевать.

– Знаете, я впервые общаюсь с участником войны вот так... близко. Мне кажется, что вы могли бы рассказать еще очень очень многое.

– Конечно, – он сделал паузу и сказал четко и жестко, – могу, – а затем всем телом повернулся к Екатерине и посмотрел ей прямо в глаза, – но я думаю, что вы не захотите слушать обо всём этом Много снято достойных фильмов в Советском Союзе об этом. Война рассмотрена с различных сторон и разными взглядами. И они все, эти фильмы, книги, правдивы, честны. Но. Запомните одно – все было гораздо страшнее.

Екатерина вмиг вся вздрогнула.

– Есть что-то, что навсегда остается здесь, – он указал на голову, – что нужно пережить, чтобы ощутить всецело. И если люди об этом когда-то забудут, скажут чтобы все это ерунда, особенно жители стран, переживших это...цикл повторить, только кровавее, страшнее, ужаснее.

Екатерина стояла и не двигалась. Кроме них в проходе была еще одна пара мужчин в самом конце вагона, которые яростно что-то обсуждали.

– Спасибо вам, – только и смогла она сказать сейчас.

– Когда я вижу таких девушек как вы, то я не беспокоюсь за то, что память об этом всем не умрет. Надеюсь, что в нашей стране осталось большинство именно таких людей. Главное, не забывать это, но и шибко праздновать и делать что-то глобальное, делать из этого великое торжество тоже нельзя. Хоть это и победа, великая победа, без преувеличения. Но в первую очередь это боль, это страдания, которые пережили люди. Праздник скорби и радости. Но больше все же скорби, а лишь потом радости. И я надеюсь, что больше никогда не увижу танки на площади Урицкого.

– Вы говорите абсолютно также, как и считаю я сама, – тут Екатерина решила сменить тему, – вы спать пойдете?

– Я плохо сплю в поездах, честно вам скажу. Зачем я беру такой поезд, если все равно почти не сплю? – угадывая вопрос Екатерины, сказал он, – я не знаю. Может, это связано с историей, может еще с чем-то. Но поезд удобен своим временем, это правда.

– Ну вы ведь ляжете? – с заботой, которая появилась сама не понимая откуда, спросила Екатерина

– Конечно. И кимарить буду. Но полноценно спать я не могу.

– Понимаю.

– А вы как спите в поездах?

– Крепко. Я привыкла, потому что, практически, только на них и езжу. Извините, вы подождете? Я переоденусь и выйду снова.

– Конечно.

– Спасибо.

Мужчина отвернулась к окну, а Екатерина открыла дверь купе. Над верхней полкой горел свет, там женщина лежала и читала, а над Екатериной сверху уже спала девочка. Екатерина старалась как можно тише достать вещи, но когда так тихо, то это сделать проблематично. Она достала из сумки спальную футболку и шорты. Быстро переделась, повесила вещи на крючок. Лифчик она не стала снимать. И через несколько минут снова вернулась к мужчине, который сразу развернулся, как услышал открывающуюся дверь купе. На ней была белая, довольно свободная, футболка и светло-желтые шорты, которые доходили до середины бедер. Ходила она босоножках. Они снова стояли рядом.

– А сколько вам лет? – спросила Екатерина, прижимаясь спиной к перекрытию между окнами.

– Восемьдесят пять лет.

– И все это время вы так и ездите в Петербург?

– Да. После войны я вернулся к родителям в Москву, остался жить там. Жену и дочку навещаю на кладбище два раза в год. Зимой, когда они умерли. И летом, когда родилась наша дочь. Из года в год. Один раз зимой не смог несколько

лет назад. Операция была, а затем восстановление.

– Вы очень бодро выглядите, – заметила Екатерина искренне, потому что внешность выдавала его годы, но движения его, то, как он говорит в восемьдесят пять лет заслуживало уважения.

–

Спасибо, – смущенно улыбаясь, поблагодарил он, – знаете, стареть никогда не хочется

И главное, ты в это не веришь! Ты идешь в двадцать, тридцать, даже сорок лет, смотришь на стариков и думаешь: «Ну я точно таким не буду. Я исключение. Я всегда буду таким, как сейчас». А потом идешь ты все медленнее, каждое движение дается труднее, организм делает позывы... и ты понимаешь, что стареешь также, как стареют все вокруг. Знаете, вот у меня была кошка, у нас с женой, которая сейчас со мной. Она долго жила и умерла в восемнадцать лет по ихнему, кошачьему. Это очень долго. Но знаете, как она умирала? Я предлагал жене ее усыпить, но она не в какую этого не хотела. Мы уже жили вдвоем, дочери съехали, – он сказала это предложение так быстро, что Екатерина не сразу поняла, – она умирала как человек. Кошка умирала как человек! Она только лежала, извините за подробности, какала и писала под себя. Она кричала, когда ей было больно, даже слезы! Я впервые увидел кошачьи слезы. Ей делали уколы специальные, обезболивающие,

– слово «обезболивающие» он произнес как «обесбаливающие»

, – она была в другой от нас с женой комнате. И знаете, что в итоге произошло. Тогда... я такого не ожидал. Мы с женой утром просыпаемся, а она лежит на полу перед нашей кроватью. Свернулась в клубок и положила голову на передние лапы. Уже мертвая. Вы представьте, она из последних сил как-то дотелепалась до нас! Легла рядом с нами, как раньше. Пришла к хозяевам, к тем, кто заботился за ней. И умерла, – он вдруг усмехнулся и с ироничной улыбкой и интонацией сказал, – ухаживали, ухаживали, а смерть все равно проспала, – затем продолжил уже с той же интонацией, как говорил ранее, – просто мне этот эпизод запал так сильно в жизнь. У всех все происходит одинаково. Обезьяны в джунглях будут умирать также как и люди. И наоборот

Повисла пауза. Екатерина не могла и не знала, что сейчас сказать.

«Да и нужно ли сейчас что-то говорить?»

– Вы извините, что я так много о смерти сегодня.

– Ничего страшного. Вы мне открыли новое, чего я не знала ранее.

– Вы, наверное, хотите спать? – поинтересовался мужчина.

– Да знаете, ваши рассказы так затягивают, что, честно, сон пропал, если он и был, – она улыбнулась.

Собеседник улыбнулся ей в ответ.

– Если вас что-то конкретное интересует, то вы спрашивайте, не стесняйтесь.

– Спрошу, – Екатерина ненадолго задумалась, – а вот вы можете сказать, за что вы воевали? Конкретно вы, – она указала рукой на своего собеседника.

– За что я воевал? Я воевал за людей, которые мне дороги, за свою страну, с великой историей, страну, которая дала миру множество писателей, художников, композиторов. Но в первую очередь все же, я воевал за самых моих близких. За жену, за дочь, за родителей, и за близких друзей. Это был мой стимул. Оставить их я мог только, если бы умер.

– Какие люди были рядом с вами на войне? Я имею ввиду солдат, товарищей.

– Абсолютно разные. Как и в жизни. Вот там были все. И те, кто получал нескрываемое удовольствие от того, что мог убивать. И такие, которые были настолько безрассудны, что почти всегда расплачивались за это пулями врагов. Были и те, кто прятался за спины других и выживал. Разные были, но, конечно, большинство нормальных, приличных людей. Да и война меняет людей очень сильно. Психологически для некоторых это очень трудно. Самострелы тоже были. Было все. Все были хороши. И нацистские солдаты, и советские. Но никогда нельзя всех грести под одну гребенку. Я еще раз скажу, что было абсолютно все и были абсолютно все. С обеих сторон.

– Понимаю.

Они говорили еще долго. Екатерина потом стала больше раскатывать о себе, о родителях. Были в их общении и моменты, когда они смеялись, были и грустные. Главное, что было – это такое откровенное, близкое общение, которое Екатерина никогда не испытывала с посторонними людьми.

Она сходила в туалет и вернулась в купе лишь около трех часов ночи. Девочка спала тихо, а женщина совсем чуть-чуть похрапывала. Екатерина легла на полку, но глаза сами не могли закрыться. Ее переполняли эмоции, чувства, возбуждение после такого общения. Они сейчас не могла четко думать, но и спать тоже не хотела.

Через какое-то время вернулся мужчина, они тихо пожелали друг другу доброй ночи. Они могли общаться и дальше, но не стоя в проходе. А здесь в купе они были уже не одни. Она знала, что он не спит, но общение продолжать было невозможно здесь.

«Ехали бы в купе одни, то всю ночь могли бы проговорить, но и так...много для меня нового именно из, как говориться, первых уст. Жаль, что завтра мы уже разойдемся и больше, наверное, никогда не встретимся. Может, попробовать утром обменяться адресами и телефонами? Посмотрим. За такие встречи я благодарна жизни».

Но физика организма постепенно брала свое и глаза начали слипаться. Скоро Екатерина уже спала под мерный стук колес идущего в Санкт-Петербург фирменного поезда.

ЧАСТЬ 2

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ

Александр вынырнул из под воды и поплыл дальше от берега. Погода была пасмурная и все небо было серым, а порой шел мелкий дождь. В такой день народу на пляже озера не было.

Уже пятый день Александр и Елизавета отдыхают в пансионате в Ленинградской области. Но погода их не радует. Половину отдыха они уже провели, но температура и погода радовали их только первые три дня. Дальше пошли дожди и наступило небольшое похолодание. Однако это не мешало Александру каждый день плавать по несколько раз. Вот и сегодня вечером, он плывет все дальше от берега. Елизавета же заходила в воду в такую погоду один раз, днем.

Находится сейчас в воде было для Александра одним удовольствием. В ней было тепло, потому что за теплые дни, которые долго стояли, она прогрелась, да и сейчас было пасмурно и хмуро, но не холодно. Прохладнее, по сравнению с тем, что было, но не холодно.

«Не знаю что нужно людям еще (он плыл брассом, удаляясь от берега). Не юг все же. Классная вода, для Петербурга тем более. Что еще нужно для кайфа?»

Вскоре он развернулся и поплыл в обратном направлении. С берега ему улыбался и махала рукой Елизавета. Он помахал ей в ответ. Было небольшое волнение и, когда он занырнул, то под водой было так тихо и спокойно, что не хотелось

вновь подниматься наверх. Окуни, плотва, лещи проплывали перед ним или глубже, а некоторые просто «стояли» у самого дна.

«От сюда все мы и вышли. Сюда и вернемся».

Но через какое-то время, как бы не хотелось, а все же пришлось выныривать обратно. И он вновь оказался в громком, суетливом мире на поверхности.

Когда он был уже недалеко от берега, неожиданно волна ударила сбоку и он немного захлебнул воды. Он остановился и стал откашливаться. Все это длилось несколько секунд, но в такой ситуации хочется, чтобы закончилось как можно скорее. Прокашлявшись и сплюнув он продолжил движение к берегу и через минуту уже выходил, находясь по щиколотку в воде.

– Словил огурца? – спросила Елизавета, подавая ему полотенце.

– Есть немного. Пью до дна, – улыбаясь ответил Александр, вытирая лицо и тело.

– А муж мой в море, – в такт песни, написанной Александром Кутиковым и Андреем Макаревичем подпела она, только со словами, переделанными в народе, – пускай его смоеет волна, пускай ему не везет, – и засмеялась.

– Вот значит, как вы ко мне относитесь? – улыбаясь, сказал Александр, возвращая полотенце.

– А ты как думал, – она обняла его и поцеловала в щеку. Александр взял шорты и пошел переодеваться. Шорты

внутри были с сеточкой, поэтому в них спокойно можно было ходить и без трусов.

Вернувшись к жене в шортах и с плавками в руках, он помыл ноги от песка, надел шлепки и футболку и они, под руку, пошли вдвоем в номер. От озера до корпуса было не больше двухсот метров.

Сам пансионат располагался примерно в ста двадцати километрах от города и был окружен хвойным лесом. Дышалось здесь так хорошо, воздух был так свеж, что было одно наслаждение. Тихо, спокойно, особенно после суетливого города. Они вдвоем отдыхали здесь от всего. От работы, от домашних дел. Гуляли, купались и плавали, играли в бадминтон и, если были свободны столы, то в настольный теннис или бильярд. Не нужно было готовить, потому что завтракали, обедали, и ужинали они в столовой, где очень хорошо и вкусно кормили, да и порции были довольно большими.

Вот и сейчас они шли вдвоем по дороге от озера до корпуса в окружении деревьев с обеих сторон. На встречу попадались гуляющие пары разных возрастов, дети, которые носились туда-сюда и о которых Александр неизменно по доброму и с улыбкой думал: «Ветер в поле, в жопе дым».

Как-то после такой его реплики, Елизавета шутя спросила:

– А ты сам таким не был что-ли?

– Был, конечно, – ответил он серьезно с улыбкой и сразу вспомнил детство.

«Вот такой отдых, в спокойной размеренной обстановке, располагает к тому, чтобы о чем-то думать или же что-то вспоминать. Он отличается от южного. Он абсолютно другой».

Они зашли в свою комнату на третьем этаже, где было две кровати, но Александр их сдвинул, сделав одну двуспальную, тумбочка, небольшой шкаф. В номере была и ванная комната с душем, туалетом и раковиной. Телевизор и холодильник были по одному на этаж. Именно в раковине Александр помыл сейчас плавки после купания, выжал их и повесил на спинке, «в ногах», одной из кроватей.

– Пойдем гулять? – спросил он жену, которая легла на кровать и закинула руки за голову.

– Пойдем, – она тут же встала перед ним, – трусы надень только.

– О, точно, они вдвоем улыбнулись, – а я и забыл уже, – он взял их с кровати, которые оставил под пододеяльником с краю, снял шорты (Елизавета не упустила возможности шлепнуть его легонько несколько раз), надел трусы, а затем надел шорты обратно.

– А если я так? – сказал Александр и резко подошел к жене, положил руки ей на ягодицы, сжал их и приподнял ее.

– Аха-ха, – засмеялась она и оперлась на плечи мужа, – отпусти...аха-ха, ну отпусти.

Смеясь, Александр поставил ее на пол. Они поцеловали друг друга, а затем подошли к входной двери.

Вечер был также пасмурным, но теплым и без дождя. Они ходили по территории вокруг, уходя то в один, то в другой конец. Прошли мимо детской площадки, мимо зимней горки, баскетбольно-футбольной площадки, где рядом была и стена для тенниса. Чуть прошли по лесу, по дороге, что как и все дороги здесь, шла между деревьями. На их пути, как им показалась, пробежала белка вдалеке. Они встречали белок здесь довольно часто, реже лис и ежей, а всего один раз видели зайца.

А в конце прогулки они спустились снова к озеру. Вышли на причал, где по одну сторону стояли лодки, а по другое катамараны. И просто смотрели вдаль, на другой берег, на небо, на воду. Елизавета прижалась к Александру и положила руку на его плечо, а на руку голову. Он ее обнял и они стояли так, ничего не говоря. Каждый из них думал о своем или не думал вовсе. И в такие минуты кажущегося уединения и единения с природой, порой приходят совсем не радужные мысли. Почему-то сейчас Александр вспомнил о девушках, которые были у него до Елизаветы и сам не понял с чего бы это. А Елизавета вспомнила детство, когда купаясь в реке, она чуть не утонула, благо родители были рядом. Но в одно мгновение их мысли заполнил один момент на двоих – что сейчас здесь они могли быть втроем, а не вдвоем. Они буквально почувствовали и услышали мысли друга друга, потому что Елизавета прижалась ближе к Александру, а тот обнял ее крепче.

– Красиво, – сказал Александр через какое-то время.

– Да-а, – протянула Елизавета.

Вода тихо билась о причал и о берег, облака двигались на юг, подгоняемые слабым северном ветром, который почти не чувствовался у земли. Очередной день отдыха озеро становится конечным местом прогулки, где они вдвоем провожают прошедший день.

Утро наступило для Александра резко. Он проснулся и чувствовал себя отдохнувшим и выспавшимся. Было слышно щебетание птиц за окном, а небо было голубым и светило солнце. Александр посмотрел на наручные часы, которые перед сном оставил на тумбе у кровати – семь сорок семь показывали они. Елизавета, видно тоже уже выспалась, потому что как только Александр положил часы обратно на тумбу и лег на спину, сложив руки на груди, она зашевелилась и повернулась на спину. А еще через секунду она повернула голову и нежно сказала, пока еще узко раскрыв глаза и часто моргая:

– Доброе утро.

– Доброе, – Александр потянулся к ней и поцеловал ее в щеку, после чего на губах Елизаветы появилась улыбка.

Немного полежав, Екатерина встал, заколола волосы, а затем пошла в туалет и душ. Александр же, что называется развалился на всю кровать, уставив взгляд в потолок.

Они прогулялись перед завтраком, пройдя по, как они сами называли, «маленькому кругу». Навстречу им попада-

лись знакомые люди, с которыми они неизменно здоровались. Здесь и уборщик, который ходил с тележкой и собирал мусор из мусорок, и прачки, которые несли свежее белье в номера или наоборот, грязное в чистку, ремонтники, и другой персонал пансионата. А затем пошли на утренний прием пищи. За столом на четверых они пока сидели вдвоем, потому что было не так много людей. Стол у них был около окна и, завтракая, Александр заметил, что погода меняет не в лучшую сторону. Находят кучевые облака, все чаще и чаще закрывая солнце. И когда после завтрака они с Елизаветой вышли на улицу и пошли к озеру, то вместо утреннего спокойствия и солнца был довольно сильный ветер и все меньше и меньше синего неба.

– Снова не позагорать тебе, видно, – заметил Александр, когда они вышли к пляжу.

– М-да, – сказала Елизавета, – ну что, ладно, – Александр видел, что она расстроена.

– Ну плавать то можно! – воодушевленно сказал он.

– Это да. И сразу переодеться и идти обратно только, – заметила она грустной интонацией, но без злобы.

– А мне лишний раз хочется увидеть тебя в купальнике, – Александр посмотрел, что рядом нет людей, и опустил руку, которую держал на талии жены с того момента, как они остановились, ниже и чуть сжал ягодицу.

Елизавета зубами прижала верхнюю губу и чуть прикрыла глаза, сдерживая стон.

Они вернулись в номер, чуть посидели, пообщались, а затем надели, Александр, плавки, а Елизавета – открытый купальник, поверх надели, Александр, шорты и футболку, а Елизавета – майку и пляжные шорты.

Когда они вернулись к озеру, то волны стали больше и шумно бились о берег. Положив вещи и полотенце на шлепки, они вдвоем пошли к озеру. Первый «ушел» под воду Александр, а чуть позже, завязав волосы в узел, следом поплыла Елизавета. Александр вновь появился над поверхностью воды через несколько секунд, уже на солидном расстоянии. Он подплыл обратно к жене, а затем развернулся и они поплыли параллельно друг с другом. Волны били по их лицам, но если грамотно подплыть под волну, то движения становились быстрее, чем при «спокойной» воде.

– Ну что, разворачиваемся? – спросил Александр, повернувшись на спину так, что затылок был навстречу волнам, а лицо повернуто к Елизавете.

– Давай, – сказал она, посмотрев через плечо на берег, который был довольно далеко и стала разворачиваться по дуге.

Александр как поплавок встал на месте, захватил воздуха и нырнул вниз, чтобы достать дна в этом месте. Опускаться пришлось недолго, но он так наслаждался подводной тишиной, что не хотелось выныривать. Он поплыл под водой в сторону берега, а затем, когда запас воздуха подошел к концу, вынырнул, да с таким разгоном, что оказался на поверхности на доли секунд всем туловищем и тут же опустился в

воду обратно по шею. Всплеск с которым он вынырнул потух в шуме волн. Быстрым темпом он стал нагонять жену, которая была ближе него к берегу.

– Ты на выход? – спросила Елизавета, когда они поравнялись.

– Еще туда-обратно сплаваю. А потом выйду.

– Хорошо. Потому что я выхожу, – и они направились в разные стороны. Елизавета к берегу, а Александр – от.

«Несмотря на все «прелести» погоды, вода то классная, теплая (он повернулся на спину и стал смотреть как Елизавета выходит из воды). Красивая. Ноги, попа, спина. Да все! (он лег полностью на воду и стал смотреть в небо, качаемый волнами). Облака...завораживающее зрелище. А главное, что они бывают таких форм, зачастую, причудливых. Если дать волю воображению, то можно увидеть в облаках многое, различные фигуры, знаки (тут волна попала ему на лицо и вода залилась в ноздри. Он немного покашлял). Не самое приятное чувство».

Он развернулся, Елизавета стояла уже на песке, вытиралась полотенцем, а затем махнула рукой ему. Он улыбнулся ей. Она вновь распустила волосы и стала ходить по песку из стороны в сторону, разглядывая все вокруг – деревья, небо, озеро, песок. Все это, казалось бы, она видела много раз, но она лучше бы видела такое каждый день по много раз, чем видеть работу, суету города и прочие обыденные, но не самые приятные вещи.

«Здесь нет проблем, (мыслила она, мерно ступая по песку) здесь нет политики, здесь нет каждодневной борьбы за свое существование, чтобы работать, получать за это деньги, покупать еду, а затем работать снова. Здесь нет этого замкнутого круга. Здесь нет начальников, которые старательно пытаются показать, что они выше тебя. Не все, конечно, такие, но многие. И это лишь сто с лишним километров от города... как же, наверное, хорошо в не тронутых человеком краях... где природа первозданная, не переделанная, которая не подгонялась под или в какие-то рамки и правила...».

Выход на берег мужа прервал ее мысли и она поспешила с полотенцем к нему.

Они еще немного постояли на берегу, а затем переоделись (Елизавета была без лифчика, поэтому сквозь футболку были видны ее соски) и направились к корпусу.

– Что дальше будем делать? – спросила Александр, когда они шли.

– Сейчас подумаем.

– Может в игровую? Бильярд то, скорее всего занят, а вот теннис, думаю, что один из столов точно свободен.

– Да, давай. Но не сразу. Чуть посидим в номер.

– Без проблем.

Однако, свободным оказался и бильярд, и стол для настольного тенниса, когда они пришли в игровую комнату. Александр ровно поставил белый треугольник из шаров, поставил желтый жар с противоположной стороны, взял два

кия и, передавая кий из левой руки Елизавете, сказал:

– Разбивай.

Игра продолжалась чуть больше часа. За это время они успели сыграть три партии, в двух из которых выиграл Александр. Когда они поднялись наверх, а игровая комната располагалась в подвальном помещении главного корпуса, то асфальт, трава, деревья, и все вокруг было мокрым, а на небе в окружении облаков светило солнце.

Пока погода благоволила, они решили пойти гулять.

– Парит, – сказал Александр, – скоро вновь что-то соберется.

– Ну пока у нас есть возможность погулять, – она взяла мужа под руку и они пошли рядом.

Гуляли они долго, выйдя далеко за территорию, пройдя по протоптанным дорожкам в лес. К корпусу они вернулись к самому обеду. Они зашли в туалет, вымыли руки перед приемом пищи, а затем пошли в столовую, дверь в которую уже была открыта.

– На лодке пойдем вечером? – спросил Александр, доедая салат, – ну имею ввиду часов в пять где-нибудь?

– Можно. По погоде нужно посмотреть, – жуя, ответила Елизавета.

– Тебе сколько? – снимая крышку с супницы, спросил он.

– Пару половников пока.

– Давай больше? – мешая половником харчо и поднося тарелку ближе, Александр предложил жене.

– Нет, спасибо.

– Ну ладно.

Он положил два половника в тарелку и поставил ее перед Елизаветой.

– Спасибо, – услышал он.

– Да не за что, – уже наливая себе половник за половником, ответил Александр. Остановился он на четырех половниках, когда тарелка была заполнена уже полностью.

– В общем-то, делать здесь особо нечего, – говорил Александр, когда они гуляли после обеда, – ну гулять, ну поиграть, купаться, есть, – последнее он отметил с улыбкой, – а так то...погода не позволяет хотя бы первую половину дня побыть на пляже. Тебе загорать, а мне плавать, в основном. А так, гуляем, в основном.

– Согласна. Но главное, что отдыхаем от города, от той суеты, – он сделала глубокий вдох, – а воздух здесь какой!

– Да, хвоя есть хвоя, – он оглядел небо, – ну что, идем на лодке? Погода, вроде бы, ничего.

– Давай. Там до сколько перерыв в прокате?

– До шестнадцати. Ну я думаю в половину пойти, на час взять лодку. Хотя, там ограничения нет во времени. Ну сколько захотим, сколько хватит сил. Покатаемся по озеру, благо, оно не маленькое.

– И то правда. Сколько на твоих золотых? – с улыбкой спросила Елизавета.

– Половина ржавчины, – также с улыбкой ответил он, –

сейчас, – Александр бросил взгляд на циферблат наручных часов, – тридцать пять четвертого.

– О, как раз, часок поваляться, чуть меньше, а потом пойти.

– Да. Полностью согласен! – сказал Александр и открыл перед женой входную дверь в корпус.

Как только они зашли в номер, Александр сразу же пошел в туалет, сказав только перед этим:

– Еще с обеда хочу.

– Так сходил бы там, внизу.

– Да ладно, – уже находясь за дверь ответил он, – не критично же.

Елизавета легла на кровать и взяла с подоконника книгу, при этом посмотрев на «ситуацию» на улицы.

«Видимо, действительно, просветление».

И она легла на кровать, открыла заложенную страницу и продолжила читать с места, на котором остановилась ранее.

Через какой-то время вернулся Александр, лег рядом и тоже взял в руки книгу. Комната погрузилась в тишину, лишь изредка ее пронзали шелест переворачиваемых страниц или шуршание белья от смен местоположения читающих.

– Добрый день, – Александр подошел к мужчине, лет пятидесяти пяти, – лодочку можно у вас взять?

– Конечно, пожалуйста, – как обычно, тихим и немного усталым голосом отвечал заведующий прокатом, беря талон

из рук Александра.

Он был невысокого роста, с седеющими волосами и также седеющими, но пышными усами. Не первый и не второй год Александр и Елизавета уже встречаются с ним, что зимой, что летом, в зависимости от того, когда приезжают.

– Жилеты возьмите, – сказал он проходя с ключами рядом с Александром, который уже стоял с веслами.

– Добрый день, – с улыбкой поздоровалась Елизавета, которая ждала на улице.

– Здравствуйте, – он прошел дальше, а она пошла следом, рядом с Александром, который нес два спасательных жилета в правой руке и весла в левой.

Они вдвоем залезли в лодку, жилеты положил Александр на корме, где села Елизавета, а сам вставил уключины весел в отверстия. Когда они были готовы, лодку отстегнули от причала и толкнули.

– Спасибо, – сказал Александр, а хозяин проката остался стоять на причале, провожая отходящую в глубь озера лодку. И только когда Александр развернулся и пошел, направив нос в нужном направлении, он оставил свой взгляд от лодки.

Лодка шла вперед хорошим ходом, одна из уключин чуть поскрипывала, но не мешала наслаждаться воздухом, небольшим ветром, и мерным волнением воды. Солнце выходило из облаков все чаще, поэтому Елизавета с удовольствием закрыла глаза и подставила лицо и открытые части

тела под солнечные лучи. Александр же греб, то ускоряясь, то замедляясь, а то вовсе немного идя накатом после ускорения.

Они шли по периметру озера, на удалении от берега на тридцать-тридцать пять метров. Не первый раз они вот так обходят озеро. Они ходили по-разному и всегда так, как захотят. Благо, лодка позволяет выходить как на глубину, так и на мелководье из-за низкой осадки.

«В воде всегда что-то манит, притягивает... ты не видишь что там, внизу, на глубине. Проходя рядом с буйами видно, как под воду уходят натянутые металлические цепи, и ты вроде бы знаешь, что там на дне груз-якорь, но не видя его, порой воображение само может додумывать что-то. Вода скрывает многое от наших глаз. Даже такое озеро... это малая часть, плевков от всей водной оболочки земли, но сколько всего скрывается здесь! Да, с научной точки зрения все давно изучено, всем все давно известно. Но с человеческой стороны, по крайней мере для меня, многим, думаю, все равно на это, но как для человека, который знает примерную флору и фауну таких мест, мне все равно безумно хочется опуститься туда, вниз, на дно. Манит и будоражит одновременно. Это же классно... Земля дает нам столько загадок своим животным миром и природным. Животные, растения, насекомые, птицы, да все что нас окружает или что мы окружаем!»

Так Александр и рассуждал о природе, отмечал то, что видел сейчас вокруг себя. Порой бросал взгляд через плечо

назад, чтобы скорректировать курс лодки, а порой смотрел на жену, которая буквально тянулась лицом ближе к солнцу. Вечер становился все лучше и лучше в плане погоды, и когда они вернулись к причалу, то солнце не закрывалось никакими облаками. Их встретил на причале заведующий прокатом, зафиксировал лодку у причала и помог выйти из лодки Елизавете. Когда Александр, отнеся весла и жилеты и забрав талон для проката, выходил на улицу, его часы показывали восемнадцать тридцать. Он переоделся в плавки и с таким наслаждением залез в воду после того, как вспотел за практически полтора часа гребли.

День за днем они отдыхали именно в таком ключе. Благодаря улучшению погоды, они могли первую половину дня проводить на пляже, а во вторую быть предоставлены сами себе.

Но все даже самое хорошее когда-то заканчивается. И день отъезда наступил, с одной стороны быстро, а с другой – в самый раз, потому что и от отдыха можно начать уставать.

Когда Александр нес сумку к машине, то часы на его руке показывали, без нескольких минут, двенадцать часов. Он положил сумку в багажник и пошел обратно к корпусу.

– Ну что, проверили номер? – спросил он у Елизаветы, когда вернулся за остальными вещами.

– Да. Сейчас спустимся, ключи на стойке оставим и можем ехать.

– Хорошо, – Александр взял оставшиеся вещи, включая

удочку и ракетки, – пойдём?

– Да, пошли.

Они вышли в коридор, закрыли дверь и направились к лестнице, которая и привела их на первый этаж.

– Наш номер проверили, хотели бы сдать ключики, – обратилась Елизавета к женщине, которая сидела за стойкой.

Здесь у нее на одной стене висело деревянное полотно, где были ключи от всех комнат. Ключей весело очень мало. С другой стороны – карта территории пансионата. Также, за ней, стояли различные книги, радио, чайник и другие предметы, которые придавала уют.

– Давайте, – сказала женщина и протянула руку к Елизавете, которая положила ключи на стекло, которое лежало на столе, а под ним расписание завтраков, обедов, ужинов, проката, игровой комнаты.

Она забрала ключи, записала в своем журнале напротив фамилии, номера автомобиля и даты приезда – дату выезда.

– Распишитесь, – она положила журнал на стекло.

Александр расписался.

– Это отдадите на выезде охране, – она дала квиток, где написан номер машины и поставлен штамп.

– Спасибо.

– Всего вам доброго. Приезжайте к нам снова, – даже такую, давно всем понятную и формальную фразу, дежурная сказала искренне и по-доброму.

– Приедем, – сказал Александр и улыбнулся, – всего доб-

рого.

– До свидания, – сказала Елизавета.

– До свидания, ответила женщина и проводила взглядом несущего вещи Александра и держащую в руках женскую сумку Елизавету.

– Грустно уезжать, Лиз? – спросил Александр, когда они вышли на улицу и пошли в сторону машины.

– Грустно, конечно. Ты же знаешь, я такие места очень люблю.

– Я тоже. Но немного все равно надоедает. Как мы раньше с родителями по три недели отдыхали в одном месте..., – размышлял он вслух.

– Так и отдыхали. Мы тоже. Дадут на работе путевку и ехали. да, к концу, согласна, уже поднадоедало это, но зато на весь год хватало. Думали же о людях.

– Это согласен.

Они подошли к машине. Александр уместил все вещи в багажнике и на задних сиденьях, а затем завел автомобиль. Пока машина прогревалась, Александр достал насос и стал проверять и подкачивать шины. Пока он этим занимался, Елизавета гуляла недалеко и смотрела на деревья, цветы, солнечное небо.

– Может тебя здесь оставить? – по-доброму, с издевкой спросил Александр, когда увидел, что Елизавета так наклонилась к цветам, что было неясно – она упала или нет.

– Не дождетесь! – выпрямляясь, сказала она и с улыбкой

вернулась к машине.

Приведя в порядок шины, Александр убрал насос и они, вдвоем с Елизаветой, сели в машину. Он задним ходом отъехал с парковочного места и, сделав девяносто градусный поворот налево, поехал в сторону ворот.

Когда они подъехали к воротам, то из будки вышел охранник и подошел к автомобилю. Александр опустил окно.

– На выезд, – сказал он и передал квиток мужчине.

Тот посмотрел его за пару секунд и сказал:

– Сейчас открою ворота и можете выезжать.

Он подошел к воротам, замок на которых днем висел для проформы, потому что был открыт. Охранник снял замок, отвел в сторону сначала одну часть ворот, а затем вторую, которая была ближе к будке и встал рядом, жестом приглашая Александра выезжать. Александр проехал немного и остановился возле охранника.

– До свидания. Спасибо, – сказал он.

– Всего доброго, – с улыбкой ответили Александру, – до свидания.

– Всего доброго, – Александр вставил передачу, аккуратно выехал на гравийную дорогу, которая была несколько десятков метров и вела к асфальту.

– Пока! – говорила Елизавета всему пансионату.

– Да, хорошо отдохнули. Ну, если все будет нормально, то вернемся сюда зимой или летом следующим.

– Да, – сказала она и направила взгляд на дорогу, которая

извивалась между деревьев.

Спокойный отдых закончился, уступая постепенно место отдыху в шуме и суете.

До дома им было еще больше ста километров. До въезда в город ближе.

САНКТ—ПЕТЕРБУРГ

Машина, в которой были Александр и Елизавета, подъехала к дому. Они поднялись на свой этаж и подошли к двери в свою квартиру с частью вещей. Елизавета сделала пару оборотов ключа и вот дверь открыта, а в квартире такой особенный, «свой» запах. Каждая квартира имеет свои оттенки, свои специфические запахи. И для них сейчас ощущение этого запаха говорит об одном – они снова дома.

– В гостях, конечно, хорошо, – сказала Елизавета, – но дома, все же, лучше.

– Кто бы спорил, – Александр занес вещи в квартиру и пошел вниз к машине за остальными.

А Елизавета, сняв обувь, принялась осматривать квартиру, словно в первый раз.

«Дом, есть дом. Свой, отдельных, родной».

Тем временем, Александр за два подхода закончил с вещами, поставил машину на привычное место и уже окончательно поднялся в квартиру и закрыл за собой дверь на замок.

– Катюхе нужно позвонить, – сказала он, когда, помыв руки, вышел из ванной и подошел к телефону.

– Давай, – сказала Елизавета из кухни, – я пока обед сделаю по-быстрому.

– Хорошо.

Александр снял трубку и стал набирать на диске нужные цифры. Чтобы услышать ответ, ему пришлось пропустить несколько гудков.

– Алло, – трубку взяла сестра.

– Привет, Кать, – сказал он.

– О, Саш, привет. Вы уже вернулись домой?

– Да, вот несколько минут назад приехали. Как у вас там?

– Да все прекрасно, – она все говорила с таким воодушевлением и позитивом, что Александр невольно задал себе вопрос: «Она пьяная что ли?», – у нас с Антуаном все замечательно. Вы как доехали? Как отдохнули?

– Отлично, спасибо. Хоть отошли ненадолго от всей этой городской суеты, – немая пауза продолжилась буквально секунду и когда Александр уже хотел продолжить, сестра сказала первой.

– Слушай, придете завтра к нам на обед?

– А что за повод?

– Мы должны вам кое-что сообщить. Вместе.

– Свадьба? – с издевкой спросил Александр.

– Саша! – она прикрикнула, но не зло, а потом посмеялась и продолжила говорить также, как прежде, – вот придете с Лизой и узнаете. Ничего тебе сейчас не скажу, – с наигранной обидой в голосе сказала она последнюю фразу.

– А ко сколько приходиться то скажешь? Или тоже нет? – с надеждой спросил брат у сестры.

– Это скажу, – с улыбкой говорила она, – к двум вам удобно?

– Да, думаю сможем. Сейчас подожди, уточню у Лизы, – он положил трубку рядом и пошел в кухню.

– Мы сможем же завтра приехать к Катке к двум?

– А зачем?

– На обед нас приглашают. Хочет сообщить нам что-то очень важное, – он сделала акцент на слове «очень».

– Ну давай. Что нам мешает. Свадьба что-ли у них?

– Вот поэтому мы муж и жена, – он поцеловал супругу в щеку, – я спросил у нее тоже, но она сказала, что не ответит мне по телефону и скажет все только на обеде завтра! – он произнес это на одном дыхании.

– Значит завтра мы с тобой это услышим, – она улыбнулась, а Александр вернулся к телефону.

– Да, все сможем, – сказал он сестре на выдохе.

– Ну тогда будем вас ждать.

– Алкоголь брать какой? Вино там, например.

– Как хотите.

– Ты там тоже непьющей стала? – подшутил он над сестрой и посмеялся.

Но Екатерина не ответила на шутку и только серьезно сказала:

– Все, мы вас ждем завтра. Пока.

– Пока, – сказал Александр, так и не поняв, услышала его «пока» сестра или его реплика ушла гудкам.

Он повесил телефонную трубку и пошел в комнату.

Пообедав, Елизавета принялась разбирать вещи вместе с Александром, в функции которого входило перенести тяжелые сумки из коридора в комнату, отнести грязные вещи и белье к стиральной машине, убрать удочку и ракетки на балкон.

Когда все вещи были разобраны, они оба смогли насладиться спокойствием и отдыхом. Разойдясь по комнатам, каждый из них занялся своим делом, которое помогало расслабиться после довольно напряженного дня.

«Вроде, ничего особо не делали, но все равно какая-то разбитость. Все эти переезды, сборы-разборы...не люблю это. Отдыхать хорошо, но все, что предшествует отдыху, будто говорить, что вот-вот сейчас ты все последнее сделаешь и сможешь спокойно отдыхать. А все, что разу после отдыха, будто говорить: «Ты отдохнул, теперь пора вкатывается в суровые рабочие будни». Так и живем, так и живем...».

С такими мыслями Александр включил телевизор и стал переключать каналы.

«Такой кайф...отдохнули хоть от всего этого города. Природа, с погодой более-менее повезло...красота! Больше было бы таких моментов! Да, конечно, собирать и разбирать вещи нужно, все обдумывать...но это мелочи по сравнению с тем, что мы получили. Наслаждение и отдых для души и тела».

Елизавета включила телевизор, который стоял в спальне и был поменьше того, что в гостиной, и принялась искать на экране то, что сейчас будет ей по душе.

Остаток дня так и прошел в спокойствие и безделье. И только поздно вечером, ближе к ночи их спальня наполнилась стонами, криками и скрипом кровати.

Утро следующего дня было серым и дождливым. В такую погоду Александр и Елизавета не спешили подниматься и вставать с кровати, но организм брал свое и в туалет хочется независимо от погоды. Поэтому вставать все же пришлось, а после это ложиться, да когда еще выспался, не имеет большого смысла. Около десяти часов утра они сели завтракать – Александр приготовил омлет, сделал кофе и бутерброды с хлебом, маслом и солью.

– Цветы будем покупать? – прожевав, спросила Елизавета.

– Думаешь стоит?

– Ну а почему нет? Мы, кстати, как – на машине или метро?

– Давай на метро. С юга на север тащиться на машине.

Плюс, я думала вина с собой еще принести. Ты будешь?

– Не откажусь. А у них нет ничего?

– Катюха сказала: если хотите – покупайте. Они там теперь, похоже, оба трезвенники и язвенники.

– Да ладно тебе.

– Да я ничего и не говорю.

– Так что с цветами? – сделав глоток кофе спросила Ели-

завета.

– Будет около Озерков – зайдем. Не отсюда же тащить.

– Согласна. Это верно.

Они продолжили завтракать, порой обмениваясь фразами.

Из дома они вышли в половину первого дня. До метро им идти минут пятнадцать, ехать на электричке под землей еще полчаса и там дорога до дома, плюс возможный магазин. Вышли они налегке, взяв с собой лишь две книги, чтобы читать в метро.

– Хорошо, что хоть дождь прекратился, – сказала Елизавета, когда они вышли из дома.

– Но в любой момент может пойти, – ответил Александр, смотря на небо.

– Будем надеяться, что не пойдет, – беря мужа под руку, улыбалась Елизавета.

Они шли не торопясь до метро, разговаривали о разном. Александр надел брюки и рубашку темно-синего цвета, а Елизавета поехала на обед к сестре мужа в светлом приталенном платье.

Дойдя до метрополитена, они дождались состава на платформе, сели на привычное место в углу пятого вагона, достали книги и принялись читать. Так, время в метро летит так же быстро как состав по туннелю.

Выйдя из метро, они не без труда отыскивали цветочный магазин. С еще большим трудом было раздобыто хорошее ви-

но. И так, Александр с бутылкой в руках, а Елизавета с букетом, они направились к нужному дому.

Они стояли на пороге квартиры и часы Александра показывали без трех минут четырнадцати, когда он потянулся левой рукой к звонку и сделал три коротких звонка, углубляя кнопку средним пальцем.

Через несколько секунд знакомый сестринский голос спросил из-за двери:

– Кто там?

– Свои, – ответил нарочито низким голос Александр.

Александр и Елизавета переглянулись друг с другом, глазами он будто спрашивал: «Что?», а замок в этот момент отворнулся и дверь раскрылась внутрь.

– Привет, – встретила Екатерина гостей с улыбкой, в золото-черном платье.

– Привет, Катюша, – зашла первой Елизавета и вручила Екатерине цветы.

Они обнялись, а сзади уже зашел Александр и закрыл за собой дверь.

– Привет, Кать, – он приобнял и поцеловал сестру в щеку, а она поцеловала его.

Из комнаты вышел Антуан.

– Bonjour, – поприветствовал он гостей.

Елизавета ответила приветствием и стала рассматривать избранника Екатерины, а Александр махнул издали рукой, снимая туфли.

Помыв руки, закончив последние приготовления, они все смогли собраться у стола. Он стоял посреди комнаты. Благодаря планировке квартиры, кровать была как бы за углом, но одновременно в комнате. Благодаря этому она не сильно бросалась в глаза.

– Сейчас я приму очень эротичную позу, – сказал Александр и, зажав бутылку вина между ног, стал вытаскивать пробку. Вышло у него это легко и изящно.

Он налил вино в свой бокал и в бокал жены. Екатерина и Антуан отказались.

–

Ну, рассказывай, Катюха, по какому поводу обед? – Александр сложил руки в замок, согнул их в локтях, которые опирались на стол, и положил на них голову.

Видно было, что Антуану пока что не очень уютно в этой семейной и давно сложившейся атмосфере. Плюс, языковой барьер играл свою роль.

Екатерина взяла на себя роль переводчика в беседе. Она дублировала вопросы и ответы или же пересказывала краткую суть. Вот и сейчас она перевела Антуану вопрос, заданный братом.

– Ну так что, сестра? Сестра, о елы-палы, – напел он слова песни Бориса Гребенщикова.

– Не торопи меня, Саш! – она на секунду закрыла глаза руками.

Александр оглядел кухню, ранее смог посмотреть всю

квартиру и отметил, что уюта здесь добавилось.

«Не знаю: связано это с Катюхой или нет, но уютненько вышло у них здесь. Укомплектовали неплохо, гармонично смотрится».

Екатерина и Александр посмотрели в глаза друг другу, а затем Екатерина обвела взглядом Елизавету и Антуана.

– В общем, – она сделала паузу, – я беременна.

На удивление Екатерины, брат был спокоен и не сделал ни одного движения после ее новости – как сидел так и сидит. Вообще, было такое ощущение, что вся квартира на несколько секунд замерла, как и все кто в ней находится. Первой из оцепенения вышла Елизавета. Он буквально подскочила к Екатерине:

– Поздравляю тебя, Катюша! – искренне говорила она, обнимая жену брата сзади и целуя ее в щеку. Екатерина заулыбалась.

Антуан тоже улыбнулся, видя такую картину. Все стали ждать реакции Александра. Он спокойно встал, подошел к сестре, хоть и сидели они рядом. Положил руки ей на плечи, а затем поцеловал в макушку.

– Поздравляю тебя, – сказал он ей, нагнувшись к ее уху.

– Спасибо, – она сказала чуть не плача.

Затем Александр подошел к Антуану, поздравил и его, услышав в ответ: «Merci beaucoup».

Вернувшись на свое место он сказал обращаясь к сестре:

– Вот почему ты не пьешь, – он с улыбкой наклонил голо-

ву, а затем выпрямился и поднял бокал. Его примеру последовали все остальные, – поздравляю вас, – он посмотрел на Елизавету, – мы вас поздравляем, Катя, – он посмотрел на сестру, – Антуан, – он перевел взгляд на француза, – надеюсь, что все сложится в вашей жизни прекрасно, —после этих слов, два бокала с вином и два бокала с яблочным соком потянулись навстречу друг с другом.

Общение за столом пошло полным ходом. Все были искренне веселы, дружны. Но полным ходом уходила и еда со стола. И всегда наступает такой момент, когда еда заканчивается, а общение за столом переходит на такую стадию, когда, как многим кажется, поднимаются серьезные темы. И такие темы зачастую и поднимаются.

– Отгадаете загадку, – Александр бросил секундный взгляд на стену, наливая остатки вина в бокал. У Елизаветы вино еще было, – какие часы показываются правильное время лишь два раза в сутки? – затем он повторил свою загадку на французском языке специально для Антуана.

На несколько секунд все задумались, потом было предложено два неверных варианта, а затем Екатерина сказала:

– Стоячие? – посмотрела на брата.

– Верно, – отстраняя бокал от губ сказал Александр, – у вас, – он указал рукой на стену, где висели часы, – часы стоят.

– Точно! Вот что мы забыли сделать, – и она сказала Антуану на французском: «Батарейку то в часах мы так и не поменяли».

Когда Елизавета с Екатериной ушли на кухню, делать чай, резать торт и пообщаться наедине о своем, Александр начал общение с Антуаном.

– Антуан, а вот мне интересно... как в вашей стране такие блюда как лягушки, улитки, сыр с плесенью, и прочее стало деликатесом? Так сказать «фишкой» вашей французской кухни.

– Ну так сложилось исторически, – ответил он, делая глоток сока.

– Ну, наверняка, не от хорошей жизни?

– Почему же? Искали новые вкусы, создавали новые блюда. Вот так и вышло все это, – с улыбкой закончил француз.

– А мне кажется не так все было, – Александр говорил не зло, но был поглощен темой, – мне вот кажется, да и не только мне одному, что все эти блюда появились по одной банальной причине – людям нечего было жрать. Ты же хорошо знаешь о своей стране, мне Катя рассказывала. Были же у вас там упадки, войны, моменты жизни, когда населению нечего было есть. вот тогда они и посмотрели в сторону тех, кто был под ногами.

– Не согласен с тобой, Александр.

– Ну у нас разные с тобой взгляды. Я считаю так. А потом все это было кем-то подано как деликатес, хорошо прорекла-мировано. У кого-то заплесневел сыр и он подумал: «Хм... а может это новый виток кулинарного и гастрономического искусства». Знаешь, и животный, не к столу будет сказано,

пOMET можно подать так, что он станет деликатесом.

– В этом согласен. Но все же тут другая ситуация.

– Да и сам посуди, – он услышал слова оппонента, но не стал отвечать, а продолжил дальше, – многие блюда известные в Европе как шедевры, исторически были взяты из русской кухни с небольшой переделкой. Ведь можно подать Рататуй как обычное нашинкованное рагу, а можно сделать красиво, тонкими ломтиками под вкусным соусом. Да и цена сразу вырастет.

– Вот касательно русской кухни и ее связи с европейской ничего сказать не могу. Касательно Рататуя, то да, так оно и есть. Но в этом и суть ресторанного бизнеса – подать то, что вы едите дома, ну не считая некоторых дорогих блюд, которые действительно экзотические, только подать красивее, добавить немного чего-то другого и сразу сделать цены выше.

– В точку, – они оба сделали по глотку, – вообще, – продолжил Александр, поставив бокал на стол, – я думаю, что многие блюда появлялись случайно. По ошибки, из-за невнимательности и прочего. Вот взять даже наш Киевский торт. Пробовал?

– Нет.

– Если любишь бEзе – попробуй. Так вот, – Александр остановил рассуждение, – снова связь русской и французской кухни. Надо же.

Они оба посмеялись.

– Так вот, – продолжил Александр, – Киевский торт. Безе это его главная фишка. Но исторически как он появился. Как часто бывает это вышло случайно. На кондитерской фабрике привезли партию яичного белка. Ну для производства бисквитов, – Александр чуть подался вперед, а Антуан сложил руки на столе и смотрел на собеседника внимательно и слушал. На рубашке Александр вместо одной, было расстегнуто уже две верхние пуговицы, – а в холодильник положить его забыли! И что наутро видят начальник цеха по производству бисквитов – он застыл. Белок, а не начальник. А он сразу становится довольно жестким. Ну не прямо таки жестким, но точно не бисквитом, – он улыбнулся, – а что делать!? Ну он, при помощи молодой помощницы кондитера, переложил кремом коржи, добавил всякой мелочи, типа сахарной пудры и того подобного. Вот так тот торт и появился. Потом его, скажем так, модифицировали, орехи там добавили, еще что-то, безе стало главным ингредиентом, потому что дешевле было. И так торт дорогой, а тут еще если все делать... в общем получился Киевский торт таким как мы знаем его сегодня благодаря случайности, забывчивости ответственных лиц, – Александр допил остатки вина.

– Да, человеческий фактор никто не отменял.

Вернулись женщины с чаем, тортом, тарелками.

– Что ты тут кричал? – спросила с улыбкой Елизавета.

– Да рассказывал как благодаря раздолбайству появился Киевский торт. А что, громко?

– Нормально, – она поцеловала мужа в щеку и села рядом.

– Я пойду на балкон, покурю, – сказал Антуан Екатерине, – пойдешь? – уже обратился он к Александру.

– Курить нет, а за компанию – да, – он встал из-за стола с пустым бокалом из под вина, – нужно еще что отнести в раковину?

– На обратном пути чайник захватишь, Саш, – попросила Екатерина.

– Без проблем.

Александр отнес бокал на кухню, а оттуда вернулся в комнату уже чайником.

– Вам налить?

– Давай, – Елизавета и Екатерина подставили кружки.

Налив до краев, он поставил чайник на стол и пошел на балкон, где Антуан как раз зажигал сигарету.

– Как всегда – патриотичные сигареты, – оба поняли, что наступило время политике в разговоре.

– Ну да, куда без этого, – Антуан улыбнулся и сделал затяжку.

– Когда-то и у нас так было, – с чувством ностальгии в голосе сказал Александр, – хотя, как поговаривал один известный британец, по фамилии Уайлд, «Патриотизм – это религия бешеных». Та же религия, только подкрепленная идеей того, что толпа людей должна умирать за одного человека. И я с ним, с Уайлдом, согласен. Он вообще много чего говорил правильного.

– А сейчас у вас хуже разве? – Антуан вернулся к началу фразы Александра, – открыты наконец миру, свободнее.

– И беднее, – с горькой улыбкой произнес Александр, – вот мы тогда тоже думали: «Девяностые года, как классно, будем ближе к Европе, Америке», . . . , – он сказал грубо, – это все. Мы оказались в таком кризисе. В такой заднице. Знаешь, порой ощущение, а может так и есть в действительности, что Гитлер нанес нашей стране меньший вред, нежели перестройка. Я серьезно. По человеческим жертвам и экономике уж точно. Сам посуди на простом примере. Кировский завод. Есть у нас такое великое место в Ленинграде. Так он войну пережил, делая в осажденном городе танки, а перестройку, сука, нет! То есть, он как бы есть, но его нет. И куча глупых решений, который, как мне кажется, нашей стране еще аукнутся.

– Например? – кладя в пепельницу окурок, спросил Антуан.

– Да хоть тот же Крымский полуостров. Знаешь, когда Кравчук, украинец спросил у нашего: «Будете забирать?». А тот ему сказал: «Оставьте себе», мол, зачем он нам. Так хотели развалить государство, что ни хрена ничего не продумали нормально. Все быстрее, быстрее. Вот мы и получили. . . Нет, всегда есть плюсы, всегда есть минусы во всех ситуациях. Просто где-то их больше, а где-то меньше, – Александр посмотрел в окно, за которым вышло солнце, – ну что пойдём?

– Пойдем.

Они вернулись с балкона в комнату.

– Наболтались? – весело спросила Елизавета.

– Конечно. А вы?

– И мы, – сказала Екатерина.

Женщины позаботились о мужчинах, поэтому, когда они вернулись с балкона и сели за стол перед каждым стояла чашка чая и блюдо с тортом.

– Спасибо, – сказал Александр.

Домой Александр и Елизавета вернулись только около девятнадцати часов. Они вместе попили чай дома перед телевизором, а потом поставили фильм, который и смотрели до начала одиннадцати. Пока видеокассета перематывалась обратно, они почистили зубы и приготовились ко сну. Елизавета уже лежала в кровати, когда Александр вытащил кассету, поставил ее на место, выключил всю аппаратуру в комнате. И, почти в препрыжку, пошел в спальню. Нырнул под одеяло и прижался к телу жены, начав ее щупать руками так, что Елизавета начала безудержно смеяться, вяло пытаясь отстранить от себя мужа. А потом уже обнимала мужа и пускала его в себя. Так для них и закончился день, который был полон новостей и искренней радостью.

Александр проснулся рано после какого-то непонятного сна. Он лежал на кровати и смотрел на потолок. И в этот момент, сам непонимая от чего, он вспомнил рассказ одной из родственниц – сестры отца. Ведь еще одна нить истории связывает его с Санкт-Петербургом ныне и Ленинградом ра-

нее. Его тетя старше его отца на несколько лет. Но во время Блокады города Ленинграда они оба были еще детьми. И сейчас он окунулся в воспоминания, повторяя в голове все диалоги, прокручивая все действия.

Они собрались всей семьей: родители, Екатерина, Александр, сестра отца, и родители матери. Александр тогда как раз учился в институте на четвертом курсе. И к этому времени много задумался над темой войны, Блокады. Его отец тогда был ещё маленьким, а вот сестра была старше, хоть и тоже ребенком. Поводом для встречи всей семьи был юбилей отца.

– А вот я как-то привык к Москве. Как переехал сюда работать... так и остался, – говорил отец.

– Но родился то ты в Ленинграде! – говорила его сестра, сделав глоток вина.

– Тоня, ну вот так сложилось, – его сестру звали Антониной, – ты осталась жить в Ленинграде, я в Москве с семьей, – он выпил чуть водки. Он не любил пить рюмки «залпом».

– Да... у каждого своя жизнь, – она улыбнулась, – вот и ты родился восьмого сентября. А этот же день, через несколько лет стал началом Блокады города.

Александр сразу прислушался, потому что почувствовал, что сейчас может услышать истории из жизни.

– Сначала же из Гатчины эвакуировали, а там потом немцы. Отец ушел на войну. Так и пропал без вести, – она махнула рукой, – мы еще ходили пенсию узнавать, помнишь?

– Ну, ну, ну, – ответил отец.

– Мама осталась с тремя детьми в сорок лет. Ну молодая еще. А что делать? Кушать то нужно. Ну вот она и пошла на Первый Молочный устраиваться. А таких желающих, сам понимаешь... – она выпила вина.

– Конечно. Таких желающих, я представляю, много было.

– Ну вот. Стоит она в очереди, мы тогда с ней были, а очередь огромная. И знаешь, ходит женщина по рядам и смотрит документы, справки. Останавливается у мамы, смотрит документы, а потом на весь зал кричит... там какое-то имя, а затем: «Больше никого не принимай – я нашла нужного человека». Не знаю что там у мамы была за справка. Ну вот так она и устроилась. И во время Блокады работала. А, главное, дом то наш через канал прямо напротив. Она на работе, а мы дома, и когда бомбежка шла, как она сама говорила, подходила к окну и смотрела. Дом стоит – стоит. И хорошо. Еды то особо не было, ели черт знает что. А маленькому то нужно было хорошо питаться, грудничку. Считай, в декабре отец ушел, в январе родился третий ребенок, а в сентябре началась Блокада. Сам понимаешь... так что мы с тобой выжили, а он нет. Ну, конечно, малыш и в такой обстановке, – она это говорила без сожаления в голосе. Все всё понимают. За столом было молчание.

– Ну этого я, честно, не особо помню. Про Петмол. Да и мама не рассказывала.

– Для нее, сам понимаешь, это было тяжело. Сейчас ее с

нами нет уже...но воспитала двоих детей, ты с высшим образованием, я...

– Ты то наша ударница! – с улыбкой сказал отец, – с такой работой, все время на ногах. Героический человек, – он говорил это откровенно.

– Да ну тебя, – она отмахнулась по-доброму и сделала глоток вина, – а, ну еще нас на комбинат водили, детей, чьи родители там работали, сгущенку кушали.

– А это помню, – отец с грустной улыбкой вставил.

– Ну с собой, конечно, не давали и говорили много не есть, потому что...ну не ели нормально, а от большого количества...я до сих пор вспоминаю эту сгущенку и как тогда съела много, что мне и сегодня плохо, – она сказала последнюю фразу со смехом.

– Ну как детям это объяснить. Тем более, нормально не жравшим в таких условиях.

– Да, – она протянула «а». А затем продолжила с горькой интонацией воспоминаний, – да что только не ели... даже столярный клей и ремни из свиной кожи... жмых, ну а картофельным очисткам мы рады были! Само собой обрабатывали все это, но..., – она не продолжила, а через несколько секунд пошла дальше, – но касательно санитарии все было еще очень даже не плохо. После первой зимы, где с декабря и до апреля(!) держались минус тридцать-минус тридцать пять, ну конечно, к весне выше температура была, но не настолько, весь город вышел убирать то, что зимой скрывал снег.

И все убрали. Много разных болезней развилось, но некоторые, однако, наоборот стали редкостью. Тиф! Брюшного тифа выросли заболевания! Туберкулез и другие болезни, которые при истощении организма протекали очень трудно, — она продолжала.

Александр слушал и этот рассказ так сильно запал ему в душу. Он хотел бросить бокал, который стоял перед ним, в стену от злости. Но он был не так воспитан и сдерживал себя, сжимая пальцы под столом в кулак.

— Я тут, кстати, смотрела фотографии Блокады. Откуда они это взяли...ну говорят, там работали репортеры, газетчики...

— Ну да, конечно. А как иначе, — ставил отец.

— Понимаешь, даже я от таких фотографий заплакала. Это ужасно.

— Вот и живи, чтобы все это и внукам рассказывать, — он с улыбкой, которая больше была для того, чтобы разрядить атмосферу, посмотрел на Александра и Екатерину.

Застолье продолжалось, говорили о разном, смеялись. А Александр будто оказался в мыслях в том Блокадном Ленинграде. Будто он сам был на набережной Обводного канала.

Когда они потом с отцом возвращались вечером по улице, после того как проводили гостей, Александр сказал:

— Как-то круто с Петмоллом.

— Согласен, — воодушевлено сказал отец.

— Что же там за справка такая была?

– Если бы я знал. Может это, так сказать, семейная легенда. Не знаю.

– Может быть, может быть. Но сомневаюсь. На правду похоже. Тетя Тоня молодец, конечно. Такая работа, такая судьба..., – здесь он имел ввиду и личную жизнь, – знаешь, во время того ее рассказа, я буквально сам оказался там.

– Надеюсь, что ты никогда там не окажешься, сынок.

Отец обнял сына, на секунду прижал к себе и отпустил. Но за эту секунду они оба поняли и ощутили намного больше, чем если бы использовали тысячи слов.

Александр лежал на спине и грусть была в его глазах. Он всегда для себя говорил и сейчас об этом думал.

«Не один даже самый близкий друг не сможет заменить отца, а не одна девушка – мать (он посмотрел на жену, которая мерно сопела рядом). Никогда. Чувств сильнее, чем к родителям не испытать никогда и не к кому. Для меня это так и так будет всегда».

Екатерина и Антуан проснулись практически одновременно – с разницей в несколько секунд. Дела были у всех – работа у Екатерины и работа у Антуана. Он уже смог себя зарекомендовать за месяц выступлений и продемонстрировать в полной мере свои таланты. У Екатерины же продолжалась все та же работа только в новой обстановке. Она поддерживала отношения со всеми в коллективе, но близкие пока что не поддерживала ни с кем.

Сегодня утром у Антуана запланирована репетиция, а

Екатерине нужно к обычному времени на работу. Поэтому они быстро позавтракали, помылись, и вместе вышли из дома, только разошлись в разные стороны – Екатерина к метро, а Антуан к машине. Было им не по пути и подвозить Екатерину до работы не было никакого смысла.

За все время Антуан уже освоился и неплохо ориентировался в городе. Он нашел несколько дней для того, чтобы слетать во Францию, а вернуться в Петербург уже на машине. Тяжело ему дался тогда тот перегон, но зато он смог забрать с собой все свои вещи. Он даже привез подарок Александру, но забыл отдать после вчерашнего обеда. Только его машина на улицах города смотрелась необычно. Французских машин было в городе особо немного, тем более такого класса, как автомобиль Антуана.

С коллегами Антуан общался немного, да и языковой барьер давал о себе знать. Общими словами они перекидывались, ведь каждый из нас на самом деле знает все языки мира, только почти все – в ограниченном, даже очень ограниченном виде. Из каких бы стран люди не были они все равно со временем притираются друг к другу и могут пониматься друг друга даже не зная в точности языка. Да и самим коллегам было интересно, потому что француз, другая культура, обычаи. Многие же из них так и не были зарубежном. Поэтому дискомфорта Антуан не испытывал точно, но и не находился «как рыба в воде». Ему просто было удобно и комфортно работать и общаться с теми людьми, которые были

вокруг него. Да и сам Антуан был довольно общительным человек и, что самое главное, не смущался, если его не поймут сразу, не разберут того, что он сказал. Ведь бывает такое чувство стеснения у людей, да и довольно часто, когда ты в чужой стране, говоришь по разговорнику и когда нужно что-то объяснять, то теряешься от стеснения, волнуешься, даже боишься чего-то, скорее всего это боязнь опозориться, опростоволоситься. Все это те предрассудки, которых у Антуана нет. Да и сами ситуации все же немного различные. Незнакомый человек на улице и люди, с которыми ты будешь работать – это разное. Показать смешным в коллективе не так и плохо, всяко лучше, чем зарекомендовать себя высокомерным с претензией на что-то, когда толком ничего из себя не представляешь. Так что и к добрым шуткам, и к непониманию чего-то между собой и коллективом он относился с юмором и коллеги отвечали в этом ему. Атмосфера царила хорошая, хоть Антуан и ожидал сначала чего-то напряженного, разговоров, мол, какой-то иностранец едет, кто это, зачем он нужен. Но этого всего не произошло, чему он очень рад. По крайней мере не произошло видимых конфликтов, а в душу ко всем людям он залезть не мог. Да и не хотел.

Екатерина же все больше и больше задумывалась о свадьбе. В ее мозгу крутились разные мысли, идеи, предположения. Она помнила свадьбу брата, на которой ей очень понравилось и хотела бы провести свои минимум не хуже. До Нового Года она хочет уже официально быть с Антуаном.

Как раз на этой недели они хотят подать заявление и выбрать удобную для них дату. Антуан сам позитивно настроен на свадьбу и, внешне, не испытывает ничего против. Так же она решила встретиться с братом и Елизаветой для того, чтобы обсудить как они организовывали свою свадьбу.

«Конечно, совместная жизнь с женщиной, чего прежде у меня не было, забирает свою часть свободного времени. Люди в совместной жизни сразу становятся зависимы друг от друга. И для хорошего и радостного сосуществования это необходимо. Где-то один чуть уступает, где-то другой. Для меня появление мужчины в доме, которого я так искренне люблю, это, конечно, больше плюс, нежели минус. Я получила ту опору, которая была мне необходима. Да, брат для меня тоже опора, на которую я могу положиться в любой ситуации...но он не всегда же рядом, нельзя же быть постоянно с ним. Антуан же постоянно со мной, мы рядом, и у меня сразу возникает чувство постоянной защиты. Будто я под каким-то куполом, который отбивает от меня опасности, проблемы... Да, конечно, это скорее самовнушение, но от этого возникает уверенность. Да, порой я не могу побыть сама с собой, но это мелочи. Готовить приходится больше и разнообразнее, нежели для себя любимой (она улыбнулась себе). Возникает чувство, будто вся сила чувств никогда не иссякнет, будь то через пять, десять или же двадцать лет. Наверное, это самообман. Вечной любви в мире не существует. Это все выдумки писателей и киношников. Но...но всегда

хочется чтобы именно у тебя это было так, как говорят актеры и как пишут писатели. Пускай только у тебя и у твоего избранника и не у кого другого. Вот такой вот эгоизм. Тоже самое, если сидишь и пишешь контрольную на уроке... да, зла не желаешь никому, но хочешь быть той единственной, кто напишет идеально, без ошибок, без помарок. Это не от злобы, не от ненависти... наверное, это где-то внутри. Заложено в нашем мозгу, а может чувство какого-то лидерства. Я не знаю. Пускай это называет как угодно, но в человеке это определено заложено».

Дома у них было все уютнее и уютнее. Екатерина своим «женским» взглядом понимала что нужно, чего не хватает, а что нужно убрать из этой квартиры. Антуан же открестился в этом плане и дал волю Екатерине самой принимать все решения. Вопрос покупки той или иной вещи был только в одном – в средствах. Август ознаменовался не самой приятной экономической ситуацией для страны, когда ресурсы для удержания валюты на плаву закончились. Начался кризис, который угрожал еще начиная с конца предыдущего года, после ухудшения экономической ситуации. Вопрос был в том, как сохранить деньги, а не как их потратить. Поэтому для Екатерины август ознаменовался и беготней по банкам. Плюс был в том, что у Антуана была другая, стабильная валюта, которая была их резервом. Но пока была возможность сохранить рубли – они ее использовали. Для них, как и для Александра и Елизаветы, дефолт не обернулся совсем

страшным последствием, но удар, хоть и несильный, нанес.

Но жизнь продолжается, а Екатерину греют мысли о ребенке. Ее ребенку, самом дорогом и приятном, до появления которого остается менее семи месяцев.

Погода в середине сентября выдала два очень теплых дня, когда температура была выше двадцати градусов. К сожалению эти дни выпали на понедельник и вторник, что мешало Александру и Елизавете гулять по городу и в парках. С первого сентября Елизавета встретила новый учебный, новых учеников, и новые реалии преподавательской жизни, которые не всегда ее радовали. Александра же судьба все же забросила в парк при двадцатитрех градусной температуре тепла. Он шел по центральной алее Приморского Парка Победы в сторону стадиона имени Кирова. После встречи, которая проводила недалеко от сюда, он решил прогуляться по парку, «вспомнить молодость», благо на работу сегодня было уже не нужно, а жена до вечера в школе.

«Давно я здесь уже не был. Последний раз были с Лизой года три назад, если не больше. Тоже погода тогда была отличная».

Стадион на несколько десятков тысяч зрителей был все ближе. Александр шел, разглядывая деревья, растения, даже белок, которые бегали здесь от дерева к дереву. В такие прогулки разные мысли лезут в голову. Вот и сейчас он задумался.

«Значит, свадьба у них будет в декабре... ну что же, непло-

хое время года. Значит Катюха будет уже на (он стал загибать пальцы) июня, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь... семь месяцев. Катька, Катька... была когда-то маленькой девчонкой, а сейчас уже скоро станет мамой. Тьфу, тьфу, тьфу. Но вот в ее выборе я так и не разобрался. Вроде и ничего мужик, подарок хороший привез (он улыбнулся, когда вспомнил как Антуан подарил ему пластинку французского издания альбома группы АукцЫон «Как я стал предателем»), звучит, кстати, она очень очень неплохо, воспитание, манеры, характер. Но что-то (он даже цокнул языком) не так в нем. Еще с мамой его скоро знакомиться. В конце месяца приезжает. Посмотрим, что она из себя представляет... Может, что и о нем расскажет, что поможет мне понять. Но это порок в лице точно. Только какой... А, потом все. Сейчас я просто гуляю».

Но мысли не отпускали его, даже когда он этого хотел. Они все были об одном и том же, он задавался одними и теми же вопросами, которые задает себе уже четверть месяц, но на которые не получает ответа. Он даже сам начал уставать от слов, которые звучали в его голове. Одна часть его говорит: «Отстань от парня», но вторая говорит: «Разберись, в нем что-то есть не то». Но все эти мысли не мешали ему ни в работе, ни в семье. Они отвлекали его только тогда, когда он отдыхал или же был один.

Александр дошел до конечной точки своей прогулки по парку – стадиона имени Кирова. Отсюда он хотел, после

недолгого любования стадионом, развернуться и пойти в обратном направлении и поехать домой.

Перед памятником градоначальника, руководителя Ленинградского обкома ВКП(б) двадцатых-тридцатых годов, стояла компания молодых людей с бутылками воды, пива, и других алкогольных напитков, некоторые из них курили сигареты. Александр чуть напрягся внутри. Проходя мимо них к стадиону, он услышал отрывок из их разговора:

– Да, бля, не знаю, Лёха, – тот, кто говорил глупо усмехнулся и сделал глоток из бутылки.

– Кстати, а чё за мужик, памятник которому стоит? – сказал другой голосом нетрезвого человека, чуть пошатываясь, показывая пальцем на памятник, а в руке держал бутылку водки. Он чуть сощурил глаза и прочитал, если это можно было назвать чтением, – Сэ, Мэ, Ки-rrr-ов. Киров! – выкрикнул он, будто нашел доказательство, ранее не доказанной теоремы.

– А хуй его знает, – громко ответил третий, харкнул на асфальт, – хуже вот когда не стоит!, – он приобнял свою подругу, которая, по-видимому, была подругой для всех по очереди и вся компания дружно и громко, что называется, заржала.

«Киров Сергей Миронович (со злобой подумал Александр), настоящая фамилия Костриков. Убит первого декабря тридцать четвертого года.... А потом такие мудаки жениться на блядах из своих же гоп-компаний и плодятся. Двух

слов не могут связать, не взяв между ними ноту «ля» – как пел Майк Науменко и группа «Зоопарк». Уроды».

Он встал перед стадионом, за его спиной все также раздавалось ржание, мат, и плевки на асфальт. Огромная конструкция действительно завораживала и, смотря на стадион, он даже на мгновение забыл о присутствии сменяющего его поколения. В этом месте была своя романтика и энергетика. Он сразу вспомнил как ходил сюда на матчи Ленинградского «Зенита», как трибуны заполнялись до самого верха и не было свободного места. Александр знал, что люди за спиной обратили на него внимание, что они уже обсуждают его между собой. Но ему было на это наплевать, ему было все равно на этих «людей», ему было больно за другое – ему было больно за то, куда скатывается его родная страна и город, который стал для него родным. Культура, экономика, образование, жилье, все это и многое другое падает все ниже и ниже. Все глубже и глубже. За это он очень сильно переживал. Он знал, что есть и много приличных, порядочных людей, но таких, которые за его спиной в городе на Неве становилось все больше.

Александр развернулся, прошел мимо компании, не смотря в их сторону, а устремив взгляд вперед, и быстрым шагом пошел туда, откуда и начал свою прогулку, только с уже испорченным настроением.

У Екатерины беременность проходила спокойно и хорошо. Не было никаких проблем, не было токсикоза. Един-

ственное, что ее тревожило порой, это поднятие на поверхность по эскалатору из метро. Когда она из-под земли плавно поднималась наверх, сама не понимая почему так, тогда ей становилось плохо, вплоть до рвотных позывов. Но позывы всегда оставались позывами. А выйдя на улицу, у нее сразу все проходило. Конечно, для нее были непривычные ощущения, что внутри нее уже кто-то развивается. Она стала аккуратнее ходить, спускаться и подниматься по лестнице, беречься от падений, даже спотыканий. Инстинктивно она стала класть руку на живот, будто защищая того, кто там внутри.

«От всего, тем более от судьбы, конечно, не убережешься, но можно минимизировать же все риски».

Весь город сразу казался ей опасностью. Каждая его часть – здания, машины, деревья, фонтаны, входные двери, поезда. Все, что было вокруг. У нее не было это манией, она не шарахалась от всего вокруг, просто была более осторожна. Стала даже спокойнее, чем была ранее. На кого-то беременность влияет так, что женщина становится более раздражительной, а у Екатерины было все наоборот, она будто нашла умиротворение. Можно сказать, что она пришла к сути всей своей жизни – дать новую жизнь, оставить после себя человека. И счастье было в ней, она была рада от того, что скоро появиться ее ребенок.

«Как же больно Лизе от того, что она не может родить (Екатерина сидела вечером дома в ожидании мужа после вы-

ступлений. Книга лежала на ее коленях, а свет из торшера озарял комнату). Я же видела по ее глазам ту радость, что я беременна, и ту боль, от того, что это невозможно у нее, когда я им с Сашей все сказала. Пока мужики говорили о всякой своей ерунде, типа спорта и политики, Елизавета говорила со мной откровенно».

Она будто перебросилась в прошлое, к тому застолью, на которое она пригласила брата с его супругой, чтобы вместе с Антуаном сообщить им новость о своей беременности.

– Счастливая ты, Катька, – говорила Елизавета с улыбкой, когда они были на кухне вдвоем, – ребеночек будет у тебя, – добавила она с искренней радостью и одновременно горечью.

– Что-то не так, Лиза? – почувствовав неладное, спросила Екатерина, мысленно уже зная что именно, скорее всего, не так.

– Да все хорошо, – но скрывать огорчения Елизавета уже не могла.

– Лиза, – Екатерина оставила все дела и подошла близко к Елизавете, которая стояла у окна и не поворачивала голову в сторону сестры мужа, – я понимаю все, милая, – она думала как лучше сказать, чтобы ненароком еще больше не огорчить Елизавету, – ты же все понимаешь...

– Понимаю, – она не плакала, а просто была грустна, – но знаешь, как мне хочется родить ребенка...

– Знаю. Это знаю, Лиза.

– ...а не могу. Почему, Катя, люди, которые не хотят детей искренне или вообще их не хотят, а получают они у них после глупого траха, рожают и два, и три, а я не могу?

Екатерина не могла подобрать слов.

«Судьба ее наказал сильно».

– Спасибо, что Саша со мной хоть..., – сказала Елизавета тихо.

– Саша тебя очень сильно любит, Лиза. И мы тебя любим, – Екатерина подошла и обняла ее. Елизавета ответила, скрестив руки за спиной сестры мужа, – все у тебя еще будет, я уверена, – она сказала это таким искренним голосом, что любой бы померил в это.

– Спасибо тебе, Кать.

– За правду не говорят спасибо, – она вернулась к столу, – давай все доделаем и пойдем обратно в комнату.

– Давай, – уже с энтузиазмом сказала Елизавета и подошла к Екатерине, – чем помочь?

– Бери это, – она указала пальцем на торт, – а я возьму заварку и тарелки, – она заняла обе руки, – пойдем.

– Пойдем!

Они вернулись в комнату.

Когда же мужчины вышли на балкон, то они вновь смогли перекинуться несколькими словами.

– Вы же хотели взять ребенка из детского дома? – начала Екатерина, отпив чуть чая, не поднимая чашки.

– Да, но мы еще в раздумьях. Знаешь, все же это лотерея,

как не крути.

– Это да. Согласна.

– Но и хочется, понимаешь. Само собой, что будем брать малыша, но вот неизвестно, какая у него наследственность.

– Ну тут не угадаешь. Документы есть конечно...

– Ну про отца не особо зачастую есть, – перебила Елизавета.

– Зачастую, да. Все потому что многие и не знают кто именно отец, сдавая ребенка в детский дом. Залетели, а потом, – она выругалась, – и все.

– Вот и я про то же. Ребенок же не виноват от того, кем и в каких условиях он был зачат и рожден. Кстати, а ты то когда успела? – с хитрой улыбкой спросила Елизавета, сделав после этого глоток чая.

– Я то? – глупо с улыбкой спросила Екатерина, водя пальцами по чашке которая была у нее в руках.

– Ты то, – с улыбкой же ответила ей Елизавета и поставила свою чашку обратно.

– Похоже, что в поезде, когда ехали обратно в Москву..., – она смущаясь ответила.

Через секундную паузу обе разом посмеялись.

– Ну ты даешь, Катька, – она сделала глоток.

– Нет, ну а что такого? – риторически спросила она, накладывая по кусочку торта каждому.

– Да совсем ничего, – усмехаясь сказала Елизавета и налила всем чай.

– Одна бы я этого, – она указала на свой живот, – не сделала бы, поэтому оба мы виноваты, – она улыбнулась, – если честно, – продолжила она серьезно, – я тогда растерялась... он был так... экспрессивен. Я только позже, когда уже отдышалась, понял, что он был без... без предохранения.

– И как отреагировала?

– А как тут реагировать..., – она чуть улыбнулась уголками губ, – я же не знала точно что у него, – она показала глазами в сторону балкона, – на уме. И страшно было, и одновременно приятно. Мне он сразу сильно понравился. И я, как мне кажется, ему. В любом случае тогда... я была счастлива.

– А это главное в нашей и так трудной жизни.

Когда мужчины вернулись с балкона, они обе сидели и улыбались.

Ребенка Александр и Елизавета так пока и не взяли, по крайней мере, Екатерине об этом не сообщалось. И о том с какой именно экспрессией Антуан овладел Екатериной она никому не говорила.

Осень в Петербурге проходила то солнечно, то пасмурно, то тепло, то холодно, то дождливо, то, уже ближе к зиме, снежно. Конечно, это был еще мокрый снег, который коснувшись асфальта сразу таял, но все больше и больше было знаков того, что зима надвигается на город.

Мама Антуана приехала позже, чем планировала. Вместо конца сентября, она приехала в середине ноября. И в субботний вечер она, а так же Антуан с Екатериной и Александр

с Елизаветой собрались в уютной, защищенной от всех природных напастей, которые были на улице, квартире на севере города. Свет в гостиной ярко горел, будто согревая всех присутствующих. Фоном был включен телевизор.

Мари сидела рядом с сыном по правую руку от Антуана. По левую от него руку сидела Екатерина, дальше Елизавета, затем Александр, который замыкал этот прямоугольный круг. Мари, после того, как все сели за стол, не забыла заметить, что она сидит между двух красивых мужчин. Все было довольно расслаблены, кто-то в большей, кто-то в меньшей степени. Помимо Антуана, который был чем-то напряжен или взволнован. Делал какие-то ненужные и необоснованные резкие движения, чуть дергался будто боялся чего-то.

– Ой, – сказала громко Мари, когда все принялись за еду после первого звона бокалов. Она и Александр с Елизаветой пили сухое красное вино, а Екатерина с Антуаном – лимонад.

«Запивать еду сладким...».

С чувством брезгливости подумал Александр, соприкасаясь своим бокалом с остальными бокалами здесь присутствующих.

– Что такое? – спросила Екатерина чуть обеспокоено.

Сегодня Елизавета была чуть отстранена от всех, так как не говорила на французском языке и особо его не понимала. Но Александр кратко все ей сообщал о том, о чем вокруг нее говорят, да и сам не злоупотреблял не родным для него

языком.

– Я же тебе подарок привезла! – обратилась Мари к Антуану, положив свою ладонь поверх его руки, – сейчас, сейчас, – она встала из-за стола и, виляя бедрами, которые были обтянуты довольно узкой юбкой, что даже Александр незаметно бросил взгляд в ее сторону, пошла в коридор, где оставила сумку.

«Ничего такой попец. Да и вообще тело хорошее» – Александр сделал глоток из бокала.

Пока возникла пауза, Екатерина и Елизавета обменялись несколькими фразами шепотом. Мари вернулась в комнату с несколькими тонкими книжечками в мягкой, лакированной обложке.

– Держи, – она стояла перед сыном с протянутыми руками, в которых и держала книжечки, – комиксы твои привезла. Новые выпуски, эпизоды.

– Ну, мам, – смущаясь, сказал Антуан и забрал подарок из рук матери.

– А поцеловать!?! – она потянулась щекой к сыну, когда села рядом.

Женщины наблюдали за этой сценой с улыбкой, Александр с неким раздражением, но больше с безразличием. В данный момент ему было жаль Антуана, которого его же мать поставила в немного неудобное положение. Антуан кротко поцеловал Мари, а потом резко так содрогнулся, что чуть не подпрыгнул. Выражение его лица было таким, будто

произошло что-то страшное или же он увидел что-то ужасное. Он облизнул верхнюю губу чуть заметным движением языка.

– Все хорошо? – спросила Екатерина.

– Да, Катрин, все хорошо, – беря себя в руки ответил Антуан с улыбкой, которую у него не очень хорошо получилось изобразить.

Александр обратил внимание, что правая рука Мари на столе, однако левая где-то под столом.

– Можно посмотреть? – спросил Александр, протягивая руку к книжечкам, которые лежали на краю стола стопкой.

– Конечно, дорогой, – Мари сама подала ему их, потянувшись за ними «через» сына.

– Спасибо.

Александр принялся листать страницы, смотреть иллюстрации, что-то мельком читать. Собственно, тут и были сплошные иллюстрации и минимум текста.

– Да-а... у нас в детских сказках текста была больше... как и смысла. А вот картинок меньше. Только там для детей, а тут взрослые..., – сказал он по-русски, поймав на себе удивленный и недобрый взгляд жены и, особенно, сестры.

– Что-что? – спросила Мари, которая конечно же не понимала русского языка.

– Я говорю, – начал отвечать он по-французски, – забавно смотрится. Я то сам их никогда не видел прежде, – он вернул книжечки в руки Мари, которая положила их рядом на

комод, – спасибо, – обратился он к ней, а затем продолжил, – только слышал о комиксах, а как они выглядят, что из себя представляют – не знал. Спасибо что показали, – улыбаться он не собирался.

– Не за что, дорогой, – с улыбкой ответила Александру Мари.

Застолье продолжалось. Мари рассказывала Александру, который переводил Елизавете, о своей жизни, об Антуане. Практически все то, что она ранее говорила и Екатерине. Даже Антуан со временем чуть расслабился и стал выглядеть бодрее. Одна тема разговора быстро сменяла другую, переходила на третью и возвращалась вновь к первой.

Атмосфера сложилась очень даже хорошая и к концу ужина Александр даже начала чуть симпатизировать Антуану и Мари. Он узнал от его матери много всего интересного из его жизни, о его отношений к людям, к истории. Но это была все же тревожная симпатия. Как симпатия к хищному животному – красивый, где-то милый, заставляющий себя уважать, но неизвестно что он выдаст в следующую секунд, поэтому невозможно расслабиться, находясь рядом с ним, ни на мгновение.

– Ну что, будем постепенно собираться? – спросил Александр, обращаясь ко всем, когда посмотрел на часы.

– Да, наверное, уже пора, – сказала Елизавета, – Катюша тоже отдохнет, – она потрепала сестру мужа по плечу и обе заулыбались.

– Да я, собственно, еще не особо устала, – фраза была больше для приличия.

– Да нет. Спасибо, Кать, мы будем собираться, – Александр встал из-за стола и, проходя в коридор, поцеловал сестру в щеку.

Следом за мужем встала и Елизавета, а потом и все остальные.

– А вы не уходите пока? – спросила Елизавета, надевая сапоги. Александр в этот момент был в туалете перед дорогой домой, поэтому Екатерина перевела вопрос.

– Да, давайте пойду с вами, – спохватилась Мари и тоже стала одеваться.

«Снова весь вечер облизывал свою губу. Кстати, за ужином когда мы были вчетвером он не разу этого не сделал. С чего он снова начал? Что было сегодня из того, чего не было тогда?».

Думал Александр, стоя перед унитазом.

Выйдя из туалета, Александр узнал, что до метро они пойдут вдвоем и очень этому удивился, когда плюс ко всему узнал, что Елизавета сама предложила Мари пойти с ними.

Когда они выходили на лестницу и уже попрощались с Екатериной и Антуаном, а сами отошли подальше пока простились с хозяевами Мари, Александр тихо спросил у жены:

– И нафига? – оба поняли про что он.

– Да ладно, пусть и Катька отдохнет, – также тихо ответила она.

Пока они втроем шли до метро, то общались немного. Иногда когда Елизавета просила спросить о чем-то, то Александр переводил Мари вопрос, а потом переводил жене ответ. Мари продолжила рассказывать из своей жизни, порой в чем-то повторяясь.

– Вы в какой гостинице остановились? – спросил Александр, когда они спускались на эскалаторе под землю.

– Европейская, – отвечая, она положила руку на его плечо.

– То есть вы до Невского проспекта? – Александр сделал вид, что не обратил внимание на положенную на плечо руку.

– Да. Именно туда.

– Понятно.

Когда они уже сели в вагон, то Александр достал книгу и стал читать, Елизавета стояла рядом и смотрела в свое отражение в зеркале и на людей вокруг, Мари села на свободное место.

На станции «Невский проспект» они попрощались и Мари вышла из вагона на платформу, а состав пошел дальше. Александру стало сразу легче, будто гора свалилась с его плеч. Вроде бы напрягаться было не от чего, но все равно он вздохнул спокойнее после того, как Мари вышла.

– Ну что скажешь о Мари? – спросил Александр у Елизаветы, когда они вышли на улицу из метро и она взяла его под руку.

– Женщина как женщина. Красивая, это да. Особенно для своего возраста. Общение полностью анализировать я не мо-

гу, но по тому, что ты мне рассказывал, довольно интересная женщина. Ну вот она и Антуан...слишком она к нему привязана, у меня такое ощущение. Все же уже взрослый мужик, а не мальчик десяти лет.

– Вот! Я хотел сказать тоже самое. Слишком уж она его холит и лелеет.

– Согласна. А чего он там тогда подскочил не знаешь?

– Нет. Не знаю, что он так резко дернулся тогда, – сказал он ничего не скрывая, – да вначале он весь был какой-то дерганый. Помнишь, когда мы были вчетвером, то он был бодр, весел, расслаблен, а сегодня скованный, будто забитый.

– Ну может у них что-то произошло? – с интонацией движения мысли спросила Елизавета.

– Сомневаюсь. Снова губу свою лизал весь вечер.

– Да что ты прицепился к этой губе? Себя вспомни, пальцы как ковырял – до крови. Руки все страшные были. Потом же отошел от этого.

– Ну я их ковырял постоянно, а не в определенные моменты.

– В смысле?

– В том смысле, что по приезду и сейчас он это делает, а за нашим ужином у Катьки тогда он не сделал этого ни разу! Чем это можно объяснить?

– Не знаю.

– Вот и я не знаю. Думаю, – порыв ветра в лицо заставил их замолчать на некоторое время.

– Что думаешь? – спросила Елизавета после порыва.

– Думаю, что за этим его жестом что-то кроется. То есть, что-то происходит такое, что заставляет его так делать. Он, кстати, даже, не курил ни разу сегодня.

– Катя сказала, что он сейчас вообще редко курит из-за ее беременности, – сообщила она Александру.

– Похвально. Но что-то в нем вызывает желание облизнуть губы. Узнать бы что именно...

– Слушай, Мегрэ, давай уже заканчивай, – смеясь сказала она, – вина напился, теперь строишь планы и заговоры. Все вокруг что-то скрывают у тебя.

– Да я почти ничего не выпил! Сама та сколько выпила? – с улыбкой ответил Александр и прижал жену крепко к себе.

– Как ты, Катрин? Устала? – спросил Антуан, отмывая посуду.

– Есть немного, – Екатерина сидела за столом и пила чай, – все тяжелее и тяжелее, – она с улыбкой погладила живот.

– Ну теперь отдыхать будешь.

– Чем завтра займемся? – спросила она, когда стих звук воды из-под крана.

– Да я думал с мамой по городу погулять, показать ей его. Пойдешь?

– Я, наверное, дома посижу. Работа эта, сегодня активный вечер... посмотрим, в общем, завтра, может и поеду.

– Не напрягай только себя, дорогая, – он сел рядом с ней,

вытирая полотенцем руки.

– Да я то и не напрягаюсь, – она улыбнулась и они потянулись друг к другу, чтобы поцеловаться.

– Мама в понедельник уезжает? – продолжила Екатерина, отпив чай.

– Да, утром. Как раз провожу, потом репетировать.

– Понятно, понятно.

– Спать пойдем? – спросил Антуан.

– А ты ничего не будет больше? – спросила Екатерина, указывая глазами на кружку.

– Да нет. Хватит на сегодня.

– Ну ты иди. Я допью и приду, – с улыбкой сказала она.

Антуан пошел чистить зубы, а Екатерина осталась за столом одна, смотрела в окно, за которым была темнота, и допивала чай.

На следующий день Екатерина не поехала гулять с Антуаном и Мари по городу, а предпочла остаться дома в тепле и спокойствии. Она занялась мелкими домашними делами, готовкой, и про отдых тоже не забыла.

«Кайф так вот побыть одной дома (она легла на кровать и растянулась), отдохнуть от всех. Сама себе хозяйка. Немного уже осталось таких дней (она бросила взгляд на живот). Но это приятные хлопоты. Мой ребенок будет, буду за ним ухаживать, убирать, мыть. Мужчинам все же этого не понять... для них это другое. А вот какой бы брезгливой не была мать, но за ребенком ухаживая она всю это брезгливость задвинет

куда подальше. Конечно, и с мужской, и с женской стороны есть исключения, но большинство все же именно таких. Ребенок притупляет все чувства, включая чувство самосохранения. Если ему будет грозить опасность родительница делает все, чтобы его уберечь, даже ценой собственного здоровья. А пока отдыхаем (она разложила руки на кровати вдоль тела ладонями вниз и закрыла глаза)».

Сейчас спокойствие было в ней, ничего ее не тревожило, никто не мешал ей наслаждаться тишиной, одиночеством.

«Такие моменты нужны любому человеку в жизни. Муж должен иногда отдыхать от жены, а жена от мужа. Иначе они оба в скором времени, это понятие растяжимо на годы, устанут друг от друга так сильно, что дня не будет проходит спокойно из-за конфликтов. Даже по самым пустяковым вопросам и проблемам. Люди должны отдыхать друг от друга. Будь то коллектив на работе или семья дома. Если бы этого отдыха не было, то отношения между людьми испортились бы до невероятной степени. Устаешь от любого человека, даже от родного. Что говорить о чужих людях, с которыми человек просто вынужден находиться вместе, рядом».

Антуан вернулся домой поздним вечером. Когда он зашел, то увидел из коридора, что свет в комнате горит, хоть и тускло и услышал как работает телевизор. Когда он снял обувь и зашел в комнату, то увидел работающий телевизор и включенный у кровати, где, лежа на спине, сопела Екатерина, торшер. Антуан уменьшил громкость на телевизоре,

но, как и торшер, не стал его выключать, чтобы Екатерина не проснулась. Он тихо снял с себя вещи, а затем в трусах и тапках пошел в ванную и закрыл за собой дверь.

Когда он вышел из ванной, обвязанный полотенцем, и зашел в комнату, Екатерина сидела на кровати и сонно на него смотрела. Свет все еще горел, но телевизор был уже выключен.

– Как погуляли? – зевая, спросила она.

– Да нормально, – как-то напряженно ответил Антуан, после облизнув языком верхнюю губу.

– Понятно, – она встал с кровати, – все ей показал?

– Не все, но многое, – он снова облизнулся.

– Молодец, – она подошла к нему и они поцеловались, – духи у твоей мамы ядреные! – смеясь, сказала она, будто разом взбодрившись, – ладно, пойду чистить зубы и спать, – она его чмокнула и ушла в ванную комнату.

Антуан же словно застыл, сумев лишь взглянуть слюну. Лишь через несколько секунд его отпустило.

– Ты со мной? – спросила Екатерина, забираясь под одеяло.

– Да я пойду, еще посижу. Чай попью, – ответил он, вставая со стула у кровати.

– Хорошо. Не задерживайся только, – сказала она, устраиваясь поудобнее.

– Не буду. Доброй ночи тебе.

– Спокойной ночи, – она погасила торшер, а Антуан по-

дошел к ней, поцеловал и вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь.

Под звук закипающего на кухне чайника Екатерина «провалилась» в глубокий сон.

Антуан же просидел на кухне не меньше часа, смотря в одну точку на обоях, прежде чем выпил залпом уже давно остывший чай. Заведя будильник, он пошел спать.

Этой ночью Антуан спал беспокойно, правильнее будет сказать, что он вовсе не спал. Его лоб то покрывался испариной, а все тело потом, от того, что ему было жарко, но стоило ему откинуть в сторону одеяло, под которым он лежал, то разом все его тело замерзло, что заставляло его вновь укрываться. Пальцы рук он не мог согреть, даже засовывая их между ног под одеялом. Они постоянно оставались ледяными, будь то тепло или холод. Он ворочался, менял положение своего тела, рук, но никак не мог уснуть. Ночь для него тянулась слишком долго и слишком трудно было ждать конца это нескончаемой, как ему казалось, ночи.

Но все подходит к концу раньше или позже. Вот и эта тяжелая ночь для Антуана закончилась, перейдя в утро, что, правда, не добавило света на улице за окном. Звонка будильника он так и не дождался. Встав в пять утра, вместо запланированных шести, он переставил время будильника на то, в какое обычно встает Екатерина. Сходив в туалет, умывшись, он, не завтракая, тихо оделся, собрал нужные ему вещи и ушел как можно тише, чтобы не разбудить Екатерину. Даже

замок он закрывал медленно и плавно, чтобы было тише.

Он ехала на своем Peugeot по дорогам утреннего города к гостинице, встречая на своем пути редкие автомобили. В центре города различного транспорта стало чуть больше. Управлял автомобилем он спокойно, без лишних эмоций, которых дорога не требовала в данное время.

Припарковался он недалеко от Европейской гостиницы без двадцати минут шесть. Заглушив мотор, он продолжил сидеть в тихой машине, которая ограждала его от всего остального мира вокруг. Руки он держал на руле, как и положено на два и десять часов, и смотрел в одну точку перед собой. Он так сильно сжимал обод руля, что его пальцы и руки стали дрожать от прилагаемого усилия. И вдруг он резко закричал, несколько раз ударил ладонями по колесу руля, а затем опустил голову на руль и закрыл глаза, начав чуть всхлипывать. Когда он открыл и поднял глаза, то слезы потекли по его щекам. Он дрожал всем телом, его мышцы часто сокращались, он напрягал их при каждого вздохе и расслаблял при каждом выдохе. Он громко дышал, глубоко вдыхая воздух ноздрями и выдыхая ртом. Он так сильно вжал ноги в пол, что казалось, будто сейчас он пробьет днище автомобиля и упрет их в асфальт. Стук раздавался у него в висках, все вены на руках, жилы на лице стали проступать наружу. Он весь покраснел, а спина стала покрываться холодным потом. Затем он начал постанывать. Все смешалось в одно – слезы, стоны, дрожь, нервы, напряжение. И с каждой

секундой он чувствовал все острее и острее. Потом он стал ерзать по сиденью, дергаться, и повторял эти движения, увеличивая частоту. Он сейчас походил на сумасшедшего, на ненормального, от которого неизвестно чего можно ждать, который улыбается безумной улыбкой и смотрит в никуда. И моментально он прекратил эти движения, мигом застыл. Он закрыл медленно глаза, приоткрыл рот от того наслаждения, которое сейчас испытал, почувствовав как тепло, и даже горячо, и влажно стало ему в трусах. Он откинулся всем телом в сиденье и расслабился, легко вздохнул, почувствовав облегчение, после возбуждения.

Чуть отдышавшись, он привел себя в порядок как мог, смотря в свое отражение в зеркале заднего вида, и вышел из машины. Закрыв ее, он направился к гостинице.

На стойке регистрации он по-французски объяснил кто он, куда ему и зачем. Поднявшись на нужный этаж и постучав в нужную дверь, он стоял перед дверью в ожидании того, что ее ему откроют. И дверь открылась.

– Доброе утро, – без эмоций сказал он.

– Доброе утро, дорогой. Мы же договари..., – Антуан не дал договорить, втолкнув ее в глубь номера и зайдя сам, закрыв за собой дверь.

Екатерина проснулась от будильника. Она продолжила лежать в том же положении, что и секунды ранее, когда она спала, ожидая того, что Антуан сейчас его выключит. Но будильник продолжал трещать, а никаких телодвижений рядом

с собой она не чувствовала и не ощущала. Тогда она открыла глаза и, между частым морганием глазами, увидела, что Антуана рядом с ней нет. Она потянулась к противоположному краю кровати, взяла в руки будильник и отключила его. Спросонья она совсем «потеряла» ориентировку вокруг и продолжила находится в полулежащем положении поперек кровати с будильником в правой руке. Все поняла она через несколько секунд, когда глаза перестали слипаться и она посмотрела на время. Стрелки часов показывали начало восьмого.

– Проспала я Антуана, – заспанным голосом сказала она вслух свои мысли, а затем «сладко» зевнула, потянувшись, – нужно собираться на работу.

Она начала сползать с кровати, смеясь и хохоча над собственной неловкостью. Впереди был душ, завтрак и сборы на работу. Начало новой рабочей недели, начало нового-старого круга будних дней.

«Все по новой. Снова».

С такими мыслями она прикрыла за собой дверь в ванную комнату.

Выйдя из ванной в халате, она пошла на кухню готовить завтрак. Посмотрев в окно, она увидела, что машины нет и с теплыми мыслями подумала об Антуане.

«Поехал провожать маму. Заботливый сын (она улыбалась сама себе). Мне с ним очень повезло и скоро мы будем семьей (она вспомнила о свадьбе). Это прекрасно. Оста-

лось всего ничего и смогу наконец спокойно спать на животе (улыбка не сходила с ее губ. Она проснулась в замечательном настроении). Время, конечно, ...летит. Вроде совсем недавно мы встретились в Париже, были вместе в поезде... а сейчас уже вот. Треть осталось от всего срока. (она уже не улыбалась, а была просто спокойна). Вот так проходит вся жизнь... бег, спешка, работа. Но и радости есть, конечно же, без которых все вокруг было бы серым и унылым. В детстве вот хорошо! Ни политики, ни проблем, ни заботы о деньгах, благосостоянии и прочем! Конечно, детство тоже разное бывает...»

– Но это детство, – она продолжила монолог уже вслух, – голова не забита той ерундой, которая считается нужной для жизни, для существования вообще. Ну у разных детей в разных странах и детство разное. Да бывает, что в одной стране оно может быть у одного ребенок диаметрально противоположным нежели у другого. И наша будущая жизнь зиждется на том, что было заложено нам в детстве и в юности. Да и у отличных родителей бывают дети гопота, и наоборот, у ужасных родителей вырастают очень приличные и хорошие дети, которые хотят вырваться из того в чем они росли и стремятся к этому, – затем она резко перешла к другой мысли, – не все в этом мире можно купить и продать. Есть и то, что не продается, – закончила она со злостью и одновременно отречением в голосе.

Екатерина продолжила готовить завтрак, но мысли все у

нее уже спутались, однако настроение было таким же хорошим.

– Спасибо что подвез, – сказала Мари, выходя из машины у аэропорта с сумкой в руках.

– Пожалуйста, – ответил Антуан, не поворачивая голову к матери, – хорошего пути.

– Спасибо, – сейчас они были как два антипода, улыбающаяся и радостная Мари и хмурый, злой Антуан, – я тогда беру билеты в декабре к вашей свадьбе?

– Бери, если хочешь. Я тебе все рассказал по датам.

– Хорошо. А что ты на меня не сморишь, дорогой? И молчишь все?

– На самолет опоздаешь. Да и мне еще репетировать сегодня. Поеду сейчас.

– Хорошо, любимый. Скоро вновь встретимся. Пока, – она изобразила губами поцелуй.

– Пока, – он потянулся, чтобы закрыть дверь машины.

Как только он закрыл дверь, машина резко рванулась с места даже с небольшим визгом колес. Он уезжал не смотря в зеркала заднего вида. А когда бросил взгляд, то увидел, что мать продолжает смотреть ему вслед, держа сумку в руках. Он резко и одновременно аккуратно отъехал с дороги, припарковал машину и, выйдя из нее и закрыв, побежал к Мари.

Как только он оказался рядом, он выхватил сумку из ее рук, поставил ее на землю и крепко обнял мать, даже чуть приподняв ее над землей.

– Я люблю тебя! – сквозь слезы говорил он ей на ухо и часто целовал в ухо, шею, волосы, – люблю.

– И я тебя, – она тоже обняла его и прижималась всем телом как можно ближе.

Они стояли так, не замечая людей, машин вокруг. Антуан дрожал всем телом, не мог удержать руки на одном месте, перемещая их по спине Мари, часто целовал ее.

– Поедем, дорогой, пойдем! – стала она его успокаивать и чуть отстранять от себя.

– Не могу, не могу тебя отпустить, – говорил он часто дыша, не прерывая поцелуи.

– Все. Хватит. Идем, – она отстранила его с силой.

Взяв с земли сумку, она пошла в здание аэропорта. Антуан через несколько секунд пошел следом за ней, нагоняя мать с каждым шагом.

– Оставайся со мной? – говорил он пока они шли среди внутри.

– Не могу. Ты сам понимаешь. Через месяц будем вновь вместе, – она резко остановилась и погладила его по щеке.

– Я не могу без тебя. Я люблю тебя!

– Я буду ждать только тебя и ты жди меня, – она опустила глаза вниз, на его пояс, – скажешь чего ты хочешь и что тебе привести. В чем ты хочешь меня видеть, в чем хочешь, чтобы я была.

– Хорошо.

– А теперь мне пора.

Антуан буквально бросился к Мари и их губы соприкоснулись в долгом и глубоком поцелуе.

– Пока.

– Пока, – нежно сказал Антуан и выпустил руку Мари из своих рук.

Она ушла, не оборачиваясь. Антуан же проводил ее взглядом до того момента как она скрылась из виду.

Антуан вернулся к машине, сел внутрь, но не стал заводить машину. Сквозь слезы, которые наворачивались на глаза, он произнес тихо, будто стесняясь.

– Какой же я урод, – он положил руки на руль и лег на них, – урод, урод, урод! – все громче говорил он, точнее издавал звуки, прикусив зубами руку.

Трясущейся рукой он достал сигареты и спички. Несколько раз ему потребовалось чиркнуть спичкой по коробку, чтобы искра наконец появилась. Закурив, он бросил спичку в пепельницу и откинулся в кресле. Держа сигарету зубами, он стал расстегивать брюки. Сначала расстегнул пуговицу, затем ширинку. Почувствовав свободу, он развел ноги шире, опустился в кресле ниже. Одной рукой он оттянул трусы, а второй достал свой возбужденный член. Он смотрел на него, ласкал рукой. Стряхнув пепел в пепельницу он вернул сигарету в зубы и продолжил трогать себя, начав чуть заметные движения рукой вверх-вниз. Зубами он все сильнее сжимал сигарету, а губы все шире отрывал. Начались стоны сквозь зубы. Он достал одной рукой новую сигарету, прикурил ее

от старой. Окурком предыдущей сигареты он прижег головку, ощутив боль и наслаждение одновременно. Он сдерживал крик, сведя зубы так сильно, что фильтр у сигареты переломился. Он не отводил руку с окурком, а продолжал издеваться над собой. Когда же окурок затух окончательно, он бросил его в пепельницу, вытащил из зубов сигарету, на которой был уже длинный слой пепла на краю. Он поднес сигарету к члену и стал стряхивать пепел на него по периметру. Когда Антуан стряхнул весь пепел, он сделал очень долгую затяжку. А затем снова коснулся сигаретой головки и уже издал что-то среднее между стоном и криком, одновременно выпуская дым от затяжки изо рта. Одной рукой он делал ритмичные движения, другой держал сигарету на плоти. Новая затяжка и новое прижигание. Ритмичные движения рукой становились все быстрее и быстрее. Когда от сигареты ничего не осталось, он буквально кинул ее остатки в пепельницу. Свободной рукой он вывалил из пачки, которая лежала на пассажирском сиденье, остатки сигарет, а пустую пачку поднес к члену и сам подался вперед, чуть согнувшись. Движения руки стали замедляться, а пачка из под сигарет начала заполняться. Когда все закончилось, он достал из бардочка упаковку салфеток. Вытерев себя и засунув салфетку в пачку, он натянул штаны и застегнул их. Открыв дверь, он вышел из машины в поисках мусорки, которая оказалась в нескольких шагах от него. Выкинув пачку в мусорку, он вернулся к машине. Остановившись, Антуан положил руку на

крышу и глубоко вдохнул уличный воздух. Сев за руль, он завел мотор, заиграло радио. Он собрал несколько сигарет, которые лежали на пассажирском сиденье и положил их в нагрудный карман рубашки. Под позитивную поп-песню про любовь, машина плавно тронулась. Он готов был сейчас работать на репетиции до изнеможения, но в душе хотел сейчас лишь одного – умереть.

– А ты помнишь нашу свадьбу, Саш? – спросила Елизавета у мужа, когда они сидели вместе в гостиной после ужина.

Родители Александра и Екатерины приехали в Санкт-Петербург вчера и остановились дома у сына с Елизаветой. Сейчас они ушли на вечернюю прогулку, а хозяева квартиры остались дома вдвоем.

– Ты решила перед завтрашней свадьбой моей сестры вспомнить нашу? – усмехнулся он.

– А почему бы и нет, – они вместе сидели полулежа на диване под одним пледом.

– Помню, что ты была без дурацких занавесок на лице и метелки пола за спиной, – с улыбкой ответил жене муж.

– Да мне самой это не нравится. Идешь, блин, пол подметаешь, марлей глаза закрыв, – она сказала это серьезно, – а больше ничего не помнишь? – с шутливой надеждой в голос спросила она.

– Да все я помню. Даже помню как тебя целовал и как гости считать устали! – он потянулся к жене и поцеловал ее в щеку, – у нас с тобой свадьба прошла очень хорошо. обстоя-

новка, ресторан – все было очень хорошо. Твой папа даже стихи тогда читал собственного сочинения.

– Ну стихи были то корявенькие, – заметила Елизавета.

– Это уже другой вопрос. Корявенькие, да, не спорю. Но свои.

– Эт верно, – она чуть повернулась, устроившись поудобнее.

– И по деньгам, кстати, у нас с тобой разумно получилось.

– А что у Катьки с этим? Не спрашивал?

– А нафига? Их свадьба, их средства. Мне туда лезть абсолютно незачем. Если она захочет – потом расскажет нам все сама.

Они чуть помолчали.

– Ты то в чем пойдешь завтра? – спросил Александр.

– Да платье свое надену серое то, красивое. Ну ты помнишь.

– Помню.

– А ты ? – она улыбнулась, посмотрев на него.

– А мне и придумывать ничего не нужно, – он усмехнулся и оба поняли без продолжения о чем говориться.

– Как поедем завтра?

– Да я думаю...туда поедем отсюда с родителями на такси вчетвером. Во Дворец, имею ввиду А обратно из ресторана, – Александр почесал подбородок, – на транспорте уж поедем обратно общественном. Ну уж в крайнем случае оттуда вызовем таксо, – он сделал ударение на «о».

– Логично.

Они продолжали лежать вдвоем и говорить обо всем, что придет в голову до возвращения родителей. Когда же старшее поколение вернулось, замерзшее после прогулки, все село у стола пить чай и общаться о позитивных вещах. Центральной темой оставалась свадьба Екатерины. А около двадцати двух часов все уже собирались ложиться. Елизавета постелила на диване, который Александр разобрал, для своих родителей. А сами они пошли к себе в спальню. Тишина опустилась на квартиру и сон заволок к себе четырех человек.

Наступил тот декабрьский день, по зимнему снежным и холодным, на который была назначена свадьба Антуана и Екатерины. Расписываться они должны были во Дворце Бракосочетания в двенадцать часов. Ресторан с трех часов.

Елизавета и Александр вместе с родителями подъехали на такси ко Дворцу в половину двенадцатого. На улице перед зданием там уже ждала Мари. Она приехала в Санкт-Петербург два дня назад, в тот же день, что и родители Александра и Екатерины.

– Bonjour, – поприветствовал мать Антуана Александр.

– Bonjour, – ответила Мари.

– Мама, папа, мать Антуана – Мари.

Затем он сказал Мари по-французски, что это родители его и Екатерины. Все легко пожали друг другу руки в знак приветствия, обменялись общими фразами.

– Пойдем внутрь? – предложил Александр.

– Да, давайте, – сказала Елизавета и пошла первой, а за ней все остальные. Мама с Мари уже очень оживленно общались.

Замыкал вереницу людей Александр, который пред тем как зайти внутрь, встал перед дверью и огляделся по сторонам, сначала посмотрел налево, затем на право, потом за спиной на набережную и замерзшую Неву. Перед праздником у него было какое-то предчувствие беды. Лишь голос отца вывел его из транса.

– Саш, – первый оклик он не услышал, – Саш! – Александр вернулся к реальности и посмотрел на двери, в которых стоял отец, – все хорошо? – он подошел к сыну.

– Да, пап, все нормально, – ответил Александр, приглаживая волосы.

– Точно? Или что-то все-таки гнетет?

– Все хорошо, пап, – он приобнял отца, – идем, – сказал Александр с улыбкой.

– Пойдем.

Александр открыл дверь перед отцом и пропустил его вперед, а сам зашел следом.

Антуан и Екатерина приехали за семь минут до двенадцати. До них успели приехать почти все приглашенные гости, включая друга Антуана – Жоржа Мийо, который и будет его свидетелем. Свидетельницей у Екатерины будет Елизавета. Все гостей было около двадцати пяти, включая родственни-

ков.

– Как ты? – спросила мама у Екатерины после того как обняла ее.

Екатерина была в свадебном, аккуратном костюме. Примерно также выглядела на своей свадьбе и Елизавета.

– Нервничаю, – она улыбнулась, но было заметно, что за этой, можно сказать, суетливой улыбкой скрывается нервозность.

– Все мы через это проходили, – к ним подошла Елизавета, – привет, Кать, – они чуть обнялись, – все будет хорошо.

– Спасибо, – она смотрела на маму и на Елизавету и казалось, что за улыбкой на ее губах последуют слезы из ее глаз.

В коридоре был гам. Все стояли своими «компаниями». Антуан в это время был в кругу друга и матери. Они втроем о чем-то общались. Александр с отцом стояли отдельно от всех, чуть дальше, в стороне, в углу.

– Как у вас все? Мама как? Ты как? – спросил Александр, барабанил пальцами по стене.

И отец, и сын понимали, что это не тот разговор, который шел за столом.

– Да все, вроде бы, хорошо. Живем потихоньку.

– Со здоровьем все хорошо?

– Ты же знаешь, что у твоей матери сердце такое же как проходимость у танка, – он посмеялся.

Улыбнулся и Александр.

– Про маму то знаю. Ты то как? – он посмотрел отцу в

глаза.

– Наблюдаюсь... Конечно, порой голова болит, будто кто-то хочет вылезти изнутри моей головы, – он горько улыбнулся.

– Изменений нет? – спросил серьезно Александр.

– Как была доброкачественной, так и осталась. Не увеличивается.

– Ясно, – он стала водить правой рукой вверх-вниз по левой от локтя до кисти.

Из зала вышла женщина и громко объявила:

– Екатерина Бурова и Антуан Дюпер.

Все гости сразу загалдели еще больше и пошли внутрь зала, в который их заочно пригласили.

– Пойдем, батя, на свадьбу моей сестры и твоей дочери, – Александр легко ударил отца по плечу и улыбнулся.

– И-дем, – сказал отец и они последними зашли внутрь.

Они протиснулись вперед и смотрели на Антуана, Жоржа, Екатерину, и Елизавету из первого ряда. Елизавета чуть повернула голову назад, будто осматривалась и увидела взгляд Александра, направленный на нее. Они улыбнулись друг другу и она повернула голову обратно, когда зазвучали обычные для таких случаев слова, которые все знаю, но все всегда слушают их заново. Александр не слушал слова, а переводил взгляд с жены на сестру, с сестры на Антуана и Жоржа, которые, как он заметили, был даже чем-то похожи. Какой-то звон стал раздаваться в его ушах, он аккуратно и плавно по-

вернул голову во все стороны, но никто и ни что не могло издавать этот звон сейчас. Через несколько секунд звон прекратился и снова фоном для него пошли слова.

И вот когда все расписались, сказали и сделали все то, что все собравшиеся ждали, женщина объявила:

– Можете поцеловать друг друга.

Антуан и Екатерина сделали шаг навстречу друг другу, он скрестил руки на ее спине, а она положила свои на его плечи. Их губы были все ближе и ближе. И наконец они соприкоснулись в очень нежном поцелуи. Все присутствующие начали хлопать брачующимся. Александр, который стоял рядом с родителями «поздравил» мать, поцеловав ее и обняв, и отца, пожав ему руку и обняв. На глазах у матери были слезы радости за дочь. Александр нашел глазами Мари, которая стояла на другом конце и была будто огорчена или зла на что-то. Никакой улыбки или радости на ее лице не было. Поцелуй между Антуаном и Екатериной закончился. Они еще несколько секунд стояли и смотрели друг на друга. На лице Екатерины появились капельки слез. Александр и Елизавета подошли ближе к друг другу и поцеловались, обнимая друг друга.

Когда объявили ко сколько и куда приезжать гостям, все стали разъезжаться, чтобы затем вновь собраться уже в ресторане.

– Вы сейчас куда? – спросил Александр у сестры, когда они вышли на улицу. Антуан пошел за машиной, которую

оставил в стороне.

– Мы сразу туда поедем. Пока то да се, уже и будет три часа. Ты с нами?

– Да я вот думаю... Родителей прихватите с собой?

– Конечно.

– Наши французские друзья знают куда ехать?

– Да, Антуан им еще накануне все рассказал и показал на карте. Они не заблудятся, – она улыбнулась.

– Хорошо. Мы тогда с Лизой подведем сами.

– Хорошо.

После паузы Александр сказал:

– Поздравляю тебя, – брат с сестрой обнялись, – ты же знаешь, что красиво говорить об этом я не умею. Поэтому, просто поздравляю. Надеюсь, что ты счастлива.

– Спасибо, Саша. Я счастлива, – больше она не могла ничего сказать. Она смогла только еще раз обнять брата, буквально набросившись на него.

В этот момент на улицу вышли родители с Елизаветой и подошли к Александру с Екатериной.

– Ну что, Лиз, поехали? А родители на Антуан поедут.

– А, хорошо.

Как раз подъехал Антуан и вышел из машины. Александр открыл дверь перед родителями, они забрались внутрь на заднее сиденье. Антуан же ухаживал за Екатериной. Когда все пассажиры сели, Антуан и Александр пожали друг другу руки, с улыбкой на лице.

– До встречи.

– До встречи.

Антуан обошел машину спереди, сел за руль и плавно тронулся.

– Пойдем? – Сказал Александр жене и отвел левую руку.

– Пойдем, – с улыбкой сказала она и взяла мужа под руку.

Вдвоем они пошли вдоль замерзшей Невы, радуясь сегодняшнему событию.

Чуть позже пятнадцати часов началось торжество в ресторане. Александр с Елизаветой приехали к четырнадцати часам. Пока они ждали, решили сыграть с родителями в карты, у отца они были с собой, сев в конце зала. Екатерина и Антуан находились все время вместе рядом и беседовали, изредка отвлекаясь на организационные мероприятия. Дураком остался три раза Александр, который утверждал, что ему просто не везет. Была очень хорошая, «домашняя» атмосфера, но азарт игры порой брал свое. Без пятнадцати минут стали собираться гости и игру прекратили, перейдя к общению друг с другом. Все несли подарки жениху и невесте. Родители ушли общаться с родственниками, которые приехали на свадьбу, а Александр, обняв Елизавету, сидел в конце зала. Они только здоровались с теми, кто приходили, обменивались несколькими словами. Приехали и Мари с Жоржем. Постепенно собрались все, кто должен был быть, включая тамаду и музыкантов. И торжество наконец началось.

По слову взяли родители Екатерины, сказав поочередно

"теплые» слова дочери и ее избраннику. Мари сказала на французском, Екатерина перевела для всех. Всем столом буквально заставили что-то сказать и Александра. Он долго сопротивлялся, но потом встал из-за стола, вышел на свободное место перед столом и, активно жестикулируя руками начал говорить:

– Знаете, – Екатерина начала синхронно переводить для Антуана, – моя младшая сестра... не всегда была такой, как сегодня, как последние месяцы... Она не была такой счастливой. Последний раз я помню ее такой еще маленькой девочкой, которая радовалась подарку на праздник, – Александр усмехнулся, Екатерина прекратила переводить из-за эмоций и смотрела только на брата, с влажными глазами, а гости посмеялись его фразе, – почему мы стремимся взрослеть? – Александр перешел на серьезный тон, – для чего? Зачем нам это нужно, если детьми мы искренне радуемся, искренне переживаем все, что происходит? Ведь у взрослых нет такого... мы не плачем, потому что стесняемся, мы не смеемся, потому что боимся выглядеть глупо. Мы всего боимся. Боимся выставить себя посмешищем, опозориться, когда нет ничего позорного, боимся других людей. И боимся сами себе в этом признаться. Откуда, откуда повелось, что настоящий мужик никогда не плачет? – «настоящий мужик никогда не плачет» он сказал намеренно низким голосом, – скажите мне. Или у настоящего мужика нет эмоций? Я не люблю все эти фразы, что мол, я мужик, я тружусь, а ты жена должна за

мной ухаживать. Не люблю! Потому что это не так. Я принимал непосредственное участие в воспитании моей сестры, Кати. Я видел как она росла, – у самого Александра стали наворачиваться слезы, – я видел как из этого маленького сморщенного комочка выросла красивая, умная женщина. Я всегда был готов отдать для нее все, что у меня есть. И всегда желал ей самого лучшего. И сегодня, я вижу свою сестру радостной, счастливой, искренней. Я вижу ее осознанный выбор. Скоро у нее будет за кем ухаживать самой, а я надеюсь стать дядей. Но я никогда не забуду того, как, будучи старшим братом, гулял с ней, держа ее за маленькую ручку, которой она так обхватила мою руку, будто боялась того, что я ее где-то оставлю... забуду... потеряю. И сейчас, Катя, – он обратился уже к сестре, – я разжимаю эту руку и ты разожми свою. Беги впереди меня, а я буду наблюдать за тобой со стороны. Смотреть на твое счастье, на улыбку твоих губ, на твои светлые и открытые глаза. Но уже издалека, – он уже подошел вплотную к сестре, у которой слезы лились из глаз, и наклонился к ее уху, – будь счастлива, Катя, и помни, что чтобы не случилось я всегда рядом с тобой.

Екатерина буквально вскочила с места и бросила на брата, обнимая его.

– Спасибо тебе, Саша, – она говорила это сквозь всхлипы, – спасибо.

Весь стол тронула речь Александра. Родители и Елизавета тоже не скрывали слез, остальные просто смотрели на них,

когда сестра обнимала брата, а брат сестру.

– Я люблю тебя, – сказала она брату.

– А ты только сейчас это поняла? – он посмеялся, посмеялась и Екатерина, и весь стол.

Застолье продолжилось, гул и музыка наполнили зал, а Александр все продолжал смотреть в глаза сестры, которые никогда не были для него так близки. И Екатерина не отводила взгляда от брата, который сейчас был для нее ближе всех.

Уже не час и не два все гости пили, ели, разговаривали и шутили, разбавляя все это конкурсами. Некоторые были уже в меру пьяны, многие общались с соседями по столу, обсуждая насущные темы.

Но разом четыре человека покинули стол. Антуан и Жорж пошли на улицу курить, Мари просто вышла из-за стола, никому не сказав куда идет, а Александр сказал жене, сидящей рядом:

– Скоро вернусь, – он вставал из-за стола.

– Куда ты?

– Хочешь, чтобы испортил тебе аппетит? – сказал он с улыбкой.

– А, понятно. Иди, – она чуть шлепнула его по ноге с улыбкой.

Александр вышел из зала и пошел в туалет. Зайдя внутрь, он встал к писсуару и расстегнул штаны. Из кабинки доносились стоны мужчины и женщины.

«О, неплохо, неплохо».

С улыбкой подумал Александр и даже возбудился. Потом он различил, что мужчин двое. Это тоже его развеселило еще больше, но потом он разом напрягся и лицо его стало суровым, когда он услышал французскую речь. Знакомую французскую речь. Он застегнул штаны, слил за собой и подошел к кабинке из-за которой доносились звуки. Он постучал.

—

Ouvre

!

— крикнул он, что в переводе означает «Открывай!».

Александр услышал, как копошатся за дверью.

—

Ouvre

!

—

он сильнее ударил по двери, и добавил по-русски, — сука.

Он сказал это настолько громко, что в туалет, несмотря на то, что он мужской, вбежали Елизавета и Екатерина. В этот же момент кабинка открылась и там находились Антуан, Мари, Жорж. Александр на секунду застыл, а затем вытащил Антуана за одежду, крича:

—

Иди сюда, урод, ..., — он добавил еще несколько матерных слов.

Крики, французская и русская речь смешались в одно.

Ярость была в глазах Александра, когда он толкнул Антуана с такой силой, что тот повалился на плиточный пол. Александр уже кинулся к нему, когда голос и руки жены, а затем сестры остановили его. Они встали рядом втроем, Антуан лежал на полу, а Жорж и Мари стояли в кабинке. Все затихло, опустилась тишина, нарушаемая лишь частым дыханием Александра и Антуана.

– Убирайтесь, – сказала Екатерина по-французски, посмотрев на двоих в кабинке, – из города и из страны.

Они тихо и быстро вышли из туалета.

– Что здесь произошло? – она спросила у Антуана со злыми глазами.

Антуан опустил глаза в пол.

– Мать он свою тра....

– Молчи! – перебила брата Екатерина, – что здесь произошло? – задала она вновь тот же вопрос.

Молчал и Антуан, смотря в пол. Только одно слово он мог сказать:

– Прости...

Екатерина слишком сильно любила Антуана, чтобы принять безболезненно то, что произошло. Она не могла поверить в то, что увидела своими же глазами.

– Собирайся и едем домой. Саш, Лиза, – она повернулась к брату, – разберитесь с гостями. Я не могу больше здесь находиться.

Екатерина и Антуан вышли, а Александр и Елизавета мед-

ленно пошли обратно в зал, к гостям, не зная что им говорить и что делать.

– Извините за беспокойство, – начала Елизавета, – Екатерина так переживала, что ей стала не очень хорошо и они с мужем поехали домой. Так что, – она развела руками и пыталась улыбаться, хотя это у нее не получалось, – я считаю, что было бы неуважительно оставаться здесь, когда виновнице торжества плохо. Поэтому, извините, но прошу всех покинуть праздник.

– А что с ней? – крикнули из-за стола.

– Это по нашей, женской части. Пожалуйста...

– Уходите все, – перебил ее Александр, говоря мрачно, – моей сестре правда очень плохо. И без лишних вопросов. Извините, что праздник омрачился таким событием.

Александр дал всем понять, что торжество окончено. К ним с Елизаветой подошли родители.

– Ребята, что произошло? – обеспокоено спросила мама.

– Я вам дома все расскажу. Давайте собираться.

Александр подошел к официанту и спросил:

– От вас можно вызвать такси?

– Да, пожалуйста. Пройдемте, – они ушли из зала.

Через минуту Александр вернулся со словами:

– Такси будет через полчаса.

Антуан же и Екатерина ехали вдвоем в сторону дома в этот момент. В машине они не разговаривали и не смотрели друг на друга. Когда они приехали и зашли в квартиру, пер-

вое что сказала Екатерины было:

– Мы с тобой разводимся. Но прежде, расскажи мне как все было.

Они молча, не снимая верхнюю одежду, прошли на кухню и сели за стол.

– Ну? – нетерпеливо спрашивала Екатерина. Ей было очень больно, но злость в ней сейчас была сильнее.

Антуан робко начал.

– Все началось со смерти моего отца. Мне тогда было шестнадцать..., – он будто задыхался, говоря, – моя мать, – он чесался, ерзал по стулу. Антуан очень сильно нервничал, – она всегда было..немного ненормальной. А со смертью отца... Жорж тогда тоже был на его похоронах, так как он мой лучший друг и я его пригласил туда. Как только гроб моего отца закопали, мы втроем поехали домой к нам с мамой... И как только мы зашли в квартиру... мать, даже не снимая траурного наряда, повернулась к нам и сказала, чтобы мы занялись с ней сексом. Я тогда был девственник, Жорж не знаю. Мы тогда взяли ее прямо в коридоре, задрав платье. Тогда все и началось... я не понял что произошло тогда. Я и сейчас этого не понимаю. Но с моей головой тоже все стало не в порядке. С каждым разом она требовала от меня нового. Все становилось только жестче... Тогда я не понимал, куда меня это приведет... и так продолжалось долгие годы. Потом я встретил тебя..., – он поднял глаза на Екатерину, – я влюбился в тебя, Катрин. Я... я не знаю, но в тебе

я увидел ту, кто сможет вывести меня из этого ада, из этой содомии. Но я не мог держаться, когда рядом она. В ту ночь, когда ты ночевала у нас, это были не соседи... это были мы. Мне было стыдно, но вся эта дрянь, похоже, настолько глубоко засела у меня в мозгах, что я не мог уже иначе. Знаешь почему я так быстро решил ехать с тобой в Петербург? Я хотел убежать от нее! Я думал, я надеялся, что это исправит ситуацию. Чтобы мои мозги встанут на место. И это практически вышло. Я был счастлив с тобой, это правда. Я любил и люблю тебя. Когда я собрался уезжать, мать пригрозила мне, чтобы я этого не делал. Я плюнул на это и уехал. И был счастлив с тобой. До ее приезда сюда... Я делал все, что мог, чтобы не допустить повторения того, что было раньше... но это все же произошло. Когда я показывал ей город... я не показывал город ей все это время. Мы были в гостинице, вдвоем. Катя..., я не спал после этого ночи! Не мог... мне было позорно за себя, но все это зашло еще тогда слишком далеко... видно, мне от этого не уйти никогда. Я люблю и ненавижу мать одновременно. Я прижигал свой член сигаретами, хотел, чтобы он никогда больше не вставал... но стоит мне увидеть ее... я схожу с ума.

– Ты болен, Антуан. Тебе необходимо лечение, – она сказала это с чувством заботы о нем.

– Оно мне не поможет, – Антуан откинулся на спинку стула, – все уже решено.

Екатерина встала и подошла к окну. Снег падал на землю

маленькими снежниками. Во дворе играл дети, а кого-то родители везли на санках. Она продолжила, не поворачиваясь к нему:

– Мы не будем вместе, Антуан. Хватит. Я уезжаю жить к брату до родов. Я не буду жить с тобой здесь, – она заплакала.

– Кать, – он подошел к ней и положил руки на ее плечи.

– Убери! – она пожала плечами и Антуан убрал руки.

Екатерина пошла переодеваться, собирать свои вещи первой необходимости. Такси должно было приехать через пятнадцать минут.

– Ключи у меня есть. Постепенно заберу остальное. Не провожай меня, – остановила она его, когда он пытался подойти к ней.

Она вышла из квартиры и пошла вниз, не оборачиваясь. Ей было жаль Антуана, ей было больно от всей этой ситуации. И сейчас она едет туда, где ее примут, где она будет по-настоящему дома.

«Вот все и встало на место. Теперь все понятно».

Только она вышла на улицу и подъехала машина такси. Она села внутрь на заднее сиденье, назвала адрес, и машина тронулась.

Мысли пронеслись в голове Екатерины одна сменяя другую. Она думала о свадьбе, затем о разводе, затем о ребенке, о брате и многом другом.

«Как теперь быть? (она протерла лоб ладонью) Что это вообще за бред то?! Почему со мной такое произошло? Вид-

но, я действительно хреново разбираюсь в мужиках. Два раза и два таких...кадра. Хотя, Антуана мне жаль отчасти...эта, черт, его мамочка сломала парню жизнь. Но и другой вопрос как он сам на это пошел? Я там не была, поэтому всего точно не могу знать. Может он первым пошел к ней, расстегивая на ходу брюки... Нет, я могла ожидать чего-то, но такого...никогда. Ладно, нужно успокоиться, нельзя нервничать...(она погладила живот рукой) С тобой то что делать, малыш? Папаня у тебя еще тот... Ладно, в любом случае рожать. Свадьба с разводом в один день. И смех, и грех (она истерично улыбнулась). Нужно будет подать заявление на развод, чтобы меня с ним уже ничего не связывало. Пускай катиться обратно в Лион и читает там лекции по истории города... Не плохой мужик то по человеческим качествам, если бы не это. Порядочный, умный, интересный, да красивый даже, но вот это...Измену я бы простила еще, но не такую...Такое мой мозг воспринять не может. Одно дело, когда ты потрахался с другой женщиной, ну бывает такое, ударит что-то в голову и встанет что-то в штанах. Но когда это происходит вот так и на протяжении более десяти...Ну это непостижимо! Как? Как такое возможно!?»

Так и путались мысли Екатерины, которые потеряли какую бы то не было системность, пока она ехала до квартиры Александра и Елизаветы.

Прозвенел дверной звонок в квартире Александра и Елизаветы как раз в тот момент, когда сын закончил рассказы-

вать родителям все подробности произошедшего.

– Кто-то там, – в воздух сказал Александр, встал из-за стола и пошел к двери.

Выйдя в коридор и дойдя до двери, отделяющей квартиры от лифтов и лестничной площадки, он увидел сквозь стекло сестру. Александр даже чуть ускорился, чтобы, хоть и на доли секунды, но быстрее открыть дверь перед сестрой.

– Привет, Кать, – как только он увидел сумку в руках сестры, то все понял.

– Привет, – совершенно без эмоций поприветствовала она брата.

Он забрал сумку из ее рук.

– Пойдем, милая, – он закрыл за ней дверь и касался чуть пальцами ее спины, когда они пошли к квартире, где на пороге ждали родители и Елизавета.

Они зашли внутрь и тут все уже дали волю эмоциям. Отец с Александром встали чуть в стороне, а мать и Елизавета сразу бросились к Екатерине и она сама была рада быть в их объятиях. Затем она подошла и обняла отца, а затем встала перед братом с красными глазами.

– Саша, – плаксивым голосом сказала она, – возьми меня снова за руку..., – все поняли, что это была отсылка к поздравлению от Александра в ресторане, – без тебя я все время теряюсь.

– Дурочка ты моя маленькая, – он с улыбкой обнял сестру и прижал к себе.

Она так сильно и близко прижалась к брату, как маленький ребенок прижимается к матери. От него шло внутреннее тепло, которое она чувствовала. Она верила ему больше остальных. Она любила и маму, и папу, но брат был для нее большим. Он заботился о ней всегда. Мама и папа на работе, а брат с ней. Мама и папа заняты, а он делает с ней уроки. Сейчас, прижавшись к брату, перед ее глазами всплыл эпизод из детства, когда она, будучи девочкой семи лет, с двумя косичками, идет рядом с братом из школы, припрыгивая, улыбаясь, бегая вокруг него. И он улыбается ей в ответ. И он держит ее за руку, когда они переходят дорогу. И он рассказывает ее на качелях все сильнее, а она боится и просит медленнее. Эти эпизоды врывались в реальность вспышками. А сейчас уже взрослый брат, взрослая она. И, правда, уже не будет такого, что было в детстве.

Теперь уже Екатерина пересказала им все то, что рассказал ей Антуан. Был поражен каждый из присутствующих, но меньше всех эта история впечатлила Александра. Наверное, это потому, что он видел все своими глазами, а как до этого дошло особой роли для него не играет. Но желание бить Антуана стало меньше. Он понимает, что парня заволокли во все это и что выбраться он не может.

– У пацана просто поехали мозги, – сказал вслух Александр, после рассказа Екатерины.

– Ты имеешь ввиду, что это болезнь? – спросила Елизавета.

– Инцест это не болезнь... – он почесал голову, – это отклонение. Мы же не говорим, что лесбиянки или гомики – больные. Просто они ведут себя противоестественно. Также и здесь. Хотя, стоит отметить, что вещь, как я слышал, тоже довольно таки популярная. Но нам не вытащить парня. Катя, – он посмотрел на сестру, – он глубоко в этом повяз. Из твоего рассказа видно, как его бросает туда-сюда. Он зацепился за тебя как за шанс, – Александр приложил указательный палец к губам, а большой на подбородок, – и практически вышло. Но вождление матери возобладало в нем. Ну или уж она его так крепко держит за яйца, что он ее бояться. Он же не обязательно все должен был тебе рассказать, – заметил Александр.

– В каком смысле? – спросили одновременно мать и сестра.

– В таком, что, возможно, она деспот в их семье. Я, конечно, не психолог, но мне кажется из твоего рассказа, что он ее порядочно боится. И вот он предпринял попытку выбраться от нее с тобой. Но она пришла и сюда. Может она его дома на привязи держит... Я, конечно, утрирую, но суть такая же. По крайней мере, такой эпизод может быть был ранее, сейчас он уже и в другом городе жил от нее, хоть и приезжал часто. Но тогдашний эпизод мог оставить отпечаток на всю жизнь его.

Александр замолчал. Молчали и все остальные.

– Ну что, день был тяжелый, предлагаю пойти спать, – предложила мать.

– Да, давайте, – устало поддержала Екатерина.

Родители также легки на диване в комнате, на кровати в спальне легли Екатерина и Елизавета. Александр же лег на полу в спальне.

– Тебе удобно? – с переживающей интонацией спросила Екатерина, проходя мимо брата.

– Нормально, – отвечал он, взбивая подушку, – ради тебя же, – он улыбнулся.

– Спасибо, – искренне улыбнулась и Екатерина, хоть и усталой улыбкой.

Каждое слово брата согревало ее больше всех одеял и обогревателей.

– Спокойной ночи, – вслед друг за другом сказали женщины Александру.

– Спокойной ночи, девчонки! – сказал он весели и повернулся на бок.

Елизавета и Екатерина чуть посмеялись, а затем сами легли и через несколько минут уже спали, несмотря на все переживания за день. Не спал только Александр.

В квартире Александра и Елизаветы, где уж некоторое время с ними живет Екатерина, шла подготовка к празднованию Нового Года. Екатерина, не без помощи брата, забрала постепенно все свои вещи из квартиры на улице Сикейроса. Антуан все также продолжал играть в Мариинском театре, но с нового календарного года, он возвращается обратно во Францию. Заявление на развод было уже подано и да-

та расторжения брака также была уже определена – двадцать первое января. Несколько дней назад Екатерина уже ушла в декретный отпуск, поэтому последние дни отдыхала дома, готовила ужин к приходу Александра и Елизаветы с работы.

– Чем тебе еще помочь, Лиз? – спрашивала Екатерина, дорезав овощи для оливье.

– Да больше нечего, – с улыбкой ответила Елизавета, – и так помогла много.

– Да брось ты, – они посмеялись и Екатерина ушла в гостиную, где сидел на диване и смотрел телевизор брат.

– Ну как вы там? – спросил Александр, когда сестра села рядом.

– Почти все готово. Осталось заправить и, в принципе, все.

– Отлично. Молодцы.

– Саш, сколько время?

Александр посмотрел на часы. Так как они сидели в темной комнате и свет в нее шел только от экрана телевизора, то Александру пришлось чуть податься вперед, чтобы «поймать» свет от телевизора и увидеть время.

– Без... без десяти минут десять, – ответил он и вновь откинулся на спинку дивана.

– Спасибо.

После небольшой паузы Александр сказал:

– Люблю я Новый Год. Классный праздник. Самый для меня, по-настоящему, праздничный.

– А мне день рождения все же больше нравится, – ответила на реплику брата Екатерина, – но второй праздник для меня – Новый Год.

– Каждому свое, – заметил Александр.

Около двадцати двух часов раздался телефонный звонок.

– Кто это там, – сказал Александр, вставая с дивана.

Он взял телефон и, сев обратно на диван, ответил на звонок.

– Да?

На другом конце он услышал знакомый женский голос, говорящий по-французски.

– Александр?

– Oui, – зло ответил он, перейдя на французский язык, – что нужно?

– Катрин с вами? – невозмутимо продолжала женщина.

– А какое вам до этого дело?

– Передайте, пожалуйста, ей трубку.

Александр отвел трубку от уха и вытянул левую руку с телефоном к сестре.

– Держи. Твоя, все еще, свекровь.

Она как-то боязно, нерешительно взяла трубку из рук брата.

– Алло.

– Катрин? – услышала она голос Мари.

– Да, – робко отвечала Екатерина.

Александр вышел из комнаты в коридор и, незаметно для

сестры, снял телефонную трубку второго аппарат.

– Кто зво... – выглянула из кухни Елизавета, но оборвала свой вопрос, когда увидела мужа в коридоре у телефона, с направленным на нее взглядом и прижатым к губам вытянутым указательным пальцем.

– ...просто так не отдадим, – услышал Александр голос Мари, —вам это понятно?

– Но это мой ребенок, – голос Екатерины для Александра дублировался.

– Без моего сына его бы у вас не было. Не отдадите его хорошему, будем решать все через суд. А тут, уж поверьте, мы вас раздавим, – угрожала она.

– Пошла ты на ...! – закончила диалог Екатерина фразой, которую поймет только русский человек и отключила связь.

Александр тоже положил трубку в коридоре и вернулся к сестре.

– Я все слышал, Кать.

– И что нам делать? Что нам делать, Саш!? Эта..., – она не стеснялась в выражениях, – хочет забрать моего ребенка!

– Нужно подумать...

– О чем тут думать!? – истерила Екатерина.

– Не ори! – огрызнулся Александр, – я понимаю все сложность ситуации... И поэтому нужно все решать с «холодной» головой, – закончил он уже спокойнее.

Елизавета не слышала разговор Мари и Екатерины, поэтому могла понять суть лишь по фразам мужа и его сестры.

Один звонок испортил жизнь и праздничное настроение сразу трем людям. Поэтому когда до нуля часов оставалось лишь несколько минут, звук открывающейся в руках Александра бутылки шампанского не вызвал ни у кого радости. Этот звук словно прошел сквозь них и ушел вдаль, не оставив ничего после себя. Но все же удары часов смогли помочь всем троиц забыть на какое-то время о проблемах и тяжелых моментах жизни. Со второго удара они начали вместе считать стоя, а к последним уже улыбка была на лицах всех троиц. Когда же прозвучал двенадцатый удар, их бокалы, два с шампанским и один с соком, соприкоснулись, издав гулкий звук, и над столом в три голоса раздалось:

– С Новым Годом!

На время все заботы ушли на второй план, уступив место празднику и радости. Они общались за столом друг с другом, смеялись, шутили, вспоминали различные приятные и запоминающиеся моменты из жизни, ситуации. А за этими разговорами и еда, не зря приготовленная Елизаветой и Екатериной, «уходила» быстро, поэтому стол постепенно пустел от того, что пустела посуда.

Когда же время дошло до чая с тортом, тогда Екатерина и Александр, а за компанию с ними и Елизавета, вернулись к теме телефонного разговора.

– Ну что ты думаешь, Саш? – спокойно, даже будто бы безразлично спросила Екатерина, пережевывая кусочек торта.

– У меня есть одна идея, – уверенно сказал брат.

– Какая? – спросила уже Елизавета.

– Ты не знаешь, – обратился Александр к сестре, – отец ее общается с дядей Андроном? – он сделал глоток кофе.

– Еще как общаются. Еще когда я уезжала, по крайней мере, точно общались. Стоп, – сообразила Екатерина, – он же...

– Да, да, да, – с улыбкой заметил брат, – он так и живет в Ленинграде?

– Вроде да.

– Завтра, – он улыбнулся, – то есть уже сегодня... в общем, не важно, – он махнул рукой, – днем позвоню бате и возьму номер дяди Андрона. Позвоним ему, все обсудим.

– А что ты придумал то? – недоумевая, спросила Елизавета.

– Да!?! – поддакивала ей Екатерина.

– А вот все вам расскажи, – он сделал паузу, – не переживайте, – он посмотрел на напряженное лицо сестры, – если все получится – все будет хорошо.

– Хорошо бы, – сказала Екатерина.

– Что ты придумал? – настойчиво спросила Елизавета, когда они с Александром уже легли в кровать.

– Расскажу тогда, когда все обсудю с дядей Андроном.

– А что за дядя Андрон?

– Главврач одной из больниц, – сказал Александр, поворачиваясь на бок.

Александр взял у отца нужный номер, связался и договорился о встрече на третье января, днем в кафе на Невском проспекте. Когда Александр пришел, человек, с которым у него назначена встреча был уже там.

– Добрый день, Андрон Иванович, – сказал Александр, подойдя к столику, и протянул руку.

– Добрый день, Александр, – пожилой мужчина привстал и пожал протянутую руку.

Андрону Ивановичу было семьдесят два года, но выглядел он для своих лет бодро и «моложаво». До прихода Александра, он сидел нога на ногу, с пенсне на носу, и читал газету, а на столе стояла чашка кофе.

– Вы не против, если я и себе возьму? – спросил Александр, указывая глазами на чашку.

– Пожалуйста, – добродушно ответил Андрон Иванович.

Александр подошел к кассе.

– Добрый день, девушка,...

– Здравствуйте.

– ...мне, пожалуйста, кофе и кусочек «Наполеона», небольшой, – он показал пальцами примерный размер.

– Хорошо.

Она отправилась исполнять заказ, А Александр в это время снял дубленку и повесил ее на вешалку у столика. Через минуту на подносе уже стоял кофе, на блюде рядом с чашкой лежал кусочек сахара и маленькая ложка, тарелка с кусочком торта, а рядом лежали десертные нож и вилка.

– Спасибо, – Александр дал без сдачи и с подносом в руках вернулся к столу.

Андрон Иванович уже достал из портфеля какие-то бумаги и тщательно их рассматривал.

– Так, Александр, давайте поговорим о вашей сестре, – он собрал бумаги в стопку и убрал их.

– Давайте, – Александр сделал глоток ароматного кофе и начал, – моя сестра... скажем так, вышла замуж не за того человека. Точнее, там его мамаша больше ненормальная, я бы даже сказал больная. В общем, она забеременела от него и сейчас уже восьмой месяц. А двадцать первого, января, назначен развод. И тут нам, перед самым новым годом, звонит его маман, – он произнес «маман» с французским прононсом, – и говорит, мол, развод разводом, но ребенка отдавайте мне и, если не отдадите, как она сказала, по-хорошему, то все переходит в суд. Поэтому у меня...немного сумасшедшая идея... Она ведь не отвяжется, – он посмотрел в сторону, – у нее уже давно кукушка съехала, – Александр отрезал и съел кусочек торта.

– И в чем именно просьба? – заинтересованно спросил Андрон Иванович. Ему явно нравилось что-то нестандартное, не такое обыденное.

Александр прижал зубами верхнюю губу, а затем сказал.

– Можно оформить по документам что ребенок родился мертвым?

По лицу Андрона Ивановича нельзя было понять ничего.

Оно было сейчас безэмоциональным и непроницаемым.

– Александр, вы понимаете, что это противозаконно?

– Честно, я этого точно не знаю. Но догадываюсь, что все именно так и вряд ли, – он сказал с издевкой, – это законно.

– Я не буду говорить, что то, что вы просите – это невозможно, – он сделал паузу, – но нужно некоторое согласие...

Вы сможете приехать завтра ко мне в больницу с сестрой?

– Да, без проблем.

– Хорошо. В двенадцать я буду ждать вас на проходной.

– Хорошо.

– И еще..., – сейчас оба забыли про кофе и торт, – вариант аборта уже давно отпадает, раз ваша сестра на восьмом месяце. Он делается максимум на третьем, – сказал он словно сам себе, в задумчивости.

– Да моя сестра на это и не пошла бы.

– Судебные тяжбы нести не хотите? Да и малая вероятность того, что победите...

– Да если и победим, то затраты денежные и нервов будут огромными. А ребенок в это время будет расти неясно в какой обстановке.

– Да, это так... И предупрежу вас сразу, – он выпил залпом остатки кофе, а Александр сделала глоток из своей чашки, – ребенок не сможет остаться у вашей сестры.

– То есть? – глупо улыбнулся Александр, хотя сам все это понимал заранее.

– Если ребенок умер при родах, он не может оказаться на

руках у вашей сестры через несколько лет.

– Понимаю.

– Но, – с хитрой улыбкой продолжил Андрон Иванович, – у кого-то еще в этот день может родиться ребенок.

– Понимаю, – уже с улыбкой сказал Александр.

– И отлично, – он стал собираться, – в общем, жду вас завтра в двенадцать.

– Запомнил. Мы приедем. Спасибо вам, – Александр встал.

– По не за что, – Андрон Иванович оделся и протянул руку, – до завтра.

– До завтра, – Александр пожал руку.

Андрон Иванович ушел, а Александр в хорошем настроении сел доедать кусочек «Наполеона» и допивать кофе.

Александр вернулся домой к обеду.

– Привет, – сказала Екатерина.

– Привет, – ответил Александр, закрывая за собой дверь.

– Ну что? – с прога спросила сестра.

– Ну что, ну что, – с улыбкой передразнил Александр, – завтра едем с тобой в родильный дом номер один. На Ваську.

– Зачем? – непонимания, спросила сестра.

– Ну не рожать же, – он снял ботинки, – привет, Лиз, – сказал он жене, которая вышла из спальни в коридор.

– Привет, – они поцеловали друг друга в щеки, – все готово. Обедать сейчас будет.

– Подожди, с Катей поговорим, – сказал он, зайдя в спаль-

ню, чтобы переодеться, – идите пока в комнату, – он снял одежду и надел халат.

Он помыл руки и зашел в гостиную, где за столом сидели жена и сестра.

– Так зачем завтра ехать? – не выдержала Екатерина.

– Андрон Иванович хочет с тобой поговорить, – сказал Александр, садясь на стул.

Александр изложил им свою идею и разговор в кафе.

– Ты псих, – сказала сестра после рассказа брата, – но это логично, – согласилась она с ним.

– Но... только ты же понимаешь, что оставить ребенка у себя ты не сможешь.

– Что!? – повысила голос Екатерина и привстала.

Елизавета положила свою руку поверх руки мужа.

– Кать, это невозможно..., – попытался продолжить Александр.

– Так зачем вообще весь этот замысел!? – Екатерина «взорвалась», – давай просто отдадим его ей и дело с концом! – она истерически посмеялась, – нет, я не понимаю всего это.

– Кать..., – пыталась вставить Елизавета, но Екатерина уже завелась слишком сильно.

– Вам то двоим этого не понять! – она чуть ли не плакала, – у вас нет своих детей, вам не за кем ухаживать, заботиться. У вас не хотят оторвать часть вашей же жизни....

– Ты себя слышишь!? – не выдержал Александр и сам приподнялся, – что ты вообще несешь!? Ну сделай искус-

ственные роды и голова твоя болеть не будет, если ты так хочешь! – Александр знал насколько они опасны на таком позднем сроке.

– Не буду, – в слезах сказала Екатерина и села на стул.

– Лиз, принеси воды, пожалуйста.

– Хорошо, – Елизавет вышла из комнаты.

– Кать, – Александр приблизился к сестре, – есть выход.

Елизавета вернулась со стаканом воды.

– Саш, оставь нас, пожалуйста, – обратилась Екатерина к брату уже спокойнее, – я сама знаю выход.

– Хорошо, – Александр встал и тихо вышел из комнаты, закрыв за собой дверь, направившись в кухню.

Екатерина и Елизавета остались в комнате вдвоем. Сделав глоток воды, Екатерина начала:

– Лиз, ты хочешь забрать моего ребенка? – было видно, как трудно было ей вывести эти слова из себя.

– Ч-что? – нежно спросила Елизавета.

– Если ребенок не может остаться со мной...я хочу чтобы он остался у той женщины, которая будет его искренне любить и заботиться...у которой он будет в безопасности, в тепле...В семье, в которой я уверена.

– Кать...

– Я вижу как вы с Сашей хотите ребенка, как вам его не хватает, – Екатерина не обратила внимание на то, что Елизавета хотела начать фразу, – я же вижу тебя. Вижу как ты реагируешь, как смотришь. Если судьба не одарила тебя та-

ким счастьем, то позволь ему прийти извне. Лиза, ты согласна принять ребенка от меня?

Елизавета кусала губы и перебирала пальцами рук.

– Да, – тихо сказала она, подняв глаза на Екатерину.

– Спасибо.

Они одновременно встали и обняли друг друга. У обеих были влажные глаза и улыбка на губах.

Александр постучал в дверь и, приоткрыв ее, просунул голову.

– Можно?

– Заходи, – с улыбкой сказала Елизавета.

Александр открыл ногой дверь полностью, а в руках нес две порции обеда для жены и сестры.

– Это вам, – сказал он, ставя на стол тарелки.

– Спасибо, – сказали женщины.

– Тебе спасибо, – он поцеловал жену.

Принеся и свою порцию, они втроем, несколько успокоившись, найдя оптимальное решение и приняв его, сели обедать.

На следующий день Opel Kadette остановился недалеко у роддома за десять минут до двенадцати часов. Втроем, Елизавета тоже поехала, они пошли к зданию. Несмотря на внешнее спокойствие, Екатерина очень сильно нервничала и волновалась. Тревожна была и Елизавета, но где-то в глубине себя она хотела, чтобы все прошло, как и задумывали Александр и Андрон Иванович, чтобы наконец у них с му-

жем появился в семье ребенок. Когда они зашли внутрь, их уже ждал Андрон Иванович.

– Добрый день, – заметив вошедших, он прервал милый разговор с медсестрой и подошел к ним.

– Здравствуйте, – они с Александром пожали друг другу руки, – моя сестра Екатерина и жена Елизавета, – представил он женщин, поочередно показывая на них рукой.

– Добрый день, – Андрон Иванович поздоровался с каждой в том же порядке, в котором представил их Александр.

– Пройдемте в мой кабинет, – он рукой пригласил их пройти за ним и сам направился по коридору.

Пока шли на небольшом отдалении друг от друга никто ни с кем не разговаривал.

– Прошу, – Андрон Иванович открыл дверь перед «гостями».

Все зашли внутрь и он закрыл дверь за собой на замок.

– Присаживайтесь, – он сел в рабочее кресло за столом.

Екатерина и Елизавета сели на диване, а Александр на стул перед столом.

– Екатерина, – начала Андрон Иванович, – Александр осветил вас в свою, так сказать, задумку, с которой я ему помогаю?

– Да, – робко ответила Екатерина.

– Вы на это согласны?

– Да, – чуть помедлив, но уже уверенно сказала она.

– Хорошо. Теперь следующее, – он откинулся в кресле, –

как вы решили поступить с ребенком?

Екатерина перевела взгляд с Андрона Ивановича на Елизавету, а затем обратно. Она теребил ремешок своей небольшой сумки через плечо.

– Я бы хотела, чтобы Елизавета воспитывала ребенка, – она не могла сказать слово «отдать», – после его рождения.

– Ага. Понял. Елизавета, вы на это согласны? Мне, просто, нужно все уточнить лично у каждого.

– Я согласна, – она подняла глаза от своих рук на мужа.

– Ну что же, раз все на все, – он улыбнулся, – согласны, то..., – он сделал паузу, которой воспользовался Александр.

– Андрон Иванович, а как это будет оформлено по бумагам?

– Вот об этом я и хотел сейчас сказать, – он тихо цокнул языком и продолжил, – мы можем сделать два варианта. Первый – Елизавета рожает, в кавычках, здесь.

– Моя жена не может рожать. Это прописано во всех ее больничных документах, – вставил Александр.

Андрон Иванович посмотрел в сторону Елизаветы и та тихо, кивнув, сказала:

– Да.

– Тогда другой вариант остается у нас вами... Вы усыновляете ребенка сразу по его рождению. Имя матери, по ее же инициативе, в документах, скрывается. Ну не хочет человек, чтобы о нем знали. Подписав все нами подготовленные бумаги, вы становитесь родителями, – он указал руками на Ели-

завету и Александр, – как только ребенок появится на свет. Соответственно, по вашим бумагам, – он обратился к Екатерине, – ребенок умер. Как-то все вот так, – ему словно было самому немного неловко от того, что он сейчас сказал.

Александр чуть барабанил пальцами по столу. Сейчас это был единственный звук в кабинете.

– Ну что? – спросил он, посмотрев на сестру и жену, – что решаем?

Женщины сидели, не смотря друг на друга, да и не смотря ни на кого. Екатерина быстро водила пальцами вдоль ремня сумки, а Елизавета положила ладони на колени и смотрела на них. Елизавета не хотела говорить первой, потому что считала, что все в данной ситуации зависит от Екатерины. Екатерина же колебалась, сама не понимая перед чем. Она готова согласиться, но не может этого сделать. Наконец Екатерина подняла голову и посмотрела на брата, перестав теревить ремень.

– Я, – начала она, – я, – слезы наворачивались на ее глазах. Елизавета взял ее ладонь в свою, – я готова к этому, – через силу произнесла она.

И в этот момент никто из присутствующих не знал что сказать. Елизавета стала успокаивать Екатерину, а мужчины сидели и смотрели на них, изредка отводя взгляд.

– Мы ко всему готовы, Андрон Иванович, – сказал Александр, повернувшись к главврачу.

– Ну хорошо, – немного растеряно сказал Андрон Ивано-

вич, – тогда... Мы кладем Екатерину на стационар через три дня. Хорошо? – ни к кому конкретно он не обратился.

Никто не ответил.

– Катя? – обратился Александр к сестре.

Та подняла красные глаза на брата.

– Ты ложишься через три дня сюда.

– Хорошо, – она искренне улыбнулась.

– Отлично, – Андрон Иванович встал. Поднялся и Александр, – тогда жду вас здесь через три дня на четвертый, – он улыбнулся, – еще позвоню накануне вам, – он указал на Александра.

– Хорошо. А ничего, что у моей сестры не отрицательный резус?

– Несмотря на специфику нашего родильного дома, никто не запрещает здесь рожать всем, – он улыбнулся.

Андрон Иванович вышел из-за стола и подошел к Екатерине, которая только что встала вместе с Елизаветой.

– Не переживайте, Екатерина, – они «встретились» глазами, – все будет хорошо. Я сам буду принимать у вас роды и все организовывать. Обещаю вам, – он говорил это очень искренне и доверительным голосом.

Екатерина улыбнулась уже шире, не только губами, но и глазами.

– Хорошо. Спасибо вам.

– Спасибо будете говорить позже.

Они распрощались, а через несколько минут Александр

уже заводил машину, чтобы поехать обратной домой. Только он знал, что Андрон Иванович не главврач роддома, а фигура еще чуть более крупная. Екатерина помнит его как главврача, но с того времени произошли изменения, о которых рассказал ему отец, когда Александр брал у него телефонный номер.

Через три дня Екатерина уже лежала в палате. Все необходимое она взяла с собой. Ей дали отдельную палату с хорошими, как и во всем роддоме, условиями. Александр и Елизавета проводили ее, помогли устроиться, а затем поехали домой, обещая навещать каждые выходные, а возможно и чаще. Созваниваться они могли каждый вечер.

Немало предстояло здесь пробыть Екатерине, но это был единственный способ, чтобы сохранить ребенка в семье. Благо, время в больницы разбавлялось различными процедурами, общением и проходило в начале довольно быстро. Екатерина и не заметила как прошла неделя. И когда ее приехали навестить брат с женой, хоть они и за день договаривались, она уже успела это забыть.

Однако, в больницы оставалось и много свободного, «не убитого» времени. Екатерина много вязала, хотя последний раз в жизни делала это несколько лет назад. Но вязание помогало и отвлечься от всего, и время проходило очень быстро. Брат привез ей множество книг, включая «толстые», как «Отверженные» или «Американская трагедия», которые предстояло читать долго. Екатерина их чередовала с «лег-

кой» литературой детективов или приключений.

Так и проходили дни Екатерины. Она ни разу не скучала, но иногда грустила. А еще она до последнего момента не сможет узнать судьбу своего ребенка, до появления которого остается уже не так много времени.

Александр и Елизавета тоже, конечно, беспокоились за Екатерину. Для каждого такая ситуация была новой и неизвестно к чему все приведет. После каждого посещения Екатерины, Александр слушал музыку и, обычно, не самую позитивную. Трудно сказать, такой выбор был вызван состоянием души после встреч с сестрой или же просто он сделала выбор в пользу такой музыки. Он прослушал альбомы групп: Телевизор «Мечта самоубийцы», Агата Кристи «Декаданс», Pink Floyd «Atom Heart Mother». Но были и времена просто забойного, старого и доброго хард-рока, когда ставились пластинки Deep Purple, Led Zeppelin, Whitesnake.

Беспокойство каждого было внутри него. Ни на на поведение Елизаветы, ни на действия Александра оно не влияло. Просто, у каждого было внутри что-то будто инородное, что-то то, чего быть не должно.

«Для это все и придумано – литература, кино, музыка. Ты отвлекаешься, забываешься и два часа фильма или сорок минут музыки просто наслаждаешься. Кто-то ищет успокоение в алкоголе, кто-то в наркотика. . . но как по мне. . . Лучше тратить деньги на «духовную пищу», чем на злоупотребление алкоголем. Все хорошо в меру. И алкоголь это тоже великая

придумка человечества. Главное – правильное использование. Не зря же существует фраза – все хорошо в меру. У человека идет перенасыщение любым...как сказать...перенасыщение от всего когда-нибудь наступает. От еды, от покупок, от всего. Даже от денег. Нет, ну по-идеи когда-то же оно должно наступить...хотя (Александр задумался). Для каждого человека свое. Но посмотреть вечером кино или послушать хорошую музыку в выходной день – это же здорово (он встал с дивана и подошел к стеллажу, где стояли виниловые пластинки. Да (он вел пальцем вдоль корешков) сколько удовольствия доставили «Мелодия» и, для рока, Андрей Тропилло. «АнТроп» это конечно было... (он улыбнулся) первый наш советский «пират». Не знаю какие они брали исходники, ну понятно, что с западных пластинок, но сделали многое, чтобы познакомить с западным хардом, и для развития нашего. Двойные Зеппелины, Шагин на обложке четверки, добавление себя на обложку Пеппера, вместе с Колей Васиной (он смотрел пластинки и улыбался, вытаскивая какую-нибудь из них и рассматривая). Забавное было время. Забавное...».

Для Елизаветы во всех этих уроках и околошкольных делах время пролетало. Вечерами они с Александром смотрели кино или же, если показывали хоккей или другие спортивные соревнования, она читала в спальне.

Незаметно время подходило к двадцать первому числу, а значит и к расторжению брака между Екатериной и Антуаном.

ном. Елизавета и Александр ужинали, когда раздался телефонный звонок.

– Алло, – ответил Александр, дожевывая пищу.

– Александр? – он узнал голос Антуана.

– Да. добрый вечер, Антуан, – сказал Александр без эмоций.

– У нас через два дня с Екатериной развод, – говорил он неуверенно, – нет никаких изменений?

– Нет. Все также.

– Понятно.

Александр не выдержал и решил спросить:

– Ты знаешь, что твоя мать угрожает моей сестре, да и всей семье?

– Что? – Антуан явно не понял.

– Она хочет чтобы Екатерина отдала вам ребенка.

– Но я...я ничего не знал об этом. Мы этого даже не обсуждали. Я бы никогда не стал забирать ребенка у Катрин, тем более угрозами..., – задумчиво закончил он фразу.

– Ну как видишь, твоя мать иного мнения. Ты когда приезжаешь?

– Самолет прилетает в Санкт-Петербург в шесть часов утра и семь минут. Двадцать первого.

– Я тебе встречу. Там же, где и в прошлый раз. Уезжаешь в тот же день?

– Да, вечером.

– Один приедешь?

– Да.

– Отлично. Тогда тебя встречу и провожу.

– Да зачем... – неуверенно возразил он.

– Чтобы все обсудить. Матери не говори об этом разговоре, хорошо?

– Хорошо. Как Катрин?

– Уже в больнице по воли твоей матери, но на развод привезу.

– Как? – болезненно спросил он.

– Все расскажу при встрече. В шесть часов в Петербурге, да?

– Да.

– Хорошо. До встречи через пару дней. Пока.

– Хорошего вечера.

Александр положил телефон и вернулся к столу.

– Антуан? – спросила Елизавета, когда муж сел за стол.

– Да. Не знал о том какую..., – он выругался, – творит его мать.

Они продолжили ужинать, обсуждая звонок из Франции.

Александр ехала на автомобиле по пустой дороге к аэропорту, ранним утром двадцать первого числа, первого месяца года. Ехал он не быстро и аккуратно, но даже так он припарковал машину за двадцать минут только до прилета самолета из Франции. Александр неторопливо пошел к зданию аэропорта. Внутри, он пошел к зоне прилета и, так как осталось еще чуть меньше десяти минут, пошел в кафе и взял

себе кофе. Он сидел и смотрел на выходящих, на встречающих. В такие моменты довольно просто отличить людей, которые прилетают по работе, от тех кто прилетает в туристических целях или к друзьям.

Выпив кофе, Александр, побарабанив по столу, встал и пошел ждать Антуана перед дверьми. Через несколько минут он узнал в выходящем мужчине Антуана. Он был чуть осунувшийся и уставший. Их встреча прошла практически также, как и в прошлый раз, за исключением того, что сейчас у француза был только небольшой кожаный портфель.

Когда они сели в машину, Александр сказал:

– Сначала отвезу тебя, а затем поеду за Екатериной. Ты пока там подождешь.

Они ехала в машине, не общаясь друг с другом. Александр пока особо этого не хотел, а Антуан не знал что сказать. Наконец, гость города начал говорить, извиняющимся голосом:

– Александр, я правда не знал о том, что ты рассказал мне по телефону...

Александр вел машину и смотрел на дорогу, не отвлекаясь. Но он только делал вид, что ничего не слышит, на самом деле он был внимателен к словам Антуана.

– Я же и не претендую на ребенка. Я все понимаю. Понимаю что произошло, – он сделала паузу, – ведь я искал в Катрин спасения от всего вот этого..., – голос Антуана становился чуть другим и Александр, не смотря на пассажира,

понял, что тот начинает плакать, – но не вышло. Я полюбил ее искренне, очень сильно, – Александр слышал, что Антуан говорит правду, передает свои душевные чувства, – понимаешь, у меня уже что-то в голове совершенно не то. И это дерьмо мешает мне быть нормальным человеком. Я не знаю, – он достал платок и высморкался.

– Ты получал удовольствие от того, первого раза с ней, – подключившись к разговору, спросил Александр, сделав поворот.

– Честно...это был мой первый раз и я даже не понимал толком что это такое было. Все было как-то стремительно. Только с похорон отца и сразу так...

«После смерти отца, в шестнадцать лет... Эта баба точно неадекватная».

– Твоя мать вот тебе все и сбила в голове.

– Да я понимаю. Но не могу от нее отделаться, отойти от этого. Я как ее вижу...у меня сразу встает и я...у меня будто в мозгу что-то переключается и я уже кроме нее все остальное забываю.

– Ну это уже болезнь. Может, полечиться?

– Да если бы это было возможно...Да и мать не отпустит...

– Хватит на мать сваливать! – Александр перебил его, – ты взрослый человек и сам можешь все решить – чего ты хочешь, а чего ты не хочешь. Понимаешь, это не вопрос того, кто возьмет шоколадку или кому отдать круассан. Это твоя жизнь и ты в ней решаешь. Мать может советовать, помогать

в чем-то, но ты уже вышел давно из того возраста когда она что-то решает за, – он сделал ударение на «за», – тебя. Ты умный мужик, по своему красивый. Но знаешь, скажу тебе честно, может это и мои придумки и заморочки, но я сразу увидел в тебе какой-то порок, что-то протiwоестественное. У тебя уже на лице написано, что что-то с тобой не так, – говоря, он порой на секунду поворачивал голову к Антуану, – но о таком, что произошло и что с тобой происходит я, конечно, не думал.

– А какой порок ты видел во мне? – даже немного заинтересованно спросил француз.

– Ну честно, я думал, что тебе помимо женщин нравятся еще и мужики.

Антуан чуть усмехнулся.

– Нет, это не для меня.

– Да я уже понял, – серьезно продолжил Александр, – скажи, ты облизывал губы, когда возбуждался от матери? – пришла резко идея в голову Александра.

– Да, – тихо ответил Анутан, – это тоже заметно?

– Если обращать внимание, то очень сильно. От чего это пошло у тебя?

Антуан замялся.

– Ну раз говорим откровенно, то давай.

Француз собрался и сказал на «одном дыхании»:

– Еще тогда, в первый раз, она мне прикусила губу, во время того, когда я был в ней и целовал... вот как-то с того

момента и пошла эта самая привычка.

– Мда...

– Я много стал думать об этом. В последнее время, вот после того как ты нас увидел...

– Кстати, извини, что перебиваю, а твой то друг что за тип?

– Жорж? Он был и в первый раз тогда. Иногда, он..., – он сказал на выдохе, – к нам приходит. Но редко. Мать сама когда просит.

Александр лишь цокнул языком.

– Я понимаю, что все это уже болезнь. И, как я начал, в последнее время, когда потерял Катрин, я стал много думать обо всем этом. Но не могу найти выход.

– Так нужно действовать, а не думать! – громче сказал Александр. Сейчас он действительно переживал за Антуана.

– А как действовать, если я не знаю пока как именно? Не убивать же, – он задумался, – да я и не смогу.

– А если уехать? Никому ничего не сказать. Начать жить заново. Средства у тебя есть, как мне кажется. Ты же с ума сойдешь от такой жизни!

– Это, конечно, вариант...

– Вычеркни ее из головы. Пошли ее как можно дальше и сам уезжай как можно дальше от нее.

– Возможно, ты и прав. С Катрин то что?

– Есть опасению за ее здоровье и за здоровье ребенка. После того звонка у нее случился срыв. Сейчас постоянно

под наблюдением, – Александр специально все утрировал, – большой риск потерять ребенка или риск того, что он родиться мертвым.

– Как?

– А вот так. Это и передай своей мамочке.

Они оба замолчали, пока Александр не сказал:

– Приехали почти, – и указал рукой на здание.

Они остановились, Антуан вышел, а Александр поехал в больницу к Екатерине.

Александр приехал, поднялся к Екатерине, которая была уже готова. Они спустились к машине, а через двадцать минут были уже на месте, где, стоя на улице, курил Антуан.

– Привет, – сказал он робко, открыв дверь перед Екатериной.

– Добрый день, – даже не смотря на него сказала Екатерина, вышла из машины и пошла в сторону входа.

Антуан закрыл дверь, переглянулся с Александром, который только помотал головой, словно говоря, можешь даже не пытаться, она не пойдет «навстречу». Но сам Александр был на распутьи. Ему было жаль Антуана, но и он не хотел сестре такого мужа.

Вся процедура развода заняла несколько минут. У Екатерины, в момент официального расторжения брака были двоякие ощущения.

«А может и стоило дать «второй шанс»? Да, он сделал ужасную вещь и, как я узнала, делает это уже давно. Но это

же его мамаша такая. А что с ним будет, когда он потеряет последнюю надежду...Надеюсь, он найдет тут девушку, с которой сможет вырваться из этой ерунды. Неплохой мужик...но его испортили».

Когда они втроем вышли на улицу, Александр открыл машину и спросил у Антуана.

– Тебя подвести?

– Да я пройдуся, погуляю, наверное, в последни раз по этому городу.

– Самолет то во сколько? – они говорили на улице, Екатерина уже сидела в машине.

– В семнадцать двадцать, кажется, – Антуан достал сигареты. Сейчас он выглядел как человек, который со всем смирился и которому было все равно.

– Послушай, Антуан. Беги от своей мамашы. Для тебя это единственный способ спастись. Я говорю тебе это, потому что мне не плевать на тебя, – Антуан прикурил, – ты глубоко увяз во всем этом, но еще есть шанс выбраться. Постарайся это сделать. Иначе...все кончится плачевно.

Антуан смотрел прямо в глаза Александру, который видел всю боль в глазах француза.

«Его уже не спасти».

– Спасибо, – Антуан, совершенно неожиданно для Александра, сам протянул ему руку.

– Всего тебе наилучшего, Антуан, – они пожали руки, а затем Александр пошел к машине.

Антуан смотрел на профиль Екатерины, которая сидела спереди и смотрела вперед, не поворчавшая головы ни на брата, ни на Антуана. Когда он затянулся, машина тронулась и Александр несколько раз мигнул в знак прощания сигналом аварийной остановки, вызвав на губах Антуана искреннюю улыбку. Он смотрел вслед уходящей вдаль машине и не знал, что через боковое зеркало заднего вида Екатерина смотрит на него.

В семнадцать тридцать три шасси самолета, на котором летел обратно Антуан, оторвались от земли, а на глазах Антуана появились слезы.

Наступил февраль. Екатерина уже около месяца лежала в палате и уже как десять с лишним дней прошла процедура развода. Она уже ждала, чтобы как можно быстрее ребенок появился на свет. На сегодня была назначена встреча с Александром, Елизаветой, и Андроном Ивановичем для подписания бумаг.

Раздался стук в дверь палаты.

– Да, – ответила Екатерина.

Внутрь зашли Александр с Елизаветой. После приветствия и передачи того, что «заказала» привести Екатерина, они сели на стулья перед ее кушеткой.

– Как самочувствие? – спросил брат у сестры.

– Ты каждую встречу будешь начинать с этого вопроса? – с улыбкой ответила вопросом на вопрос Екатерина, а сама подумала: «Надоел этот вопрос», – да хорошо все, вроде бы.

Врачам виднее.

– И славно.

– Мытые? – спросила Екатерина, указав на персики, принесенные гостями.

– Да.

– У вас то как все? – спросила Екатерина, начав есть персик, – будете? – предложил она.

– Нет, спасибо, у нас дома хватает мандаринок, – начала Елизавета, – а дела... да вроде бы все у нас нормально.

– Родители звонили?

– Да, – ответил Александр.

– Ты им, кстати, рассказал о ребенке и всей это, – она покрутила пальцами в воздухе, – схеме?

– Обрисовал ситуацию. Они приедут сюда, числах в двадцатых.

– Хотят увидеть как я рожаю? – добро посмеялась Екатерина и выплюнула косточку от персика.

– И это тоже.

В дверь постучались и тут же она открылась.

– Добрый день, – вошел Андрон Иванович, держа в руке бумаги.

– Здравсьте, здравсьте, – сказала Екатерина, жуя.

– Добрый день, – Александр привстал и пожал протянутую руку.

– Здравствуйте, – сказала Елизавета.

– Ну что, – Андрон Иванович подошел к кровати, – я все

подготовил по документам, – он протянул Екатерине бумаги, – можете ознакомиться.

– Саш, возьми. А то у меня руки персиковые. Пойду по-
мою, – она встала с кровати и вышла в туалет.

Александр взял бумаги и они стали рассматривать их вместе с Елизаветой.

– Я все сверял, все данные, что вы мне дали, документов. Ошибок быть не должно. Вы оформлены как приемные родители ребенка. Мать, роженица, от ребенка отказывается.

– Понятно, – протянул Александр.

– А вот нужна подпись роженицы, – сказал Елизавета.

– Пускай Екатерина поставит любую закорючку. Это вполне пойдет за подпись. Все документы официальные, юридически заверены. Подкопаться к ним никак. Свидетельство о рождении ребенка тоже идет к вам. Все ваше, будто вы, – он указал на Елизавету, – рожают сами.

Вернулась Екатерина.

– Ну что у вас тут? – спросила она, войдя.

– Да вот, последние вопросы решаем.

– Можно посмотреть? – она села на кровать и протянула руку к брату.

– Да, конечно, – он вложил листы в раскрытую ладонь.

Екатерина принялась листать, попутно читая слова, выведенные на печатной машинке. Она дошла до страницы с подписями.

– Дайте ручку, – без эмоций попросила она.

Андрон Иванович вынул ручку из нагрудного кармана и дал ей. Екатерина быстро поставила подпись, которую, как увидел Александр, придумала. Бумаги и ручку она положила на колени. Ей было очень трудно в этот момент. Ведь она отказывается от родного ребенка, да еще и до его рождения. Она не плакала, да и не хотела плакать в этот момент. Нельзя даже сказать, что она была расстроена. Все эти события последних месяцев опустошили ее. Ей просто было трудно. И это подпись далась ей с трудом, но еще приблизила на шаг конец всех проблем вокруг нее.

– Теперь вы, – она передала ручку и бумаги брату.

Первым расписался он, а следом за ним Елизавета, которая и вернула бумаги Андрону Ивановичу, державшемуся чуть в стороне. Он специально не хотел вмешиваться в такие личные дела.

– А что с моими бумагами? – спросила Екатерина, посмотрев на лицо с пенсне на глазах.

– Они уже готовы. Нам осталось поставить там дату и время.

– Спасибо, что вы нам так помогаете, – искренне поблагодарила она.

Андрон Иванович лишь чуть наклонил голову, а затем вышел из палаты.

– Ну вот и осталось меньше месяца до рождения, – сказала Екатерина, смотря на брата и Елизавету, – скоро же все это закончится?

– Да, Катя, – ответила Елизавета.

– Понимаете, я устала от всего этого. Устала думать, что где-то там, – она показала рукой на запад, – есть женщина, которая хочет забрать моего ребенка, чтобы сделать из него свою игрушку. Уже вторую.

– Кать, я не хочу говорить банальностей типа «не думай о ней», «забудь». Я понимаю, что это невозможно, и я думаю, и Лиза думает об этом. Но, – Александр взял ладони сестры в свои, – у тебя же есть мы. Мама, папа, мы с Лизой. Почему бы тебе не думать и о нас, о тех кто ближе. И, – он прикусил верхнюю губу, – Антуан тоже мыслями с тобой. Правда. Против нас только его мать. И я уверен, что Антуан сам не даст ей активно действовать.

– Но...

– Кать, Кать, Кать, – он намеренно не дал ей говорить, – ты же мне веришь?

– Верю.

– А почему, кстати? Почему ты не уехала к родителям в Москву, а решила остаться с нами?

Екатерина переводила взгляд с брата на Елизавету, которая гладила ее по плечу.

– Я...не говори только родителям, – она усмехнулась. Усмехнулись и Александр с Елизаветой, – я просто больше тебе доверяю. Доверяю тому, как ты шел против и оказывался прав, когда все остальные говорили мне хорошие слова, пели дифирамбы, ты говорил правду и по существу. Родите-

ли любят меня по-другому, нежели ты. Порой, им не хватает объективности, из-за сильной любви ко мне. Но я их, конечно, не виню. А с тобой... Наверное, и Лиза со мной согласиться, ты бываешь невыносим, бываешь дотошен не по делу, но ты всегда... находишь слова которые нужны, совершаешь поступки, которые необходимы. Даже сейчас. Да, ты мог сказать, чтобы я не думала о ней, забыла бы про нее, отделившись общепринятыми словами. Но ты сказал иначе. Ты сказал мне правду и одновременно показал путь как я могу обойти мысли об этой суке. Ты не сказал общие слова, а дальше разбирайтесь, мол, как хотите. Ты вытаскиваешь меня своими же силами, помогаешь мне. Да, иногда, твоя правда может обидеть... но на то она и правда, она много кого обижает или же заставляет злиться. Я поняла это недавно. Раньше, хоть я тебя сильно очень и любила, но вот эта твоя правдивость порой меня доводила. А сейчас, пройдя через все это рука об руку с вами, я понимаю, что это то мне и необходимо. Я и осталась с вами, зная, что вы не будете окружать меня огромной, не нужной мне заботой, и в то же время, всегда найдете для меня нужные слова. Не зря ты женился именно на Лизе, другая бы хрен тебя выдержала, – они втроем посмеялись, – и тебя, – она смотрела на Лизу, – я приняла как родного человека. Поэтому, хоть я обожаю и очень сильно люблю маму и папу, но вы найдете ко мне более действенный подход.

Наступила пауза.

– Ладно, – прервала молчание Екатерина, – поезжайте домой. Это только в кино или книгах всегда у людей есть что сказать друг другу в любой момент. А в жизни, – она переплела пальцы рук, – в жизни зачастую не так как в фильмах и литературе. Каторжники не исправляются, человеку не благоволят удача как главному герою, а мимолетная встреча не повторяется, – она сказала это одновременно с горькой и мечтательной интонацией.

Александр и Елизавета, попрощавшись, вышли из здания. Им, действительно, больше было нечего сказать Екатерине сейчас.

– Твои то приедут? – спросил Александр у Елизаветы, когда они ужинали пятничным вечером.

– Вот сегодня буду маме звонить. Еще бы придумать, как ей все объяснить.

– А что здесь придумывать? Говори ей все как есть.

– Ну а как? Мы скажем, что усыновили, а потом она расскажет это все ребенку, когда тот вырастет, а то и раньше, когда этого не следует делать.

– Твои родители взрослые люди, они все поймут. Тем более, мы же сами расскажем ребенку об этом, со временем.

– Зачем?

– А ты собираешься и будешь его обманывать?

– Сейчас всё знают твои родители, Катя, и мы.

– И, поверь, всем будет трудно это скрывать. Особенно Катерине, – Александр положил приборы на обод тарелки, а

руки на стол, – Лиза, твои родители знают лучше всех, что рожать ты не можешь, – он сказал это с холодной нежностью, – не заявишься же ты к матери и не скажешь: «Мама, через две недели я рожаю. Приезжай!». Логично?

– Логично, – согласилась она.

Елизавета и правда забыло, что рожать она не может. Это же понял и Александр, но специально не стал акцентировать внимание на забывчивости жены по этому поводу.

– Поэтому, я считаю, что всем родным нужно рассказать все как есть. И никаких проблем.

– Ну просто...вся эта ситуация... Значит, нужно рассказать родителям обо все?

– О чем обо все?

– Ну про Катю, Антуана, – ей даже вспоминать этого не хотелось сейчас.

Александр задумался.

– Вот это. конечно... Ну а как иначе? Рассказывай все как есть, только не по телефону, а лично.

– Само собой.

– Ладно, не переживай, – пока они разговаривали, Елизавета тоже прекратила есть, – все будет в порядке. Сейчас, после ужина, позвони родителям, опиши ситуацию в общих чертах, пока без подробностей. Скажи, что расскажешь обо все тогда, когда они приедут, – он взял приборы, – хорошо? – Александр улыбнулся.

– Хорошо, – ответила Елизавета. Уверенность, с которой

говорил муж сейчас передалась и ей.

Александр продолжил ужинать. Его примеру последовала и Елизавета, которая не могла сконцентрироваться на еде, прокручивая в голове план того, как построить вечерний телефонный разговор с родителями.

Как часто и бывает в таких ситуациях, конкретного Елизавета ничего не придумала и поэтому решила, что называется, импровизировать, набирая телефонный номер родителей. Она сидела на диване в комнате. Туда зашел Александр и она поприветствовала его улыбкой губ и радостью глаз, приложив телефонную трубку к уху. Одновременно с тем, как Александр сел рядом, на другом конце связи ответил женский голос.

– Алло.

– Алло, мам, привет, – Елизавета сказала это так быстро, будто одно слово и сама чуть посмеялась себе.

– О, Лиза, привет, – мама Елизаветы сразу же повеселе-ла, – ну как вы там?

– Мы хорошо. слушай, мам, у меня для тебя новость, – уверенно начала Елизавета.

– Какая?

Один вопрос так подействовал на Елизавету, заставив ее за секунду вспомнить все, о чем она должна рассказать матери, что от уверенности не осталось и следа. Но Александр, находясь рядом, поддерживал ее, придавая уверенности.

– Мы с Сашей решили усыновить ребенка, – наконец

смогла сказать она.

– Ух ты! Какие молодцы! И когда же вы будете..., – она подбирала слово, – усыновлять?

– Скоро. Недели две. Расскажу подробнее, когда приедете. Приедете же?

– По такому поводу – конечно! – мама была воодушевлена.

– Отлично. Когда вас ждать?

– Ну мы с папой посмотрим когда билеты есть на поезд, гостиницу нам забронируете, пожалуйста?

– Конечно. Ту же, что и в прошлый раз?

– Да, нам там понравилось. Спасибо. Ты сама то скажи, на какие нам даты смотреть.

– Смотрите на начало марта. Мы как раз все решим и сможем, так сказать, это отметить.

Они чуть помолчали.

– А мальчика или девочку вы хотите? – мама Елизаветы продолжала говорить добрым, нежным родительским голосом.

– Мы еще думаем. Еще есть время.

– Ну хорошо. Ладно, Лиза, мы посмотрим все, и потом вам позвоним, когда будем готовы приехать. Договорились?

– Да. Папе «привет» передавай.

– Передам, – она посмеялась, – все, пока. Целую.

– Пока. Пока.

– Ага, пока.

Они отключили связь друг с другом. Елизавета положила трубку рядом с собой.

– Ну как?

– Да все хорошо. Видишь же, – она улыбнулась, – мама очень рада, что мы с тобой решились, – она сделала акцент на слове «решились», – на ребенка.

– Что, спрашивала девочка или мальчик?

– Конечно. А Катя же не говорит. Пришлось сказать, ну ты сам слышал, что мы еще думаем. Кстати, а чего она не хочет нам говорить пока?

– Хочет хоть что-то держать в тайне, – Александр улыбнулся мыслям, – она то сама знает. Ну не хочет так не хочет. Не у врачей же мы будем узнавать, – он с улыбкой посмотрел на жену.

– Такой ерундой мы заниматься не будем, конечно. Елки-палки, Саша, ведь осталось всего пара недель, а то и меньше, – Елизавета откинулась на спинку дивана и подняла глаза на потолок.

– Время летит. Только, вроде бы, недавно мы об этом узнали, а прошло уже... Да и событий немало вместилось в этот промежуток.

– Это уж точно. Как думаешь, вся эта затея с ребенком получится?

– Думаю, что да. Тем более, я все еще рассчитываю на нашего французского друга. Который сможет удержать свою мамашу.

– Ты так веришь Антуану? – она повернула голову в сторону мужа, – а зачем ему идти поперек... как бы сказать... Она же его потом загнобит.

– Ты так думаешь? – Александр посмотрел на жену, а затем вглубь комнаты, – он до сих пор очень сильно любит Катюку. А главное – это чувство искренне. Он за нее цеплялся также, как утопленник за брошенный канат. И пускай он этот канат не удержал, но бушующей воде он сдаваться не собирается до последнего и может нанести ее волнам еще несколько ударов. Тем более, во время нашей с ним встречи я чуть приукрасил, сказав, что ребенка Катерина может потерять из-за нервов и именно потому она сейчас в больнице. Поэтому... Антуан еще сыграет, скажем по театральному, свою роль. И роль эта, – он вновь повернул голову к жене, – будет важной.

– Потянуло ведь тебя на метафоры, – они оба улыбнулись этому замечанию, – а если серьезно... да сомневаюсь я. Правда, я не верю, что он сможет что-то важное сделать, пойдя против своей мамы. Утопленник ведь тоже может сдаться, не дотянувшись до каната, и отдаться волнам.

– Посмотрим.

ЛИОН

После того, как Антуан вернулся из Санкт-Петербурга в Лион, он был полностью в своих мыслях. Не очень хорошим получился его уход из Мариинского Театра, да и сейчас, находясь в Лионе, он пока не искал работу. Средств у него хва-

тало, чтобы пока не работать, а настроение у него явно не творческое. Благо для него, Мари уехала на несколько дней в Ренн, там у нее были какие-то дела, о которых Антуан не имел представления, да и ему было это неинтересно.

Сейчас, сидя один в квартире с включенным в комнате светом, он думал о том как ему «уйти» от всего этого. Но мысли не шли в его голову, как бы он не концентрировался. Две новости, которые он узнал в Петербурге потрясли его и шокировали. Потрясло его то, что Екатерина попала в больницу и находится под наблюдением врачей, а шокировала его та новость, которая привела к такому состоянию его бывшую жену – его мать хочет забрать у нее ребенка всеми способами. Антуан понимал, что если она захотела, то она поднимет все свои связи, которых хватало, чтобы это сделать, несмотря на другую страну. Но он твердо для себя решил, что здесь он будет на стороне Екатерины, а не Мари. Его даже немного трясло от такого вывода, но одновременно его возбуждало чувства какого-то протеста против устоявшегося поведения.

Он благодарил судьбу, что на несколько дней он остался один и может все спокойно обдумать, не подгоняемый ни кем. Таких вечеров в Лионе у него не было давно. С детства. А в Париже банально не хватало на это времени, даже когда он жил один. И сейчас будто бы судьба сама сообразовала и оставила его одного в родном доме. Под его рукой лежал альбом с детскими фотографиями. Антуан достал его из шкафа, перед тем как опуститься в кресло, но так его

и не открыл. Ему было стыдно сейчас открывать этот альбом и смотреть в глаза отцу, пусть и на фотографии. Раньше он об этом не задумывался, но сейчас он понял, что сделал все, чтобы осквернить память об отце. С таким же успехом он мог бы прийти на кладбище и справить нужду на могиле отца, чтобы показать все свое наплевательское отношение к нему. У Антуана будто бы открылись глаза, наступил момент прозрения.

Он взял альбом в руки и открыл его на первой странице. Там была фотография, где он сидит между родителями. Справа от него папа, а слева мама. Они оба улыбаются, как и Антуан. Он рассматривал фотографию, а потом заглянул прямо в глаза отцу, которые будто бы двигались на безжизненной фотографии. Вроде бы они смотрели в сторону, а сейчас они смотрят уже прямо в его глаза. Антуан резко закрыл глаза, еще и прикрыл их ладонями, и одновременно услышал «в голове» голос отца, говорящего словно в длинную трубу: «Что же ты, Антуан?». Антуан раскрыл глаза – отец уже «не смотрел» на него с фотографии. И ему стало сразу так жаль его. Он «погладил» большим пальцем по голове отца и перелистнул страницу.

Листая страницу за странице, просматривая фотографию за фотографией, Антуан все больше и больше возвращался мысленно в детство. Была бы возможность, то он с удовольствием вернулся бы туда и физически. Взрослая жизнь стала для него обманом, не смешной и жестокой шуткой. Пропа-

ла искренность, пропало желание познавать новое, пропала беззаботность. Ведь окружающие съедят тебя, если во взрослой жизни у тебя все это не пропало. За искренность отплатят жестокостью, за познание накажут изгнанием, а за беззаботность отберут все, что у тебя есть. Мир взрослых людей разочаровал Антуана. В нем чужие люди, которых еще год назад он не знал и никогда не думал, что встретит их, стали для него ближе родных. Александр и Екатерина уже были для него важнее матери и сейчас он скучает именно по ним, а не по женщине, которая его родила. И в этот же миг Антуан поймал себя на мысли, что у него совсем нет друзей. Был только Жорж, но сейчас Антуан не видел в нем всего того, что, по его мнению, должно присутствовать в настоящем друге. А больше ни со школы, ни с работы у него не было никого.

Он продолжал пролистывать альбом, задерживаясь на каждой фотографии то дольше, то, наоборот, быстро переводя взгляд. Фотографии, кроме первой, которая как бы «открывала» период детства Антуана, шли в порядке взросления мальчик. В альбоме, который сейчас был в его руках, период с рождения до трех годиков. Конечно, он совсем ничего не помнил из того периода своей жизни, не помнил что с ним происходило, а фотографии помогали восстановить его тогдашние действия, показывали как он вырос, как менялся. Он смотрел и смеялся над собой. Одна из особенностей старых фотографий в том, что они поднимают настроение в лю-

бой ситуации, при любых жизненных обстоятельствах. Они заставляют вспомнить прошлое, вспомнить людей, которых, возможно, уже нет в живых. Мир фотографий особенный. Их сила такова, что они могут заставить плакать, а через секунду уже смеяться. И все самые сокровенные моменты запечатлены именно на них: рождение, первые шаги, детский сад, школа, выпускной, диплом, свадьба, новый год, достижения, поездки, красота, редкие моменты, которые происходят раз в жизни. Все это живет и в памяти, но просматривая фотографию, можно окунуться прямиком в те события, видеть их как наяву, а не только помнить. Черно-белые снимки дают нам возможность раскрасить своими красками тот или иной эпизод. Тем самым развивая и наше воображение. Цветные же фотографии позволяют увидеть как все было на самом деле вокруг. Но, конечно же, в большинстве случаев преобладают детские фотографии. А в таком возрасте, в котором Антуан на фото, дети, конечно, смешные. Это ошалелые глаза, которыми они каждый день открывают что-то новое вокруг себя, неловкие попытки что-то удержать, сказать. А впечатлений и эмоций хватает и даже с излишком.

Смотря на себя такого, Антуан неминуемо вспомнил о том, что у Екатерины уже очень скоро появится ребенок. Его ребенок. И он еще не знает, сможет ли он увидеть его взросление. Сможет ли он хотя бы на секунду увидеть его глаза, его маленькие ручки, ножки. Он бы не хотел вспоминать ту ночь в поезде, потому что тогда он забыл, что находится не с

Мари, а с другой женщиной, позволив себе, как ему показалось, слишком многое, что могло отпугнуть Екатерину. Ведь он ее словно насильовал, а разве такой должна быть первая ночь между любящими людьми? Но Екатерине, если она ничего от него тогда не скрыла, это понравилось, а этот факт загонял его в угол. Дальше он был нежен с ней, лишь изредка позволяя брать эмоциям верх, но не так сильно как в поезде.

«Что же нравится женщинам на самом деле в сексе? Нежность и забота или жесткость и грубость? Множество факторов, конечно же, влияет на это: настроение, усталость, желание и прочее. Но все же...нежность со временем, как мне кажется, может приедаться и просто необходимо разбавлять это дело чем-то более жестким. Но постоянно в этой жесткости...думаю, что это уже странно...постоянно, как бы преклоняться перед силой мужчины... Само собой все зависит от людей, которым в голову не залезешь и не узнаешь чего они хотят на самом деле. Книжки нас учат красоте, красивой любви, где все нежно, красивым ухаживаниям, красивым поступкам. А в жизни все гораздо проще...Да, можно надуть щеки девушке, когда ей с ходу говорят о сексе, предлагают его. И она, скорее всего, отвергнет это предложение. Но если добавить «красоты», добавить елейных речей, в которые сам не веришь, но унижаешься, говоря их, чтобы всего лишь получить тело на одну ночь, она ответит согласием. Почему так? Может быть тот, который говорил сразу и правду – прекрасный человек, просто не хочет опускаться до лжи, а тот,

что говорил красивые слова и мысленно повторял: «Давай же уже соглашайся, я заколебался говорить эту хрень», просто преследует свою цель, не думая ни о другом человеке, ни о себе...»

Антуан весь вечер сидел, листая альбом за альбом, рассуждал сам с собой, повторяя одни и те же мысли по несколько раз, сам не замечая этого. Ведь человеку свойственно это – возвращаясь к мыслям, которые были ранее, рассматривая их с разных сторон, в разных жизненных ситуациях.

Однако мыслящий процесс выматывает не меньше интенсивных занятий спортом. Поэтому к десяти часам вечера глаза Антуана начали слипаться, ему даже показалось, что он заснул в кресле на некоторое время.

Через несколько минут он уже лежал в кровати, готовый ко сну. Несмотря на все его мысли, переживания, уснул он быстро и внешне спал спокойно. А вот в его голове тем временем шла своя жизнь, результатом которой стал сон, приснившейся Антуану ночью.

Антуан снова в Санкт-Петербурге, по крайней мере, набережная была ему знакома. А вот больница, в которую он заходил, нет. Он уверенно идет по длинному коридору, где на полу положена белая плитка, а стены и потолок побелены. Он медленно делает шаг за шагом, идет будто в замедленной съемке. Рядом слышится стук колес проходящего рядом товарняка, а само здание чуть дрожит. Проходя мимо зашторенного окна, Антуан решает заглянуть за белую штору.

Плавнo отодвигая ее в сторону, его глазам открываeтся тот самый поезд, несущейся по железнодорожным путям, которые проходят всего лишь в нескольких метрах от окон. Но что-то в поезде было не так, было что-то пугающее, отталкивающее. Он наблюдал как проносится вагон за вагоном, а конца состава, как и его начала, было не видно. Он отошел от окна, задвинув шторы, и пошел по коридору дальше. Коридор был пуст, не было ни людей, ни каталок, ни колясок, ни цветов – ничего. Были только двери слева и окна, врезанные в стену, справа. Здание продолжало трястись. Вдруг впереди он увидел кого-то или что-то, лежащее на полу в луже красного цвета. Он подходил все ближе и ближе, но его остановила приоткрытая дверь слева, откуда доносились сдавленные женские крики. Антуан зашел внутрь и увидел рожавшую Екатерину, а рядом с ней свою мать. Больше никого и ничего за дверью не было. Здесь было также светло, как и в коридоре. Екатерина лежала прямо на полу, а Мари склонилась над ней. Вдруг кровь Екатерины брызнула на пол, крик прекратился, а Мари разогнулась, держа на руках ребенка. Он не кричал. Он не шевелил ручками и ножками. Он не дышал. Не двигалась и Екатерина. Только Мари улыбалась, целовала только что рожденного мертвого ребенка, отчего все ее лицо было в крови. Антуан смотрел на них, стоя у двери. Когда Мари чуть отошла в сторону, он увидел Екатерину. Глаза ее вышли из орбит, а рот был открыт слишком широко, чего невозможно без перелома челюсти. Антуан вышел

обратно в коридор и продолжил свой путь. В красной луже проявились очертания небольшого животного. Когда он подошел ближе, то увидел, что это был волк. Его брюхо было вспорото, но кроме крови, которая разливалась все больше вокруг, не было ничего. Он присел на корточки, встав в лужу крови, погладил волка по морде. Коридор перед ним и за ним был бесконечен. Не было видно ни конца, ни края. Здание резко перестало дрожать. Он посмотрел в открытый блестящий глаз волка. Клыки были видны из раскрытой пасти. Волк резко приподнял морду, Антуан упал на пол в кровавую лужу, а волк посмотрел на него и «сказал» на французском языке: «Merci». В ушах Антуана что-то затрещало, будто рядом били в кастаньеты, здание вновь задрожало. Окно, перед которым он сидел, раскрылось, штора слетела, а в окно направлялся нос состава поезда. Сон от первого лица резко сменился черной пеленой, которая не пропадала до самого рассвета, когда Антуан раскрыл глаза.

Еще один свободный и спокойный день был впереди. Солнце ярко светило и отблески от стекол соседних домов попадали в окно комнаты Антуана.

«Чем заняться?» – этим вопросом задавался лионец, делая себя на завтрак бутерброды и кофе. Дома целый день он сидеть не хотел, но и куда пойти, помимо магазина, придумать он не мог.

Когда он сел за стол, то тут же раздался телефонный звонок. Он посмотрел на бутерброды, потом на телефон, затем

на кофе. Встав со стула, он пошел нехотя к телефону.

– Алло.

– Привет, сынок, – на другом конце он услышал радостный голос Мари.

– Привет, мам, – грустно и отчего-то боязно ответил он.

– Как ты там один? – все также бодро продолжала Мари.

– Справляюсь, – Антуан попытался улыбнуться, но вышло у него это не очень хорошо.

– Ну справляться тебе осталось недолго! Сегодня вечером уже вернусь к тебе, мой милый.

А вот эта новость Антуана расстроила.

– Так ты же говорила, что на несколько дней уезжаешь и вернешься не раньше, чем через пять дней. А сегодня только третий.

– Ну вот быстро справилась с работой. А ты не рад тому, что вернусь раньше и смогу быть с тобой?

– Рад, рад, – его слова потеряли какую-либо натуральность и нужно было быть глухим чтобы не понять, что рад он только на словах.

– И отлично. Приеду уже часам к семи, думаю. Так что встречай.

– Может, сходим в ресторан? – предложил Антуан, которому только что пришла в голову идея, – я тебя приглашаю.

– Ух ты, – Мари явно этого не ожидала, – а с чего так вдруг?

– А вот хочу тебя пригласить. Пообщаемся, поговорим в

красивой обстановке.

– Ну хорошо, – Антуан не помнил насколько давно слышал такой растерянный голос матери, – прямо сегодня хочешь?

– Да. Закажу столик на восемь тридцать. Подойдет?

– Да, думаю, уже буду готова к этому времени.

– Ну и отлично! – Антуан сам воодушевился своей задумке, – тогда жду тебя.

– А я тебя. Целую. Пока.

– До вечера.

Антуан положил телефонную трубку и вернулся с улыбкой на лице на кухню, сел за стол и наконец мог позволить себя спокойно позавтракать.

Он обзвонил несколько ресторанов, пока не остановился на одном. Он не хотел излишнего пафоса, где блюдо стоит дорого, ждешь его долго, а ешь за минуту. Он хотел совместить прием пищи и общение, а не покрасоваться местом и собой, съев при этом, как он говорил, «маленький плевок», пускай и приготовленный отличными поварами. Заказав столик на восемь тридцать вечера, он стал обдумывать построение разговора с матерью. Он собирался сказать ей обо всем что знает и добавить один эпизод, который еще не произошел и, как он надеяться, не произойдет никогда. Ему стало сразу как-то легче, он понял, что от него сейчас тоже многое зависит и хотел сделать все, чтобы помочь Екатерине.

Мари приехала домой в начале седьмого. Антуан встре-

тил ее с наигранной улыбкой и радостью. На самом деле, с одной стороны он хотел ударить эту женщину (хотя он не мог уже ее так называют) как можно сильнее, а с другой его возбуждение было очень сильным, что было заметно, несмотря на одежду, хоть он и пытался себя контролировать. Но он решил для себя твердо, что до ресторана ничего не будет. И чтобы помочь самому себе, он, когда Мари пошла в ванную после поездки, сел в кресло, достал один из журналов матери и открыл его на странице нижнего белья. Рядом с собой он положил несколько салфеток. Прошло всего пара минут и Антуан с закрытыми глазами и открытым ртом эякулировал, что помогло снять возбуждение, пускай и не полностью.

Когда Мари вышла из душа, Антуану было проще смотреть на ее голое тело. И в таком состоянии становятся заметны некоторые вещи, которые не замечаешь, когда «слепнешь» от возбуждения и желания. Тело Мари не молодедело, хоть она и была в хорошей форме. Грудь без лифчика уже не казалась такой упругой, небольшие складки на боках проступали и выделялись все больше. Сейчас Антуан сам не мог понять того, как это тело нравится ему больше тела Екатерины, что он не смог сдержать себя. Или же дело не в этом? Не просто в нравится и не нравится. Он уже на подсознательном уровне выбирает одно вместо другого. Словно доверяет больше тому, что дольше знает.

– Иди ко мне, – она подходила к нему, бросив полотенце на кресло.

– Стой, – Антуан решительно остановил ее ладонью, – я хочу чтобы было красиво, поэтому давай все после ресторана.

– А мы можем и после тоже, – она подошла еще ближе.

Антуан почувствовал, что ничем мастурбация ему не помогла и что он хоть сейчас готов быть с Мари.

– Нет, – он пересиливал свое желание, – после ресторана. Позволь уж мне. Один раз, – он вспомнил, что, действительно, всегда он подстраивался под Мари, а не наоборот.

– Чего это ты сегодня такой?

– Настроение романтическое и хочет как в кино, – а вот сейчас он соврал очень натурально.

– Интересно, – Мари тоже заинтересовалась, – ну давай попробуем.

– Замечательно.

Они неторопливо стали собираться в ресторан. Антуан сам повезет их туда на машине, поэтому надобность в такси отпадала.

Вечером, в такое время, машин на дороге было не мало, но и не много. К ресторану они подъехали в двадцать минут восьмого. Пока Антуан припарковал автомобиль, пока они дошли вместе, Мари взяла сына под руку, то время бежало, и когда они зашли внутрь, то часы показывали без одной минуты половины восьмого. Их столик был свободен и они сел друг напротив друга. Несколько минут они потратили на то, чтобы выбрать блюда. А затем, в ожидании заказа,

можно было начать разговор, который Антуан уже продумал в свой голове, теперь же необходимо было интерпретировать его словами.

– Как съездила то? – часто разговор начинают с ничего не значащих фраз. Антуану было неинтересно как съездила, что там делала Мари. Он задал вопрос для того, чтобы начать разговор.

– Прекрасно. Работы, конечно, хватало, но и свободного времени, чтобы посмотреть Ренн, тоже было немало.

– Еще будут выезды куда-нибудь в ближайшее время? – поинтересовался Антуан. Он думал, что раз Мари задумала такой план с ребенком, то его то она должна в него посветить.

– Да, вроде бы не намечается никуда, – Мари задумалась.

– Ну, то есть, ближайшие недели три – месяц ты свободна? – допытывал Антуан.

– А ты хочешь что-то предложить? – на ее губах появилась в меру пошлая улыбка. В кинофильмах, после того, как женщина так улыбается, обычно идет постельная сцена.

– Возможно. Уехать куда-нибудь вдвоем? Если тебя, конечно, с работы отпустят, – заметил Антуан.

Принесли напитки. Бокал красного вина и стакан свежевыжатого апельсинового сока.

– Так что? – Антуан продолжил после того, как официант отошел от стола.

– Думаю, что это все же будет невозможно. Работа никуда не уйдет на этот месяц, – Мари говорила неуверенно.

– Ну хорошо, – Антуан решил взять паузу в разговоре и поднял стакан с соком, – давай за нашу встречу в романтической обстановке, чего давно не было.

Они сделали по глотку и продолжали смотреть друг на друга, периодически улыбаясь, когда их взгляды встречались.

– Что еще можешь рассказать интересного? – после паузы спросил Антуан, крутя пальцами нож.

– А что ты хочешь услышать? – снова улыбка на губах Мари.

– Ну не знаю, – Антуан на секунду замолчал, а затем уверенно выдал, – например, о том, как ты звонила Катрин и угрожала ей, что забереешь у нее ребенка. Не хочешь рассказать?

Улыбка пропала с губ Мари, глаза опустились с сына на стол, а пальцы рук начали часто переплетаться, словно не могли найти идеального положения для себя.

– Тебе об этом рассказали, когда ты был в России? – тихо и неуверенно спросила Мари.

Антуану понравилось то, что не было глупого и банального в таком случае вопроса: «А кто тебе рассказал?».

– Кто и когда мне рассказал – не важно. Зачем ты это сделала лучше расскажи мне сейчас.

Мари молчала.

– Ты знаешь о том, что из-за твоего звонка ее отвезли в больницу без сознания? И жизнь ребенка под огромной

угрозой. Я давно им не звонил и не отвечаю за то, что сейчас ей уже не делают операцию и что ребенок умер, – Антуан говорил холодно, но затем стал расплытаться, – какую цель ты преследовала? Зачем тебе ее ребенок!?

– Это и твой ребенок тоже, – будто услышав лишь последнюю фразу из монолога сына, ответила она, – и ты имеешь на него такие же права.

– После того, что я сделал в день свадьбы я не имею на него никаких прав. А ты не имеешь их и подавно.

– А когда ты стал таким благородным и когда решил пойти против свой матери? – Мари определенно не нравилось, что ее «прирученный» сын так себя ведет.

– Зачем тебе ее ребенок? – пропустил вопрос матери Антуан.

Тут Мари резко поменяла тон на заботливый.

– Чтобы мы его с тобой воспитывали, дорогой, – она взяла сына за руку, – у нас с тобой будет ребеночек, а мы будем для него мамой и папой. Разве ты этого не хочешь?

Антуан опешил от таких слов матери и не мог подобрать своих, чтобы ей ответить.

– Представь, – продолжала Мари, – он будет всегда с нами. А мы будем за ним ухаживать. Смотреть как он будет расти, развиваться...

Мари все еще говорила, но Антуан не слышал ее. Гул раздавался в его ушах. Он смотрел в одну точку, опустив голову вниз. Сейчас он окончательно увидел, что его мать ненор-

мальная. Он не хотел говорить сумасшедшая. Ее слова, то, как она их произносила, какой у нее был взгляд в этот момент говорили о том, что из этого ребенка она хочет сделать «второго Антуана». Он начал чуть дрожать.

«Нет, нет, нет! Не будет тебе второй собачки».

Антуан забрал свою руку из ее руки и поднял голову.

– Оставь в покое ребенка и я буду всегда с тобой. До конца жизни, – сказал он.

– Милый, ты меня не услышал. Это же будет наш ребенок. Девочка или мальчик.

– Ты хочешь сделать с ним тоже самое, что сделала и со мной? – Антуан уже зло смотрел на мать, – хочешь испортить ему всю его жизнь!?

– А твою жизнь я испортила?

– А как ты думаешь сама? – ненависть и любовь к Мари сейчас переплелись внутри Антуана.

– Я сделала ее краше для тебя. У тебя всегда есть рядом человек, с которым ты можешь делать все! Кто еще тебе такое позволит? Эти молодые дурочки, которым нужны лишь твои деньги, чтобы сосать их из тебя, порой снисходя до того, чтобы лечь с тобой в постель, постонать несколько минут, и все. Такой искренности и чувственности как от меня у тебя не будет ни с кем.

– Были у меня такие чувства и такая же искренность. Но благодаря тебе, благодаря тому, что ты не хотела отпустить меня от себя, все это пропало. Ушло и уже не вернуть это

будет.

– Значит были такие чувства, раз не смогла она принять тебя такого.

Любая логика или хотя бы близость к ней пропала из слов Мари.

– Ты понимаешь, что ты говоришь? Как она может выдержать такое? Еще, если бы я был просто с другой девушкой, она могла бы еще простить. Но я был с матерью.

– А чем я отличаюсь от другой женщины?

– Хотя бы тем, что ты родной человек, – тихо, смотря в сторону, заметил Антуан.

– А чем это причина? Слушай, все эти моральные устои и прочее, которые говорят о том, что нельзя спать с родными людьми, нельзя любить их и хотеть как женщину или мужчину – такой бред. Но почему так заведено? Может быть мой сын для меня идеал мужчины. Что мне тогда делать? Изводить себя и скрывать это или же открыться?

Антуан не мог не признать, что какая-то рациональная мысль в словах матери была и что где-то, возможно, она и права.

«А, действительно, кем придуманы эти правила?»

– Кто бы это все не придумал, не принял... в любом случае то, чем занимаемся мы с тобой – ненормально. Я не хочу прожить всю жизнь так, но больше я не хочу, чтобы мой ребенок окунулся в тоже самое, во что и я.

– Да почему!?

В этот момент Антуан увидел официанта, который направлялся к столику и нес блюда, заказанные ими.

Разговор был прерван. Антуан и Мари принялись ужинать. Однако, прием пищи после серьезных разговоров уже не приносит должного наслаждения. Все происходит будто автоматически. «Ем – потому что надо» – так можно это описать. И ценность еды теряется, а ее вкус сразу же пропадает. Ты просто ее не чувствуешь, она проходит словно сквозь тебя настолько быстро, что не успеваешь ее распознать. Ощущение, что если бы в тарелке сейчас лежал кусочек резины или кожаного ремня, то ты все равно бы его съел. Мозг не может сконцентрироваться на еде, впрочем, как и организм в целом. Внутри либо бушует возбуждение после разговора, которое не может иссякнуть также быстро как и появилось, либо прокручиваются варианты действий, что тоже неблагоприятно сказывается во время приема пищи.

Сейчас между Мари и Антуаном различие было лишь в одном – она ела с аппетитом, а он без. Видно было, что на Мари разговор между ними особо не повлиял. Для нее он такой же обыденный, как для другого человека разговор о спорте, фильмах, политике и прочем. Она знала к чему идет и шла уверенно, не собираясь отступить. В голове Антуана же все крутились слова Александра, которые он ему сказал в день развода, взгляд Екатерины, когда она застала их с матерью и Жоржем в туалете ресторана. А главное, Антуан не знал куда сейчас качнутся его внутренние весы. Пойдет ли он

против Мари до конца или же останется с ней на всю жизнь. Его раздражало то, что его мать так спокойна, так легка после разговора о таких серьезных вещей. Но он понимал, что ее правда постепенно поглощает его, и он уже был менее уверен в своих силах. Она говорит четко, уверенно, что и перечить ей трудно. Радость Антуана от того, как он поставил ее в неловкое положение вопросом о звонке, улетучилась после того, как Мари словно перевернула все наоборот. И уже он чувствовал себя неловко. Антуан все больше понимал, в какую сторону качнуться весы уже совсем скоро, и понимал, что сам он не сможет справиться. Его нужно было спасать, но это не нужно было никому со стороны. Перед разговором в ресторане ему казалось, что у него хватит сил вытащить себя из всего этого и что он нашел этот выход. Но все оказалось не так и сейчас он готов приклоняться перед матерью, делать все то, что делает с ней начиная с шестнадцати лет. Весы уже заметно перевешивают в сторону того, чтобы остаться на всю жизнь с Мари. Он понял, что устал бороться только начав, понял, что не может.

«Стоит ли снова пробовать, снова пытаться? А вдруг снова ничего не выйдет? Вдруг все будет также, как произошло когда я был с Екатериной и придется вновь испытывать все вот это? А что со мной будет, если я уйду от матери насовсем?»

Он не видел для себя другого исхода кроме как остаться с Мари. Куда бы, к кому бы он не уходил, в конце концов

он вернется к матери. Весы окончательно перевесили в одну сторону и больше не встанут в равновесии никогда.

– Чего ты молчишь? – спросила Мари, прожевав.

– А о чем говорить? – Антуан не поднимал глаз и механическими движениями орудовал ножом и вилкой.

Общение в остаток вечера так и не клеилось. Нормально-го ужина тоже не вышло. Осталась лишь пустота у Антуана внутри.

Поздним вечером они вернулись домой. В это время, в одной из квартир дома в Лионе, были слышны только крики, удары, чавканье. В комнате, окна которой были занавешены плотными темными шторами, Антуан делал все, что только ему хотелось со своей матерью.

– Ты! Ты испоганила мою жизнь! – он был сзади, а она спиной к нему, выгибаясь всем телом, с упором на локтях.

Ей казалось, что не только кровать, а вся комната ходит ходуном. Глаза ей было очень тяжело держать открытыми, а рот она не могла закрыть.

– Да, да! – кричала она, в перемешку со стонами, когда Антуан грубо, быстро, и резко, не останавливаясь, двигался в ней, – Давай, Давай! – она кричала это, повернув голову к нему.

– Ты, дрянь! – не прерывая движений он шлепал ее со всей своей силой. Казалось, что он просто бьет ее.

– Да, да! – только и кричала она на выдохе.

Он взял ее за волосы и заставил выгнуться так сильно, что

она закричала: «А-ааа-а!». А сам чуть наклонился и сказал ей на ухо с такой злобой в голосе, что ее ноги, да и все тело, которое уже дрожали, стали дрожать намного больше:

– Ты мне ответишь за все, шлюха! – он толкнул ее в затылок, не выпуская волосы из руки и стал вдавливать ее голову в матрац, а его движения в ней стали менее быстрыми, но он стал прикладывать в эти движения всю силу. Позже он зажал сверху ее голову подушкой. Свободной рукой он продолжал и продолжал ее шлепать-бить, – ты наплевала на отца и на память о нем!

От такого она через несколько секунд стала бить руками о кровать, как бьет дзюдоист по татами, когда его берут на болевой прием. Она задыхалась. И в этот момент у Антуана закралась мысль – «а что, если не поднимать подушку, а надавить еще сильнее?». Даже взгляд его как-то изменился. В одну секунду в нем сошлись полярные мысли – отпустить или убить. Но во вторую секунду он откинул подушку, что так снесла «на своем пути» светильник, ударилась об стену, и упала на пол. Он поднял ее за волосы обратно. Она пыталась отдышаться. Он прекратил движения и было слышно только тяжелое дыхание Мари.

– Не переживай моя любимая, – свободной рукой он провел от ее виска до шеи, а потом обеими руками стал мять ее грудь, – убивать я тебя не собираюсь, – она уже стонала от ласк груди, – но и жалеть – не буду! – он прокричал «не буду» и как адская машина стал двигаться в ней снова. Она

вскрикнула. С началом движений он ее отпустил, она упала всем телом на кровать. Он сжал пальцами ее бедра с такой силой, что его короткие ногти впивались в ее кожу и стала чуть сочиться кровь. Она вцепилась пальцами и оставшимися ногтями (большенство ногтей на пальцах рук было уже сломано) в простынь, подушку – все что было. Она уже кричала во все горло. Кричала, но и сама продолжала двигаться и иногда улыбалась.

Он отпустил ее бедра и от этого боль усилилась. Кровавыми пальцами он взял ее за лицо, закрыв ей род, и потянул на себя. Языком Мари лизала эти пальцы.

– Ты довольна тем, кто я теперь!? Довольна!? – он кричал и тряс ее во время этих вопросов.

Она посмотрела на него, он чуть разжал пальцы, чтобы она могла сказать:

– Да, – ответила она и чуть посмеялась. Яростью залились глаза Антуана.

Он отпустил ее и несколько секунд не было действий. Потом Антуан перевернул ее на спину. Кровь на ее бедра была размазана, а следы остались и на белье. Он взял разорванный лифчик с кровати (он его именно порвал, а не снял с Мари), понюхал его и получил наслаждение. Мари лежала, смотрела на него и улыбалась. Но блаженство резко сменилось на вернувшуюся ярость. Он рывками раздвинул ее ноги, потом оказался в ней, а когда начал движения, то лифчиком он стал закрывать, как кляпом, ее рот.

Прошло немного времени и он с криком выплеснул все из себя, не прекращая движений.

– Да! Да! Я чувствую все! – кричала Мари и обхватила сына, поднявшись к нему.

А потом все тело Антуана обмякло, руки уже его не держали и он просто повалился на Мари. Она гладила его по спине и затылку.

– Ты дрянь, – сказал сквозь частые вдохи и выдохи Антуан.

– Да, – нежным голосом ответила Мари.

– Мразь.

– Да, – она протянула звук «а».

– Шлюха.

– Только твоя шлюха и больше не чья, дорогой, – она приподняла его голову и они посмотрели в глаза друг другу. Слезы были на щеках и в глазах Антуана. Мари языком облизнула слезы с щек.

– Я люблю тебя, – сказал он, всхлипывая, тяжело дыша и часто моргая.

– И я тебя, мой милый.

Так они и жили дальше. Секс сквозь слезы и любовь сквозь ненависть. Мари постоянно была в синяках, ссадинах, и с улыбкой на лице. А Антуан был мрачен, испытывал ненависть ко всему. И только она могла облегчить ему жизнь. Мари подарила жизнь Антуану, она же, спустя шестнадцать лет после этого забрала ее навсегда.

САНКТ—ПЕТЕРБУРГ

– Черт.

Александр был в туалете, когда раздался телефонный звонок. Елизаветы дома еще не было, поэтому трубку взять было некому. Как назло, в туалет он пошел по большой нужде, а это всяко занимало больше времени. Телефон все звонил, когда он вышел, поэтому он проследовал к телефону, миновав ванную комнату и поднял трубку «чистой» рукой.

– Да, – немного раздраженно, сам того не замечая ответил он.

– Bonjour, – услышал он приветствие на знакомом французском.

– А, Антуан, – Александр тоже перешел на язык, которые знал, – добрый вечер, – Как ты?

– Нормально, – это было то самое «нормально», которое говорят тогда, когда плохо, – как там Катрин?

Александр чуть напрягся. Действовать нужно было быстро и поэтому мысли «бегали» в его голове.

«Что же ему ответить?»

– Мать рядом с тобой сейчас?

«Сказать что ребенок умер?»

– Нет.

«Или сказать что все хорошо, но чтобы передал матери, что он умер?»

– В общем...

«Екатерина еще не родила, но должна со дня на день».

–...ребенок...

«А если его мамаша приедет тут же?»

–...он умер.

Молчание на другом конце длилось несколько секунд. Да и сам Александр не знал, что сказать.

– Как так? – наконец спросил Антуан.

– Скажи спасибо своей матери.

Александр понимал, что поступает жестоко по отношению к Антуану, но нужно было исключить любой риск того, что кто-то кроме родителей узнает о том, что на самом деле придумали Екатерина, Александр, и Елизавета. Антуан мог в любой момент открыть все своей матери.

«Еще родителей же Лизы встречать ехать (Александр посмотрел на часы). Нужно будет выдвигаться скоро, чтобы добраться до Витебского на метро, а оттуда недалеко и до гостиницы. Как всегда все в один день».

Родители Елизаветы действительно приезжай сегодня, на вечернем поезде.

– Я не хотел, чтобы так произошло, – робко и искренне говорил Антуан.

– Ты не виноват, – Александр слышал всхлипы на другом конце, – и тебе сейчас я могу посоветовать тоже самое, что говорил ранее – беги от нее. Не сделаешь этого сейчас, не сделаешь никогда этого. Это ни указание, ни руководство к действию, и тем более ни приказ. Это лишь дружеский совет. Вот и все.

«Все равно он не сможет».

После нескольких секунд молчания, Александр принял решение приближать разговор к завершению.

– Я передам Екатерине, что ты о ней интересуешься и переживаешь за нее. Но у меня к тебе будет просьба.

– Какая!?! – с живостью, которой Александр не ожидал, спросил Антуан.

– Если твоя мать решит приехать сюда и лично убедиться в смерти ребенка – не дай ей этого сделать. Екатерина слаба, мы с женой только-только усыновили ребенка... Нам не нужны лишние переживания и потрясения, – Александр добавил трагичности в голосе.

– Хорошо! – тут же подхватил Антуан, – я об этом позабочусь, – Александр услышал, как чиркнула спичка о коробок.

– «Житан»? – с улыбкой спросил Александр.

– Ага. И «Эвианом» запиваю, – оба посмеялись.

– Удачи тебе. Всего доброго!, – пожелал Александр.

– И тебе. Салют!

– Салют!

Александр положил трубку и сейчас его настроение улучшилось.

«Если у него все получится, то и план не понадобится. Все бумаги будут не нужны. Хотя...ничего не мешает заявиться ей через месяц, год, пять лет. Она же сумасшедшая. Но Катюку придется лишиться ребенка. Это факт. Какой только... (Александр выругался) не бывает в этой жизни. Того, во

что я сам бы никогда не поверил, если бы услышал».

Александр стал собираться, чтобы поехать встречать родителей жены на Витебском вокзале.

Александр встретил тещу и тестя, помог им добраться до гостиницы, развлекая непринужденной беседой. Когда они уже сидели в номере, точнее мужчины сидели, а женщина обустроивала номер, то мама Елизаветы, достав из сумки очередную вещь, проходя мимо, спросила:

– Так что вы там решили с Лизой с ребенком?

Александр не мог не ждать этого вопроса. Поэтому еще со вчерашнего вечера они с женой договорились, что если об этом спросят, а об этом скорее всего спросят, то он им все сразу и расскажет.

«Хорошо ты, Лиза, самоустранилась» – с улыбкой подумал Александр, а затем принялся отвечать на вопрос тещи и подробно все рассказывать, начиная с поезда «Париж-Москва». Да так, что через пару минут теща уже не разбирала вещи, а сидела рядом с тестем, слушая рассказ зятя. Конечно же, родители Елизаветы были ошарашены такой ситуацией. С тестем Александр ладил хорошо, впрочем, как и с тещей, но порой давало знать о себе прошлое офицера.– Ну и как такое вышло? – в речи тестя сквозил пафос.

– Ну мало ли что случается в жизни, что происходит, – спокойно отвечал Александр.

– Ну с нами же такого не происходило, – не упуская возможности, подметил тесть.

– Не зарекайтесь, – со злой улыбкой ответил Александр, все больше заводясь.

– Ну и что вы собираетесь делать?

«Достал он со своим «ну». Ну-ну, ну-ну. Других слов больше нет?»

– Я вам только что все рассказал.

– Глупо

– Чем же? – саркастически улыбнулся Александр.

– Всем.

– Ну предложите нам идею лучше. Мы с удовольствием выслушаем.

Как и всегда такое бывает, не зная что ответить, тесть перешел к другому. К нравоучениям.

– Ничего не понадобилось бы делать, выдумывать, если бы не дошли до такой ситуации. Детей нужно рожать уже в семье.

«Сам то как первый раз женился? По любви или из-за заделанного ранее ребенка»

– У каждого происходят разные жизненные ситуации и обстоятельства, – все больше сдерживаясь, отвечал Александр.

– Все зависит от человека. Он сам для себя решает.

– Ну вот человек все решил сам, а вы его осуждаете сейчас за это. Как же так? – разводя руки в сторону, сказал Александр, – противоречие возникает.

Беседа переставала быть дружелюбной, «семейной». По-

пытки тещи вмешать не увенчались успехом. Тон разговора поднимался.

– А в какой обстановке будет рожден ребенок вы подумали?

– Ребенок родится у тех и вокруг тех, кто его любит, кто им дорожит, – быстро ответил Александр, словно подготовил фразу заранее.

– Что за мужики пошли, – показывая вальяжно рукой на зятя, сказал тесть, – вместо того, чтобы разобраться с этим уродом французским, мы говорим здесь о любви.

– А бить друг другу морду это признак настоящего мужика? Ну тогда я не настоящий мужик. Так тому и быть. Ваша дочь спит не с мужиком. Настоящий мужик должен, наверное, спирт выжирать с водой, материться, и унижать всех вокруг, выпячивая себя. Такого мужа вы хотели для своей жены? – Александр нарочно привел именно это примеры, чтобы тесть почувствовал, что сидит словно перед зеркалом и вспомнил себя.

– Разговор не об этом. А о ребенке.

– О ребенке я сказал все. Он наша забота.

– Ничего вы не понимаете, – закончил тесть, сделав непонятно откуда взявшийся вывод.

– Наверное, так оно и есть, – с иронией сказал Александр и встал, – может, оно и к лучшему. Всего доброго. До свидания.

Он попрощался, поцеловал тещу, которая сказала ему

обычные после таких разговоров слова, из серии «не горячись», «все в порядке». Тесть руки не подал, поэтому и Александр не протягивал свою.

«Надулся».

Он вышел на улицу и пошел в сторону ближайшей станции метрополитена.

«Самый, бля, здесь умный нашел. Да...не знаю каким о был в молодости, я не видел. Но если таким же, то я не понимаю, как за такого вот можно выйти замуж, а главное полюбить. Хотя каждому свою, может им вместе и комфортно, раз живут. Это личная жизнь каждого. Но вот это вот все просто выбешивает и выводит из себя. Словно специально, чтобы испортить всем настроение, он придумывает эти вот конфликты. Кому, нахрен, нужны в семье эти нравоучения? Можно же нормально сесть поговорить, обсудить. Если несогласен, то высказаться спокойно, подумать, осмыслить. А здесь, блядь, «Нет, я сам все знаю. Так плохо, так еще хуже. Вот со мной такого не было», а лучше он все равно ничего и не предложит. (кто-то хотел что-то спросить у Александра, но его выражение лица не располагало сейчас к общению, поэтому человек вильнул от Александра также быстро, как и секунду назад к нему). Как же меня это все достало. Плюс с этим мужиком...ему интересно самому не надоело говорить одно и то же».

Александр постепенно чуть успокоился, развеив свои мысли приятными воспоминаниями. И когда он уже дошел

до метро и спускался на эскалаторе под землю к электричкам, то достал книгу и принялся читать.

Елизавета, конечно же, было уже дома, когда вернулся Александр. Ему не терпелось вкусно поужинать, да еще и запах, который ударил ему в ноздри как только он открыл дверь, только усилил это желание. Но прежде всего нужно было все рассказать Елизавете о том, как прошла встреча с ее родителями. Александр не стал ничего скрывать и рассказал все подробно и довольно красочно.

– Саш, ну ты же его знаешь, – сказала Елизавета, когда ее муж закончил рассказ.

– Знаю. И так терпел как мог, ты же меня знаешь. Но он как пошел нести ерунду в своих нравоучениях. Я же долго терпел, но вечно терпеть я не могу, – он говорил активно используя жестикуляцию рук и мимику, – понимаешь, меня это искренне выбешивает. Дома он вот такой, а как выйдет «в люди», то начинает жопу всем лизать, но с напыщенным видом. У них это отработано. Где-то нужно подлизать, а где-то пойти по головам. Так ты же сама его знаешь – здесь он самый умный, а там – ему можно втирать что угодно и он поверит в это. А если ты начнешь переубеждать его в правильном направлении, то от тебя он просто отмахнется. В нем буквально сквозит себялюбие и самодовольство там, где в этом нет необходимости.

– Я все понимаю, Саш. Такой вот у него характер.

– Ну а зачем меня учить? Ладно, если бы говорил что-то

дельное и нормально, а не всякую хрень в таком тоне. Да все они такие, – Александр отмахнулся, – ладно, – он перешел с раздраженного тона на нежный, – давай ужинать. Пахнет, – он втянул ноздрями воздух, – очень вкусно.

– Сейчас, – повеселела и Елизавета. С одной стороны ей, конечно же, были не очень приятны слова об отце, но с другой стороны она понимала, что муж прав.

Когда она встала, чтобы пойти на кухню, Александр не упустил возможности потрогать ее попу, которую облегал красивый халат. Она развернулась и широко ему улыбнулась.

После ужина оба уже не могли сдерживаться. Александр быстро убрал все со стола, отнеся грязную посуду на кухню, а затем посадил на стол жену. Елизавета легла и глаза ее смотрели на потолок, пока над ней не навис Александр. Теперь она видела только его лицо и все его эмоции, когда ее тело начало двигаться, скользя по столу, и содрогаться. Она стонала все громче, все сильнее сжимала руки мужа, который громко дышал и тоже стонал, держа её своими руками. Он не форсировал, не ускорял движения – было не то настроение. Хотелось, чтобы все было размеренно, чувственно, плавно. Но вечно это продолжаться не могло, поэтому, когда организм дал понять Александру, что скоро он извергнет из себя множество полезных веществ, то Александр ускорился на последние секунды. Тело Елизаветы стало чуть ли не биться об стол. А затем, после мужских и женских криков и стонов,

наступила тишина, нарушаемая лишь частыми и громкими вздохами.

Когда наступил уже поздний вечер, и Елизавета с Александром лежали вдвоем в кровати под теплым одеялом, засыпая, а свет во всей квартире был погашен, раздался телефонный звонок. Александр резко встал, как только сквозь сон услышал пробивающиеся звонки, и, шаркая тапками по полу, подошел к телефону. Елизавета плавно повернулась на спину, пытаясь продрать глаза, и потянула руки перед собой, «к потолку».

– Да, – сказал Александр дремотным голосом, подняв трубку.

– Александр? – услышал он женский голос на другом конце.

– Да.

– Это из родильного дома номер один. Андрон Иванович, – Александр сразу взбодрился и сон ушел, – просил вам передать, что у вашей сестры начались схватки.

– Спасибо, что передали. Мы сейчас приедем, – сам не понимая зачем, сказал Александр последнюю фразу женщине.

«Будто ей важно знать о том, что мы сейчас приедет».

– Всего доброго.

– Взаимно, – Александр положил трубку.

Он сразу сказал громко жене:

– Собирайся. Катюха рожать собирается, – сейчас никто из них не обратил внимания на нелепость фразы.

– Да я уже поняла, – отозвалась Елизавета.

Когда он зашел в комнату, то застал жену, которая уже надевала бюстгальтер.

– Сколько схватки длятся?

– Ну час-два, если все в порядке. Могут дольше.

– Понял, – Александр надел носки и стал натягивать брюки.

Они быстро собрались, но не в спешке, и вышли на улицу. Прогрев, меньше обычного, машину, Александр тронулся.

Ночью дороги были свободны, поэтому доехать до места назначения можно было быстро. Александр и Елизавета не нервничали, скорее это было возбуждение, которое переполняло их, и которое передавалась телу от мыслей. Через несколько часов в их жизни должны наступить перемены. Причем кардинальные. Никто из них не знает что именно будет, но оба знают, что сейчас они проводят последние часы «старой» жизни перед наступлением «новой». Дорога, по которой кататься колеса их автомобиля, ведет их к иному, еще не познанному, неизведанному, закрытому до сегодняшнего дня. Они едут, провожая последние, уже даже не часы, а минуты февраля. А значит, и последние минуты зимы. Ребенок родится в первый день весны. Как меняется, оживает природа весной с приходом тепла, так и рождение ребенка приходит в жизнь Александра и Елизаветы, как символ «новой» для них жизни. Но ни Елизавета, ни Александр, несмотря на все эмоции, не забывали о том, при каких обстоятельствах

зачат ребенок и какие события предшествовали и сопровождают его рождение. А они действительно были ужасны. Никто не мог «залезть в голову» Екатерины и узнать ее мысли. Но в этом нет необходимости, чтобы понять, что ей от этого не может быть приятно. Ей придется отдать буквально часть себя. Пусть она отдает родным людям, в добрые руки, но ключевое слово здесь «отдает». Одно дело отдать книгу, пластинку, да даже деньги, но чтобы отдать своего ребенка это нужно пережить сильные эмоциональные переживания. И неизвестно как это все скажется на здоровье ребенка, его психике.

– Скажи, – начала Елизавета, – ты когда-нибудь думал, точнее... мог бы себе предоставить, что возможна такая ситуация, в которой оказались мы втроем?

– Нет, – угадывая мысли, жены ответил Александр.

– И я нет.

– Да ни одному нормальному человеку такое в голову не придет никогда.

Из приглушенного радио раздавалась песня, написанная Элтоном Джоном и Берни Топином «Goodbye Yellow Brick Road» с одноименного альбома. Этот альбом Александр любил еще с того времени, когда писал его на пленку с английской пластинки, которую взял на пару дней. До сих пор он так и не купил этот двойной альбом и не слушал его полностью уже давно.

– Чего только в этой жизни не бывает, – продолжала Ели-

завета.

– А что бывает! – с улыбкой сказал Александр, – что бывает, – заключил он уже без улыбки.

– Как думаешь, заявиться мамаша?

– Честно, не знаю. Надеюсь, что нет. Но произойти может всякое. Мы ни от чего не застрахованы.

– Это верно, – на выдохе сказала Елизавета.

Александр припарковал свой автомобиль и они вдвоем быстрым шагом пошли к больнице.

– Добрый вечер, – Александр обратился к женщине за стеклом, – нам звонили от Андрона Ивановича.

– А, да, да. Александр? – поинтересовалась женщина.

– Да.

Елизавета встала рядом с мужем.

– Ну вы понимаете, что наверх вам нельзя. Ждите здесь. Андрон Иванович спуститься к вам как только закончатся роды.

Возможно, такой скорый приезд не был необходимостью, но это эмоции.

– Спасибо, – сказали Александр и Елизавета одновременно и отошли в сторону.

– Что делать будем? – спросил Александр.

– Ждать, – ответила Елизавета.

Они сели на скамейку.

Время тянулось и тянулось. Александр поглядывал на часы по несколько раз за минуту, что впрочем не ускоряло,

а даже замедляло течение времени. Но нужно было только ждать. Одно из самых неприятных чувств – ожидание. В этот период ты не можешь ничего уже сделать, от тебя ничего уже не зависит, ничего нельзя изменить, невозможно вмешаться. Приходится просто ждать. Для разных ситуаций этот процесс может растягиваться от нескольких минут до нескольких лет. Нервы напряжены, накал переполнен, эмоций уже просто не осталось. Но необходимо ждать, потому что больше ничего не остается. Во время ожидания все отходит на второй план, кроме самого процесса. Трудно сосредоточиться на чем-то другом, когда ждешь. То есть, получается, что и там ничего нельзя сделать, но и другим заняться довольно проблематично. Каждый нерв Александра был напряжен. В его голове словно стучали отбойным молотком, а в ушах был слышен звон. Состояние Елизаветы практически не отличалось от состояния мужа. Он даже и не думал, что она настолько переживала все это. А она действительно переживала. Не подавая вида снаружи, она каждый день все больше и больше накручивала себя, сама не понимая для чего. Ее голова была полна самых разных мыслей, там прокручивались сотни линий связи, сотни исходов. Она очень уставала не от работы в школе, а от работы мысли. Она читала лекцию, писала на доске, проверяла работы на автомате, по привычке, по памяти, потому что ее мысли были заняты не тем, чего требует учебный процесс. Но при всем при этом, она не была похожа на «приведение». Она была все также активна, мила,

бодра. Вот только наедине с собой, она давала волю чуть выпустить эмоции и чувства. Очень хорошо «очищать голову» помогал секс. Тогда она просто отключала мозг и получала удовольствие. В такие моменты Александр, если бы захотел, мог делать с ней все, что только пожелает. Она не была бы против. Она сама бы просила его не останавливаться. И ей бы это нравилось. Порой, жизненные ситуации могут поменять человека до неузнаваемости.

Так что же выходит – каждый из нас немного маньяк? Да. В каждом человеке живут инстинкты насильника, убийцы, извращенца, вора, садиста, мазохиста и другие. Вопрос лишь в том – выпускать их из себя или же нет? Мы их сдерживаем внутри себя до определенного момента, до определенной ситуации. Кто-то проносит их «запакованными» всю жизнь, а кто-то их открывает. Кто-то умеет их контролировать и выпускать когда это необходимо и закрывать когда нет необходимости. Долгий ли путь от тихого и спокойного человека до настоящего зверя? Нет. Хватает одного шага, чтобы кардинально поменять человека. Еще вчерашний тихоня, которого гнобили несколько человека, сегодня убивает своих обидчиков. Но он не будет делать этого для удовольствия. Его довели до этого, подвели к такому шагу. И он не будет убивать всех вокруг, а только своих обидчиков. Он ощущает желание сделать это, но не получает от этого удовольствия. Но сделав, получает умиротворение и мигом успокаивается, сам, возможно, до конца не осознав что именно сейчас он сде-

лал. Нужно капать землю, чтобы получать урожай. Женщина, один раз сказав мужчине в постели: «Делай со мной все, что хочешь» – не представляет как опасны эти слова. Как и для нее самой, так и для мужчины. У кого-то может просто, что называется, переключить все и обратно, к нежности, будет уже просто невозможно вернуться. Для любого поступка может хватить лишь одного слова, одного, пускай даже незначительного, движения, одного взгляда. Что движет человек доподлинно еще неизвестно. Но нормальность дается очень тяжело. Это постоянное сдерживание напряжения, удерживание в себе всего самого трудного и страшного. Каждый в жизни хотя бы раз думал о том, что в обществе называется «плохим». Все говорят как это плохо, ужасно, но наедине со своими мыслями думают о том же самом. Только кто-то думает, а кто-то еще и делает. Очень много в нашей жизни хитросплетений и путаницы.

А время все шло. И ничего не менялось, кроме редких людей проходящих и уходящих и врачей, проходящих мимо них.

– Знал бы, книжку с собой взял, – сказал устало Александр.

– А ты думал как будет? Ясно же было, что к ней нас не пустят, – с уставшей улыбкой говорила Елизавета.

– Может, тебя домой отвести?

– Зачем?

– А чего тебе тут сидеть. Поспишь. А я тебе все уже потом

расскажу.

– Нет уж. Сидим вместе, – она прижалась к мужу.

Он приобнял жену. Но через несколько минут уже вновь заерзал.

– Ну чего ты?

– Ну не люблю я ждать вот просто так, – Александр встал, – это хуже.

– Я знаю. Но что из этого? Ускорить процесс мы не можем.

Через секунду оба улыбнулись фразе Елизаветы.

– Согласна, глупо сказала, – проговорила она сквозь улыбку.

Александр подошел к женщине за стеклом.

– Ты куда? – спросила жена.

На ее вопрос Александр, не оборачиваясь, только согнул левую руку в локте и выпрямил указательный палец, мол, «подожди».

– Извините, – обратился Александр к женщине, которая, в отличие от них, была довольно бодр.

– Да, да?

– У вас нет чего-то типа нарды, шахмат, карт?

У женщины было удивленное лицо, однако она что-то подняла со своего стола, а через секунду положила колоду карт перед Александром.

– Спасибо.

– Не за что, – с улыбкой сказала она.

Александр возвращался к жене, демонстративно покачи-

вая колодой карт в согнутой руке.

– В дурочка?

– Ты неисправим. У него сестра рожает, а он.., – о махнула рукой и посмеялась, а потом добавила, – Давай.

Они сели друг напротив друга, сдвинули в сторону вещи и начали играть.

Партии они выигрывали сначала в шахматном порядке, но затем несколько подряд выиграл Александр. Они продолжали играть, меняя виды карточных игр. Время так действительно прошло быстрее и они не сразу услышали приближающиеся шаги. Александр повернул голову и увидел приближающегося Андрона Ивановича. Он положил карты, Елизавета сначала не поняла, но затем увидела куда смотрит муж и тоже освободила руки и поднялась со своего места. Встал и Александр. Андрон Иванович махнул им рукой из далеко и чуть улыбнулся. Александр и Елизавета пошли навстречу.

– Здравствуйте, – поприветствовал Александр.

– Здравствуйте, – они пожали руки, а Елизавете он чуть поклонил голову в знак приветствия.

– Ну как она? – Андрон Иванович вроде бы хотел что-то сказать, но Александр спросил его раньше.

Пауза казалась слишком большой, однако, на самом деле они молчали пару секунд.

– Она родила.

Они широко раскрыли глаза и обнялись, крепко прижавшись друг к другу. А на глазах Елизаветы появились слезы.

Слезы радости. Эмоции наконец смогли вырваться наружу. Александр пытался их сдержать, а вот Елизаветы открыла их все.

Андрон Иванович не вмешивался, а лишь кротко улыбался. Понадобилось время, чтобы они вновь взглянули на него.

– Извините, – сказал Александр.

– Ничего страшного, я все понимаю, – он продолжал улыбаться.

– Секунду, – Александр подошел к скамейке, собрал колоду и вернул ее женщине, – спасибо, – сказал он ей, а затем подошел обратно к жене и Андрону Ивановичу.

– Вот ваши документы, – он протянул файл с бумагами. Александр взял их в свои руки, – а вот тут, – Андрон Иванович указал на лист бумаги на планшете, которая была у него, – нужна ваша роспись. Дата, время рождения, вес, рост. Тут все как и в ваших документах. Прошу, – он развернул планшетку «лицом» к Александру.

Александр передал файл жене и взял планшет с бумагами из рук Андрона Ивановича. У врача он попросил и ручку. Но тут он резко заколебался. Это свойственно человеку в ответственный момент. Он отошел в сторону и присел на скамейку, где до этого они с Елизаветой играли в карты. Елизавета же и Андрон Иванович остались на месте и общались между собой, как услышал Александр по обрывкам фраз, судя по всему говорили о том, как прошли роды, все ли хорошо, все здоровы и о другом в том же духе.

Александр сел и находился будто «не здесь». Сейчас, одним росчерком, он должен «отобрать» у сестры ею же рожденного ребенка. Все разом стало сложно и трудно. Когда он «носил» свой план, то до родов все казалось легким и простым, даже гениальным, однако сейчас, когда этот маленький комочек мужского пола и весом (он бросил взгляд на бумаги) около четырех килограмм уже появился на свет в этом мире, Александр задумался.

«Подписывать или нет? Выходит, что я распоряжаюсь тем, что мне не принадлежит? Распоряжаюсь чьей-то жизнью? (он вертел пальцами левой руки ручку, производства известной Великобританской компании) А если Антуан сможет не допустить больше никакой связи его матери с нами? Стоит ли сейчас это вот делать – забирать ребенка у Кати? Может быть он останется с ней... она его родила и ребенок должен быть с матерью. Нет. Я не могу этого подписать. Не могу. Не могу. Не буду. Не стану я этого делать! Не хочу. Надо порвать эти бумаги. Порвать (Александр уже вытащил лист бумаги из-под держака). Я не могу так поступить и не буду этого делать. Не должен быть все вот так».

– Саш! – позвала Елизавета и буквально подбежала к мужу, увидев, как он согнул лист пополам, – что такое?

Следом подошел и Андрон Иванович. Елизавета положила свои руки поверх рук мужа.

– Нельзя так поступать, – спокойно сказал Александр, смотря на стену с противоположной стороны.

– Что такое, Саш? – она села рядом.

– Я не хочу этого подписывать, – он посмотрел на жену и положил листок на планшет, – это жестоко.

Глаза Елизаветы «бегали», смотря то на мужа, то на бумаги, то на Андрона Ивановича.

– А то, что хочет сделать Мари не жестоко? – Елизавета взяла жесткий и серьезный тон.

– А нам, ты считаешь, стоит ей уподобляться?

– Нам стоит защитить ребенка от нее.

– Отобрав тем самым ребенка у матери?

– А ты видишь другой выход!?! – Елизавета повысила тон.

– Оставить все как есть, – Александр говорил спокойно, – мы поддались на эмоциях ей. Выкрутили весь этот хитро... (он использовал некорректное, матерное слово) план, который ни к чему хорошему не приведет.

– Александр, – вступил Андрон Иванович, – но пока ведь, так называемый план, складывается неплохо.

– Можно подождать с росписью и документами? – Александр поднялся с места.

– Нет.

– Аннулировать все эти документы можно?

Елизавета посмотрела на мужа широкооткрытыми глазами, но он этого не видел, зато увидел Андрон Иванович.

– Я имею ввиду все, включая отказ Екатерины от ребенка.

– Пройдемте в мой кабинет. Это не место для таких разговоров.

Они поднялись в хорошо знакомый кабинет Андрона Ивановича, в котором ничего не изменилось с прошлым посещением. «Хозяин» кабинета сел за стол, а супруги перед ним.

– Александр, что с вами произошло? С чего вы решили резко поменять свое решение?

– Я понял, что все вот это, – он указал на бумаги, положенные ими на стол, – бред и идиотизм. Она, я имею ввиду француженку, ничего не сможет сделать, чтобы забрать ребенка у Катерины. И просто нет смысла делать вот это вот все.

– А если она его заберет? – Елизавета говорила спокойно. Она могла резко возбудиться, но ей хватало пары минут, чтобы успокоиться и продолжать мыслить рационально.

– Ну вообще, – оба посмотрели на Андрона Ивановича, который взял слово, – как я говорил вам ранее, это действительно маловероятно. Есть кучи нюансов, которые просто так не обойти. Я знаю, о чем говорю, потому что, поверьте, в моей практике хватало отбитых как папаш, так и мамаш. Ну так вот, Александр, вы настаивали на всем этом, – он побил пальцами по бумагам, – поэтому это все сейчас перед вами. А сейчас вы хотите ничего не усложнять и пустить все как есть. Знаете, я благо общался с большим количеством людей, – он говорил не нравоучительно, а просто делился своим опытом, своей жизнью как делиться друзья, – и пришел вот к какому выводу... что если человек колеблется перед сложным выбором, хочет поменять решение очень сложного во-

проса в последний момент, что называется на флажке, то исход всегда равный. То есть, пятьдесят процентов поменяют решение, а другие пятьдесят нет. И пятьдесят процентов из этих пятидесяти ошибутся, а другая половина окажется права. Абсолютно шансы всех равны. Я скажу лишь то, что думаю – оставьте ребенка с матерью и не придумывайте ничего. А для этого, – он указал на бумаги, – люди уже очень давно придумали спички, – он улыбнулся, – я же наблюдаю за вашей сестрой здесь... каждый раз когда вы уходите она, хоть и ненадолго, она плачет. И знаете, хоть она и просила меня не говорить вам, но я расскажу, чтобы вы были уверены во всем сейчас и владели всей информацией. Как-то утром я зашел к ней, ну по обычным вопросам: как спали, как самочувствие, все ли хорошо, ну и все тому подобное... так вот, – он поднес указательный палец к губам, затем убрал его, – она захотела тогда немного пообщаться, – Андрон Иванович подался вперед и облокотился руками на стол, – и она сказала, что отдает ребенка, соглашается на все это, не потому что хочет, а потому что надо. «Я не хочу этого» – это ее слова. Но это, я думаю, вы и так знаете, потому что... не может быть иначе. Кому бы ей не пришлось отдавать ребенка – сестре, брату, матери, в любом случае она не захочет этого делать. Есть те, кто с удовольствием избавляется от ребенка, буквально выкидывая его как ненужную вещь. Есть те, кто рождает, чтобы получить деньги и тратить, как вы понимаете, их не на ребенка, а на себя. Есть те, кто жалеет от того, что этот ребенок

родится, жалеет от того, что это ошибка, но продолжают его воспитывать. А есть те, кто хочет чтобы ребенок появился на свет и любят его еще раньше его появления. И ваша сестра именно такая. Она не вспоминает прошлого, не думает о проблемах вокруг, а думает лишь о ребенке. Важнее него для нее нет никого и ничего. Я не беру на себя сейчас роль праведника, вы не подумайте, – он грустно улыбнулся, – просто хочу, чтобы вы знали взгляды всех участников и отношения к этой вот ситуации. Екатерина не хочет отдавать ребенка. Не принимайте это на свой счет, она вас безумно любит обоих, это я точно знаю, но любовь к ее ребенку в ней сильнее. Вот такие вот дела.

Александр и Елизавета не сразу ответили на слова Андрона Ивановича. Они обдумали все то, что он только что сказал.

– Ничего не будет. Ребенок останется с Екатериной. Ты согласна? – Александр посмотрел на Елизавету.

Она взглянула на него, затем на Андрона Ивановича, потом на пол, на потолок, и, вернув взгляд на мужа, сказала:

– Я согласна.

– Можете все сжигать, – Александр пододвинул документы к Андрону Ивановичу.

– Вы уверены?

– Да, – сказала Елизавета.

– Да, – сказал Александр.

– Ну что же, – он пододвинул документы к себе, – мне со-

общить эту новость вашей сестре? Она же будет спрашивать, наверняка.

– Сообщите ей, даже если не спросит. Пускай будет ей легче. И скажите, что мать Антуана не будет ничего делать. Так ей и передайте.

– Хорошо, – Андрон Иванович не задавал лишних вопросов, – тогда...вы можете ехать. Я сообщу вам о выписке. Так же, всегда можете поговорить по телефону с сестрой.

– Спасибо вам, – Александр встал и протянул руку, – всего доброго.

Когда они вышли на улицу прохладный ночной воздух смог их охладить. Александр чувствовал какое-то облегчение, а вот Елизавета явно была расстроена. С одной стороны она рада, что не придется забирать ребенка у Екатерины, а с другой – она снова не станет мамой для ребенка, пускай и не родного, не рожденного ею. И сколько ей ждать еще этого момента в ее жизни, она не знает.

ЛИОН

Как только Антуан положил трубку, он пошел в комнату с мундштуком в губах. Мари скоро будет дома и нужно будет делать что-то, а вот что именно Антуан пока еще не знал.

«Значит ребенок все же умер... (он затынулся и закинул ногу на ногу) Дерьмо. И все из-за одного звонка. Ну теперь хоть она успокоится и не будет приставать к Катрин. Но вот если она действительно захочет поехать туда и убедиться лично? (он снова затынулся и глаза у него стали блестеть).

За что ей так? За что Катрин так досталось, что она потеряла ребенка. Лучше бы моя мать потеряла ребенка тридцать лет назад. Толку было бы больше (он затаился). И страдавший другим меньше. А так выходит, что... Нет, нужно с этим кончать. Кончать нужно с этим и больше не думать».

Он сделал последнюю затяжку, а затем сел в кресло и стал дожидаться мать.

Через два часа входная дверь раскрылась. Антуан плавно встал и неспеша пошел в коридор встречать мать.

– Привет, – вяло поприветствовал он ее.

– Привет, дорогой, – она широко улыбалась, снимая пальто, – как ты здесь?

– Да все хорошо. Тебя вот жду.

– Зачем? – она стала расстегивать сапоги.

Антуан быстро подошел к ней и развел полы халата.

– За этим!

Но не успел он этого сказать, как Мари уже сама все начала. Антуан чувствовал наслаждение.

«Нет, не в этот раз. Не в... не в этот».

Он оттянул ее голову за волосы.

– Снимай обувь, раздевайся и ложись на кровать.

– Хорошо, дорогой мой.

Мари стала поспешно раздеваться на ходу к спальне. Антуан специально чуть отстал от нее, давая ей время.

«Сейчас все закончится и больше не будет никаких проблем. Еще немного».

– Ты скоро? Я уже готова, – крикнула Мари из спальни.

– Уже иду, – громко, но сдавленно ответил Антуан.

Он мягко ступал по полу, ведя пальцами правой руки вдоль стены.

«Уже немного. Уже скоро. Совсем чуть-чуть. Чуть-чуть и все закончится».

– Милый!

– Иду!

Он встал на пороге комнаты. Он смотрел на тело Мари, которая раскинулась на кровати. Одновременно ему хотелось отвести взгляд и смотреть не прерываясь.

«Отвратительно».

– Иди уже ко мне. И халатик свой сними, – она смотрела на него узкораскрытыми глазами и была очень сильно возбуждена.

Антуан медленно снял халат, бросил его на пол. Снял домашние тапки и пошел к кровати совершенно обнаженным. Он наклонился к Мари. Когда она попыталась привстать и потянуться к нему, он с силой оттолкнул ее обратно. Она только посмеялась этому.

«Так близко. Последний запах, последний смех, последние минуты».

– Будь во мне, дорогой! – Мари уже почти кричала.

– Как последние десят лет? – ровно и тихо говорил Антуан.

– Как последние десять лет!

– И сколько ты хочешь чтобы это продолжалось?

– Как можно дольше, милый! Давай уже.

– Как можно дольше...

Он перекинул ногу через нее и навис над ней. Мари вытягивала язык в попытках прикоснуться к плоти Антуана. Он будто дразнил ее, очень медленно приближаясь к ней. Наконец он с силой оказался в ее рту и Мари даже закрыта глаза от наслаждения. Он сам двигался в ней, ей оставалось только лежать.

«Последние... ах, да... последние мгновения».

Право рукой он схватил подушку и тянул ее к себе.

«Правильно, держи глаза закрытыми».

Антуан занес подушку над головой.

«Так и лежи».

Он так впился в подушку, что будь его ногти длиннее, он бы ее прорвал.

«Уже скоро. Уже сейчас. Последние мгновения удовольствия, после секунды жизни».

Он резко вышел из ее рта, чуть подался назад и опустил подушку ей на лицо. Он с силой давил сверху на подушку. Мари начала бить руками, пытаться вылезти из-под подушки, но Антуан уже навалился всем телом и когда Мари задохнется было лишь вопросом времени. Секунды длились для Антуана как часы, а для Мари пролетали как мгновения. И с каждой прошедшей секундой у нее оставалось все меньше воздуха и все меньше шансов выжить. И вот движения рук

и брыкание тела стали более вялыми, будто она делает это неохотно. Но Антуан не ослаблял свой нажим. Уже двигалась и пыталась сопротивляться лишь одна рука от всего тело. У Антуана возникло ощущение, будто тело уже умерло, а это рука живет своей, отдельной от тела, жизнью. Он ничего не говорил, а лишь часто и громко дышал. Мари пыталась кричать в начале, но из-за подушки все звуки походили на мычание. Но вот уже и рука упала на кровать и все тело перестало двигаться. Антуан держал подушку еще несколько секунд и лишь потом поднял ее. Ему открылось неживое лицо Мари. Глаза закрыты, рот закрыт, волосы заслоняли половину лица. Он продолжал смотреть на ее лицо и неожиданно для самого себя заплакал, отбросил подушку в сторону. Он слез с уже мертвого тела, лег рядом и смотрел влажными глазами в потолок.

К Антуану приехала полиция и медики через полчаса после звонка, в котором он сообщил о смерти Мари. Антуан ничего не менял в положении тела, в наготе – оставил все как было. Причиной смерти указали удушье. Антуан отвечал на все заданные ему вопросы уверенно и без колебаний. Все, что он говорил отчасти было правдой, а отчасти небольшой придумкой, которая, однако, идеально вписывалась в общую картину жизни Мари.

Но только сам Антуан для себя еще не понял – сегодня он начинит новую жизнь или же продолжает старую, но только без главного ее звена, без фундамента, без опоры?

Дни проходили и вот уже Мари не было в квартире три дня. Антуан сидел вечером в кресле и курил. Свет был выключен, телевизор был выключен. Сплошная темнота была в квартире, куда только из окон мог бы попадать свет, если бы они не были завешены плотными шторами.

Сейчас, когда он один, квартира казалась огромной. Слишком большой для него одного физически и слишком маленькой для его душевных истязаний. Две пустых комнаты, пустая кухня, прихожая, пустой длинный коридор, даже туалет и ванная комната были пусты. И только одна комната занята им, Антуаном. Таким же пустым как и вся квартира. Пустой человек в пустом помещении, наполненным пустым воздухом. Самая маленькая комната из трех, самая уютная и одновременно самая одинокая из всех. Он менял сигарету за сигаретой, не делая перерыва, прикуривал новую от старой. По несколько минут мундштук был у него в губах, в зубах, а руки лежали на подлокотниках. Антуан поднялся с кресла только тогда, когда сигареты в пачке закончились. Он встал и пошел на кухню, где из начатого блока достал новую пачку, а заодно и опустошил уже полную пепельницу. Когда он вернулся и сел в кресло, то огонек спички осветил, хоть и немного, комнату. Он не затушил спичку после того как зажег сигарету. Он смотрел на огонек, не моргая. Антуана завораживало это, он только смотрел. Он не думал ни о чем конкретном сейчас кроме огонька спички, который постепенно приближался к его большому и указательному

пальцам. Огонек мерно двигался. Половина спички уже потемнела и обуглилась. Огонек все ближе к пальцам. Лишь треть спички осталась еще не тронутой огнем. Антуан не моргал. Антуан не думал затушить спичку. Четверть спички еще светлая. Пятая часть. Миллиметры разделяют огонь и кожу. Края пальцев чувствуют тепло от приближающегося огонька. Это было приятное ощущение мягкого тепла, будто заботы. Но вот тепло было уже не мягким, а горячим. Огонек наконец дошел до пальцев, но Антуан даже не дернулся. Он так и не моргнул от момента как спичка загорелась, до момента как она потухла. Он бросил потухшую спичку в пепельницу и посмотрел на свои пальцы, будто видя в темноте следы ожогов на коже. Он откинулся в кресле и закрыл глаза.

Антуан услышал шум в коридоре. Он открыл глаза и повернул голову. Какой-то шорох продолжался и он плавно встал с кресла. Сигарета уже потухла и он, не вынимая ее из мундштука, положил в пепельницу. Короткими шагами он пошел к коридору. Когда он подошел и облокотился рукой на косяк, то, присмотревшись, ничего не мог увидеть из-за сплошного мрака. Двери во все комнаты и на кухню были закрыты. Коридор казался очень длинным, как тоннель в конце которого не было видно света. Он не решался пойти дальше, да и шорох прекратился. Он всматривался, все больше напрягая глаза и кажется мог что-то различить в этом мраке. Например он видел дверные ручки, предметы, которые лежали вдоль коридора. Антуан подумал, что нужно вклю-

читать свет в комнате (коридор был без освещения). Он нажал на выключатель, но свет не включился. Он несколько раз понажимал туда-обратно, но бестолку. Антуан подумал, что пройдет по коридору и включит свет в прихожей, дабы найти источник шороха. Он сделала шаг и вышел из комнаты, оказавшись уже в коридоре. Глаза его все также были сильно напряжены и от этого казалось, что в коридоре становится ярче. Но это был лишь обман, потому что как был мрак, так и остался мрак. Он сделал второй шаг вглубь коридора. Шорох вернулся и казалось, что его источник прямо перед ним, только дальше. После двух медленных шагов он пошел увереннее, делая шаг за шагом. Он дошел до противоположного конца коридора, который переходил в прихожую. Он щелкнул выключателем, но свет снова не включился. Антуан ничего не говорил, а только завис на месте. Шорох перешел в шум, напоминающий стон. Антуан посмотрел в ту сторону, где была дверь в спальню – именно оттуда раздавался сдавленный шум. Антуан медленно пошел к двери, делая шаг так, что носок одной ноги упирался в пятку другой. Он подошел к двери и перед тем как ее открыть посмотрел в сторону комнаты откуда вышел – там было также темно как и во всем коридоре. Антуан открыл дверь в спальню и шум стал ближе, рядом, но окна были также плотно занавешены здесь как и в комнате. Стон шел с кровати. Антуан сделал несколько широких шагов к окну и раздвинул шторы, за которыми был яркий солнечный свет. Антуан не понял как та-

кое произошло. А когда он развернулся, то увидел на кровати Мари, которая лежала на кровати лицом к потолку и высунутым языком. Глаза ее были закрыты. Она стонала. Антуан медленно стал подходить к кровати. В этот момент лицо Мари повернулось к Антуану, а глаза широко раскрылись. Глаза были прозрачными, словно дым, а язык ярко красным, словно в крови. Антуан испугался и отошел к окну. Он стал задыхаться, а Мари улыбнулась ему, не убирая высунутого языка и не закрывая глаза.

Антуан проснулся. Когда он уснул, то мундштук выпал у него изо рта, а сигарета, упав на халат, способствовала тлению материи. Антуан резко встал, даже скорее подпрыгнул, включил свет и стал затапывать сигарету, которая упала на пол, а руками остановил тление халата. После этого он сел в кресло, закрыл глаза руками и заплакал. А от соседей раздавался громкий смех во время просмотра развлекательной программы.

САНКТ—ПЕТЕРБУРГ

Ребенка Александр и Елизавета могли видеть только смотря на окно палаты, откуда Екатерина показывала им мальчика, с улицы. Екатерина широко улыбалась и прижимала сына как можно ближе к себе. Александр и Елизавета радовались и наслаждались минутами хоть такой вот встречи. Андрон Иванович сообщил Екатерине новость о том, что ребенок останется с ней и что все подготовленные документы, пускай это немного по киношному, сожжены. После того,

как ей это рассказали, пределу счастья Екатерины не было конца. А самой хорошей новостью за последние три дня было то, что Мари так и не объявилась и она была уже уверена, что она больше никогда не появится в ее жизни и в жизни ее ребенка и родных. Все складывалось лучше некуда.

Александр уладил возникший конфликт с отцом Елизаветы. Конечно, после того как они вчетвером встретились, он выслушал много поучительного и, по мнению зятя, познавательного, но конфликта больше не было и это главное. Да и Александр был не в том настроении что несколько дней назад, когда встречал родителей жены, потому что, в отличие от предыдущей встречи, сейчас он был расслаблен, с положительными эмоциями. Встреча плавна перешла в семейный ужин, где все были в хорошем настроении, общительны.

Родители Александра и Екатерины собирались приехать в Санкт-Петербург к моменту выписки дочери, то есть на пятый день после родов.

– Проводим одних родителей, а там уже другие приедут, – говорил Александр с улыбкой, когда они вдвоем с Елизаветой сидели вечером перед телевизором.

– Такова наша доля, – Елизавета посмотрела на мужа яркими глазами.

Александр и Елизавета успели отвыкнуть от таких спокойных вечеров вместе, когда голова действительно отдыхала и не была чем-то забита. Можно было думать обо всем, а не только о серьезных, важных, влияющих на ход жизни

вещах. Им сейчас было так хорошо, их тела была расслаблены. В такие минуты понимаешь ценность отдыха. В суете кажется, что выходной день ничем не отличен от рабочего, просто в будни ты работаешь на кого-то, а в выходной для себя. Так оно и есть. Но есть выходной день для души и ей все равно что это понедельник, среда или же суббота. День, когда спал какой-то очень тяжелый груз, сделано дело, которое требовало максимального напряжения нервов и постоянного обдумывания. Таких дней в жизни немного и тем самым ценность их нельзя переоценить. И даже работа отходит на второй план в такие периоды, потому что эмоциональная расслабленность помогает выполнять другие дела быстрее и без перенапряжения. Елизавета же наконец смогла полностью вернуться мыслями в учебный процесс, проводя занятия. Ведь что бы кто не говорил, а от настроения и настроения учителя зависит многое. После новости о рождении ребенка и отказа от всех намеченных планов по тому, кто же будет родителями, Елизавета вела все уроки как говорится на одном дыхании. Конечно, ей было грустно, когда они решили оставить ребенка у Екатерины, но будучи умной женщиной она не поддавалась эмоциям и, все рассудив, поняла, что поступить так, как сделали они это правильно и честно.

– Пойдем в спальню? – предложил Александр.

– Вот так вот прозаично ты мне это предлагаешь? – смеясь сказала Елизавета и «повисла» на плеч мужа.

– Ну не хочешь как хочешь, – Александр сделал вид что

ему безразлично.

– И я хочу...и ты хочешь, – она запустила руку ему под халат, – я же чувствую. Тем более у нас последнее время было нечасто, – без укора сказала она.

– Со всеми этими мыслями и переживаниями не всегда удавалось достичь вот такого состояния, – он положил левую руку под халат, поверх руки жены, а правой обнял ее и они стали целовать друг друга.

– Я понимаю, дорогой, – сквозь поцелуи, сказала она с придыханием.

Наступил день выписки. Накануне в Санкт-Петербург приехали родители Александра и Екатерины, поэтому сейчас в Opel Kadett, который подъехал к родильному дому номер один на Васильевском острове, находилось четыре человека.

– Без десяти одиннадцать, – сказал Александр, посмотрев на часы перед выходом из машины.

– Выписка на одиннадцать? – спросила мать с заднего сиденья.

– Примерно да, – Александр открыл дверь и вышел на улицу.

Его примеру последовали и все остальные. Из машины достали цветы, подарки, конверты с деньгами, в общем все, что обычно дарить роженице, врачам, нянечкам. Под ногами было слякотно, а с пасмурного неба падали капли воды в перемешку со снежинками. Погода была по-настоящему про-

тивная. Промозглость, температура, которая балансирует то чуть выше нуля, то чуть ниже, пронизывающий ветер – самое «сопливое» время.

Хоть и немного пройдя по улице, все прилично вымокли и запачкали обувь. Было наслаждением оказаться внутри, где тепло и светло. Александр сразу видел место, где они сидели с Елизаветой и играли в карты.

«Как же нелепо это, наверное, выглядело (он улыбнулся своим мыслям)».

В руках родителей были цветы и подарок для дочери, Александр же нес все то, что предполагалось для врачей и медицинского персонала.

Через пару минут, в сопровождении Андрона Ивановича вышла, держа на руках ребенка, Екатерина. Увидев родных, она буквально заискрилась от радости. Она плавно пошла к ним, а Андрон Иванович держался чуть подальше. Родители приобняли, поцеловали дочь и вручили букет с подарком, не отдавая их, так как на руках был ребенок и ей просто некуда взять еще цветы и подарок, как говорится – не хватало рук. Затем подошла и Елизавета, обняв Екатерину, поцеловала ее. Все объятия, поцелуи, конечно же сопровождались словами поздравления, пожеланиями. В этот момент, когда родители и Елизавета буквально окружили Екатерину, Александр подошел к Андрону Ивановичу.

– Спасибо вам, – он протянул руку.

– Да не за что, – улыбаясь ответил Андрон Иванович.

– Передай, пожалуйста, это тем, кто участвовал в рождении моего племянника, – Александр передал все, что предназначалось для медиков, – врачам, нянечкам... спасибо огромное.

– Конечно, конечно. Работы сейчас неожиданно много, поэтому получилось так, что я один от нас тут, – он был в очень хорошем настроении.

– Спасибо. Все хорошо? – Александр указал глазами на сестру.

– И с Екатериной, и с ее сыном все замечательно. Можете не переживать по этому поводу.

– Ну и прекрасно.

– Кстати, держите, – Андрон Иванович протянул Александру папку, – здесь все о ребенке, все документы, свидетельства и прочее его и вашей сестры.

– А, спасибо, – Александр взял папку и прижал ее к себе, сложив руки крестом на груди, – какое имя выбрала Катя для парня? – с расслабленной интонацией спросил он.

– А вы можете все посмотреть, – сказал Андрон Иванович, указывая на папку.

Александр раскрыл папку и «побежал» глазами по строчкам. Потом его взгляд остановился и он, по-доброму, улыбнулся, а затем закрыл мягко папку.

«Значит, и она его любит даже сегодня».

– Увидели?

– Увидел, – улыбаясь ответил Александр, – пойду, по-

здравлю сестру.

Он пошел в сторону бурно общающихся родных. Когда он подошел и попал в поле зрения Екатерины, то она сразу же перестала слышать все, что говорят вокруг нее. Она смотрела на брата и непроизвольно смущенно улыбнулась, а затем сделала шаг ему навстречу. Она бы сейчас сама его обняла, если бы не держала на руках ребенка. Поэтому Александр положил руки на плечи сестры и поцеловал ее в щеку, а она его.

– Поздравляю тебя, – тихо, даже интимно сказал Александр на ухо Екатерины.

– Спасибо, – также тихо сказала она.

– Значит Антон? – задал Александр риторический вопрос.

Екатерина не ответила, но по глазам друг друга они поняли все, что хотели понять. Конечно же, Екатерина уже сказала родителям и Елизавете имя ребенка, потому что это был один из первых вопросов, который ей задали, но почему именно Антон понял сейчас только Александр. Он также плавно отошел подальше и родители снова подошли вплотную к дочери. А сама Екатерина провожала брата глазами, которые увлажнились после поздравления. Но в такие радостные моменты слезы зачастую сменяются улыбками. Вот и сейчас, спустя секунду, Екатерина уже широко улыбалась.

Александр вернулся в Андрону Ивановичу.

– Не подскажите, – Александр немного смущался, ему бы-

ло чуть неловко, – нет ли хорошего детского дома, чтобы взять ребенка?

– Хотите с женой усыновить, удочерить кого-то? – с доброй улыбкой задал Андрон Иванович очевидный вопрос, чтобы получить на него очевидный ответ.

– Да.

– Какого бы вы хотели возраста?

– Мы с женой говорили накануне об этом... Хотелось бы мальчика, еще малыша, недавно рожденного.

Андрон Иванович задумался.

– Понимаете, детские дома сейчас...это ведь тоже средство заработка. Доплатите и получите ребенка из более..., – он подбирал слово, – благополучной семьи...которая настолько благополучна, что отказалась от него, – горько заметил он, – знаете, не хочу вас обнадеживать, но на днях у нас родился мальчик... Крепкий, здоровый, только с шейей небольшие проблемы, но это ерунда, – Андрон Иванович махнул рукой, – кувыряться нельзя будет на физкультуре и на голове стоять, – оба на секунду улыбнулись, – при родах нужно было его вытаскивать, лежал он чуть не так, поэтому и шея повреждена немного, в общем не важно. Его мать умерла при родах, отец...в общем, его тоже нет. Сейчас решается вопрос с ее родителями. Уже старики, мужчина инвалид, денег тоже, мягко говоря, на себя чуть хватает...и кажется, что они не шибко горят желанием забрать мальчика. Я вам в любом случае сообщу их решение. Вы, если что, согласны

его взять?

Александр смотрел на родителей, на сестру. Посмотрев на жену, он увидел ее глаза, ее улыбку, когда она наклонилась вплотную к племяннику. Это непередаваемые ощущения были, которые Александр раньше, если и испытывал, то настолько редко, что в миг не мог этого вспомнить.

«Видел ли я ее раньше такой вот?»

Он «вернулся» к Андрону Ивановичу.

– Да.

– Хорошо. Думаю, что все будет известно через день-два.

– Только, пожалуйста, не подталкивайте их не брать ребенка, – попросил Александр.

– Александр, хоть я вам и помогаю, но таким никогда не занимался и заниматься не стану и не буду, – он сказал это интонацией, которая не терпит пререкания.

– Извините, – Александру сейчас было очень неудобно.

– Ничего страшного. Я понимаю ваше беспокойство. Все от того, что вы порядочный человек, – Андрон Иванович улыбнулся.

У Екатерины забрали ребенка, чтобы «подготовить» его к первому выходу на улицу. Поэтому все подошли к ним.

– Спасибо вам, вашим врачам, персоналу, – с нежностью говорила слова благодарности мама Екатерины и Александра, – я же по себе знаю как это все.

– Я все им передам, – добродушно улыбаясь, ответил Андрон Иванович.

Они пообщались немного, пока Екатерине не вернули ребенка.

– Ну мы, наверное, поедem, – сказал Александр, – буду ждать вашего звонка. Всего вам доброго.

– Взаимно.

Они пожали друг другу руки. Наконец, после всех сборов, прощаний, благодарностей, они вышли на улицу. Осадки закончились, однако погода сильно не улучшилась – также было пасмурно и слякотно, что при каждом шаге под ногами что-то булькало. Быстрым шагом они добрались до машины. Екатерина прижимала ребенка так близко к себе, что казалось, будто она и он это одно неразделимое целое. Она оберегала сейчас его от всего. От осадков сверху, от грязи под ногами, от ветра, от проходивших мимо или рядом людей.

– Поместимся? – спросил отец у Александра.

– Должны. Хотя и с натяжкой, – ответил сын, немного напрыгшись.

– Так давай я на метро? – предложил отец.

Александр подумал и понял, что так поступить будет разумнее.

– Доберешься?

– Куда я тут денусь, – с улыбкой сказал отец.

– Хорошо, будем ждать тебя дома. Как идти знаешь? – они как раз подошли к машине.

– Как от метро до вас знаю. А как до метро здесь нет.

– В общем, выходишь сюда, до трамвайных путей, а по-

том поворачиваешь направо и вдоль них прямо до метро, – Александр показывал руками.

– Понял тебя.

Они уселись в машину, а отец, хоть женщины его и угоривали, после того как закрылись двери пошел туда, куда показал Александр. Через минут тронулась и машина.

Черед два дня, когда родители уже уехали, а забота о ребенке шла полным ходом, в основном со стороны женщин, вечером раздался телефонный звонок.

Александр поднял трубку:

– Да.

– Александр, добрый вечер, – он узнал голос Андрона Ивановича.

– О, здравствуйте, – поприветствовал Александр, но чувствовала какую-то нервозность.

– Я звоню, чтобы сообщить вам, – интонация у него была спокойная и располагающая и Александр почувствовал облегчение, – родители матери отказались от ребенка и теперь у него официально нет родных людей... Вы возьмете его с женой?

– Сейчас, – Александр позвал, – Лиз, иди сюда!

Жена вышла из спальни и подошла к телефону. Александр в двух словах обрисовал ей ситуацию. Он чуть прикрывал трубку, но не плотно, поэтому Андрон Иванович мог все слышать.

– Берем мальчика? – спрашивал Александр у Елизаветы.

– Да, – немного робко ответила она, считая просто неприличным радоваться такой ситуации, а точнее тому, что ей предшествовало.

Елизавета отошла на шаг в сторону и смотрела на мужа, когда он снова поднес трубку к уху.

– Мы согласны взять ребенка.

– Замечательно. Приезжайте в среду, одиннадцатого числа... Во сколько вы можете?

– Ну я то могу отпроситься с работы ради такого повода... Думаю, моей жене тоже пойдут навстречу в школе. Сейчас, – он прикрыл трубку и обратился к Елизавете, – ты в среду сможешь прогулять занятия? – с улыбкой спросил он.

– Я им все расскажу, думаю, что на один день заменить меня можно будет, – улыбка была в уголках ее губ.

– Хорошо, – он убрал руку и сказал уже в трубку, – мы сможем в любое время.

– Отлично. Тогда давайте одиннадцатого на одиннадцать?

– Красиво выходит. Договорились. Спасибо.

– Хорошо, тогда буду ждать вас на входе в одиннадцать часов утра.

– Хорошо. Всего доброго.

– Всего доброго, Александр.

Он положил трубку. Они с Елизаветой испытывали сдержанную радость, поэтому тихо подошли друг к другу и обнялись с улыбкой на лицах.

– Что у вас такое там? – немного озабоченно вышла из

спальни Екатерина.

– Мальчика берем. Вот на среду все назначено, – сказал Александр.

У Екатерины в этот момент было глуповатое лицо, потому что она не сразу все поняла. Но когда до нее, что называется, дошло, она улыбнулась и подошла вплотную.

– Поздравляю вас, что вы наконец решились на это. Молодцы! – она поочередно поцеловала Елизавету, которая начала плакать от радости, улыбаясь, а затем брата, – а взрослый?

– Родился неделю назад примерно...мама у него умерла, родители слишком стары, а отца нет. Ну то есть он как бы есть, но...

– Я все поняла, – закончила за брата Екатерина.

Наступил момент, когда никто не знал что можно сказать. Вроде и радостное событие, но поздравлять с тем, что Александр и Елизавета возьмут ребенка, мать которого умерла, было неловко, что ли. Все понимали, что со временем это отойдет на второй план и когда малыш будет у них на руках они будут думать лишь о нем, но пока что было немного не по себе.

– Пойду чай поставлю? —прервал молчание вопросом Александр.

– Да, давай.

– Я заварила как раз недавно, – отметила Елизавета.

– Хорошо.

Александр ушел на кухню, а женщины пошли в гостиную. Ребенок недавно уснул и в квартире было тихо. Пока не зашумел закипающий на кухне чайник.

Елизавета практически не спала в ночь с десятого на одиннадцатое. Ее переполняло возбуждение от намечавшегося на одиннадцать часов события. Александр же рядом спал спокойно, повернувшись на бок. Не было слышно шорохов и из гостиной, где спала Екатерина. Даже мальчик крепко спал и не капризничал. Елизавета ворочилась, переворачивалась с бока на бок, с живота на спину, но так и не могла уснуть. Так и не могла заставить себя, свой мозг перестать чрезмерно думать и хоть немного отдохнуть. Елизавета не особо любила эту черту всего характера – чрезмерная нервозность перед важными делами или событиями. Да она вообще это не любила, но что-либо поделать с этим не могла. Самое плохое вот так не спать в том, что ночь бесконечно долго тянется от того, что просто нечем заняться. Была бы она одна дома, она бы запросто могла встать и делать все, что ей вздумается по квартире. Но здесь было еще три человека и даже включить телевизор в такой ситуации было проблемой. Поэтому глаза «изучают» одну и ту же обстановку – потолок, стены, мебель, окно, из которого видно только темное небо, и любимый муж рядом, на которого она могла смотреть долго, но не ночь напролет. Есть время, хоть и при слабом свете, осмотреть, прощупать каждую часть руки, находя даже малейшие неровности кожи.

Елизавета посмотрела на часы, стоявшие на тумбочке рядом. Они показывали три часа ночи. Постепенно ее глаза все же начинали слипаться, потому что организм не обмануть и отдых ему требуется. И около четырех часов утра она все же смогла уснуть, но спала беспокойно, ворочаясь во сне, но не просыпаясь.

Когда звук будильника, поставленного на восемь утра, разбудил ее, она чувствовала себя чуть разбитой, но все равно отдохнувшей. Александр плавно перекатился с бока на спину.

– Доброе утро, – сказала она, протирая глаза, а затем зазевал.

– Доброе утро, – движения ее были такие же вялые, как и у мужа.

– Как спала?

– Да так. Просыпалась порой. Но, в общем, нормально.

– Ну и хорошо.

Он сел на кровать и стал ногами поворачивать тапки, чтобы вставить в них ноги. Елизавета же еще лежала и смотрела на спину мужа, повернув голову на подушке.

– Я приготовлю завтрак, – сказал он вставая и застилая за собой постель.

– И что готовить будешь? – с улыбкой, поинтересовалась Елизавета.

– Ну не кашу же я буду готовить. Омлет, конечно.

Они улыбнулись друг другу и Александр пошел в туалет.

Постепенно квартира начала «оживать». Через несколько минут после будильника проснулась и Екатерина, а там уже и ребенок дал о себе знать. Когда Александр поставил омлет в духовку и пошел в гостиную, то там Елизавета и Екатерина сидели на диване и общались, а последняя кормила ребенка грудью.

«Вот так мы мужики и тянемся к женской груди. Сначала в детстве, чтобы питаться, а затем для наслаждения»

– Ну я дома останусь, – говорила Екатерина, когда зашел Александр, – а вы с Сашей езжайте.

– Ну конечно, куда тебе, – подтвердила Елизавета.

Александр сел на стул у стола.

– Во сколько с тобой поедем? – спросила жена, повернув голову к мужу.

– В начале одиннадцатого и поедем, – Александр согнул руку в локте и положил на спинку стула.

– Хорошо. Катя здесь останется.

– Да я уже понял. Куда ей тащиться то. С ребенком посидит, отдохнет.

– А я так устаю, – с улыбкой вставила Екатерина.

– Все равно же. Одной хочется побыть когда-нибудь, – заметил Александр.

– Это да, есть такое. Вы то надолго?

– А тебе зачем? – с коварной улыбкой спросил у сестры брат.

– Да просто, интересно. Это не то, о чем ты подумал, –

ответила она уверенно на такой вопрос Александра.

– Да, наверное, к часу вернемся, да? – посмотрела Елизавета на мужа

– Я думаю, что даже быстрее. Вряд ли это будет долгий процесс. Ну как пойдет.

– Имя то выбрали для мальчика? – поинтересовалась Екатерина.

Александр и Елизавета несколько секунд молчали, а затем подняли глаза друг на друга.

– Говори уже, – сказал жене Александр и улыбнулся.

Елизавета немного робко сказала:

– Мы с Сашей решили назвать его Михаил. Нам обоим понравился такой вариант.

Екатерине от этого имени было ни горячо, не холодно, поэтому она ответила:

– Хорошее имя.

Позавтракав, Елизавета с Александром быстро собрались и за несколько минут до десяти вышли из дома. Екатерина махала им из окна кухни, когда они садились в машину. Когда они сели внутрь, зажглись габариты, а затем, спустя некоторое время, машина тронулась.

Екатерина вернулась в комнату и, взяв ребенка на руки, села на диван. Она не включала телевизор, а только включила свет в комнате, потому что на улицы было пасмурно и накрапывал небольшой дождь. Она смотрела на лицо малыша и радовалась. Она соприкасалась своим носом с его малень-

ким носиком, брала в руку его малую ручку и своими пальцами гладила пальчики Антона. Малыш улыбался и смотрел на маму. Екатерина видела малыша, а перед ее глазами время от времени появлялся Антуан, о котором она не забывала с момента расставания, вспоминая о нем то чаще, то реже. Она взяла свою записную книжку, которая лежала рядом на тумбе и открыла ее. Она искала страницу, перелистывая лист за листом, пока не увидела знакомый французский номер, над которым написано имя: Антуан. Она встала, чтобы взять телефон, записную книжку она перевернула и положила на диван. Когда она села, ребенок был у нее в одной руке, а второй она перевернула записную книжку и положила на подлокотник, придерживая ее локтем, чтобы она не закрывалась. Она уже готова была набрать нужные цифры, но что-то ее останавливало. Она хотела бы сейчас ему позвонить, попробовать начать заново или же хотя бы узнать как он и что с ним.

«Не чревата ли это новым проблемам? (она положила телефон рядом на тумбу) Зачем начинать заново уже прошедшее и забытое? Стоит ли это делать... А может он изменился? – Вот всегда мы верим, что человек измениться, а изменяются из сотен – единицы. – А может он как раз тот, кто изменится? Он может это, я знаю. – Он слишком слабохарактерный, чтобы пойти против своей матери. – Но я даже не знаю что с отцом моего ребенка! – Но он же тоже тебе не звонит, чтобы узнать как ты и что с тобой. – Ну Саша же ска-

зал ему, что ребенок (она посмотрела на малыша и чуть ли не заплакала) умер. – А жизнь разве заканчивается на смерти ребенка? Он может просто тебе позвонить, чтобы лично узнать о том как ты, что с тобой. И вообще, звонок может навлечь проблемы вроде его мамы. – Я могу на эмоциях рассказать ему всю правду и тогда... (она не отводила взгляда от своего сына). Но я люблю его сейчас, возможно, даже сильнее, чем тогда... Вот только это любовь или все же жалость? Хороший вопрос. Не может ли так получиться, что я получу вместо мужчины второго ребенка? Вот...и деньги есть у человека, и хорошая работа...по крайней мере была... сам симпатичный, но из-за своей же матери ему все это, в принципе не нужно. Она держит его на привязи как домашнего пса, с которым она может когда хочет поиграть, выгулять, он может спать с ней рядом, но если его выпустить одного, если он убежит, то она будет горевать по его потере и искать его изо всех сил, чтобы вернуть себе...Как вещь. Для Мари Антуан стал вещью, игрушкой, которая принадлежит ей и никому иначе. Вот я «поиграла» с этой игрушкой, а получила... (Екатерина погладила малыша, а затем взяла в руку телефон). А если она возьмет телефон и ответит? Я всегда могу положить трубку. Да, да. (она бросила взгляд в записную книжку и медленно начала набирать номер, цифра за цифрой) Мне нужно с ним поговорить. Все обсудить (осталось набрать три цифры), я знаю, что он мог измениться (две цифры), не может же он вечно быть заложником у своей ма-

тери! (ее большой палец застыл над последней цифрой в номере)»

Время словно замерло для нее. Она смотрела на подсвечивающей игран, где высвечивались уже набранные цифры. И вся боль от встречи с Антуаном и его матерью прошла сквозь нее за секунду, что ее тело задрожало. Все то, что она перенесла она уже не может простить никогда. Все страдания в которых Антуан принял хоть и косвенное участие, потому что сам не знал о том, чем занимается его мать, оставили свой отпечаток в ее жизни. Она могла простить его как человека, но воспринимать как любимого мужчину она его больше не хотела.

«Антуан подарил мне сына. Но Антон ни за что не должен узнать о том с какими отклонениями был его отец. Если только совсем во взрослом возрасте. Но не первые двадцать лет».

Большой палец Екатерины переместился выше и опустился на красную кнопку сброса звонка. Она положила телефон на тумбе, туда же положила записную книжку, предварительно закрыв ее одной рукой. Взяв ребенка двумя руками, она прижала его к своей груди, а он своими маленькими ручками касался ее кожи, словно обнимая. Он хотел бы обнять сейчас маму, но не может этого сделать в полной мер. Пока не может.

– Мой любимый.

Она поцеловал его в макушку и улыбнулась. Антуан все

равно останется в ее памяти на всю оставшуюся жизнь. Но только в памяти и не больше. Она все для себя решила.

ЭПИЛОГ

Через несколько месяц Антуан стоял на железнодорожном мосту, который проходил в нескольких десятках метров над рекой. Ужасные и огромные синяки были под его глазами от недосыпа и нервов, густая щетина, седина волос – ничего больше не напоминало о некогда красивом мужском французском лице. Он стоял и смотрел в пропасть под мостом. Антуан был пуст изнутри, истощен морально. Поезда не шли ни с одной, ни с другой стороны, людей поблизости тоже не было. Он опустил глаза на реку, где вода неслась по течению. Слез не было на его глазах, улыбки не было на его губах, не было боязни, не было сомнений. Слишком долго шли эти три месяца одиночества. Он убрал Мари из жизни, но не смог убрать ее из себя. Она вновь и вновь словно насилывала его изнутри, что лучше было бы, если она была бы рядом.

«Черт знает как лучше жить (он достал последнюю сигарету из пачки и вставил ее в мундштук. Пустую пачку положил в карман пиджака). И так дерьмово, и так (он зажег спичку и поднес к сигарете). Полная хрень».

Перекинув сначала одну ногу через ограждение, а затем вторую, он встал на краю моста, держась руками сзади за ограждение, которое чуть задрожало. Он подался вперед и снова стал смотреть вниз. Его дыхание стало частым, его тя-

нуло туда, он хотел оказаться внизу как можно быстрее. Последние затяжки казались ему какими-то особенными, словно это было нечто другое, нежели обычные, привычные сигареты. Солнце грело его голову и было так хорошо.

«А ведь прошел ровно год. Сколько всего произошло за этот год... как круто может поменяться наша жизнь. Этим она и прекрасна и интересна – непредсказуемостью. Непредсказуемость заставляет нас смотреть в будущее и ждать его. Или делать его самим. И что же было в моей жизни лучше – прошедшие года или этот один год?... Прости меня, Екатерина».

Антуан разжал пальцы рук, которыми держался. Еще секунду его тело буквально зависло в воздухе, а затем он камнем полетел вниз. Он смотрел широкооткрытыми глазами туда, куда опускался. Он летел несколько секунд, но ему эти секунды дали возможность вспомнить всю жизнь. Он вспомнил детство, юность, начало карьеры, переезд в Санкт-Петербург, свадьбу. Последним что он увидел было лицо Екатерины и чувство горечи от того, что он так и не решился больше набрать ее номер. Одновременно с этим он вошел головой, а затем всем телом в воду и ударился о дно. Всплески воды нарушили мерный звук течения реки и шелеста деревьев. Его шея сломалась сразу после падения, а голова была пробита.

Антуан Дюпер пропал без вести. Его тело еще какое-то время плыло по поверхности воды, но затем прибило к пу-

стынному берегу. Машина его осталась в Лионе у родного дома, в которой ни он, ни Мари уже никогда не зайдут. И никто не собирался искать Антуана и даже не думал об этом. Потому что единственным человеком, кто о нем думал до сих пор была Екатерина.

Семья Дюпер исчезла из этого мира, но оставила одного наследника после себя. Но сами они об этом никогда теперь не узнают.

КОНЕЦ